

А. 2010

21983к

Салык Зиманов

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

ТОМ VI

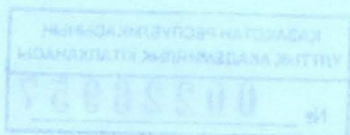


Media-корпорация
“ЗАН”

Салык
ЗИМАНОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ VI



Алматы
2009

34(045)(574)

УДК 340
ББК 67.0
3 - 62

3 - 62 **Салык Зиманов:** Полное собрание сочинений. 10 томов.
Алматы. «Медиа-корпорация «ЗАН», 2009. VI том. - 480 стр.

Руководитель проекта:

Сафинов К.Б., проф., д.ю.н.

ISBN 978-601-7043-01-8

ISBN 978-601-7043-07-0

6 том десятитомного собрания сочинений составляют книги С. Зиманова «Россия и Букеевское ханство», С. Зиманова, И. Рейтора «Советская национальная государственность и сближение наций» и научно-исследовательские статьи, опубликованные в 1986 – 1987 годах, в которых рассматриваются вопросы методологии развития сети общеправовых категорий, а также развитие союзной республики как национальной формы социалистической государственности.

С 1202000000
00 (05) - 09

ББК 67.0

ISBN 978-601-7043-01-8
ISBN 978-601-7043-07-0

© С. Зиманов, 2009
© «Медиа-корпорация «ЗАН», 2009

РОССИЯ И БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО

Букеевское ханство (1801 – 1845 гг.) – казахское государственное объединение, находившееся в районе нижнего течения Волги и Урала, - в силу ряда обстоятельств ощущало интенсивное и разностороннее влияние России. В монографии рассматривается социально-экономическая и государственно-правовая структура ханства, ее эволюция и тенденции развития, обусловленные прогрессивным влиянием России, ее демократических институтов и передовой культуры.

ВВЕДЕНИЕ

История развития взаимоотношений Казахстана и России, с одной стороны, – история присоединения края к Российской империи и превращения его в колонию, а с другой – история складывания и развития стабильных связей и межнационального общения. Важным звеном в цепи исторических событий, составляющих этот процесс, является история Букеевского ханства.

Букеевское ханство возникло в начале XIX в., когда связи Казахстана и России стали более тесными. Многие особенности этого периода, а именно: политика царского правительства в Казахстане, методы и формы ее реализации, втягивание казахского общества в орбиту интересов империи, а главное – объективные процессы, происходившие в различных областях жизни казахского народа, заметно отложились и на истории Внутренней орды.

Научный интерес к истории Букеевского ханства обусловлен тем, что оно в силу своего географического и политического положения первым из казахских ханств оказалось в структуре Российской империи, не теряя при этом некоторой своей политической обособленности во внутреннем управлении. Это обусловило более тесное, чем в других частях Казахстана, общение трудовых слоев казахского населения с населением русских крестьянских деревень и казачьих поселений, что привело к более сильному влиянию русского общества на казахское в сферах хозяйства и культуры, образа жизни и быта. В то же время Букеевское ханство рассматривалось царским правительством как арена для проведения колониальной политики, распространявшейся на весь Казахстан.

В истории Букеевского ханства наиболее четко, концентрированно отразились развитие русско-казахских отношений, изменения, которые происходили в системе господствующих патриархально-феодальных отношений, в сферах культурной и идейной жизни, хозяйства и быта казахского населения в условиях усиливающегося влияния России.

Хронологические рамки нашего исследования ограничены первой половиной XIX в. Букеевское ханство было образовано фактически в начале XIX в., юридически – в 1812 г. Хотя последний хан Букеевской орды умер в 1845 г. и ханская власть после него не восстанавливалась, вопрос о назначении нового наследника хана не снимался в правительственных органах вплоть до середины 50-х гг. С этого времени можно говорить об окончательном упразднении Букеевского ханства.

Историю возникновения, развития и упразднения Букеевского ханства нельзя рассматривать в отрыве от добровольного присоединения края к России. Существует довольно обширная литература, посвященная присоединению Казахстана к России, ее различным аспектам и периодам. Среди них наиболее значительными и важными были исследования Е.Б. Бекмаханова, Н.Г. Аполловой, В.Я. Басина.¹

Если говорить о трудах советских ученых, так или иначе рассматривающих вопросы истории Букеевского ханства, то следует отметить, что почти все они посвящены крестьянскому восстанию под руководством Исатая Тайманова, являющемуся важнейшей вехой в истории национально-освободительного движения казахского народа. Не только историки, но и литературоведы проявили значительный интерес к этому событию большого социального значения, чему в немалой степени способствовал тот факт, что один из руководителей восстания Махамбет Утемисов был талантливым поэтом-импровизатором, отразившим в своем искусстве пафос революционной борьбы и трагедию борьбы за свободу народа в мрачные годы средневековья. Его деятельность и произведения занимают особое место в многочисленных исследованиях филологов.

Исследуя причины крестьянского восстания в Букеев-

¹ Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948; Она же. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII-начале XIX в. М., 1960; Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI-XVIII вв. Алма-Ата, 1971.

ском ханстве, авторы в большей или в меньшей степени освещали вопросы его экономического и социально-политического развития. Первым из советских историков, изучавших Букеевское ханство под углом зрения обострения социальных отношений в нем, был А.Ф. Рязанов. В работе, посвященной освободительной борьбе казахов Западного Казахстана в XVIII и первой трети XIX в., событиям в Букеевском ханстве он уделил значительное место. Он первым в советской литературе поставил и пытался решить ряд вопросов социальной и политической жизни ханства: причины его образования, характер ханской власти и учреждение ханского совета, изменения в земельных отношениях и причины восстания под руководством Исатая Тайманова. Наряду с правильными положениями и догадками в этой работе имеется ряд существенных недостатков, связанных с тем, что автор рассматривал казахское общество XIX в. как родовую организацию. «Казахи жили родовым строем, – писал он. – Родовая организация как естественная форма кочевого общежития вполне соответствовала тогдашним формам хозяйственной жизни народа... Казахи сохраняли в неприкосновенности родовой строй».¹ Исходя из этого тезиса, он делает вывод, что причиной усиления власти хана Джангира в Букеевском ханстве был распад родового строя, в результате чего «родовые старшины с каждым годом теряли свое влияние и находились в полной зависимости от хана».² Правильно подмечая новые явления в социальной и хозяйственной жизни региона, не характерные прежде для казахского общества, А.Ф. Рязанов не всегда их правильно объяснял. Так, по его мнению, с раздачи земель в личную собственность верхушке общества началось противопоставление интересов знати и рядовых кочевников. В результате такой земельной политики хана, как указывал автор, «привилегированные классы, «белая кость», были противопоставлены простому, или «черному» народу».

¹ Рязанов А.Ф. Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797-1838 гг.). Кзыл-Орда, 1926, с. 187.

² Там же, с. 193.

Позднее А.Ф. Рязанов опубликовал книгу «Восстание Исатая Тайманова»,¹ насыщенную интересными фактами и событиями, связанными с формированием и ходом восстания. Как и в первой работе, причины важнейших событий, в том числе восстания Исатая, он ищет в родовой организации, присущей якобы казахскому обществу рассматриваемого периода, и ее ломки в условиях Букеевского ханства. Основное зло, по его мнению, заключалось в том, что «Джангир-хан производил в Орде ломку этого строя, насаждая феодально-поместную систему, совершенно несоответствующую формам кочевого общежития».²

Истории освободительного движения казахского народа в XVIII-XIX вв. посвятил ряд своих оригинальных трудов М.П. Вяткин. В работе «Батыр Срым»³ дана глубокая и широкая картина народного движения в Младшем жузе в последней четверти XVIII в., влияние которого определенным образом сказывалось на политической жизни Букеевского ханства. Эта работа была удостоена Государственной премии СССР. Собственно о Букеевском ханстве, о его истории интересные идеи и отдельные краткие описания содержатся в его обобщающем труде «Очерки по истории Казахской ССР».⁴ В них делались продуктивные попытки вскрыть общее и особенное в развитии земельных и патриархально-феодальных отношений в Букеевском ханстве, а также некоторых сторон политики царского правительства в этом регионе. Созвучны современной трактовке взгляды автора на развитие земельных отношений в ханстве: «Поражает, с какой легкостью совершался переход земель в частную собственность султанов и богатых казахов – баев, – писал М.П. Вяткин. – Отметить это обстоятельство следует потому, что оно косвенно подтверждает наличие у казахов своеобразной узурпации (захвата) общинной земли, обусловленной кочевым характером хозяйства».

¹ Рязанов А.Ф. Восстание Исатая Тайманова (1836-1838 гг.). Кзыл-Орда, 1927.

² Там же, с. 5.

³ Вяткин М.П. Батыр Срым. М. – Л., 1947.

⁴ Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941.

Автор высказывал верное мнение о том, что «резкое углубление феодальных отношений» в ханстве начинается с периода прихода к власти хана Джангира, вступившего в ханскую должность «с навыками и претензиями русского помещика-крепостника».¹ Говоря об объеме его власти, М.П. Вяткин замечал, что «он держался как восточный деспот»,² несмотря на то, что функции его как хана были царским правительством весьма ограничены.³

В изучении социально-экономической истории Букеевского ханства в связи с главной задачей освещения восстания под руководством Исатая существенным шагом вперед была монография В.Ф. Шахматова «Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова»,⁴ опубликованная в середине 40-х гг. Более половины ее объема посвящено материальным факторам, приведшим к восстанию. Работа написана на основе большого числа документов и материалов, которые впервые автор ввел в научный оборот. Более полно в этой книге освещены вопросы образования Букеевского ханства, внешние и внутренние факторы, обострившие земельные отношения в обществе.

Разумеется, в фокусе исследования находились вопросы подготовки и хода восстания, причины его поражения. Уточнены и конкретизированы отдельные эпизоды и периоды развития восстания в ханстве, дана характеристика некоторых активных его участников.

И. Кенжебаев в своей книге «Тайманулы Исатай»⁵ широко привлек наряду с опубликованными и архивными материалами фольклорные и народные источники, передававшиеся из поколения в поколение, из уст в уста, имевшие прежде значение неписанной истории народа.

¹ Там же, с. 347.

² Понятие «восточный деспот» как форма политической власти имеет специфическое содержание и атрибуты. Наше исследование показало, что власть Джангир-хана мало походит на власть восточного деспота в ее традиционном значении.

³ Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР, с. 247.

⁴ Шахматов В.Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946.

⁵ Кенжебаев И. Тайманулы Исатай. Алматы, 1977.

Наше исследование, таким образом, в определенной мере стало возможным благодаря трудам предшествующих авторов, на которые мы опираемся. Нами Букеевское ханство, его социально-экономическая структура и политико-правовой статус рассматриваются в связи с политикой русского государства на окраинах вообще, в Казахстане в частности, и в плане развития взаимоотношений между Россией и Казахским обществом. В данной постановке история Букеевского ханства прежде не освещалась в специальных исследованиях. Такие комплексные вопросы, как политическая организация ханства и влияние на нее царского правительства, а также вопросы воздействия русской культуры и просвещения на внутреннюю жизнь казахского общества и их прогрессивные последствия не рассматривались вовсе.

В нашей работе использован большой круг источников и прежде всего архивные материалы, извлеченные автором из фондов Центрального государственного архива Казахской ССР, областных архивов Оренбурга и Астрахани, отчасти Центрального государственного военно-исторического архива и архива Министерства иностранных дел России в г. Москве. Особенно богат документами и материалами, относящимися к нашей теме, Центральный государственный архив Казахской ССР, его фонды 4 (Областное правление оренбургскими киргизами) и 78 (Временный совет по управлению Внутренней ордою). В них отложились ханский архив, в особенности со времени вступления на ханский престол Джангира (с 1825 г.), переписка и различные сведения, составленные Временным советом по управлению Внутренней ордой (Букеевским ханством), в которых встречается немало ценных фактических данных, относящихся к ханскому периоду. В фондах архива почти полностью сохранилось обширное делопроизводство Оренбургской пограничной комиссии, ее различных отделов (столов), осуществлявших контроль и надзор за Букеевским ханством, за деятельностью и политикой его правителей – ханов, а также за внутренней жизнью казахского общества этого региона. В свое время А.Ф. Рязанов, М.П. Вяткин, В.Ф. Шахматов и другие

советские исследователи также оперировали этими фондами и использовали их в своих трудах. Но каждый новый исследователь открывает в архивных фондах немало новых материалов, фактов и сведений, подходит к изучению уже известных документов и материалов с новой точки зрения. Именно этими соображениями руководствовались мы в наших поисках материалов в архивных хранилищах.

Значительную источниковедческую ценность для нашего исследования имели опубликованные до революции книги, статьи, обзоры, путевые заметки, хроники ученых-ориенталистов, путешественников, чиновников, купцов и офицеров, изучавших внутреннюю жизнь Букеевского ханства или посещавших его по торговым и служебным делам, а также служивших в канцелярии хана. Эти публикации разбросаны в самых различных печатных органах – журналах и газетах, выходивших в Санкт-Петербурге, Москве, Казани, Астрахани, Уфе и Оренбурге.

Дополнительную группу источников составляли документы, опубликованные в материалах по истории Казахской ССР. Таких сборников только два. В четвертом томе «Материалов по истории Казахской ССР», подготовленных в 1940 г. под руководством М.П. Вяткина, имеется около 20 документов, связанных исключительно с земельным вопросом в Букеевском ханстве.¹ Несколько разнообразнее документы в сборнике, посвященном казахско-русским отношениям в XVIII-XIX вв.² Однако в нем оказалось лишь несколько документов, содержащих отрывочные сведения о Букеевском ханстве.

¹ Материалы по истории Казахской ССР (1785 – 1828 гг.). Т. 4.. М. – Л., 1940, с. 256 – 296.

² Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. (1771 – 1867 гг.) Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964.

ГЛАВА I

БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО НА «ВНУТРЕННЕЙ СТОРОНЕ» РОССИИ

Россия и Младший жуз в конце XVIII – начале XIX в.

К началу XIX в. значительная территория северного, северо-западного и центрального Казахстана фактически входила в Российскую империю в виде зависимых, колониально-зависимых владений. В то же время казахи оставались отгороженными от русского общества пограничными кордонами, пикетами, постами, крепостями и военными линиями. До конца первой четверти XIX в. колониальное управление казахской степью осуществлялось через ханов, в большей части утверждаемых царским правительством, и специальными органами, учрежденными колониальными властями. Значение последних в системе управления краем все больше возрастало и стало доминирующим после отмены ханской власти.

Основными центрами колониального управления Казахстаном были Оренбург и Омск. В Оренбурге функционировала Пограничная комиссия (с 1799 г.), а в Омске – Сибирская пограничная комиссия – Пограничное управление (с 1838 г.), осуществлявшие «надзор за правильным и успешным течением дел» в степи. Это были оперативные органы по делам Казахстана при губернаторах, сосредоточивших в своих руках высший надзор и руководство казахскими областями. По мере колониального подчинения края органы правительственного управления и местной администрации («туземное управление») сливались в единую систему государственного управления.

Колониальной политике русского государства, как и любой другой форме колониализма, были присущи противоречивые тенденции: с одной стороны, колониальная держава

стремится все больше усилить свое влияние на внутреннюю жизнь зависимой страны, навязать ей свою волю и интересы, с другой – народы колоний борются за сохранение своей свободы и независимости против колониального гнета, политического и экономического засилия. Именно такая ситуация была характерна для Казахстана первой половины XIX в.

На политику царского правительства в Казахстане, на русско-казахские отношения оказали определяющее влияние внешне- и внутривосточное положение самодержавия.

Политическая обстановка в стране была сложной и противоречивой: усиление и без того невыносимого крепостного гнета вызвало волну мощного протеста, завершившегося в 1825 г. восстанием декабристов. Реакция, наступившая после поражения восстания, сделала жизнь народа еще более невыносимой. В обществе зрели революционно-демократические силы.

Антинародная политика самодержавия внутри России продолжалась и на окраинах. Военно-феодальная монархическая система, охваченная внутривосточным кризисом, стремясь выйти из создавшегося положения, начала активную внешнюю политику, направленную на расширение пределов империи к югу.

Младший жуз, самый обширный из трех казахских жузов, занимал территорию около 850 000 кв. верст¹ – от Урала, Тобола до низовьев Сырдарьи. На юге он граничил с Хивинским и Кокандским ханствами и отдельными туркменскими, каракалпакскими владениями, а на севере примыкал к землям Астраханской, Саратовской и Оренбургской губерний, отделенным буферной укрепленной зоной, проходящей по р. Уралу и Илеку. На западе жуза находилось Каспийское море, а на востоке проходили земли Среднего и Старшего жузов. Население Младшего жуза в начале XIX в., по некоторым данным, насчитывало более полумиллиона человек, или 100 тыс. кибиток. Оно состояло из трех крупных

¹ Ханыков Я.В. О населении киргизских степей, занимаемых Внутренней или Букеевской ордою. – Журн. Министерства внутренних дел (МВД), ч. 8, 1844, с. 11.

племенных объединений – байулы, алимулы и жетыру, каждое из которых, в свою очередь, включало в свой состав несколько родов.

Младший жуз первым среди казахских жузов принял российское подданство в 30-х гг. XVIII в. Процесс этот был длительным. В течение десятилетий, постепенно, царское правительство усиливало свое влияние в казахском обществе. В начале XIX в. немногим более одной трети территории Младшего жуза входило в состав Российской империи. Значительные пространства в центральной и южной части региона – в бассейне Аральского моря и Сырдарьи, в районе Усть-Урта и Мангышлака – эпизодически попадали под власть хивинского хана и выступавших в союзе с ним туркменских владельцев. Ряд казахских родов, кочевавших в этих районах, оставался независимым.

Младший жуз, таким образом, представлял наибольший интерес для царского правительства, поскольку здесь продвижение колониальных властей в глубь степи было более успешным и быстрым, а казахские ханы с середины XVIII в. превратились, по сути, в послушное орудие колониальной администрации. Влияние г. Оренбурга как политического, административного центра, расположенного на северной границе Младшего жуза, было более глубоким в этой части Казахстана, чем влияние других пограничных городов в Среднем и Старшем жузах.

Младший жуз занимал важное место в стратегических и экономических планах русского самодержавия на юге империи, в покорении среднеазиатских ханств. Именно поэтому свои многие начинания по колонизации казахских степей правительство опробовало в Младшем жузе.

Младший жуз в конце XVIII – начале XIX в. переживал один из наиболее трудных периодов своей истории. Внутриполитическая обстановка в нем была сложной и противоречивой. Усилилась политико-административная раздробленность региона, сказывались последствия длительной (1783 – 1797 гг.) народной войны под руководством батыра Срыма, направленной против ханско-султанской власти.

Престиж ханской власти упал до такой степени, что царское правительство серьезно думало об ее упразднении. После убийства в 1797 г. повстанцами хана Есима был учрежден ханский совет, председателем которого и одновременно в фамильном звании хана был определен престарелый султан Айчувак, но власть совета была малоэффективной. Отделившиеся от хана родовые объединения провозглашали своих ханов. Прямое вмешательство колониальных органов во внутреннюю политическую жизнь жуза еще более осложняло обстановку.

Один из известных дореволюционных исследователей истории колониальной политики России в Средней Азии Ф.И. Лобысевич, описывая создавшееся в 70 – 90-х гг. XVIII в. положение в Младшем жузе, писал: «Беспорядки и насилия в Малой орде с каждым годом все усиливались. В продолжение тридцати лет мы не достигли ни малейшего результата в отношении упрочения нашей власти в киргизских степях, а тратили немало денег на ограждение себя от «заграничных» подданных укрепленными линиями, на подарки и жалованья ханам и его родственникам... Отряды войск посылались в степь для наказания разбойничьих шаек, но удары их сыпались большею частью на невинных и тем только увеличивали беспорядки».¹

Неустойчивый экономический потенциал казахского общества, связанный с кочевым экстенсивным скотоводством, был в сильнейшей степени расстроен и истощен в годы народной войны действиями царских и ханских карательных отрядов. Стихийные бедствия – джуты, постигшие Младший жуз в 1795/96, 1800/01 гг., еще больше усилили обнищание трудового населения. Граф Потоцкий в письме к Министру внутренних дел Кочубею в 1806 г. писал, что бедность казахов Младшего жуза «чрезвычайна, и одно зло рождает другое. Юрты или кибитки их, которые должны были бы состоять из хороших и плотных войлоков, покрыты лишь шерстяными тряпками, обратившимися в лоскутья. Сами

¹ Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатически-военном отношениях. Спб., 1900, с. 51, 55.

киргизцы покрыты лохмотьями».¹ Крайняя нужда вынуждала казахов продавать своих детей линейным жителям и хивинцам. Как указывает А.И. Левшин, в 1815 г. в районе г. Гурьева в течение только одного месяца было продано около 200 казахских детей. Причем «за мальчиков платили по 4 и по 3, а за девочек по 3 и 2 куля ржаной муки».²

Хивинский хан и туркменские владельцы, воспользовавшись внутренними неурядицами, усилили против Младшего жуза свои наступательные операции. Так, в начале 20-х гг. XIX в. хивинский хан с 10000 войском неожиданно напал на казахские аулы, кочевавшие в долине Сырдарьи. Было убито около 350 казахов, взято в плен 1035 женщин, угнано 4173 верблюда, 7085 лошадей, 1138 голов крупного рогатого скота, 45645 баранов. Кроме того, насильно в виде зыкета было собрано в 100 аулах 17573 барана, 2364 верблюда.³ Оренбургский военный губернатор Волконский в 1804 г. писал, что «народ киргиз-кайсацкой Меньшей орды по причине междоусобной баранты не только потерял тишину и спокойствие, но уже стоит на краю гибели».⁴

До начала XIX в. царизм прежде всего и больше всего заботился об укреплении своих политических позиций в Казахстане. Не подчинив себе край, нельзя было рассчитывать на него как на источник сырья для русской промышленности и тем более нельзя было обеспечить безопасность прохождения торговых караванов и военных отрядов, направлявшихся в среднеазиатские ханства. Важные караванные пути, соединяющие Оренбург и Орск с Хивой, Бухарой и Ташкентом, а также Астрахань, Саратов с Хивой и Ургенчем, проходили по территории Младшего жуза.

Для осуществления намеченных целей царское правительство избрало путь нарастающего военного давления и

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 236-237.

² Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 3. Спб., 1832, с. 88-89.

³ Мейер Л. Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, с. 37.

⁴ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 224.

союза с крупными местными феодалами во главе с ханом, постепенного превращения их в послушное орудие царской воли. Эти два способа реализации колониальной политики использовались одновременно.

Указом 1756 г. почти все правобережье Урала было объявлено землями Уральского и Оренбургского казачьих войск. В 70-80-х гг. лучшие пастбищные пространства между устьями рек Волги и Урала, протянувшиеся на 350 верст, были пожалованы русским помещикам.

Пограничная линия все более отодвигалась в глубь казахской степи. От возведения на ней военных крепостей, редутов, пикетов и форпостов правительство все больше переходило к созданию более подвижной военной линии, вдоль которой сосредоточивались крупные контингенты войск и откуда совершались вылазки военных отрядов для усмирения «неподатливых» казахских родов и аулов. При постройке Новолипецкой линии (20-е гг. XIX в.) территория между р. Илеком и Уралом, наиболее ценная в экономическом отношении, отошла в распоряжение колониальных властей. Так было и при возведении новой линии между крепостями Орской и Троицкой в 30-х гг.

Военное давление на население Младшего жуза осуществлялось не только и не столько сооружением укрепленных линий и продвижением их в глубь степи, сколько систематическими нападениями специально высылаемых вооруженных отрядов на казахские аулы, чтобы держать последних в страхе и повиновении. В одном из донесений батыра Срыма Екатерине II от 1790 г. сказано, что атаман Уральской крепости Дарыков с многочисленным отрядом «напал на безвинных ваших подданных киргиз-казахов, разгромил 225 кибиток, убил 140 человек, увел 57 пленных и бесчисленное множество лошадей, верблюдов, коров и баранов».¹ Нередко подобные набеги устраивались офицерами с целью обогащения.

Это со временем серьезно стало беспокоить Екатерину II, которая вынуждена была издать в 1784 г. особый Указ

¹ Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4, с. 137.

о запрещении «своеволяства против киргизцев» со стороны казачьего войска и о «жесточайшем наказании яко злейшего преступника, который поведением своим дает причину к нарушению спокойствия подданных».¹

Царское правительство делало все, чтобы привлечь на свою сторону хана и наиболее влиятельную султано-бийскую группу. Эта политика имела по крайней мере две важные стороны: она ослабляла власть хана и, следовательно, ставила в зависимость от царизма.

В свое время Екатерина II, задумавшая установить бесханское управление в крае, предписала оренбургскому генерал-губернатору: «Но буде бы необходимость обстоятельств потребовала достоинство хана в орде восстановить, то и в таком случае полезнее держаться прежнего мнения об умножении их числа и чтобы каждый из таковых ханов не был силен в орде и зависел от вас, как и прочие подчиненные вам в губернии и по уездам».² Докладывая императрице об исполнении ее указания и о своей политике в Младшем жузе, Оренбургский генерал-губернатор Игельстром в ходе подавления восстания под предводительством Срыма Датова писал, что он «отложившихся от хана старался сколько возможно не допускать примириться с ним, в чем руководствовало меня Ваше Императорского величества именное повеление от 27 ноября 1785 года... разделение киргиз-кайсацкой меньшей орды, конечно, выгодно для Вашего Императорского величества будет».³

Курс, направленный на ослабление власти ханов и превращение их в послушную исполнительную силу, целеустремленно проводившийся царским правительством в течение десятилетия, завершился их упразднением в Среднем жузе в 1822 г., в Младшем жузе – в 1824 г., Букеевское ханство, выделившееся из Младшего жуза как «преданное престолу» продержалось еще 20 лет. После смерти хана Джангира в

¹ Там же, с. 111.

² Там же, с. 76.

³ Шахматов В.Ф. Букеевская орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946, с. 8-9.

1845 г. Управление ордой было передано Временному совету: вначале во главе с одним из родственников Джангирхана, а затем во главе с русским чиновником, назначенным царским правительством.

Образование Букеевского ханства

В начале XIX в. значительные группы казахского населения Младшего жуза перешли во внутренние пределы Российской империи и образовали между низовьями рек Урала и Волги новую орду,¹ получившую название Внутренней (по географическому расположению), или Букеевской (по имени первого хана Букея).

Как сообщают источники, вначале на правобережье Урала перешло около пяти тысяч семей. В последующие годы население нового региона продолжало расти за счет притока людей из-за Урала. В 1803 г. здесь уже было 7500 кибиток.² По подсчету чиновника Оренбургской пограничной комиссии Кузнецова, в 1825 г. население ханства насчитывало 10490 кибиток.³ По данным канцелярии Астраханского губернатора, в 1845 г. на внутренней стороне находились уже 52 129 кибиток казахских кочевников.⁴ Более скромную цифру называет полковник М. Иванин, управлявший ордой после смерти Джангир-хана. По его сообщению, в этот год население ханства составляло более 30 тыс. кибиток.⁵

Большинство дореволюционных авторов, описывая отдельные стороны жизни казахов Внутренней орды, связывали ее возникновение с личностью султана Букея. Так, по мнению А. Евреинова, переход казахов на правобережье Урала был связан в первую очередь с тем, что султан Букей «вернее других понял, что совершенное спокойствие можно снискать только под непосредственным покровом русского

¹ Орда – относительно обособленная часть казахской земли, имеющая свой административно-политический статус; ханство – орда, возглавляемая ханом.

² ЦГА КазССР, ф. 4, он. 1, д. 391, л. 66.

³ Там же, д. 284, л. 24-25.

⁴ Астраханский облархив, ф. 734, оп. 1, д. 11, л. 1.

⁵ Иванин М.И. Внутренняя, или Букеевская, киргизская орда. – Эпоха, 1864, № 12, с. 6.

правительства».¹ Т. Медведский, наоборот, делает акцент на корыстолюбии Букея, его жажде власти и богатства: «Букей, желая получить ханское достоинство, задумал перейти на правую сторону реки Урала», – отмечает он.² «Букей стремился, как и брат его султан Каратай, к достижению тем или иным путем ханского звания», – указывает известный исследователь А. Добросмыслов,³ Л. Мейер возникновение орды связывает со смутами, происходившими в Малой орде.⁴ М.И. Иванин еще более определенно говорит о междоусобице казахов как о первопричине образования орды: «Во второй половине прошлого столетия (т. е. XVIII в. – С.З.) возникли между племенами киргизов междоусобия и взаимные грабежи, почему в начале нынешнего века миролюбивый киргизский хан Букей, один из потомков Абулхайр-хана, спасаясь от демократической партии зауральских киргизов, с значительной частью султанов и оставшимися ему подвластными киргизами перешел в 1801 г. к нам на правую сторону реки Урала».⁵ Автор старается показать Букея с подвластными ему казахами как нечто единое, в экономическом и социальном отношении целое, противостоящее «демократической партии зауральских киргизов».

В объяснении причин возникновения Внутренней орды нет единодушия среди советских исследователей. Автор специального исследования об истории освободительного движения казахов Младшего жуза А. Рязанов считал, что возникновение Внутренней орды явилось результатом междоусобной борьбы поколений жетыру и байулы. «Часть казахов байулинского поколения, – пишет он, – будучи стеснены семиордцами, откочевали во главе с султаном Букеем

¹ Евреинов А. Внутренняя, или Букеевская, киргиз-казачья орда. – Современник, 1851, № 10, с. 51.

² Медведский Т. Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении. – Журн. Министерства государственных имуществ (МГИ), 1862, № 8, с. 285.

³ Добросмыслов А. Тургайская область. – Известия Оренбургского отдела РГО, вып. 16, 1901, с. 231.

⁴ Мейер Л. Указ соч., с. 39.

⁵ Иванин М.И. Указ соч., с. 15.

на внутреннюю сторону... и образовали здесь Внутреннюю, или Букеевскую, орду». Однако в последующем факты не подтвердили это положение. Перешедшие на правый берег Урала казахи принадлежали к поколениям байулинцев, семиродцев, хотя на начальном этапе преобладали первые. М.П. Вяткин считал, что возникновение этой орды было связано с жестоким хозяйственным кризисом, выразившимся, в частности, в росте земельной тесноты в результате углубления процесса феодализации.¹ В то же время М.П. Вяткин считал, что переход части населения Младшего жуза на правобережье Урала и образование особого ханства были логическим итогом того процесса, который берет свое начало в 50-х годах XVIII в.,² т. е. он связан с борьбой за освоение новых кочевий, длившейся почти половину столетия. Несколько иную точку зрения развивает В.Ф. Шахматов. Образование казахского ханства между Волгой и Уралом он рассматривает в первую очередь как продукт колониальной политики царизма. «Образование Букеевской орды, – пишет он, – тесно связано с общим направлением колониальной политики царизма в Казахстане и с тем хозяйственно-политическим кризисом, который охватил Младший жуз в конце XVIII – начале XIX в. вследствие феодализации казахского общества».³

Мы уже высказывали мнение, что нельзя искать основные причины образования Букеевского ханства в колониальной политике царского правительства, тем более нельзя считать его непосредственным порождением этой политики. Решающим фактором образования Букеевского ханства была та острая социально-политическая ситуация, которая создалась в Младшем жузе после подавления народного восстания под руководством Срыма.⁴

Сходной точки зрения придерживался и Е.Б. Бекмаханов. «В действительности колониальная политика царизма, – ука-

¹ Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР, с. 242.

² Вяткин М.П. Батыр Срым, с. 174.

³ Шахматов В.Ф. Указ, соч., с. 8.

⁴ Зиманов С.З. К вопросу о предпосылках и образовании Внутренней орды. – Вестник АН КазССР, 1956, № 1, с. 46-57.

зывает он, — не являлась главной причиной образования Внутренней орды».¹ Образование Внутренней орды, по его мнению, «было вызвано глубокими социальными причинами, тесно связанными с напряженной внутренней и внешнеполитической обстановкой Младшего жуза в рассматриваемый период».² В одной из последних своих работ Е.Б. Бекмаханов уточнил эту мысль, указав, что главным в содержании этой напряженной обстановки было стремление казахских шаруа «избавиться от жестокого ханско-феодалного гнета и разорительных набегов среднеазиатских правителей».³

Разумеется, колониальная политика царского правительства играла значительную роль в общественной и политической жизни казахского народа. Переселение казахов на правый берег Урала не противоречило направлению колониальной политики царизма и поэтому получило известную поддержку у пограничных властей.

Судя по источникам, образование Букеевского ханства происходило следующим образом. Командир Астраханского казачьего полка полковник Попов, «имея доверие хана, батыров» Младшего жуза, в 1799 г. «начал предлагать киргиз-кайсацкому хану, брату хана Букею, Нуралиеву, чтобы он с его подведомственными перешел на сию сторону Урала для кочевания», т. е. в зону двуречья между Волгой и Уралом, которая к этому периоду не была занята и считалась казенной территорией. Полковнику Попову, действовавшему с согласия Астраханского военного губернатора Кнорринга, без особого труда удалось склонить султана Букея.⁴ Султан Букей, в свою очередь, стремился к власти и, не рассчитывая получить ее в Младшем жузе, решил воспользоваться

¹ Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России, с. 68.

² Там же.

³ Бекмаханов Е.Б. Очерки истории Казахстана XIX в. Алма-Ата, 1966, с. 44.

⁴ Об ориентации султана Букея говорит его письмо военному министру Вязмитинову от 22 февраля 1806 г. Он писал: «Будучи столь усердно расположен к России, что посвятил себя по смерти свою быть в послушании его И. В. и высочайшим его узаконениям» (Материалы по истории Казахской ССР, т. 4. М. — Л., 1940, с. 267).

представившимся случаем и с помощью правительства обосновать на правом берегу Урала свое отдельное ханство. Как трезвый и расчетливый деятель он понимал, что его шаг найдет поддержку и среди части казахского населения, ищущего выход из создавшегося критического положения в Младшем жузе. Один из современников событий указывал, что султан Букей решил перейти на внутреннюю сторону «вследствие разных дружеских советов и внушений» со стороны царских чиновников.¹ Об этом факте писал позже и султан Шигай – брат Букея, один из непосредственных участников этих переговоров. «Покойный брат мой хан Букей Нуралиев прошлого, 1801 года.. приглашен был Астраханским военным губернатором Кноррингом через присылаемого астраханского кордона начальника бывшего генерала Попова перейти на внутреннюю сторону реки Урала во всегдашнее подданство России... Хан Букей перешел со мною и другими султанами – братьями нашими и с подвластными киргизцами с десятью тысячами кибиток, со всем скотом и имуществом».²

Султан Букей написал письмо на имя Астраханского военного губернатора с изъявлением желанья «быть с подвластным ему народом во подданстве Государя Императора Всероссийского и о позволении ему и народу киргизскому кочевать навсегда между Уралом и Волгою».³ Письмо свое султан Букей закончил просьбой определить при нем казачью сотню из состава Астраханского полка и пограничное управление новой Казахской ордой поручить полковнику Попову. Военный губернатор Кнорринг письмо и представление направил на рассмотрение царю. 11 марта 1801 г. царь Павел I издал указ: «Председательствующего в Ханском совете киргиз-кайсацкой Малой орды Букея султана сына Нуралыханов принимаю к себе охотно, позволяю кочевать

¹ Небольсин П.И. Очерки волжского низовья. – Журн. МВД, т. 39, 1852, с. 225.

² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 8, л. 5.

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. 24. Спб., 1830, с. 571, 572.

там, где пожелают, и в знак моего благоволения назначаю я ему медаль Золотую с моим портретом, которую носить на шее на черной ленте; Астраханского же казачьего войска командиру Попову пожаловал я чин генерал-майора, в награждение за усердное его и успешное поведение в усмирении киргиз-кайсацких народов; ваше же представление по поводу сего во всей силе утверждаю».¹

В указе Павла I явно просматривается заинтересованность правительства в переходе части казахского населения на правобережье Урала под предводительством хана Букея. Как недвусмысленно явствует из документа, царь связывал это «с усмирением киргиз-кайсацких народов» и считал серьезным успехом его колониальной политики в крае.

В дореволюционной и советской литературе, как указывалось нами ранее, получил распространение взгляд, по которому образование Букеевского ханства рассматривалось как продолжение и определенный итог сезонного кочевания казахских аулов на внутренней стороне, имевшего место еще в середине XVIII в. Странники этого взгляда считали, что интересы сугубо хозяйственного освоения новой территории – этот традиционный мотив – был главным при переходе казахского населения на правый берег Урала.

Территорию между низовьями рек Волги и Урала, где впоследствии образовалось Букеевское ханство, почти до конца XVIII в. временами, по сезонам занимали кундровские, астраханские татары и калмыки, ведущие кочевое хозяйство. В источниках того времени этот регион (районы Нарынкума и Прикаспия) именуется Астраханской степью. Здесь не было постоянных поселений кочевников-скотоводов. Отдельные казачьи и крестьянские поселения и промыслы по добыче рыбы располагались вдоль р. Урал и по берегам моря. По официальному исчислению, в Астраханской губернии, преимущественно на левом берегу Волги, было более 32 млн. десятин пустопорожней земли.

Судя по архивным источникам, байские аулы, зимовавшие недалеко от р. Урал, спасая многочисленный скот в

¹ Там же, с. 572.

суровую зиму 1748/49 г., с разрешения оренбургского губернатора Неплюева, впервые перешли на правый берег р. Урал. В 1755 г. хан Нуралы добился от губернатора права зимовать со скотом на внутренней стороне.¹ В 1758 г. в г. Оренбурге на приеме у генерал-майора Тевкелева и советника Рычкова Нуралы-хан представил только своих братьев и просил «о допущении с их кайсацким народом к Яику реке в зиму кочевать, скот на внутренней стороне содержать».²

Годом раньше оренбургское начальство по просьбе Нуралы-хана распорядилось, чтобы на правый берег «в случае суровой зимы пропускались только табуны ханской фамилии».³ Во всех этих случаях вопрос о переселении казахов на постоянное местожительство не ставился, речь шла о временном пастбищном содержании скота крупных феодалов, в особенности в зимний период. Главным образом этого и добивались Нуралы-хан, его родственники и влиятельные султаны в интересах своих хозяйств. Трудовая часть крестьянства переходила постольку, поскольку была связана с султанскими хозяйствами. Источники сообщают, что перегонялись на зиму в основном табуны лошадей, принадлежащие хану и его братьям. Из неоднократных обращений Нуралы-хана к пограничным властям видно, что он преследовал узко личные интересы.

Оренбургская пограничная администрация, проводившая в жизнь колониальные устремления царизма в Казахстане, вела двойственную политику. С одной стороны, она всецело стояла на стороне хозяйственных интересов жителей военных казачьих поселений, уже возникших во внутренней стороне, с другой – нуждалась в услугах влиятельной части казахской знати. Только совместные усилия царских колонизаторов и казахских феодалов могли на деле обеспечить реальное осуществление политики правительства. В силу этих причин пограничные власти вынуждены были порой пропускать скот казахской знати в районы двуречья.

¹ ЦГВИА, ф. 20, оп. 47, д. 21, л. 62.

² Там же, д. 6, л. 3.

³ Там же, д. 21, л. 6-8.

С конца XVIII в. характер, масштаб и мотивы перехода казахов на правый берег Урала, на внутреннюю сторону, изменились. Процесс стал трудно регулируемым, во многом стихийным и массовым. Изнуренные невзгодами люди, несмотря на препятствия, осваивали новый район. Так постепенно встал вопрос о постоянном заселении этого района. Это движение народных масс было столь значительно, что царское правительство не могло уже не считаться с ним, не рискуя потерять влияние в казахской степи.

После кровавого подавления народного восстания, руководимого батыром Срымом, переселение части населения Младшего жуза на внутреннюю сторону стало необходимостью и явилось своеобразным продолжением этой борьбы, но в других условиях и на другом уровне.

Вооруженное массовое выступление против ханской власти, с особенной силой проявившееся в последней четверти XVIII в., пошло на убыль. Ханы, султаны и их окружение, против которых было направлено народное восстание, учинили жестокий террор. Гонения и преследования участников восстания и родовых коллективов, сочувствовавших ему, приняли широкие масштабы. Как всегда в таких случаях, ханские люди и колонизаторы старались столкнуть казахские роды и отделения между собой. Спокойствие и привычный хозяйственный ритм кочевника были нарушены. Разруха хозяйства и страдание трудовых масс были так велики, что вопрос выжить, пережить трудный период стал для них самым главным.

Правительство в новых условиях сочло необходимым пойти «навстречу» желаниям казахского населения. Этим оно рассчитывало войти в доверие к народу, что было важно для успешного проведения колониальной политики. Уступая территорию, правительство намеревалось также в той или иной степени разрядить напряженность социальной борьбы в Младшем жузе, принимавшую антиколониальный характер.

Царское правительство своевременно позаботилось о том, чтобы переселение прошло организовано, во главе с

вожаком, который был бы надежным исполнителем воли пограничных властей. Такой личностью оказался султан Букей, председательствовавший в то время на ханском совете. По характеристике начальника Оренбургского края он был предан «престолу высокомонаршему».

Первые и многие из последующих переселенцев в основной своей массе имели очень мало скота, вместо кибиток – тентовые лачуги (курке), т. е. представляли собой бедные и беднейшие семьи. «В эпоху перехода поколения, составлявшие Внутреннюю орду, были беднейшими из кайсаков», – писал один из очевидцев.¹ В донесении асессора Кузнецова на имя губернатора Эссена от 1825 г. говорится, что «приход их (казахов Букеевского ханства. – С.3.) из-за Урала, по разведанным моим от достоверных и знающих людей сведениям, был настолько беден, что весьма немногие из ордынцев пригнали не более 100 баранов».² В 1809 г. было взято на учет 946 кибиток, перешедших из-за Урала в район Нарынкума. При этом у них было всего 434 верблюда, 1567 лошадей, 1124 головы рогатого скота и 15273 барана,³ т. е. на каждую кибитку приходилось в среднем менее двух лошадей, одна-две коровы и по 16 голов баранов. Такое хозяйственное положение было результатом крайнего обнищания. Если иметь в виду, что скот распределялся между одноаульцами крайне неравномерно и что среди бедных были «богатые из бедных аулов», то можно реально себе представить картину, при которой многие среди указанных семей были безлошадными, бесскотными или почти бесскотными. Сенатор Энгель после обстоятельного ознакомления на месте с внутренней жизнью Букеевского ханства в 1828 г. в своей записке отмечал, что казахи при переходе на земли между Волгой и Уралом находились в «совершенной нищете».

Неправомерно утверждение некоторых дореволюционных авторов, что переселенцы во внутреннюю сторону

¹ Сведения о Внутренней Киргизской орде. – Журн. МГИ, ч. 1, 184, с. 26.

² Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 291.

³ Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, д. 513, л. 15-19.

России составляли проханскую группу, противостоящую «демократической партии» зауральских киргизов. «Причиной отделения этой части (т. е. образования Внутренней орды. – С. 3.), – указывает один из них, – были возникшие в конце прошлого столетия в Малой киргизской орде смуты, распри и междоусобия, вследствие чего приверженные к ханам и преданные русскому правительству киргизы подвергались нападениям и грабежам мятежников».¹ Надо заметить, что такое мнение даже среди царских чиновников, непосредственно наблюдавших переход казахских аулов в район междуречья, встречается очень редко. Попытка представить переселенцев как «приверженцев ханов и преданных русскому правительству» в основе своей имела стремление выдать желаемое за действительное и представить в розовом свете политику русского государства на восточных окраинах.

Факты говорят о другом. Откочевщики в основном были непосредственными участниками движения Срыма. Род байбакты, бывший ядром народного восстания в Младшем жузе, возглавил переселенческое движение и составил одну из самых многочисленных групп. На внутреннюю сторону к 1814 г. из рода байбакты перешла 641 кибитка,² а к середине XIX в. они составили около 3 тыс. семей.³ Сам батыр Срым, завоевавший большое уважение народа и признанный им организатор и руководитель борьбы с ханской властью, и многие его ближайшие сподвижники были активными агитаторами за переход населения в пределы России. Как писали современники событий, султан Букей в первую очередь заручился поддержкой батыра Срыма и «вместе с ним стал склонять народ к согласию на перекочевку».⁴

Царское правительство неоднократно указывало, что переходящие на правый берег Урала казахские аулы были из

¹ Троицкий Н. Взгляд на Внутреннюю киргизскую орду. - Отечественные записки, 1848, т. 8, № 6, с. 98.

² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 15, л. 4.

³ Иванин М.И. Указ. соч., с. 11.

⁴ Евреинов А. Указ. соч., с. 52.

бедных. В предписании царя Александра I, данном сенату 23 мая 1808 г., указывалось, что «из донесений оренбургского военного губернатора и других дошедших к нам сведений мы усмотрели, что киргизцы из подданных наших, поблизости к оренбургской линии и по всей границе от Каспийского моря до Сибири кочующие, пришли по разным случаям в столь бедственное состояние, что, не находя средств к пропитанию, многие из них покушаются даже на продажу детей своих в рабство хивинцам, по торговле туда приезжающим».¹ На это указывал царь в повелении, данном в том же году оренбургскому военному губернатору Волконскому.²

Среди причин, повлиявших на массовый переход казахского населения на правобережье Урала, указываются и взаимная борьба, беспокойствие, которые царили в конце XVIII и начале XIX в. в Младшем жузе. Так, Л. Мейер, положительно отзываясь о личности султана Букея, в то же время возникновение орды связывает со смутами, происходившими в Малой орде.³ Более ясно говорит о междоусобице казахов как о первопричине образования орды М. Иванин.⁴

А. Евреинов, хорошо знавший жизнь орды, по его словам, достоверно узнал от султана Чуки Нуралиханова, являвшегося приближенным лицом и переводчиком султана Букея в момент его перехода во внутреннюю сторону, что, «убедив советами и доводами султана Шигая и Срыма-батыра, — сильных влиянием на киргизов, — Букей вместе с ними стал склонять народ к согласию на перекочевку».⁵ Этот наблюдательный, добросовестный в передаче сведений исследователь считал, что влияние батыра Срыма имело решающее значение в переходе части населения Младшего жуза на правобережье Урала. Говоря о снятии с обжитых, привычных мест тысячи семей, он писал: «Такое событие для человека, знающего родовую привязанность киргиза к раздолью и без-

¹ ПСЗ, т. 30, с. 275 (№ 23038).

² Там же, с. 276 (№ 23039).

³ Мейер Л. Указ. соч., с. 24.

⁴ Иванин М.И. Указ. соч., с. 15.

⁵ Евреинов А. Указ. соч., с. 52.

границной степи, где он всегда имел возможность уйти за сотни верст от постылого места, кажется с первого взгляда странным. Как бы ни была смутна, тревожна жизнь киргизов за Уралом, для них еще открывалось обширное пространство, на котором могли они беззаботно кочевать, что и сделали многие, тогда как здесь, ясно видели они, приходилось отказаться от дикой свободы. Понять истинную пользу дела ордынцы не могли, а между тем добровольно оставляли свои родные степи и родственников, которые не пожелали участвовать в переходе. Это объясняется только влиянием на народ немногих чтимых им лиц».¹ По его мнению, одного влияния султана Букея для перехода было мало. «Потребовались резкий пример, сильная воля. То и другое представлял в себе Срым-батыр – лицо замечательное в событиях Малой орды второй половины XVIII столетия. Одаренный от природы непомерными физическими силами, обширным умом, сильной волею, отважный, предприимчивый, хитрый и честолюбивый, он был, так сказать, народным кумиром. Ордынцы видели в нем свою славу, потому что самым простым своим происхождением Срым принадлежал им».² Он, «одобряя мысль султана Букея... стал содействовать ему в склонении киргизов к перекочевке. Его желание и речи имели сильнейший успех».³

В переходе казахов во внутренние пределы империи важную роль играл земельный вопрос. Скотоводы надеялись получить пастбища, поправить свое хозяйство. Однако не это было главным поводом к перекочевке массы казахских аулов. Правобережье Урала было хорошо известно казахам, и иллюзий они себе не строили. Известно, что земельные отношения во Внутренней орде оставались не менее сложными, чем в Младшем жузе. По почвенным, климатическим и иным естественно-географическим условиям территория Внутренней орды была не лучше, если не хуже территории, занимаемой переселенцами до откочевки. При всем своем

¹ Там же, с. 52-53.

² Там же, с. 53.

³ Там же, с. 54.

определяющем значении в жизненном цикле скотовода вопрос о пастбище в конкретных условиях переселения не выдвигался на первый план.

Территориальные пределы Букеевского ханства были определены правительственным Положением о назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской, утвержденным царем 19 мая 1806 г. В нем было сказано, что казахам «под предводительством султана Букея дозволяется кочевать, начиная от реки Узенья до горы Богды.., а от сей горы через Чапага на Ватагу Дудацкую или Телепневу до моря».¹ Им разрешалось иметь зимовку при море, пользоваться в этих целях и другими местами, заросшими камышом, «какие свободными и в казенном ведомстве, состоящими найдены будут». В Положении также указывалось, что отведенную для казахов территорию, «однако не отдавать им в удел, доколе они на сей стороне Урала во всегдашнем требовании не остепенятся».² Из общей площади ханства, исчисляемой около 6 500 тыс. десятин, считалось лугов 100, камыша – 12, пригодных для пастбища земель – 5 200 тыс. десятин, «в числе которых много солонцов, мелких соленых озер и соляных грязей, бесплодной степи – 192 тыс., песку – 420 тыс. десятин».³

Вдоль северной и северо-восточной границ ханства протекали две реки – Большой и Малый Узень, побережья которых изобиловали сенокосными угодьями и служили укрытием для скота зимой. Такую же хозяйственную ценность имели районы Камыш-Самарских озер. Эти участки длительное время были объектами споров между казахами и казачьими поселениями и в конце концов отошли к последним. Районы, прилегающие к Каспийскому морю, чередующиеся с камышовыми зарослями, служили естественным укрытием для скота во время зимней стужи и буранов. В низинах речек Паники и Торгунь находились небольшие луга. В центральной части ханства простирался огромный песчаный массив,

¹ ПСЗ, т. 29, с. 289 (№ 22135).

² ПСЗ, т. 29, с. 289 (№ 22135).

³ Евреинов А. Указ. соч., с. 58.

называемый Нарынкум (Нарын-пески). Чиновник Оренбургской пограничной комиссии Кузнецов, несколько раз лично осмотревший землю Букеевского ханства, описывает ее следующим образом: «Степь сия или вообще песчана, где произрастает редкий и низкий подножный корм и в засушливые годы без дождей в иных местах по жаркому климату выгорающий до основания, или наполнена великими пространствами солонцевато-глинистой земли, неудобной ни к чему, на коей произрастает одна только низкая и редкая полынь, по нужде употребляемая в пищу для скота зимою, когда от морозов не столько делается горькою».¹ М. Иванов, живший в течение ряда лет во Внутренней орде, отмечал, что территория орды годна «только при кочевой жизни, и она может доставлять населению средства к их существованию только при умеренности их в пище и ограниченности их нужд и потребностей».²

Образование нового ханства не сразу было признано правительством, хотя султан Букей с момента перехода на правобережье Урала именовал себя ханом. Правда, астраханский военный губернатор Кнорринг в своем представлении царю в начале 1801 г. называл султана Букея ханом Киргиз-кайсацкой орды.³ До официального провозглашения ханства (1812 г.) в официальных документах он проходил как «султан Букей с подвластными» или «султан Букей с народом».

Царским указом от 17 июля 1808 г. было установлено двойное подчинение Букеевского ханства – Астраханскому военному губернатору и Оренбургской пограничной комиссии, специальному органу по Управлению казахами Младшего жуза.⁴

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 289.

² Иванов М.И. Указ. соч., с. 7.

³ ПСЗ, т. 26, с. 571 (№ 19773).

⁴ ПСЗ, т. 30, с. 435-437 (№ 23164).

Букеевское ханство: его место в политике русского государства и в истории Казахстана

Букеевское ханство территориально располагалось в пределах метрополии России, на землях, называющихся прежде Астраханской степью. Оно имело общую границу с помещичьими, казачьими и крестьянскими поселениями Астраханской, Саратовской и Оренбургской губерний. По своей территории, населению и управлению ханство было небольшим политическим образованием. Близость русских поселений, тесные контакты казахов с его жителями оказали значительное влияние на развитие Букеевского ханства. Оно развивалось более ускоренно, чем Зауральская степь.

Царское правительство, принимая «к себе охотно султана Букея с подвластными», первоначально надеялось этой мерой, с одной стороны, укрепить подорванные в результате участия в подавлении народного восстания позиции, а также предотвратить возможное отчуждение части населения от «верных» ему степных наместников, с другой стороны, проводя политику усиления прямого Управления казахским обществом путем ослабления и последующего упразднения власти ханов в Младшем жузе, оно рассчитывало раздробить власть, умножить число отдельных владений, что позволяло укрепить влияние здесь русского государства. Правительство хотело также разрядить политическую обстановку в казахском обществе, обострившуюся в результате восстания, длившегося 14 лет.

Идея использования Букеевского ханства в качестве «показательного» владения, служащего для других казахских земель образцом того, что может дать политика русского государства кочевому народу, возникла в ходе расширения притока сюда населения из-за Урала. В основе этого замысла лежали сугубо практические интересы: усиление и углубление влияния колониальной политики царизма в казахском обществе.

Правительство рассчитывало, что казахская знать и степное население, видя «тишину и спокойствие», рост обмена

и торговли, скотоводческого хозяйства и «справедливое» под надзором правительства управление, все больше будет тяготеть к царскому правительству, активнее принимать его сторону. Руководствуясь этими соображениями, царское правительство установило самый тесный контакт с ханом Букеевской орды, проводило покровительственную политику по отношению к ханству.

Правительство рассчитывало образовать также из среды казахских султанов, биев и старшин, преданных его политике, группу, которая проводила бы политику царской администрации среди казахского населения Оренбургского ведомства. Эту задачу намного легче было решить в условиях Букеевского ханства, поставленного под непосредственный надзор оренбургской колониальной администрации.

Султан Букей в свою очередь стремился укрепить собственные позиции не только на правобережье Урала, но постепенно распространить влияние и на казахов Младшего жуза, кочующих в Зауралье. Эти притязания в какое-то время были реальными. Росло число кочевых коллективов, оставляющих или желавших оставить своих ханов в Младшем жузе и перейти во внутреннюю сторону. Султан Букей рассчитывал на поддержку этой части населения. Еще одно обстоятельство укрепило его позиции. После убийства в 1812 г. хана Младшего жуза Джанторе одна из двух группировок родов избрала своим ханом султана Букея, кочевавшего на другой стороне Урала. В связи с этим перед оренбургской администрацией встал трудный вопрос: насколько эффективна будет его власть на обеих сторонах Урала – во Внутренней орде и в Младшем жузе. В указе 1812 г. об официальном признании султана Букея ханом Внутренней орды оговаривалось, что его власть распространяется и на роды Младшего жуза. В конце концов, однако, было решено, что целесообразнее султана Букея оставить ханом Внутренней орды.

Расположение Букеевского ханства в непосредственной близости и под контролем пограничных органов тем более было важно для царского правительства, что его влияние

на казахское общество в целом, в Младшем жузе в частности, оставалось в то время номинальным. Характеризуя уровень развития казахско-русских отношений этого периода, В.Я. Басин справедливо считает, что «для XVIII и начала XIX в. употребление термина «подданство» по отношению к казахам представляется неправомерным. Здесь речь идет о российском протекторате. Говорить о российском подданстве правомерно лишь со времени распространения на казахов общероссийских законов, то есть – не ранее середины 50-х гг. XIX в.»¹

Экономические интересы в качестве первоочередной задачи на начальном этапе образования и сложения Букеевского ханства царским правительством не выдвигались, хотя всегда имелись в виду. Астраханский военный губернатор Завалишин запросил в 1803 г., в разгар переселенческого движения, мнение командира астраханского казачьего полка Попова, который был одним из инициаторов «приглашения» султана Букея, о том, «какой пользы... на предбудущее время для России от них (т. е. переселяющихся казахов. – С.З.) ожидать можно?»² На это генерал-майор Попов ответил: «Польза, ожидаемая от них, та, что, когда они с таким великим числом скота останутся, какой при них был прежде, то оный будет в России и не будут пользоваться им хивинцы и бухарцы, как до сего делалось; народ же сей, когда обрусееет, то останется на таком точно основании, как и другой в астраханской губернии азиатский народ, кочевые калмыки и трухманские татары».³

Начиная с 20-х гг. Букеевское ханство становится значительным поставщиком скота и продукции из него для метрополии. Сенатор Энгель, обследовавший ханство в 1828 г. по заданию Министерства иностранных дел, сделал заключение, что «торговля сия весьма важна и достойна особенного внимания и поощрения».⁴ Ежегодно из ханства вывозилось в Россию по крайней мере 300000 голов баранов, стоимость

¹ Басин В. Я. Указ. соч., с. 258.

² Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 256.

³ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 257.

⁴ Там же, с. 293.

которых составляла не менее 1 800000 руб., и продукции скотоводства более чем на 200000 руб. Важной мерой поддержания скотоводческого хозяйства казахов и его дальнейшего развития Энгель считал расширение пастбищных угодий казахов за счет возвращения захваченных уральским войском земель и наделения их новыми участками.

В отчете Оренбургской пограничной комиссии за 1839 и 1840 гг. о положении в Казахской степи, направленном в Азиатский департамент МИД, есть специальный раздел, названный «Польза от киргизов». В нем говорилось: «Хотя государственная казна не получает от народа этого значительного, прямого денежного дохода, но киргизцы, продавая и променивая произведения скотоводства своего, приводят в оборот важный капитал и потребляют значительное количество произведений фабрик и внутреннего сельского хозяйства, водят караваны и тем способствуют торговле России со Средней Азией, которая без посредства их едва ли была бы возможна».¹

В политике России, проводимой в Букеевском ханстве, имелись как удачи, так и промахи. Правительство настолько приблизило к себе ханскую власть, что вопрос об удержании ее в «постоянном послушании» как таковой был снят. Как султан Букей и его брат Шигай, так и Джангир – сын Букея, поочередно занимавшие должности хана, оставались усердными и надежными проводниками царской власти. Хозяйственная жизнь в ханстве стабилизировалась: были осуществлены распределение и перераспределение пастбищных и сенокосных угодий между родовыми подразделениями и крупными аулами, пресекался самовольный захват пустующих земель, удалось привязать хозяйственные коллективы к определенным местностям и кочевым путям, была ограничена барымта (угон скота за неуплату куна). Внутренняя торговля и торговые связи с русскими губерниями приобрели устойчивый характер, были изжиты ограбления иноземных торговцев и торговых караванов. Усилия правительства и его пограничных органов, осуществлявших руководство

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 337, л. 55.

ханством, были в целом успешными. На основе традиционной организации была создана более действенная, с точки зрения правительственных органов, система власти и управления в ханстве.

К неудачам правительственных мер, осуществленных в союзе и совместно с ханской властью, можно отнести курс на централизацию власти и управления в орде в руках хана и его ближайших сановников; ориентацию хана на колониальную власть и ослабление его традиционных связей с кочевыми коллективами и их предводителями; навязывание населению воли пограничных органов и ханской власти; стремление ханской власти перестроить земельные отношения, с тем чтобы поставить трудовые кочевые и аульные коллективы в полную или, по крайней мере, в значительную зависимость от хана, ханской фамилии и его приближенных.

Царское правительство, увлеченное мерами «приобщения» ханства, не предвидело последствий, к которым могли привести и привели эти меры. Добиваясь усиления и эффективности действия ханской власти, правительство само стало причиной потери ее авторитета в народе и ослабления. Царизм хотел превратить Букеевское ханство в «благодатное общество», выращенное под своей эгидой. Вместо этого он получил бунтующее общество, обнажающее и разоблачающее антинародную сущность этой политики. Крестьянское восстание под руководством Исатая и Махамбета в 1836 – 1838 гг., направленное против хана, султанов и бийской знати, а также против колониальной политики царизма, серьезно пошатнуло устои режима в ханстве и заодно во многом опрокинуло планы правительства в этом регионе.

Букеевское ханство занимает особое место в истории Казахстана. Сам факт перехода значительной группы кочевников-скотоводов в пределы России и образование там нового казахского ханства с 200-тысячным населением представляет исключительное явление.

Если рассматривать это событие на фоне той политической обстановки, которая сложилась в Казахстане в конце

XVIII – начале XIX в., когда то и дело вспыхивали местно-монархические и сепаратистские движения и было значительным противодействием колониальной политике царизма в крае, когда отсталое и задавленное казахское трудовое население было опутано идеологией институтов патриархально-феодальной системы, то значение образования Букеевского ханства на внутренней стороне России можно расценивать как новый этап в многовековой истории казахско-русских отношений.

Переход части населения Младшего жуза на правобережье Урала и образование там нового ханства были сопряжены со многими трудностями. Наибольшей из них было сопротивление монархических групп с антирусским настроением, пытавшихся сорвать этот процесс. Они неоднократно покушались на жизнь султана Букея и его приближенных, убивали их представителей, проводили агитацию с целью организовать обратную откочевку переселенцев. О них султан Букей писал инспектору Астраханского кордона Завалишину в письме от 15 декабря 1803 г.: «Они намерены посягнуть даже на жизнь мою за противность, что я с моими благомыслящими подвластными предался в подданство Его Императорского Величества и от зависти, что весь народ киргизский более имеет ко мне склонности, нежели к прочим султанам».¹

Русское государство обладало огромными потенциальными возможностями влияния на казахское общество в политической и военной, экономической и культурной областях. Это влияние усиливалось из года в год и все больше определяло развитие края. Политическое влияние, связанное с проведением колониальной политики и направленное на уничтожение казахской национальной государственности и на превращение края в обычную колониальную территорию с вытекающими отсюда последствиями, имело негативное значение. Наоборот, экономические связи и идейное общение русского, имевшего богатые демократические и революционные традиции, и казахского народов и связанное с ними хозяйственное, культурное и идейно-политическое влияние

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4, с. 261.

на казахское общество имели не только общецивилизаторское значение.

Значение Букеевского ханства в истории Казахстана заключается в том, что оно явилось той частью Казахстана, которая наиболее наглядно отражала плодотворность и перспективность углубления русско-казахских отношений. Здесь воздействие и влияние России и русского общества на все пласты и области внутренней жизни казахского общества были наиболее активными и повсеместными. Позитивные изменения в хозяйстве, мироощущении, идейной жизни, культуре и нравах населения со временем стали реальными явлениями и факторами общественной жизни.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ БУКЕЕВСКОГО ХАНСТВА И ВЛИЯНИЕ НА НЕЕ РОССИИ

Экономические связи России и ханства

Экономические связи между Россией и ханством складывались и развивались и в рамках официальной политики, и вне их, нередко в противовес этой политике. Политика правительства часто не совпадала с развитием экономических связей двух обществ, а потому служила препятствием на этом пути. Не всегда результаты этой политики соответствовали тем планам и намерениям, которые закладывались в нее по линии государства. На этой основе возникали противоречия между официальной экономической политикой царизма и порожденными ею последствиями. По мере укрепления и расширения хозяйственных и экономических связей между русским и казахским населением возникали стихийные явления, выходящие из-под управления, но влияющие на официальную экономическую политику.

Говоря о внешней экономической политике царского правительства вообще, в Казахстане в частности, мы должны иметь в виду, что в основных своих чертах она отражала конкретный хозяйственный строй самодержавия, его противоречия и реальные интересы тех классов, которые занимали доминирующее положение в структуре этого строя и находили полную поддержку со стороны правительства.

В недрах феодально-крепостнического строя русского государства интенсивно развивались буржуазные отношения. С 1800 по 1860 г. число предприятий в стране возросло в 7 раз и составляло 15 тыс., а количество рабочих, занятых в них, за это время увеличилось в 4 раза (около 800 тыс. чел.).

Более 1/3 из них были наемными рабочими.¹ «Всякая страна, – указывает В.И. Ленин, – с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги».² Эта характеристика приложима и к колониальной политике самодержавной России.

В инструкции, данной Министром коммерции Н.П. Румянцевым поручику П.Я. Гавердовскому, который в 1802 г. отправлялся в Бухару, говорилось, что при прохождении через кочевья казахов Младшего жуза необходимо сделать наблюдения «...положения мест, свойства в народах киргизских и касательно средств к обеспечению нашего торгова... при выезде Вашем из Орска примечания достойны при вершинах реки Ори и Эмбы горы Мугоджарские, где, по многим удостоверениям, скрыты богатые руды».³ По прибытии в Бухару ему предписывалось добиться от хана охранительных листов для российского купечества, «когда оно или лично, или особенно, или целым караваном вознамерится предпринять путь в Кабул, Кашемир, Кандагар, Тибет и в прочие прилежащие индийские или персидские владения».⁴ Определяя перспективу развития внешних экономических связей на юге, министр коммерции указывал, что «Бухара сама по себе не заслуживала бы дальнего внимания, если, как уже сказано, не была она пунктом соединения путей, к китайскому, персидскому и индийскому торгу ведущих».⁵ Командующий войсками Сибирской линии Г.И. Глазенап, как это видно из его письма министру иностранных дел Н.П. Румянцеву от 30 сентября 1811 г., неоднократно получал от последнего повеление «о распространении торговли

¹ Халфин Н. А Россия и ханства Средней Азии. М., 1974, с. 10.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 379.

³ Внешняя политика России XIX-начала XX в. Серия 1, т. 1.

⁴ Там же, с. 335.

⁵ Там же, с. 336.

в Сибирском краю»¹ путем вовлечения в нее наряду с казахской степью и Кокандского ханства.

Экономическая отсталость, патриархальный быт, непросвещенность колонизируемых восточных окраин не только не служили препятствием успешному осуществлению колониальной политики, но являлись благоприятными условиями для проведения экономической политики царского правительства. В.И. Ленин указывал на полуфеодальную эксплуатацию «инородцев»² как на одну из черт колониальной политики царизма.

Экономический потенциал Букеевского ханства почти исключительно составляло скотоводство и его продукты. Считалось, что начиная со второй четверти XIX в. поголовье скота в нем стабильно держалось на уровне двух миллионов голов. Ханство ежегодно обменивало на продовольственные и промышленные товары до 400 тыс. голов разного скота и другой скотоводческой продукции, включая шкуры и шерсть. Причем все это шло в Россию.

В соответствии с климатическими, природными и хозяйственными условиями разведению мелкого скота (баранов) и лошадей уделялось в ханстве большое внимание.

Скотоводческое хозяйство, занимавшее монопольное положение в экономической структуре общества, носило экстенсивный характер и покоилось на кочевой и полукочевой системе, определявшей быт населения. Земледелие не имело существенного значения в системе общественной экономики. Уровень развития производительных сил, в частности орудий и средств производства, оставался низким. Ремесленное производство было примитивным и не имело самостоятельного значения. Оно не развивалось дальше домашних потребностей и базировалось на несовершенных орудиях производства.

Расширение торговли было главной целью в экономической политике царского правительства. Уже в царском Указе 1806 г., определившем территориальные пределы ханства,

¹ Там же, серия 1, т. 6. М., 1962, с. 185.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 318.

содержалось указание об учреждении постоянного торгового пункта и ярмарки в районе среднего течения реки Актюбе и в других местах внутри ханства. На территории ханства в 30-х гг. появились торговые центры с большим оборотом. Интенсивное развитие торговли, однако, не повлекло за собой развитие ремесел, как это обычно бывает, что объяснялось характером торговых отношений в орде. Развитие торговли основывалось на растущих потребностях в скоте и продуктах, вырабатываемых из него.

Одним из наиболее значительных торговых центров была ханская ставка. Учрежденная в 1832 г. ярмарка при ней функционировала два раза в год: весной – с 15 апреля по 15 мая, и осенью – с 15 сентября по 15 октября. По сведениям ханской канцелярии, только в 1839 г. на эти ярмарки из глубины степи поступило на продажу 4 122 головы крупного скота (верблюдов, лошадей и рогатого скота), 68 498 баранов, 6 419 пудов шерсти, разных шкур 30 009 штук. В свою очередь иноземные торговцы и русские крестьяне привезли на ярмарку промышленных товаров и хлебных продуктов на 2 420 700 руб. ассигнациями. Причем из них были реализованы товары на сумму 1 237 400 руб.¹ В 1851 г. объем торгового оборота на ярмарках при Ставке составил более 1 млн. руб. серебром.

Торговые ярмарки в ханстве становились все более многоязычными и разноязычными. Здесь налаживались контакты, обмен товарами, сходились лицом к лицу степные кочевники и горожане, скотоводы и земледельцы, аульные кустики и мастера городских цехов, опытные купцы и неискушенные в торговле нерасчетливые пастухи, российские промышленники и степные богачи, крестьяне и казахские шаруа. Словом, эти ярмарки были важны не только в экономическом плане. Они вместе с тем знакомили и сближали людей разных местностей и национальностей, способствовали взаимному познанию. Достаточно сказать, что в 1845 г. на весенней ярмарке при Ханской ставке приезжих торговцев было до 1000

¹ Сведения о Внутренней киргизской орде. – Журн. МГИ, 1841, ч. 1. с. 274

чел. из 15 губерний России,¹ в 1847 г. – более 1500, а в 1851 г. – более 2000 чел.² Эта ярмарка пользовалась широкой известностью далеко за пределами ханства. Так, в наиболее многолюдной из них, весенней ярмарке 1846 г. приняло участие 3883 чел., из которых 2700 чел. составляли местные жители – казахи, а 1183 чел. приезжие – русские купцы, мещане и крестьяне; татары, армяне, калмыки – 65, туркмены – 10, хивинцы, казаки.³ Вот как описывает очевидец эту ярмарку: «Огромные стада курдюков покупаются и вымениваются приезжающими в орду русскими купцами, казаками и татарами и пригоняются на Урал и за Волгу – в Астрахань, Камышин, Самару». По его словам, татары, перегоняя скот внутрь России, «занимаются довольно успешно салотоплением, деланием свечей и мыла, а также обработкою кож», а купленных у казахов лошадей они «переторговывают в русских селениях Саратовской губернии и других... Крестьяне предпочитают киргизских лошадей всяким заводским для земледельческих работ».⁴

Ханская ставка была не единственным торговым местом. Казахи вели оживленную торговлю в Астрахани, Саратове и Уральске, участвовали в Булхонской и Ново-узенской ярмарках.⁵ Районы кочевьев аулов также были покрыты густой сетью передвижных торговых точек. Титулярный советник Пограничной комиссии Кузнецов в 1824 г. доносил, что торговые люди, приезжающие со стороны Волги и Урала, ездят «по пространству всей орды» и что они за наличные деньги покупают у местного населения от 100 до 150 тыс. баранов.

Место и значение Букеевского ханства в торговой политике царского правительства вообще, в снабжении метрополии

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, св. 5, д. 38, л. 296-297.

² Алекторов А.Е. Из письма хана Джангира к графу Перовскому. – Астраханский листок, 1892, № 258.

³ Киттары М.Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды. – Журн. МВД, т. 28, 1849, с. 182-183.

⁴ Есипов Г. О киргизах орды Джангира Букеева. – Журн. МГИ, 1841, 4, с. 295.

⁵ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 29.

скотоводческой продукцией в частности, более наглядно выступают на общем фоне развития русско-казахских торговых связей. По данным М.П. Вяткина, из Казахстана в Россию было вывезено основного торгового вида скота – баранов: в 1803 – 1807 гг. – 406 715, в 1808 – 1812 гг. – 318 202 головы.¹ А из одного Букеевского ханства, по неполным сведениям его правителя султана Шигая, в 1814 г. переправлено в Россию 277 100 баранов.²

По данным оренбургской таможни, на меновых дворах и торговых пунктах при Орской, Илецкой, Уральской, Калмыковской и Гурьевской заставах, а также при самой таможене в 1841 г. было выменено 116 832 головы баранов.³ Согласно журнальной записи департамента мануфактуры, в 1827 г. в Россию было переправлено из Букеевского ханства около 400 тыс. баранов, 3000 голов лошадей и различных продуктов скотоводства на общую сумму 2 925 000 руб.⁴

При этом надо иметь в виду, что оренбургская таможня обслуживала обширные зоны Младшего жуза и северо-западную часть Среднего жуза, территория и население которых во много раз были больше, чем в Букеевском ханстве.

До упразднения ханской власти царское правительство не имело прямой экономической выгоды от Букеевского ханства: ханство не облагалось сборами и пошлинами, оно не несло официальной материальной повинности перед казной русского государства. Торговля считалась главным каналом экономической связи между Россией и ханством. А. Евреинов, очень хорошо знавший положение в этой части, указывал, что «орда скотом своим, сырыми произведениями, салом и шерстью снабжает не только прилегающие к ней губернии, но привлекает к себе потребителей изнутри Империи, скупая от них предметы своих нужд, и таким образом является замечательным торговым двигателем».

¹ Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР, с. 215.

² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 15, л. 12.

³ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 1550, л. 165.

⁴ Приводится по кн.: Левшин А. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Спб., ч. 3, 1832, с. 234.

В отдельные годы по просьбе пограничных властей производился сбор верблюдов для нужд царских военных экспедиций и отрядов. Так, в 1829 г. Джангир-хан передал оренбургскому губернатору 500 верблюдов «для нужд России», купленных им в казахских аулах на сумму 56 053 руб.¹

Контакты Казахстана с Россией, которые становились из года в год более активными, отразились в некоторых изменениях, в формах и структуре экономической жизни Букеевского ханства. Причем эти изменения, поскольку они явились результатом влияния более развитой системы экономики России на отсталую экономику кочевого, полукочевого казахского общества, выступали как прогрессивные и перспективные.

Заметно изменился быт казахов. Под влиянием русских поселенцев и с одобрения правительства степная знать стала строить дома и хозяйственные постройки. Это способствовало оседанию кочевников. В 30 – 40-х гг. домостроительство стало довольно распространенным явлением в Букеевском ханстве. Родона начальники и султаны, бии и старшины, прежде изредка сооружавшие на зиму землянки, теперь стремились строить и добротные дома. Лес и другой строительный материал доставлялся в орду с берегов Волги, из Новоузенского, Николаевского, Камышинского, Черноярского, Царицынского и Астраханского уездов, входивших в состав Саратовской и Астраханской губерний.

Новым явлением в экономике Букеевского ханства были первые опыты сооружения с помощью приглашенных русских специалистов плотин на реках и артезианских колодцев для орошения полей. С помощью плотины, сооруженной на р. Торгунь в 30-х гг. XIX в., удалось поднять уровень воды на 3 сажени и образовать пруд длиной 25 верст и шириной до 40 сажений. Плотина была построена наемными рабочими и стоила хану около 6 тыс. руб. ассигнациями. Пруд использовался для орошения низменности, и ежегодно на этой территории скашивалось до 600 стогов сена, а цена одного

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 146.

стога сена зимой доходила иногда до 100 руб. серебром.¹ Из двух вырытых артезианских колодцев один, в урочище Жас-Кус, давал воду. По свидетельству современников, «для орошения полей от засухи... Джангир-хан предполагал строить в разных местах артезианские колодцы».²

Делались попытки в ханстве улучшить местные породы лошадей путем приобретения жеребцов с государственных заводов. Профессор ветеринарии Э. Островский, посетивший Внутреннюю орду в середине 50-х гг., после осмотра табунов лошадей, принадлежавших хану Джангиру, отмечал, что «появились в них новые виды аргымаков под влиянием жеребцов благородной породы», приобретенных из Императорского орловского конного завода.³

Влияние России на структуру экономической жизни патриархально-феодального казахского общества было благотворным, но значение его нельзя преувеличивать. Оно наталкивалось на отсталость, косность, консерватизм, характерные для Казахстана первой половины XIX в. И все же уже в тех незначительных экономических и социальных изменениях просматривалось будущее развитие отношений между Россией и Казахстаном.

¹ Иванин М.И. Указ. соч., с. 16.

² Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. Спб., 1867, с. 218.

³ Островский Э. Поездка во Внутреннюю киргиз-кайсацкую орду с ветеринарной целью. – Журн. МВД, ч. 34, 1859, № 5, с. 36 – 37.

Тенденция к оседанию кочевого аула

В Младшем жузе земледелие не было развито. Казахи до перехода на внутреннюю сторону оставались в полном смысле слова кочевым народом. За отдельными исключениями, они не заботились о постоянных жилищах, не заготавливали корма для скота на зиму, скотоводство носило экстенсивный характер. Такое положение в основном сохранялось всю первую половину XIX в. В очерке о Младшем жузе М. Михайлов (1867) сообщал, что казахи жили круглый год в кибитках.¹ М.И. Иванин, который в начале второй половины XIX в. непосредственно изучал быт казахов, также подтверждал, что жители Младшего жуза «вели совершенно кочевую жизнь, не заботясь о запасе сена на зиму».² Л. Арасанский (1868 г.) отмечал, что в Младшем жузе казахи переходят к полuosедлой жизни только вынужденно, из-за бедности, а кочевой образ жизни является привилегией зажиточной части населения.³ В полевом журнале экспедиции 1824 г., составленном капитаном Вильховским и подполковником Балкашиным, записано, что экспедиция проехала по р. Уилу, Тайсойган к Калмыковской крепости, прошла десятки урочищ, которые являлись зимовыми местами зауральских казахов, однако только на одном из них были обнаружены признаки заготовленного сена. Хозяйство населения было примитивным и находилось почти в полной зависимости от природных условий. В неблагоприятные годы, в период гололедицы, джута, стихийных бедствий, хозяйства казахов терпели огромный ущерб.

В Букеевском ханстве намного раньше, чем в Младшем жузе, начался процесс перехода кочевых аулов в полuosедлое состояние. На это были свои причины: ограниченность

¹ Михайлов М. Киргизы. – Литературная библиотека. Спб., 1867, июнь, с. 285.

² Иванин М.И. Указ. соч., с. 14.

³ Арасанский Л. Причины волнения в киргизских степях. – Деятельность, 1869, № 98.

территории ханства, сделавшая невозможными далекие сезонные переходы по пастбищам с юга на север; относительно ускоренное формирование общественного мнения о преимуществе полуседлого и оседлого образа хозяйствования и жизни под воздействием суровых материальных испытаний и растущего общения с оседлыми и полуседлыми народами России, в первую очередь – с русской деревней. Не последнюю роль в этом процессе играла официальная политика ханской власти, поддержанная правительственными органами и направленная на определенное поощрение перехода казахского кочевого населения к оседлости и полуседлости.

Уже в 30-х гг. стала заметной тенденция к оседанию кочевников. Быстро увеличивалось число домов и землянок.¹ К 40-м годам XIX в. территория ханства покрылась сетью разбросанных по урочищам многочисленных глиняных и бревенчатых изб, землянок, среди которых размерами и отделкой особенно отличались дома султанов и родовой знати. Так, вблизи Камыш-Самарских озер с 1820 г. по 1850 г. было построено более ста жилищ, в том числе немало добротных деревянных и глиняных. Принадлежали эти дома в основном местной знати. В урочищах Теректы имелось около 30, Мечеть – 44, Дуйсе – 35, Тулубай – 15, Умирбек и Темирбек – 20, в долине реки Узень – 15 землянок.² В 50-х гг. постоянные зимние жилища с хозяйственными пристройками имели 2/3 населения.³

В середине кочевьев казахских родов возникали населенные пункты, которые впоследствии стали административными, торговыми и культурными центрами. Наиболее значительным среди них было селение Хан-Кала (Жангир-Кала), или, как в русских источниках, Ханская ставка. Его основание началось в 1826 г. Вначале Джангир-хан построил

¹ До возникновения Букеевского ханства эта территория представляла собой безлюдную пустыню, покинутую кочевниками-калмыками. Сенат в докладе Императору Александру I в 1803 г. писал, что там «нигде и никаких селений не заведено» (Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4. М. – Л. 1940, с. 257).

² ЦГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 11, л. 193 – 196.

³ Медведский Т. Указ. соч., с. 295.

для себя небольшую избу, а через два года на дарованные средства императора и с помощью русского инженера возвел деревянный ханский дворец с боковыми флигелями.¹

Вокруг этой постройки оседали родственники и люди хана, русские, армянские и татарские торговцы, уральские казаки и др. В 1841 г. здесь насчитывался уже 41 дом, а в 1846 г. – 89. Эти дома распределялись следующим образом: хану принадлежали 6 домов, султанам – 4, азиатским чиновникам ханской канцелярии, приглашенным из Оренбурга, – 4, русским – 10, казанским татарам – 13, армянам – 2, астраханским мещанам – 5, казахам – 41, 2 дома занимали казачьи отряды. Кроме того, при этих домах имелось 46 лавок,² а через 5 лет, т. е. в 1851 г., их было уже 152, из них 114 деревянных.³

В Ханской ставке кроме администрации хана размещались ахун – главный мулла ханства, для которого была построена мечеть, школа для казахских детей с обучением на казахском и русском языках, собрана коллекция древнего казахского оружия, размещались ханские туленгуты – служители ханского двора. Население было многонациональным. По данным 1851 г., в Ханской ставке проживало: 346 казахов, 193 татарина, 120 русских, 13 башкир, 15 армян, кроме того, 134 уральских и астраханских казаков, несших военную службу.⁴

Вторым по величине населенным пунктом был Торгунь-Кала, или летняя ставка, находившийся к северо-западу от Ханской ставки, на берегу р. Торгунь. Это селение возникло в середине 30-х гг. в качестве летней резиденции хана. В нем в 1846 г. насчитывалось 9 – 10 домов и несколько мелких хозяйственных построек, среди которых возвышался двухэтажный ханский дом, состоявший из 12 комнат. При нем,

¹ Он состоял из 23 комнат и бани; в центральном корпусе было 7 комнат, в мезонине – 2, в пристройке по обоим бокам – 6, в двух флигелях – 8 комнат.

² Киттары М.Я. Указ. соч., с. 111.

³ Иванин М.И. Указ. соч., с. 15.

⁴ Иванин М.И. Указ. соч., с. 15.

как описывает очевидец, имелся «сад с решеткою и рвом, обсаженный вишневыми деревьями с купальнею».¹

Обращает на себя внимание то, что в Букеевском ханстве в первую очередь строила дома, переходила к полуоседлой жизни зажиточная часть населения, знать «белой» и «черной» кости, тогда как раньше такой образ жизни был уделом жатаков, наиболее беднейших из казахов. «К оседлости прежде всего переходят бедняки, – писал академик Бартольд, – не имеющие возможности кочевать жатаки».² Другой характерной чертой этого процесса было то, что в Букеевском ханстве переход к полуоседлой жизни не был связан непосредственно с земледелием, как это наблюдается в жизни других народов и других районов Казахстана. Почвенные и климатические условия орды не благоприятствовали ведению земледельческого хозяйства.

Переход к полуоседлому и оседлому образу жизни обусловил изменение цикла и формы хозяйствования. Сенокосение, оборудование зимних укрытий для скота начинают занимать значительное место в экономике скотовода. «Когда приходило покосное время, они (т. е. жители Букеевской орды. – С. 3.) отправлялись на свои покосы и скошенное сено свозили к своим зимовкам, для топки домов зимой они свозили к ним кизяк. Зимовки свои они обрывали канавами, устраивая из вынутой земли земляные валы, и через то делая ограды для охранения от сильных стуж хотя бы части более нежного и вновь родившегося скота».³ Э. Островский, побывавший в Букеевской орде в 1859 г., отмечал: «Летом киргизы начинают запасаться сеном для зимы и нанимают иногда луга вблизи своих зимних кочевков».⁴ О том же писал И. Казанцев, служивший в течение 20 лет при канцелярии оренбургского губернаторства и хорошо знавший внутреннюю жизнь орды. «Многие киргизы стали заготавливать корм и

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 104.

² Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, с. 120.

³ Иванов М.И. Указ. соч., с. 16.

⁴ Островский Э. Указ. соч., с. 76.

устраивать зимовки».¹ «Уже некоторые из кочующих, – подтверждал А. Терещенко, побывавший в Орде в начале 50-х гг. XIX в., – начали заводить домиками и землянками, строить хутора кибиточные, приучаться к косе и сохе».² Жители Букеевской орды «...всегда запасают на зиму сено, – писал один из очевидцев, – как подспорье подножному корму и как средство поддерживать силы животного в трудные периоды зимнего времени».³

Тенденцию к оседанию кочевого аула, ставшую к середине XIX в. значительной, дореволюционные авторы, многие из которых состояли на службе у царского правительства, стремились всецело связывать с политикой Джангир-хана, его личностью и убеждениями.⁴ «Хан старается, – писал Г. Есипов, – убеждением и увещеванием приучить киргизов к одной весьма важной мере в этом отношении, а именно: к постоянным зимовым кочевьям».⁵ «Джангир, чтобы стимулировать домостроительство в Ханской ставке, наделял желающих землею безвозмездно»,⁶ – указывает другой автор. Еще больший акцент на это делает М. Троицкий. «В последнее двадцатилетие, – читаем в его записке, – под благоразумным управлением хана Джангира Букеева, генерал-майора русской службы, развилась в киргизах склонность к оседлой жизни».⁷

Нетрудно понять этих авторов – они были заинтересованы в хане Джангире, верном проводнике правительственной политики во Внутренней орде. Этим мы не хотим сказать, что ханская политика не играла никакой роли в объективном процессе оседания кочевников-скотоводов. Убеждения хана

¹ Казанцев И. Указ. соч., с. 218.

² Терещенко А. Указ. соч., с. 75.

³ Медведский Т. Указ. соч., с. 293.

⁴ Бытовало мнение, что Джангир-хан, женившись на дочери оренбургского муфтия Фатиме, воспитанной в условиях оседлой городской жизни, стремясь угодить ей, стал сторонником оседания кочевников и возведения постоянной ставки управления.

⁵ Есипов Г. Указ. соч., с. 299.

⁶ Евреинов А. Указ. соч., с. 62.

⁷ Троицкий Н. Указ. соч., с. 99.

Джангира, связанные с признанием пользы перехода кочевников в полуоседлое состояние, а также его политика в этом направлении играли положительную роль в развитии этой тенденции, но не определяли ее зарождение и оформление как общественного явления.

Хан Джангир видел в оседании кочевников не столько пользу «гражданского устройства» населения, сколько выгоды управления им. В одной из своих записок он писал: «Пример, который я подал к домозаведению, и мои личные убеждения побудили родоначальников и некоторых старшин к постоянному устройству на зимовках домов и землянок с некоторыми хозяйственными принадлежностями. При дальнейших внушениях и убеждениях очевидностью удобства и пользе этого, киргизы начали мало-помалу устраивать землянки. Стремление к таким постройкам при почти всегдашних зимних холодах развивалось столь быстро, особенно в Нарын-песках и к Малому Узеню, что я сам изумлен был многочисленностью землянок: число их далеко заходит за тысячу. Каждый зажиточный киргиз думает и старается, несмотря на трудности доставки и дороговизну леса, сделать себе землянку. Все эти жилища в орде можно разделить на зимовые ставки родоначальников и зимовки старшин и простых киргизов. Первые находятся на зимовых местах, занимаемых родоначальниками, и состоят из небольшого дома для самого родоначальника, двух-трех землянок для других помещений и самых необходимых небольших хозяйственных построек. Вторые расположены на участках, назначаемых мною отделениям родов для зимнего их кочевья: эти зимовки состоят из глины и небольших домов. На зимовки султаны, старшины и киргизы прикочевывают с наступлением осенних холодов; кто имеет дома и землянки – живет в них, а у кого их нет, тот по-прежнему живет в кибитке до наступления теплого весеннего времени. С этой поры все выходят со скотом на летние пастбища, в степь, и кочуют опять с лета до холодов».¹

¹ Небольсин П. И. Указ. соч., с. 235-236.

Многие современники переход казахских кочевников к полуоседлости и оседлости, домостроительству и сенокосению связывают с массовой гибелью скота в зимние месяцы 1827 и 1828 гг. Колоссальный урон, понесенный в эти годы скотоводами, заставил их искать пути самосохранения. По данным Астраханского губернатора, в 1827 г. от бескормицы – джута – в ханстве пало до 111 тыс. лошадей, 45 тыс. голов крупного рогатого скота, около 6 тыс. верблюдов и 220 тыс. баранов,¹ а в 1828 г., как сообщает чиновник оренбургского губернаторства, в результате жестоких и длительных буранов жители Букеевского ханства потеряли 10 500 верблюдов, 280 500 лошадей, 75 480 голов скота и 1 012 000 баранов. В период вьюги, как описывает тот же автор, «весь скот шарахнулся к северу, в Саратовскую губернию, частью попадал в овраги и рытвины, частью замерз на голой степи, частью был утаен поселенцами разных деревень».² Массовая гибель скота в результате бескормицы и стихийных бедствий наблюдалась и в последующие годы. Так, в одном из донесений было сказано, что только в течение трех дней – 21 – 23 марта 1833 г. – от сильного мороза с бурей, который ударил после сильного дождя, погибло более 15 тыс. лошадей, а также баранов «во всей орде великое число».³ В суровую зиму 1832 г. скотоводы в районе Приморья потеряли почти половину всего скота, а казахи северной части орды в массовом порядке начали переходить в пределы соседней Саратовской губернии.⁴ В зиму 1840 – 1841 гг. в ханстве погибло более 150 тыс. голов разного скота.⁵

Казахские аулы, не успев оправиться от одного джута, попадали в другие, не менее опустошительные. В этих условиях культивирование сенокосения там, где было возможно, постройка пусть даже примитивных укрытий для скота и

¹ Цитируется по кн.: Вяткин М.П. Указ, соч., с. 248.

² Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. Ч. 2. Спб., 1848, с. 38.

³ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 6, л. 38.

⁴ ЦГДА, ф. 186, оп. 1, д. 11, л. 55-56.

⁵ Есипов Т. Указ, соч., с. 297.

возведение зимних жилищ явились необходимостью в хозяйственном и жизненном цикле кочевников-скотоводов. В Букеевском ханстве быстрее, чем в Зауральских степях, эта необходимость становилась реальностью. Имеющиеся в архивах материалы содержат немало сведений о планомерной заготовке сена казахами не только в районах стойбищ, но и на арендуемых землях. Так, на землях князя Юсупова и графа Безбородько, что лежали на побережье Каспийского моря, казахи систематически заготавливали сено.¹ В 1830 г. они накосили на этих землях около 550 тыс. снопов.²

Тенденция к оседанию и переход части казахских семей в полуоседлое и оседлое состояние внесли определенные изменения в структуру их хозяйственной жизни, расширили и сделали более разнообразными потребности хозяйственного и домашнего обихода.

Полуоседание кочевников привело к некоторому росту числа возделываемых полей около зимних жилищ, хотя почвенные и климатические условия здесь были крайне неблагоприятны для развития земледелия. И.Ф. Бларамберг отмечал, что территория, занимаемая ими, является «совершенно неудобной для хлебопашества и почти безводная».³ Об этом же писал и Г.О. Есипов. По его мнению, «орда рассеяна по огромной степи совершенно неудобной для хлебопашества и годной единственно для скотоводства».⁴ Царское правительство не было заинтересовано в развитии земледелия в казахских степях, в нем оно видело причину нарушения системы колониальной торговли, рынков сбыта. «Существует мнение, – писал чиновник из центрального статистического комитета А. Артемьев, – что киргизов необходимо отвлекать всеми мерами от земледелия, что развитие его между ними причинит вред русским, сделает подрыв нашей меновой торговли, потому что прилинейные жители тогда не будут

¹ ЦГДА, ф. 1290, оп. 2, д. 452, л. 5.

² Там же, л. 7.

³ Бларамберг И. Ф. Указ. соч., т. 14, ч. 3, с. 26.

⁴ Есипов Г.О. Указ. соч., с. 294.

иметь возможности сбывать свой хлеб киргизам».¹ Правда, этот взгляд мало повлиял на жизнь Букеевского ханства.

Начиная с 30-х гг. земледельческое производство получило некоторое развитие. В процессе перехода к полуседлой жизни казахи, хотя еще в незначительных размерах, начали обрабатывать целину. В летнее время при зимовках оставались семьи, которые занимались посевом.² Некоторые султаны нанимали для земледельческих работ русских крестьян. В урочищах Каракуль, Пороги, Сарай-Шиганак, в окрестностях форпоста Талового, по берегам р. Большой Узень отдельные семьи занимались обработкой полей и сеяли просо и хлеб.³ Орудия труда и способы земледелия у казахов были примитивными.

В связи с ростом потребностей населения в ремесленных товарах, что было обусловлено переходом населения в полуседлое состояние и влиянием быта оседлых соседей на образ жизни казахов в Букеевской орде, начиная со второй четверти XIX в., несколько увеличилось значение ремесленного дела. Советник Букеевской орды С. Бабаджанов в своих письмах сообщает, что хан Джангир в свою бытность на Кавказе пригласил в орду золотых и серебряных дел мастеров, которые обучали своему искусству казахов.⁴ Журнал «Сын Отечества» в 1840 г. писал, что казахи орды «получили посредством русских познания во многих ремеслах»,⁵ но в целом ремесло, как и земледелие, в первой половине XIX в. в орде развивалось медленно и сохраняло в основном бытовой характер, уровень навыков производства оставался весьма низким.

Процесс оседания населения и связанные с ним изменения экономической жизни общества оказали влияние и на жизнь казахского аула, внутренние и межаульные отношения.

¹ Артемьев А. Несколько заметок о киргизской степи Оренбургского ведомства. – Журн. МВД, октябрь, 1859, с. 37.

² Шахматов В.Ф. Указ. соч., с. 40.

³ Оренбургский листок, 1887, № 29; Журн. МВД, 1859, февраль, с. 70.

⁴ Северная пчела, 1861, № 4.

⁵ О Внутренней, или киргиз-кайсацкой, орде. – Сын Отечества, 1840, ч. 5, с. 233.

Аул являлся первичной хозяйственной ячейкой в кочевом казахском обществе. Вместе с тем он был социальной клеточкой и низовой, простейшей структурой общественного управления. При всем этом главным фактором, определявшим внутреннюю жизнь и организацию аула, оставались интересы ведения скотоводческого хозяйства, основанного на кочевой и полукочевой системе.

По своему быту и организации он был подвижным и мобильным и, несмотря на отсталость, патриархальность, обладал значительной чувствительностью к изменениям внешних условий. Он реагировал на происходящее вокруг и на политику властей, относящуюся к внутренней жизни аула, почти мгновенно и непосредственно. Это имело свои плюсы и минусы.

Число хозяйств, входящих в казахский аул в различных частях края, зависело от многих причин: от состоятельности его членов, времени года, травостоя, безопасности кочевой полосы, длины перехода и т. д. «Аулы, или, лучше сказать, семейства, – писал Г. Броневский (1830 г.) о Среднем жузе, – бывают, смотря по величине фамилии, от 5 до 70 юрт».¹ «Стан от 10 до 100 и более кибиток с семействами, происходящими от одного поколения и кочующими всегда вместе, называется улусом, или аулом, и заведывается большей частью аксакалом, белобородым стариком преклонных лет», – писал журнал «Сын Отечества». Судя по этим и другим данным,² крупные аулы, каждый из которых имел в своем составе от 50 до 100 семейств, были нередкими в Среднем и в Младшем жузах. В то же время стало заметным дальнейшее уменьшение аула всюду. Мейер, служивший в пограничных органах и изучавший жизнь казахов, сообщает, что в 50 – 60-х гг. в Зауральской степи много было аулов по 15 кибиток в каждом.³

В Букеевском ханстве процесс дробления аула был особенно сильным. Причину такого положения следует искать

¹ Броневский Г. Записка о киргиз-кайсацкой средней Орде. – Отечественные записки, 1830, ч. 42, с. 186.

² Казанцев И. Описание киргиз-кайсаков. Спб., 1867, с. 34.

³ Мейер Л. Указ. соч., с. 247.

в особенностях внутренней жизни казахского общества этого региона, в режиме и формах его хозяйствования. Имели значение и ослабление феодальных и межродовых усобиц, известная стабилизация общественной жизни в ханстве. На факты дробления аулов во Внутренней орде указывали многие исследователи.¹ Так, Э. Островский писал, что по дороге из Астрахани в Букеевскую ставку «через каждые 20 – 30 и более верст встречается по одной или по несколько киргизских кибиток, составляющих их аулы». Дробление хозяйственной ячейки – аула – на мелкие части нельзя расценивать иначе как стремление отдельной семьи отпочковаться в аул. Это было одной из общественно-хозяйственных особенностей Внутренней орды первой половины XIX в.

Исторически в основе формирования аула лежали кровнородственные связи его членов. В рассматриваемый период в составе большинства аулов нередко доминировали группы хозяйств, связанные непосредственными и дальними родственными отношениями. Это давало повод многим русским путешественникам и чиновникам видеть в казахском ауле подобие союза кровноблизких семейств или большой патриархальной семьи. Царский офицер, в течение ряда лет участвовавший в управлении казахской степью Сибирского ведомства, Г. Броневский писал, что «аул как бы одно семейство, дети и близкие родственники суть подчиненные бия-старшины».² А. Евреинов также усматривал в ауле нечто единое. По его словам, аул в Букеевском ханстве составляет «почти всегда одно семейство, где старший, как глава его, распоряжается всем. Голос его – закон остальным».³

От аула как начальной общественной организации и хозяйственной ячейки с низовым управлением следует отличать выбившиеся из аула по разным причинам небольшие семейные группы или отдельные семьи, жившие в отдельные сезоны года обособленно в пространстве и по-своему вольно.

¹ Островский Э. Указ. соч., с. 66; Медведский Т. Указ. соч., с. 290.

² Броневский Г. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды. - Отечественные записки, 1830, т. 42, с. 91.

³ Евреинов А. Указ. соч., с. 84.

Но и эти кочевники всегда имели своего покровителя из знати, независимо от того, кем он приходился им с точки зрения родства и где кочевал в данный момент.

Структуру аула того периода можно представить как ядро и его окружение. Ядро аула выступает доминантой во внутренней жизни коллектива: оно осуществляло власть, сосредоточивало скот и владения пастбищными участками и зимовкой. Нередко в ядро аула входили хозяйства, имеющие родственные связи, как правило, не далее третьего колена. Это, однако, не делало отношения между ними в сфере социально-экономической жизни кровнородственными, хотя в определенной мере «смягчало» их, придавало им патриархальный характер. Родственные отношения больше всего сказывались в сфере быта, традиций и патриархальных общественных учреждений. Среди членов ядра аула, как бы они ни были близки друг другу по родственной линии, существовала имущественная обособленность и имущественное различие, которые и определяли место каждого из них в социальной жизни как внутри ядра аула, так и в ауле в целом.

Окружение ядра аула составляли дальние родственники и так называемые кйрме – пришельцы из других родовых групп, занимающие подчиненное, номинальное положение по отношению к основной группе, составляющей ядро аула.

Процесс смешения выходцев из разных подродовых ветвей при формировании аулов в Букеевском ханстве также был более глубоким, чем в Зауральской степи. На это обращали внимание многие современники, участвовавшие в управлении ордой после смерти Джангир-хана. Так, М. Иванин указывал, что в Букеевской орде «почти нет ни одного отделения, в котором значительное число кибиток не кочевало бы в других отделениях и родах, перемешавшись по всей орде».¹

Своеобразием аульной организации в Букеевской орде являлось также выделение богатых хозяйств с работниками из крупного аула в подаул с целью получения привольных пастбищ.

¹ Иванин М.П. Указ. соч., с. 18.

К рассматриваемому нами периоду казахские аулы перестали быть кровнородственной организацией, в которой доминировали отношения родственной солидарности. Аул представлял собой малое сообщество собственников, богатых и бедных, знати и тружеников, влиятельных и подданных. Хозяйства, объединенные в аулы, находились в состоянии хозяйственной, экономической и социальной зависимости друг от друга. Аул был не только хозяйственной ячейкой, но и организацией низового самоуправления, во главе которой стоял предводитель, старейшина, аксакал, обладающий определенной прерогативой власти в системе отношений господства и подчинения, часто прикрытых патриархальной оболочкой.

Новое в земельных отношениях

Земельные отношения в Букеевском ханстве имели свои внутренние и внешние проблемы. Через всю его историю проходят территориальные споры между ханством, с одной стороны, и уральскими, астраханскими казачьими поселениями, прикаспийскими помещичьими владениями – с другой. Хан Букей через своих депутатов, направленных к царю в 1814 г., передал жалобу, что «некоторые частные люди завладели землями, издавна киргиз-кайсакам для кочевья в Астраханской губернии пожалованными».¹ Султан Шигай, исправлявший ханскую должность после смерти Букея, в 1819 г. сообщал Оренбургскому военному губернатору, что землемер из Астраханской губернии отторгнул из владения ханства полосу на его западной территории шириною до 40 верст. К тому же, как он писал, плодородные обширные участки по р. Большой Узень захвачены Уральским войском вопреки царскому Положению об отводе земель казахам.²

По предписанию Министерства иностранных дел, куда стекались жалобы о захвате части территории Букеевского ханства, создавались комиссии астраханского и оренбургского губернаторств, посылались группы землемеров для уточнения, в который раз, земельных пределов ханства и рассмотрения споров. Ответственный чиновник Оренбургской пограничной комиссии Кузнецов в донесении губернатору от 20 июля 1825 г. указывал, что одна спорная территория – это участок между р. Большого и Малого Узеня, простирающийся до Камыш-Самарских озер, имеющий в поперечнике 30 – 50 верст, в длину около 150 верст, где зимуют ежегодно около 3000 кибиток со скотом, «зимнее пребывание их сохраняет скотоводство, но и здесь неизвестно почему Уральское казачье войско их не допускает».³

¹ Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4, с. 276.

² Там же, с. 277.

³ Там же, с. 288.

Казахские аулы и роды, перекочевавшие во внутреннюю сторону, по свосму хозяйственному укладу, образу жизни, традициям и обычаям в первое двадцатипятилетие оставались такими же, какими были до перехода. Они оставались кочевыми скотоводами и изредка занимались земледелием на небольших оазисных участках среди песков. Освоение новых территорий под пастбища проходило по традиционной схеме: сильные кочевые коллективы обосновывались на лучших угодьях и устанавливали на них свои права, а вновь прибывающие аульные группы осваивали периферийные, свободные, менее ценные пастбищные массивы. Правители (султан Букей, а после него султан Шигай) не меняли складывающиеся земельные отношения. «Так как число переселившихся было незначительно, сравнительно с пространством представленных им земель, то Букей не видел надобности прибегать к особым наделам отдельным общинам и лицам: киргизы разместились по степи, как хотели. Они часто переходили с места на место, но споров из-за отдельных участков не возникало. Короче, при Букее и после – в первое двадцатилетие настоящего столетия о наделах, а следовательно, и о поземельной собственности не было и речи».¹

Такое «мирное», во многом стихийное освоение нового района продолжалось недолго. В связи с приливом новых групп кочевников из-за Урала, а также с выдвиганием родовых коллективов, претендующих на лидерство, на особое положение в новом ханстве вообще, система землевладения, ее структура и содержание стали претерпевать изменения.

Ограниченность пастбищных угодий с самого начала образования орды на первый план выдвинула проблему интенсивного вместо традиционного пространственного их освоения. Надо также иметь в виду, что царское правительство собиралось сделать Внутреннюю орду «примерным» уголком Казахской степи в смысле управления и пользы колониальной опеки. Эта политика существенным образом опиралась на земельные отношения.

¹ Медведский Т. Внутренняя киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении. – Журн. МГИ, 1862, с. 286.

Среди ответственных царских чиновников, проводивших колониальную политику в Казахстане, было распространено мнение, что традиционное казахское землепользование подвижно и неопределенно, что вносило хаос в управление и затрудняло выполнение задач царского правительства в Казахстане. Было решено на территории Букеевского ханства испытать новый подход к казахскому земельному вопросу. Отдельные земельные участки официально закреплялись за местной знатью и определенными кочевыми коллективами. Теперь они могли кочевать только в пределах отведенных им земель.

Сенатор Энгель после ознакомления на месте с положением в ханстве 4 февраля 1828 г. подал записку управляющему Министерством иностранных дел графу Нессельроде, в которой проводил идею, что кочевое казахское население орды «не иначе основаться может, как приобретением собственности, охраняемой законами».¹ «Можно бы представить главному над ними начальству испытать следующий способ, – писал он. – Киргизы летом кочуют по всей степи на так называемых общих пастбищах, но зимою каждый род привык «отходить» в свои места, расположенные в Нарын-песках, в районах моря и Камыш-Самарских озер. Найдутся в других местах годные участки для зимования, закрепить бы эти участки желающим иметь в их исключительную собственность». Отвечая на вопрос, какие последствия могут иметь эти меры, сенатор Энгель рисовал такую картину: «Новые собственники сии, заведя какое-либо хозяйство и со временем построив жилые дома, не станут, вероятно, покидать заведения свои без надзора во время отсутствия на летнее кочевье и будут оставлять при оных караулы, да и сами возвращаться по временам для кошения сена и уборки хлеба и огородов. Постепенно заботливость подобная, естественно, возрастать должна, и, наконец, понятие о собственности исключительной и неотъемлемой под защиту законов привяжет и киргиз к месту, которое содержит в себе прочное благосостояние, чего они теперь вовсе чужды, не

¹ Материалы по истории Казахской ССР. Т. 4, с. 295.

быв привязаны к месту общего владения, где после потравы корма не оставляют они ничего, чем бы дорожить могли. Надеяться можно, что тогда будут сберегаемы леса, растущие по многим местам, теперь без пощады истребляемые и сжигаемые».¹

Этот план нашел положительный отклик и был санкционирован оренбургским губернатором, под надзором которого находилось Букеевское ханство. Расчетливый хан Джангир усмотрел в этом плане возможность для создания и упрочения социальной опоры ханской власти в лице крупных землевладельцев, возможность усиления влияния центральной ханской власти и для ослабления позиции «старой знати» в родах, не оказывающей поддержку его многим нововведениям в ханстве.

Хан Джангир осуществил этот план иначе, чем предлагало правительство. Он раздал в собственность не только незанятые зимние места, но распределил и перераспределил почти все лучшие и удобные угодья, наделив ими главным образом султанов, ходжей, наиболее влиятельных биев и старшин. Хан в письме от 12 декабря 1830 г., адресованном председателю Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генсу, напоминал ему: «Вы мне советовали приступить к сей мере, особенно же к султанам-родоправителям».² Далее хан откровенно заявлял, что этими мероприятиями «между разными народными выгодами доставился бы мне способ устранять некоторых из султанов, кои по многочисленности своей чувствительно уже начинают становиться в орде лишними».³

В результате земельной реформы луговые места и лучшие пастбищные массивы оказались сосредоточенными в руках самого хана и крупных феодалов. Сам хан официально закрепил за собой 400 тыс. десятин лучших угодий, где были посажены его туленгуты, слуги с хозяйствами. Ханское владение имело все черты феодального домена с особенностями

¹ Там же.

² Приводится по кн.: Шахматов В. Ф. Указ. соч., с. 49.

³ Там же.

кочевого общества. В письме к правителю нескольких родов Тауке Букейханову в 1841 г. хан, указывая точные границы своего владения в районе Камыш-Самарских озер, требовал от него объявить всем подвластным султанам, старшинам и населению, кочующим в том районе, «осуществлять просмотр и охрану этих участков, не пользоваться ими без разрешения».¹ За султанами Мушегали и Шингали Урмановыми было закреплено 700 тыс. десятин, земельное владение брата хана султана Менлигирея Букейханова и тестя Караулходжи Бабаджанова составляли по 400 тыс. десятин угодий. «И многие другие стали собственниками более или менее в огромных размерах».² Для рода ногай, самого малочисленного, но самого близкого хану за заслуги перед ханом было отведено 1800 тыс. десятин. Военный оренбургский губернатор в 1847 г. писал, что «ногаевский род владеет почти 1/4 всех поземельных угодий в орде, а остальные 16 родов пользуются 3/4, не стоящими по удобству одной четверти, отведенной ногайцам».³ В итоге в исключительном владении крупной знати и рода ногай оказалось в общей сложности около 60 – 70% всех угодий, которыми располагало ханство.

После смерти хана было установлено, что он «большую часть земель этих или раздал по своему произволу и усмотрению родственникам и приближенным своим, или продал отделениям разных родов и даже нередко богатым ордынцам в исключительное каждому пользование».⁴ В результате этого оказалось, как признал сам губернатор, «у одних земли чрезвычайно много, а другие не имеют ничего и вынуждены платить за кочевку свою по произволу тех, у коих занимают места».⁵

Щедро были наделены землей влиятельные родовые начальники. В ряде случаев, согласно ханскому акту, они являлись собственниками не только лично им принадлежащих

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 32, л. 1.

² Там же, ф. 4, оп. 1, д. 50, 42, л. 19.

³ Там же, д. 2435, л. 2.

⁴ Там же, д. 50, л. 19.

⁵ Там же, д. 2435, л. 2.

луговых и зимних участков, но и всей площади, отведенной подвластным им кочевникам. Это усилило не только значение родовых управителей, превратившихся уже в наместников ханской власти, но и эксплуатацию трудовых крестьян, злоупотребления со стороны этой группы знати в распределении кочевьев между аулами и отдельными хозяйствами.

Наряду с крупным землевладением формировалось мелкое крестьянское землевладение, которое распространялось в основном на места зимних стоянок и сенокосные луга. В отношении сенокосения «у киргизов нет общинного владения в том виде, как оно существует у русских, – писал Т. Медведский. – Нет, например, передела сенокосов, равномерного распределения паев, каждое семейство пользуется клочками земли, раз и навсегда отведенными ему под сенокосение. Поэтому семейство, которому раз достался плохой или богатый надел, остается при нем постоянно».¹ Распределением участков, удобных для зимования и сенокосения внутри рода и общины в большинстве случаев ведал сам хан. Уполномоченные им люди, родоуправители, претворяли указания хана в жизнь. Архивные материалы в качестве таких представителей упоминают имена султана Менлигерее, Чуке Идилбаева, бия Кенжегали Курманхожаева² и др. Наделение земель было важной статьёй доходов ханской казны. Давшие хорошие «подарки» получали хорошие участки. В одном из донесений ханский служащий Чуке Идилбаев писал, что только за то, что он определил границу отведенного ханом участка одному из отделений (35 хозяйств) рода байбакты получил в «благодарность» пять верблюдов.³

Наделение земель кочевников проводилось с особой тщательностью. Границы земель нередко отмечали вехами, колышками, отмеривали веревкой и шагами,⁴ особенно, когда речь шла о крестьянских наделах. Размеры этих наделов

¹ Медведский Т. Указ, соч., № 8, с. 309.

² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 42, л. 42.

³ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 42, л. 37.

⁴ Такой порядок был внедрен и узаконен самой ханской властью (ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 29, л. 23).

были невелики. Так, в 1834 г. некоему Темирову был отведен участок для зимования и сенокосения длиной 5 верст и шириной 3 версты,¹ Батанбаеву – длиной и шириной по одной версте для зимования, сенокосения и возведения жилища.² У родственников хана, султанов, биев, старшин, мурз и богатых скотовладельцев каждая семья владела несколькими урочищами или крупным урочищем с водой и колодцами.

Каждое распределение земли оформлялось письменным актом, а ее владельцам выдавались на руки свидетельства (куалик-нэме), официальная бумага (нэме-кагаз) либо разрешение (руксат-нэме), которые юридически узаконивали право использования указанных в них участков. Таких актов в ханской канцелярии за время с 1830 по 1844 г. накопилось 1517.³ Среди них было немало выданных на отмену прежних, взамен ранее выданных или новых актов, уточняющих владение. Поскольку эти ханские акты – явление уникальное в истории казахских ханств и не практиковались прежде в земельных отношениях в степи, на наш взгляд, интересно привести несколько фрагментов из них.

Листы, выданные ханом: а) Почетному султану Тауке Букейханову⁴ (на исполнение). По воле нашей и принимая во внимание просьбу (указанного ниже султана) даю разрешение ему на владение (землю) на Камыш-Самарских, на острове, называемом Ак-Крме, на участке, где находится известная могила и песчаные холмы, далее колодец в песках и вдоль могил Уш-Кемпир и Шапа, к востоку от нее к пескам, от последних к западной окраине песков Кок-терек, оттуда к месту находящейся там одиночной могилы, а затем в направлении к двум колодцам, стены которых обложены плетью, с тем чтобы султан Мэзкур Букейханов пользовался этими местами и охранял их от погрома со стороны других. Поручаю Вам ставить в известность об этом почтенных, уважаемых людей и всех казахов, находящихся под вашим

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2А, д. 42, л. 39-40.

² Там же, л. 41.

³ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2435. л. 37.

⁴ Один из ближайших и влиятельных родственников хана.

управлением. Писано свидетельство 5 сентября 1841 года, о чем я, хан Джангир Букейханов, приложил свою печать;¹ б) Выдано Манапу Алдиярову из тайфы орыс рода маскар на владение землею с его подвластными, ограниченной с одной стороны дорогой Хан Келген, проходящей по песку Борлы, а с востока – тропой, лежащей на урочище Асаубай, с третьей стороны – линией, указанной старшиной Шоканом по местности Конур-Тобе и могилой Байнеке, далее на протяжении одной версты по песку Борлы, что было указано в свидетельстве, выданном в 1834 г. Подтверждено в 1841 г.²

Свидетельства, выданные ханским служащим Шока Идильбаевым: а) Согласно распоряжению Высокостепенного, на месте ознакомился со свидетельствами, выданными прежде ханом на владение участками земли киргизам байбактинского рода и каждому из них (всего 8 человек. – С.3.) заново отвел участки с указанием границ. 1840 – 1841 гг.;³ б) Свидетельство дано Шомхар Башанбаеву из тайфы бесары рода тана. На месте осмотрел и закрепил за ним участок земли длиной в один верст, шириной в один верст. Границы намечены вехами. Служащий (хана) из караши Шока Идильбаев приложил свою печать.⁴

Территория, занимаемая Букеевским ханством, считалась государственной собственностью России, а ее верховным распорядителем было русское самодержавие. Однако царское правительство не вмешивалось в систему землевладения в орде и в сферу деятельности хана в земельном вопросе, считая это внутренним его делом. «Русское государство с самого начала отклонило от себя всякое вмешательство во внутренние дела киргизов по предмету разверстания земельных угодий между различными родами».⁵

Система частного и фамильного землевладения, которой были охвачены самые лучшие в хозяйственном отношении

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 32, л. 1.

² Там же.

³ Там же, д. 25, л. 2.

⁴ Там же, оп. 2, д. 42, л. 25.

⁵ Медведский Т. Указ. соч., с. 286.

и обширнейшие угодья, нанесла ущерб общинно-родовому принципу землепользования у казахов. Участки, оставленные на общее пользование кочевых коллективов, составляли менее 1/3 площади ханства.¹ Они находились преимущественно в пустынной и песчано-полупустынной зоне и использовались в основном как летние пастбища малосостоятельными кочевыми коллективами, не наделенными пастбищными массивами на основании особого ханского акта. Эти общинные земли, в свою очередь, распределялись между родовыми подразделениями, имели четкую определенность. Ханыков Я.В. писал, что «кочевья их (казахских аулов. – С.3.) обозначаются бесчисленными, разноименными урочищами».² «Хотя киргизы переходят с места на место, – указывал Э. Островский в 1859 г., – но перекочевки их ограничены известными правилами, так что каждый киргиз пользуется только определенным для него поземельным участком, как для летней, так и для зимней кочевки».³

Земли, отведенные под общее пользование, настолько были малы или неудобны, что ни в какой степени не могли удовлетворить потребности кочующих там коллективов. Преобладающее число аулов уходя из одного владения, попадали в пределы владения другого собственника и в конце концов оказались вынужденными платить определенную подать, арендную сумму владельцу угодий за пользование и кочевание на их землях. «...Некоторые роды до такой степени стеснены были в поземельных угодьях, – говорится в одном из очерков о Букеевском ханстве, – что бедным киргизам решительно негде стало пасти свои стада, и они начали искать убежища и приюта у соседних владельцев».⁴

Крупные землевладельцы постоянно стремились расширить границы своих владений за счет земель маломощных общин, а также за счет внутриобщинных и пастбищных угодий, принадлежащих коллективу.

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 5042, л. 19.

² Ханыков Я.В. Очерк состояния Внутренней киргизской орды., с. 30.

³ Островский Э. Указ. соч., с. 77.

⁴ ЦГАДА, ф. 186, оп. 1, д. 11, л. 19.

Зажатые в тиски трудовые массы часто целыми аулами, общинами уходили за пределы ханства в поисках пастбища и оказывались вовлеченными еще в большей мере в сферу феодальных отношений. Казахи переходили в Саратовскую губернию, в астраханские степи, снимали в аренду обширные приморские участки у помещиков Безбородко и Юсупова.¹ На землях последних, по сведениям астраханского губернатора, постоянно кочевала почти третья часть населения орды.

Создавшееся положение вызвало к жизни новые социальные противоречия в аулах, усилило процесс разрушения родовой компактности расселения населения, ослабила патриархально-родовые учреждения и обычные правовые институты. Резко сократилось количество скота. Если в 1822 г. на одну кибитку приходилось по 267 голов разного скота, то в 1840 г. – 153, а в начале 60-х гг. всего 37 голов скота.²

В Букеевском ханстве сложилась иерархия землевладельцев. Самым крупным из них был хан. Внизу иерархической лестницы находился шаруа со скромным наделом для зимней стоянки, почти полностью зависимый от феодала, на земле которого он жил. Земля превратилась в объект торговли, злоупотреблений и тяжбных дел. Сам хан Джангир считал, что 6-7 тыс. семей, т. е. около 1/4 населения, не имели земли.³

Таким образом, в Букеевском ханстве существовали следующие формы землевладения:

- владения крупных землевладельцев – ханского дома, султанов, влиятельных биев, перешедших на службу к хану;
 - владения средних и низовых слоев феодального класса.
- Как правило, они находились во главе небольшой группы хозяйств, аулов. Зимовки и сенокосные участки, отводимые

¹ Эти владения занимали лучшие угодья по побережью Каспийского моря, между устьями Волги и Урала. Их протяженность составляла 300 верст и в глубь степи от 10 до 35 верст, а всего, по исчислению Астраханской казенной палаты, – 331 942 десятины. Они управлялись приказчиками, и на них в 1825 г. проживало всего 80 – 90 семей (ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 284, л. 28 – 29).

² Алекторов А. Внутренняя Букеевская орда. – Деятельность, № 22.

³ Небольсин Г.И. Указ. соч., с. 235.

этим хозяйствам, закреплялись за феодалами. В свою очередь, феодал отводил площадь каждому хозяйству, при этом в силу первоначального акта он являлся носителем права собственности на весь участок с вытекающими отсюда последствиями;

- владение крестьянского двора. Многие крестьянские хозяйства имели определенный участок, на котором возводили зимнее жилище, иногда косили сено. Крестьянские владения по сути своей были феодальными наделами и связаны с несением «добровольной» повинности;

- общинное владение, устанавливаемое на ограниченные районы летних и осенних пастбищ.

Некоторые казахстанские историки процессы, происходящие в области земельных отношений в Букеевском ханстве, считают аномалией в истории кочевого и полукочевого казахского общества. «Существование частных земельных владений в Букеевской орде было временным явлением, оно продолжалось всего 16 лет»,¹ – писал В.Ф. Шахматов.

С.Е. Толыбеков утверждает, что система феодального землевладения вообще чужда кочевому казахскому обществу и поэтому земельная действительность в Букеевском ханстве носила исключительный характер. «Вся история кочевого ханства казахов, – пишет он, – не знает никакого сословно-монопольного ханско-султанского землевладения, нам не известен ни один случай прикрепления к земле кочевника-скотовода, т. е. крепостничества».² Не отрицая наличия феодального землевладения в Букеевском ханстве, он целиком связывает его с волей царского правительства. «Букей и его потомки во Внутренней Букеевской орде приобрели право владельцев на эту землю на основании русского государственного законодательства, а не по древним обычаям кочевого общества казахов».³ Авторы допускают фактические

¹ Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964, с. 106.

² Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Алма-Ата, 1971, с. 389.

³ Там же, с. 385.

неточности, а неверные посылки не позволяют им сделать правильные выводы. Землевладение в Букеевском ханстве представляло собой определенный этап исторического развития казахского общества. Это было не временное явление, оно не только закреплялось, но и развивалось в последующие этапы истории орды, т. е. это было исконно казахское явление, а не привнесенное русским законодательством.

Исследователи часто оперируют жесткими схемами феодального общества, наиболее характерными для его развитой стадии, такими как прикрепление к земле и его юридическое оформление, крепостничество, полновластие государей – земельных собственников. В том факте, что казахских ханов в XVII и XVIII вв. не раз покидали кочевые коллективы, С.Е. Толыбеков усматривает их неполновластность: «Если бы казахские ханы были полновластными государями, а кочевники-казахи – крепостными, прикрепленными к земле, находившейся в монопольной собственности у ханов-султанов, то этого могло и не случиться».¹ Но автор не учитывает того обстоятельства, что феодальные отношения многообразны по форме, и не бывает двух форм, похожих во всем одна на другую. Особенно существенно они различаются в кочевых и земледельческих обществах. В первых из них вовсе не обязательно наличие прикрепления непосредственных производителей к земельному наделу и установление на этой основе крепостнических отношений.

Кроме того, нередко внешние, историко-этнические наслоения в общественной жизни казахов вообще, в их земельных отношениях в частности, рассматриваются как содержание этих отношений. Подобный подход к проблеме также не позволяет дать ее положительное решение. Известную свободу перемещения кочевых аулов они расценивают как всеобщую свободу в пользовании пастбищами. В отсутствии юридического закрепления угодий за представителями знати видят отсутствие феодального землевладения, в возможностях оставления кочевниками одних кочевых районов и ухода в другие – господство «неограниченной свободы»

¹ Там же, с. 389.

и «ничейного» права на пастбищные угодья, которые якобы оставались характерными для феодального казахского общества на всем протяжении его истории.

Земельные отношения в Букеевском ханстве не представляли принципиально нового явления в истории Казахстана, но здесь они получили более глубокое и ускоренное развитие, выступали в несколько очищенном от патриархальных наслоений виде, к тому же они получили четкое властно-правовое оформление как системы феодальных и лично-крестьянских владений. Выданные на землевладение ханские ярлыки не устанавливали каких-то новых, ранее не известных в казахском обществе отношений. В земельных отношениях было узаконено то, что уже сложилось и фактически существовало в казахском феодальном обществе, но только в более размытой форме.¹ Этой точки зрения придерживаются многие крупные исследователи истории дореволюционного Казахстана.²

¹ Подробнее см.: Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958, с. 129-183.

² См.: Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. 1941, с. 348; Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, с. 68-70.

Ослабление патриархально-родовых учреждений и связей населения

Одной из характерных черт общественных отношений казахов была живучесть учреждений родоплеменной организации, пронизывающих все сферы жизни общества и быта населения. Более или менее свободной от патриархальщины областью общественных отношений были политические, а в них – властно-политические. Народные собрания, сходы, советы старейшин в рассматриваемый период в значительно измененных формах сохранились лишь в низовом звене управления – в аулах, в таких подродовых подразделениях, как ата-баласы, болим. На уровне ханской власти они давно перестали играть какую-либо роль, и если изредка созывались, то в порядке соблюдения утвердившихся формальностей (например, при избрании нового хана). Менее важные старые установки в сфере управления, приспособленные к политике хана и султано-бийской знати, продолжали еще играть определенную роль.

Несмотря на известное ослабление патриархально-родовых учреждений, традиций и обычаев в целом и даже разложение отдельных их звеньев, к началу XIX в. они еще оставались существенными факторами в общественной идеологии и сознании народа, в социальных отношениях и в сфере общежития, в связях между членами общества и в быту казахского населения. На фоне ускоренного изменения внешнеполитического положения Казахстана и переустройства внутренней жизни народа, в результате активного и все возрастающего влияния на нее колониальной политики царского правительства и проникновения в глубь степи русского капитализма патриархальные установления и нормы изменялись медленно, болезненно.

Патриархальные учреждения своими корнями уходили в отсталое кочевое и полукочевое скотоводческое хозяйство и в родовую номенклатуру, лежащую в основе социального деления населения. Местная феодальная знать цепко держалась

за старые традиции и учреждения и прикрывалась ими для проведения своей воли и угнетения трудовых масс. Запутанная сеть патриархальщины в быту и в общественной жизни скотоводы-шаруа воспринимали патриархально-феодальные отношения как predetermined раз и навсегда. Они не только не сознавали тяжесть родо-племенных пережитков, а следовательно, и не поднимались в своем развитии до критического отношения к ним, но в ряде случаев даже выступали с протестом против крутого изменения официальной властью некоторых сторон родо-племенных традиций и институтов, не угодных, с точки зрения интересов царского правительства, и перешедших к нему на службу феодальных группировок.

В Букеевском ханстве, как и в Младшем жузе, всецело сохранялось родовое деление населения. Считалось, что ханство состоит из 20 родовых групп, основная масса которых кочевала в Зауральской степи. Официальный учет населения, его обложение и управление велись по родам. Каждый род продолжал иметь свой боевой клич (уран), свое знамя, под которым при необходимости собирались сородичи. Правда, многие из этих атрибутов больше относились к области традиции.

Каждый род имел отделения (тайфы, аймак – около 140), а отделения, в свою очередь, – подотделения (тобе, атабала-сы – около 400). Низовым объединением населения был аул, включающий от 2 - 3 до 15 – 20 семей каждый. Число аулов в Букеевском ханстве в 40-х гг. XIX в. насчитывалось не менее четырех тысяч.

Родовая структура общества в Букеевском ханстве испытала ряд ударов. Наиболее ощутимым было изменение традиционного экономического уклада кочевников-скотоводов, на котором покоились пережиточные общинно-родовые отношения. Владение земельными угодьями-пастбищами, их освоение и эксплуатация развивались в орде своеобразно. Так называемые общинные пастбища, прежде занимавшие обширные пространства, предназначенные для летнего и осеннего кочевания скотоводов, были сильно ограничены. Наделение землей отдельных семей аула и небольших групп

хозяйств на основании актов ханской власти привело к преобладанию семейных и семейно-групповых интересов над внутриродовыми и к дальнейшему дроблению кочевого коллектива на мелкие группы. На основе системы поземельной собственности, охватывавшей 2/3 всей площади ханства, а главное – в результате сосредоточения лучших угодий в руках крупной и средней знати складывались новые формы феодальных отношений, феодальной эксплуатации, активно подрывавшие устои родовых пережитков изнутри. Эти феодальные отношения базировались не только и не столько на родовых понятиях, сколько на основе права владения землей и кочевания на ней. Большинство крестьян, лишившись кочевья, подпадало в открытую зависимость от знати.

Разложение кочевой общины в Букеевском ханстве было связано также с развитием торговли и растущим проникновением торгово-денежных отношений в глубь кочевых коллективов. Этот процесс здесь был более активным и более широким, чем в других частях Казахстана.

Изменение уклада кочевой жизни, вызванное в первую очередь обострением отношений землепользования, переход населения от экстенсивного кочевого скотоводства к полукочевому, заметный процесс полуоседания кочевников не могли не отразиться на патриархально-родовых институтах общественной жизни казахов.

Дальнейшему расслоению родовых коллективов и ослаблению патриархальных связей между членами общества способствовали также преобразования в управлении и организации местной власти. Наряду с родовым делением населения в Букеевском ханстве было введено и деление по территории. Ряд родов объединился под эгидой более крупного рода во главе с родоправителем. Немаловажное значение в ломке патриархальных представлений и связей населения имело превращение многочисленных старшин и биев в государственных (ханских) заместителей и служащих, в результате чего еще больше ослабла их связь с управляемыми родовыми подразделениями и кочевыми коллективами, основанная прежде на сознании родства с последними.

Известно, что выходцы из других родов – крме – всегда имели место в жизни и структуре казахских родов и его подразделений, однако это было нетипичным явлением. В Букеевском ханстве институт крме развился настолько, что порой «чужеродцы» составляли треть и более в составе той или иной родовой группы. Род ногай в 50-х гг. XIX в. имел в своем составе 5 отделений (тайф). Одно из них – куяс – насчитывало 443 своих и 75 семей крме.¹ В отделении уйсюнь на 214 хозяйств сородичей приходилось 21 хозяйство крме, а в отделении кустамгалий из 250 кибиток 102 принадлежали крме.² Такое положение наблюдалось и в других родах.

Институт крме служил показателем уровня смещения населения в родовых группах, отражал определенные социально-экономические процессы в обществе. Чем больше беднели рядовые скотоводы, тем больше становилось крме, чем более ослаблялись родовые связи кочевников, тем свободнее оставляли они своих сородичей в поисках более благоприятных жизненных условий, а это, в свою очередь, влияло на внутривидовые отношения.

Не только род, но и значительные родовые подразделения (аймак, тайфы) давно уже не были объединениями, основанными на общности пастбищных территорий или зимних стоянок. В Букеевском ханстве этот процесс был особенно заметным. Если в степных районах края большинство отделений и подотделений рода располагалось более или менее компактно, то во Внутренней орде к середине XIX в. раздробление и мельчание кочевого коллектива, использующего один общий пастбищный массив, становилось явлением доминирующим.

О характере и формах родового сообщества и степени его дробления дают наглядное представление архивные материалы. Так, в 1848 г. в подотделении умбет рода тана официально значилось 91 хозяйство. Оно имело свое отдельное управление во главе со старшиной и именовалось старшинством умбет. Отделение не имело общей пастбищной территории и кочевало в пяти разных местностях, разделенных владени-

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 74, л. 2-25.

² Там же, л. 29-31.

ями других кочевых коллективов. В документах дана следующая его характеристика: «51 хозяйство находится в песках Изтай и занимает там угодья длиной около 14 и шириной 5 верст, три семьи кочевали вместе с одним султаном; 30 семей занимают в песках Жиделы участок длиной 7 верст и шириной 3 версты; 6 хозяйств кочуют в песках Кулжахан и занимают землю в длину 2, в ширину 1 версту. Наконец, одно хозяйство находится в песках Айгыр».¹ Подотделение коссала этого же рода состояло из 64 семей-хозяйств, которые кочевали на 5 разделенных участках. Пять его хозяйств занимали урочище Тулеп длиной 7, шириной 3 версты, а другие 35 семей занимали в песках Рза пастбища длиной 5 и шириной 3 версты, 23 хозяйства находились на Камыш-Самарах на небольшом участке длиной 1 и шириной 1/2 версты. Одно хозяйство находилось на Айгыр-Кумах, а три других вообще не имели определенных мест кочевания.²

Такое положение, когда низовое подразделение рода (атабаласы или подотделение) не имело единой территории и хозяйственного цикла, вело к разрушению объединенного коллектива и к падению общественной роли старых отношений, унаследованных от общинно-родового строя.

При всем том патриархальная идеология в общественной жизни казахского населения была еще достаточно сильна. Кроме еще не слились с родами, среди которых они находились и от которых зависели. Они сохраняли право называться именем своего рода и в определенных случаях искали защиту и помощь у своих родовых групп, где бы они ни кочевали и как бы далеко от них ни находились. Родовые представления были наиболее консервативны.

Ослабление патриархально-родовых отношений в известной степени способствовало росту самосознания трудовых масс, осмыслению социальной действительности. Об этом свидетельствуют народные выступления, вылившиеся позднее в первое в истории Казахстана крестьянское восстание, известное, как движение Исатая Тайманова.

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 552, л. 1-3.

² Там же, л. 4-5.

Расширение торгово-рыночных отношений

По мере усиления политического влияния русского государства в Казахстане и его продвижения в глубь степи расширялись торгово-рыночные отношения. Торговля и связанные с нею денежные отношения становились значительными факторами и существенными составными элементами социально-экономической жизни внутри самого казахского общества.

Но в различных частях и зонах Казахстана развитие товарно-денежных отношений шло неравномерно. Относительно активно втягивались в них пограничные районы, отдельные родовые коллективы, аулы и семейства, расселенные в зоне наибольшего влияния колониальной политики царского правительства, и намного слабее глубинные районы степного края.¹

Несмотря на заметное расширение торговли, обменных и товарно-денежных отношений в целом, в их структуре обменные отношения, т. е. форма «товар – товар», почти без участия денежного эквивалента, оставались преобладающими, за исключением пограничных с Россией районов и городских ярмарок преимущественно в тех же районах. В 1846 г. поручик Аитов доносил, что в Младшем жузе (имелись в виду глубинные районы) «у киргизов не имеются в обращении деньги; они сбывают вещи своего произведения и скот обменом на другие вещи и другого рода скот, в коем они имеют потребность».² В донесении Беглова (1846) говорится, что «торговля ордынцев в степи с посторонними народами производится через выменивание своих избытков на чужие произведения».³ О меновом характере торговли в Заураль-

¹ Рассматривая развитие товарно-денежных отношений в казахском обществе, мы исходим из местных масштабов, характерных для этого кочевого и полукочевого патриархально-феодалного общества с соответствующей социально-экономической структурой.

² Материалы по обычному праву казахов, т. 1. Алма-Ата, 1948.

³ Там же, с. 86.

ской казахской степи говорит и известный исследователь А. Левшин (1822): «У киргиз-кайсаков она (торговля. – С.З.) еще находится в том первобытном виде, которая имелась у всех народов во время их младенчества. Короче сказать, она заключается не в продаже или покупке, но в мене одной вещи на другую».¹

Иначе развивалась торговля в Букеевском ханстве. Здесь два обстоятельства имели существенное значение в развитии товарно-денежных отношений: территориальная близость орды к промышленным и торговым центрам России и безопасность путей сообщения между Россией и ордой, с одной стороны, торгово-покровительственная политика ханской власти и пограничных органов в этом регионе – с другой. В ханстве товарно-денежные отношения развивались не только гораздо интенсивнее, но и повсеместно. Здесь как бы в чистом виде наблюдаются процессы, связанные с царской колонизацией в области торговли. Во всяком случае к 40-м гг. употребление денежных эквивалентов в торговле становится уже преобладающим, а натуральные повинности стали вытесняться денежными.

Применительно к Букеевскому ханству можно говорить уже о вовлечении масс казахского населения в рыночные отношения. Определенные изменения в хозяйственном укладе и быте народа, развивающийся процесс оседания кочевников, влияние культуры соседних оседлых жителей обусловили возрастание внутренней потребности в рыночных товарах.

Ханская власть, проявлявшая особую заинтересованность в развитии торговли, основанной на денежном эквиваленте, серией мер еще более усилила вовлечение масс в эти отношения.

В глубине ханства в кочевьях крупных родовых объединений возникли значительные торговые центры, которые прежде функционировали только в пограничной с Россией зоне, при городах и пунктах, основанных и населенных русскими и другими оседлыми народами. Основной формой ведения

¹ Левшин А. Указ. соч., с. 216-217.

торговых операций в кочевьях, казахских аулах оставалась развозная, подводно-вьючная торговля, преимущественно мелкими товарами и в незначительных размерах.

Ведущим и самым значительным торговым пунктом в ханстве являлась ханская ставка, при которой в 1833 г. была учреждена ярмарка, скоро превратившаяся в одну из наиболее крупных ярмарок во всем Казахстане, включая сюда меновые дворы в Оренбурге, Омске и Астрахани. Она действовала во всем объеме весной (с 15 апреля по 15 мая) и осенью (с 15 сентября по 15 октября).

Местное население привозило на ярмарку скот и скотоводческую продукцию (шкуры, шерсть, сало и т. д.), а иноземные торговцы доставляли промышленные товары (преимущественно ткани, выделанную кожу) и хлеб. Как видно, в торговых статьях казахов преобладали бараны, которых пригоняли на весеннюю и осеннюю ярмарки при Ханской ставке от 70 тыс. до 180 тыс. голов ежегодно.

О степени реализации и видах товаров на ярмарке можно судить из следующих данных.

На весеннюю ярмарку при ставке в 1856 г. было пригнано казахами более 100 тыс. баранов, вырученная сумма от них составляла почти половину всей местной выручки. Скот и скотоводческая продукция на ярмарке раскупались полностью, а привезенные иноземные промышленные товары реализовывались на 60-70%, хлеб – на 100%. Казахское население на этой ярмарке от продажи скота и его продукции имело выручку 863 316 руб. серебром, а потратило на приобретение промтоваров и хлеба 297 411 руб., т. е. 1/3 полученной суммы. Правда, так было не всегда – в отдельные годы приобретение превышало сбыт. Постепенно казахи научились накапливать деньги, поскольку вносить подати деньгами, а не скотом было выгоднее. Кроме того, они часто ездили в соседние русские губернии за товарами и хлебом, за которые удобнее было расплачиваться деньгами, чем пригнанным с трудом туда скотом и его продукцией.

В 40-х гг. Ханская ставка превратилась в полном смысле слова в купеческое селение. Большинство ее жителей состав-

ляли купцы и коммерсанты. В 1846 г. из 89 домов 31 принадлежал торговцам. При них находилось 46 пристроенных лавок, 19 кладовых помещений для товаров. Один из купцов имел оборот 30 000, двое других – от 2500 до 3000, трое – от 1500 до 1800, торговый оборот 16 чел. колебался от 100 до 500, а остальные – от 25 до 75 руб. серебром.¹

В 50-х гг. XIX в. у некоторых купцов оборотный капитал достигал полумиллиона рублей. Сам хан Джангир имел значительные торгово-деловые связи и выступал заодно с русскими купцами Измайловым и Портновым.² Он держал при себе специального приказчика по торговым делам.³

Ярмарки и сезонные торговые пункты действовали и в ряде местностей пограничной зоны, и в глубине степи. Среди них были значительные. Так, осенью 1851 г. на ярмарку вблизи Новоузенска жители орды пригнали: 14 тыс. голов лошадей, 3 тыс. рогатого скота, 70 тыс. баранов; привезли: 1500 пудов сала, 6500 штук шкур и 3 тыс. штук кошм. Сверх того, как говорится в донесении с места, «киргизами было привезено наличными деньгами 100 тыс. руб. серебром».⁴ Ими было продано скота и его продукции на 87 786, а куплено товаров и хлеба на сумму 187 786 руб. серебром.⁵

Главными покупателями казахского скота были гуртовщики Московской, Тамбовской, Саратовской, частью Симбирской, Пензенской и Казанской губерний, казаки Уральского войска и немцы-колонисты Саратовской губернии. Сами казахи на вырученные деньги закупали хлеб, выделанные кожи, шелковые и бумажные ткани, бархат, парчу, бухарские и хивинские халаты, сукно, холст, сахар, чай, железные изделия, деревянные принадлежности для кибитки.

Удобство и выгода ведения торговли в степи привлекали в орду большую массу людей с товарами. Только на одной весенней ярмарке при Ханской ставке было в 1846 г. до 1183

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 2350, л. 489-491.

² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 15, л. 30.

³ Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, д. 6488, л. 10.

⁴ Там же.

⁵ Евреинов А. Указ. соч., с. 69.

приезжих торговцев, а среди них – 87 купцов II и III гильдии. В 1847 г. их было уже 1500 человек.¹

В правилах торговли, составленных ханом Джангиром, предусматривалось: «Чтобы обеспечить капитал торгующим, он (хан) обязывается по предварительной сделке купца с подвластным ему ордынцем в случае, если последний не имеет наличного скота или денег, давать первому расписку за своим ручательством. Если бы киргизец и не явился для уплаты в срочное время, без всякой проволочки платит хан». Эта ярмарка была столь обширна, что на ее территории действовали около 300 постоянных лавок, построенных торговцами.

Значительные торговые операции производились по Узенской линии вблизи Глининского форпоста, по Уральской линии – от крепости Кулагинской до г. Гурьева, по берегу Каспийского моря и при Елтонском озере. Сложились торговые пункты внутри кочевьев казахов. Так, в урочище Уялы пришлые торговые люди в летнее время закупали до 75 000 баранов, в урочище Чапчаги – до 50 тыс. голов. Население пригоняло много скота и привозило продукцию животноводства на ярмарки Оренбургской и Саратовской губерний.

Возрастание роли рынка в жизни казахского населения имело ряд последствий, наложивших отпечаток на структуру и направление хозяйства, на социальные отношения. Повсеместное распространение получило развитие долговых отношений. Продажа товаров в долг, являвшаяся весьма редким явлением в прошлом, получила широкое распространение. Этому способствовали не только потребности местного населения и его расширяющаяся зависимость от рынка, но и ограниченность денежных эквивалентов, находящихся в обращении, которыми могли бы расплачиваться покупатели за приобретенные товары, и то, что казахское общество еще не имело опыта подобных отношений и не испытало их разрушительной силы. Местное население еще не представляло себе отрицательных последствий долговых отношений, и это было на руку кредиторам. Начиная с 1805 г. появляются

¹ 119 Евреинов А. Указ, соч., с. 69.

сообщения об оставлении купцами товаров в долг казахам. Некий татарин Кадыров в 1806 г. отдал товаров «Умурзакову Касрану с его товарищами» из рода берш на 4 тыс. руб.¹ Купец Давид Измайлов в 1822 г. доносил, что «подвластные меньшей киргизской орды султану Шигаю Нуралиханову состоят мне должными по документам и без оных за полученные товары значительною суммою денег».² В 1826 г. купцу Али-Аскеру Раджабову 16 казахов были должны 2049 руб.³ Почти каждый лавочник на ярмарке при Ханской ставке, а их было к середине XIX в. более 300, имел долговую книгу с именами сотен должников.⁴

Кредиторами, за отдельными исключениями, являлись иноземные купцы и торговые люди. В начале 20-х гг., когда продажа товаров в долг стала получать заметное распространение в ханстве, кредиторы, опасаясь неисправности должников, предпочитали действовать через ханскую канцелярию, родоправителей и старшин как поручителей, которые, в свою очередь, проявляли заинтересованность и даже поощряли такие отношения. Ханствующий султан Шигаи 28 января 1822 г. дал так называемый открытый лист татарину Кажаяву «для сбора долгов в управлении моем с киргиз-кайсаков с продажи товару».⁵ В другом открытом листе, данном им 30 апреля того же года, говорилось, что выдан «астраханскому купцу Михайлову, сыну Элирову в том, что находящийся под управлением моим киргизец кордаринского рода Асан дал ему, Элирову, на татарском диалекте письменное обязательство в том, чтобы он на имеющийся на нем долг за взятый из лавки его товару на сумму 2600 руб., которого после зимы он – Асан – ему – Элирову – заплатит в 50 дней. А буде сего не уплатить, то по истечении он – Асан – поступит к нему – Элирову – в услужение со всем его семейством».⁶

¹ Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, д. 1158, л. 1.

² Астраханский облархив, ф. 1, оп. 16, д. 240, л. 1.

³ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 68.

⁴ Там же, оп. 2, д. 80, л. 67.

⁵ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 16, л. 3.

⁶ Там же, л. 16.

Проливает свет на политику хана в торговых делах и другой документ. 1 августа 1824 г. хан Джангир дал свидетельство следующего содержания: «...позволяю Дубовского посада купцу Степану Бондареву и его уполномоченным приказчикам отныне впредь сколько он пожелает по всей подвластной мне орде производить всем киргизцам продажу всякого доставляемых из российских городов товаров за наличные деньги, на мену. По уважению сего через сие подтверждаю всем киргизцам, кто только за взятый у него, Бондарева, и его приказчиков товар ему одолжится, расплачиваться с ним честно... Для обзаведения торгового ево юрта землянкою и сараями, где он приличным найдет. На толику землянки рубить дрова и пользоваться покосом, где надобность потребует... За неуплатеж должниками на срок долгов после срока взыскивать ему, Бондареву, вдвое».¹

В этих документах отражены покровительственная политика центральной власти и стремление ее в какой-то степени упорядочить долговые операции, постепенно ускользающие из под контроля.

На должников заводились кредиторами особые, так называемые долговые книги, долговые расписки. Получает распространение заключение устного, «совещательного» соглашения, основанного на длительном знакомстве сторон и взаимном их доверии друг к другу. Так, титулярный советник Уманцев в 1830 г. подал жалобу о том, что казах Юлдабай из рода ногай, получив товар под расписку, не возвращает ему долг.² Купец III гильдии Д. Разоренов в 1840 г. предъявил четыре групповые расписки казахов о получении ими товаров в долг на 300, 857, и 500 руб. серебром.³ В записях купца из Астрахани Курманалиева к 1852 г. имелись следующие данные о должниках, взявших товаров у него: «старшина Дюсембай – на 4 р. 20 к. ассигнациями, старшина

¹ Там же, д. 16, л. 19.

² Там же, д. 16, л. 32.

³ Там же, оп. 2, д. 109, л. 5-8. Для сравнения можно указать, что стоимость одного барана на внутренних ярмарках в этот период колебалась от 1 р. 50 к. до 4 руб. серебром.

Мекен – на 33 р. 80 к., Бектешев – 6 р. 1 к., и другие, всего более 20 чел. на сумму 2310 руб. ассигнациями, или 660 руб. серебром.¹

Должники оплачивали товары как деньгами, так и натурой – скотом. При обменной долговой операции за единицу оплаты брался ягненок-марха, и товары давались под ягненка. Долги собирались кредиторами осенью. Это создавало широкие условия для неэквивалентной торговли и злоупотреблений со стороны купцов.

Всемерный рост торговли и активное проникновение товарно-денежных отношений во внутренние отношения кочевых аулов, неэквивалентный обмен и своеобразная форма продажи товаров торговцами в долг под скот местному населению привели к усилению эксплуатации масс по торговле и долговым отношениям, возрождению института ссужения денег под высокие проценты. В одном из донесений 1829 г. сказано, что многочисленные приезжие купцы и их люди развозят товары «по всем аулам и меняют на скот, на баранов, но большей частью отдают в долг, отчего киргизы входят в большие долги».

Долговые отношения со временем стали запутанными и породили массу жалоб как со стороны кредиторов, так и со стороны должников. Хан и Оренбургская пограничная комиссия не раз брались за расследование конфликтных ситуаций, порожденных этими отношениями, и пытались разработать меры, ослабляющие их остроту. Один из посланников хана, побывавший в кочевьях аулов, в 1827 г. доносил, что многие астраханские торговцы «пораздавали в долги киргизцам свои товары, а после того не могут за оный выручить своего прибýtка».² О казахских аулах, расположенных по соседству с линией Уральского казачьего войска, он далее писал, что и там «в разное время киргизцы забирали у жителей тамошних в долг как хлебом, так и разными товарами, с положенным на то между ними сроком». А между тем из-за

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 144, л. 8.

² Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1964, с. 225.

того, что кредиторы злоупотребляли правом требовать долг, а многие должники не в состоянии были оплатить долг, как писал ханский чиновник, «выходит большая ссора». В качестве меры, предотвращающей споры и взаимные обвинения между сторонами в долговых отношениях, он предлагал хану «дать знать правителям российских начальств о том, что торгующие разного сословия купцы в местах киргизских не решались бы в долги товары свои отдавать киргизцам».¹ Однако долговые отношения остановить было уже невозможно.

Проникновение торгового капитала в казахское общество вызвало к жизни социальную прослойку людей, постоянно связанных с товарно-денежными отношениями – алып-сатар, саудагер. Чаще всего они были посредниками. Из вторых рук, иногда в Астрахани, Саратове, в Уральске, они покупали товары для последующей реализации их по более высоким ценам среди кочевых аулов. Другая их часть занималась перепродажей скота. Хан Джангир в 1835 г. писал, что в городах Астрахани, Саратове «мена идет особливо и столько же значительно, если не более, чем при ханской ставке».² Советник Временного совета по управлению Внутренней ордой, учрежденного после смерти хана, Салих Бабаджанов также замечал, что некоторые казахи «гонят... верблюдов в Оренбург, где выручают денег в полутора раз более местной продажи», и что им известны «все ярмарки кругом орды верст на 90».³

Торговцы из казахов, выполняющие роль посредников, связывали приезжих купцов с непосредственными владельцами скота или с потребителями товаров. Некоторые получали у купцов товары на комиссию, т. е. с обязательством уплатить стоимость после их реализации. Сенатор Энгель, побывавший в ханстве в 1827 г., писал, что «...беспрерывно разъезжают по орде купцы и даже киргизы с товаром, взя-

¹ Там же.

² Алекторов А. Из письма хана Джангира к графу Перовскому. – Астраханский листок, 1892, № 258.

³ Бабаджанов С. Указ. соч.

тым от купцов на комиссию».¹ К 40 гг. среди мелких торговцев уже выделялись люди с самостоятельным торговым капиталом. «Нередко, в особенности весною, отправляются из главных мест линии небольшие караваны с навьюченными на лошадях товарами, состоящими большей частью из мелочи и на небольшие суммы, так что весь капитал киргизского торговца состоит из 20 руб... впрочем этого достаточно, чтобы проложить путь к богатству, потому что выгоды от этого мелочного торга обычно составляют 100 на 100».² Со временем некоторые из них становились владельцами солидных оборотных средств.³

Сам хан Джангир превратил торговлю в одну из статей дохода ханского дома. Он имел людей из приезжающих торговцев, именовавшихся комиссионерами хана, которые доставляли ему нужные товары и за это получали от хана денежное пособие и право вести беспрепятственную торговлю в орде.⁴ Приказчик хана Тругустан Байзаков, в свою очередь, имел людей, ведших развозную торговлю по кочевьям.⁵

Близко стоявший к ханскому дому Караулходжа Бабаджанов в 1817 г. заключил договор с княгиней Багратион о составлении «общего капитала для торговли хлебом и скотом». Княгиня на вынесенную свою долю 11697 руб. получила в 1818 г. с прибыли 15706 руб. дохода.⁶ Бабаджанов развернул настолько активную торговую деятельность, что к 1822 г. его должниками стали султан Куваныш Джаналиев, султан Палван Джаналиев, старшина Исатай Тайманов.⁷ Однако таких торговых домов было немного в Букеевском ханстве.

Проникновение товарно-денежных отношений в глубь казахских степей в единстве с общим процессом развития феодальных отношений породило новые формы зависимости беднейшей части населения. «Уступка» баями скота

¹ Материалы по истории Казахской ССР, с. 293.

² Рязанов А. 40 лет борьбы..., с. 285.

³ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 38, л. 273.

⁴ Медведский Т. Указ. соч., с. 331.

⁵ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 26, л. 185.

⁶ Там же, оп. 2, д. 25, л. 44.

⁷ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 16, л. 23.

в пользу бедных сородичей для покрытия потребности последних через рынок была новой формой их закабаления. Семьи, вовлеченные в сферу этих отношений, лишались права оставления феодальных владений и превращались в лично зависимых людей.

Вовлечение массы населения в рыночную сферу серьезно подтачивало основы сохранившегося еще натурального хозяйства и пережиточных родовых отношений. Обострялись социальные отношения, что выражалось в выступлениях масс. Одной из форм протеста была откочевка скотоводов-должников значительными группами из своих кочевий. Один из чиновников Оренбургской пограничной комиссии писал, что казахи «входят в большие долги и впоследствии для избежания оных изыскивают случаи перейти за Урал тайно».¹ Восставшие крестьяне во главе с Исатаем свой гнев направили в первую очередь против феодалов-кредиторов, каким, например, являлся Караулходжа Бабаджанов. Ханская власть, обеспокоенная последствиями долговых отношений, вынуждена была ограничить пределы распространения долга. Она установила, чтобы купцы «давали в одолжение подвластным киргизам товары с ведома (его) или родоправителей, и на законных актах».² Пытаясь упорядочить долговые операции, ханская власть установила в отношении неисправных должников жесткие санкции: описание имущества должника,³ поступление в услужение со всем семейством кредитору⁴ и др.

В торговых сделках с казахами активной стороной выступали в основном чиновники из пограничных властей, имущие слои Уральского казачьего войска, крупные и мелкие купцы и торговцы, которых привлекала широкая возможность легкой наживы. Населению орды они сбывали низкокачественные товары по максимально высоким ценам.

¹ Цит. по.: Аспандияров. Образование Букеевской орды и ее ликвидация. – Канд. дис. на соиск. учен. степени. М., 1948, с. 118.

² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 10, л. 71.

³ Там же, ф. 78, оп. 2, д. 114, л. 25.

⁴ Там же, оп. 1, д. 16, л. 6.

Неэквивалентный обмен товаров служил источником огромных доходов купцов. Один из правительственных чиновников после инспекторской поездки по орде вынужден был признать, что на Узенской линии «главное участие в сей торговле имеют обыкновенно местные начальники. Торговцы покупают товары в Уральске из третьих рук и променивают киргизцам всегда по высоким ценам и с довольно отяготительными условиями».¹

Наглядным примером этого могут служить данные, приводимые начальником таможи в Среднем жузе купцом Чернявским: «Чугунный котел менялся на меха, причем за каждую азиатскую четверть (5 вершков) в окружности брали одну лисицу, или четыре корсака, или три-пять лучших тулупных мерлушек. При таком обмене котел весом в один пуд, имевший в окружности 10 – 12 четвертей, в переводе на деньги стоил около 50 руб., а покупался он на Ирбитской ярмарке за 2 р. 70 к.»² Неудивительно поэтому, что мелкие приезжие торговцы за короткий срок превращались в купцов со значительным капиталом. Купец III гильдии Д.В. Медведев, поселившись в Ханской ставке со времени ее основания, вступил в торговлю, имея только 30 руб. серебром и в течение 20 лет довел эту сумму до 25 000 руб. серебром.³ Астраханский купец Д. Измайлов, начав самостоятельную торговлю в начале 1817 г. с капиталом в 64 000 руб., в том же году имел уже в обороте капитал в размере 1 195 000 руб., из коих 250 000 руб. принадлежали ему лично.⁴

Ханская власть, всецело состоявшая на службе у царского правительства, ревностно проводила политику превращения Внутренней орды в сырьевой придаток российской промышленности. Она поощряла пребывание купцов, предоставляла им возможность беспрепятственной реализации товаров, устанавливала незначительные торговые пошлины.

¹ Материалы по истории Казахской ССР, с. 293.

² Там же, с. 4.

³ Китгары М. Указ. соч., с. 177.

⁴ Шахматов В. Указ. соч., с. 69.

Одним из последствий развития торгово-экономической связи населения Букеевского ханства с Россией было растущее общение с представителями трудовых слоев русского народа. В процессе торговли казахи встречались не только с купцами и торговыми людьми, но вели оживленные обменные и эквивалентные операции с русскими крестьянами, которые на основе отношений соседства продукты своего производства (главным образом, хлеб) променивали на скот и продукцию скотоводства. Только в весенней ярмарке при Ханской ставке в 1846 г. участвовало 719 государственных и помещичьих крестьян.¹ Заметный рост торговых и хозяйственных контактов с русскими крестьянами способствовал установлению деловых, духовных и идейных контактов между двумя народами.

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 38, л. 296-297.

Социальные отношения и их обострение

Между султанами и родовой знатю испокон века велась борьба за влияние и власть в кочевых коллективах. Время работало в пользу родовой знати. Султанам так и не удалось захватить власть в родовых подразделениях, хотя они постоянно доминировали в системе центральной власти.

Срастание верхушки родовой знати с султанами происходило и раньше, но касалось небольшой, наиболее богатой части родовой знати, тянувшейся за султанами и делившей власть с ними. С конца XVIII в., особенно с первой четверти XIX в., такое явление стало повсеместным. Причем изменился характер такого слияния. Теперь уже султаны опускались до средней и мелкой родовой знати. Правда, группа султанов, входившая в ханский дом или связанная с ним, по-прежнему олицетворяла аристократическую верхушку казахского общества, хотя былого престижа и влияния в обществе уже не имела.

Султанские семьи, лишённые власти и нередко опустившиеся до рядовых кочевников, были настолько многочисленны, что в Букеевском ханстве они образовали особое хозяйственно-кочевое объединение – род султанов, который мало чем впоследствии отличался от других казахских родов, хотя пользовался некоторым покровительством со стороны ханской власти и незначительными привилегиями.

Центральной фигурой в среде феодальной знати в Букеевском ханстве стал пастбищевладелец. Образовалась иерархия землевладельческой знати, среди которой были крупные, владевшие до 400 тыс. десятин угодий. Таким образом, в Букеевском ханстве иерархия скотовладельческой знати дополнилась иерархией землевладельческой знати, вернее, на их базе появилась новая социальная прослойка – знать, владевшая землей и скотом на правах личной собственности. Не все, однако, представители феодальной знати владели землей-пастбищами на основании грамот ханской власти. Привилегией земельного «собственника» пользовались в

основном те, кто перешел на службу к хану, поддерживали и проводили его политику в кочевых и полукочевых коллективах.

Формирование иерархии землевладельцев-скотовладельцев внесло изменение в структуру традиционных в казахском обществе социальных отношений. Усилилась эксплуатация шаруа, прежде четко прикрытая патриархально-общинными формами. Теперь земельные отношения стали основными в социальных отношениях.

Если раньше бедняки кедей, жарлы, консы в кочевом казахском обществе ассоциировались исключительно с бесскотными и малоскотными хозяйствами, то теперь под ними понимались и безземельные, и малоземельные семьи. Если раньше благосостояние рядового кочевника шаруа, обладавшего в той или иной мере хозяйственной самостоятельностью, определялось по численности принадлежащего ему скота, то теперь на первый план выдвинулся фактор владения пастбищным участком.

Отношения пользования пастбищными, покосными угодьями и участками для зимней стоянки стали в Букеевском ханстве сосредоточением социальных противоречий, источником социальных конфликтов, фактором, определяющим состояние ханства.

В Букеевском ханстве в несколько раз было больше безземельных и малоземельных, чем бесскотных и малоскотных хозяйств. Это, с одной стороны, не могло не наложить отпечатка на структуру и механизм эксплуатации и закабаления трудовых масс, а с другой – намного усилило процесс социальной поляризации в обществе. Не обеспеченные землей и скотом шаруа шли к богатому сородичу или просто к владельцу обширных угодий и скотовладельцу. Часть их превращалась в придаток хозяйства последних, часть пользовалась чужим пастбищем за плату, за обязательство обслуживать хозяйства владельца. В одном из отчетов говорилось, что «многие не только из султанов, биев или старшин, но и из простых киргиз на основании предписания хана владеют поземельными участками в столь

обильном количестве, что при избытке представленных им земель, располагают ими по собственному своему произволу, допуская к кочеванию на этих землях тех или иных киргизов или сгоняя их по личным побуждениям и расчетам».¹

Узурпация влиятельной знатью небольших общинных земель, еще сохранных за аульными и подродовыми коллективами, в Букеевском ханстве приняла широкий размах. Этому способствовала не только политика царского правительства, поощрявшая частное феодальное землевладение, но и то обстоятельство, что земля все больше превращалась в основной и непосредственный источник извлечения материальных выгод и расширения феодального хозяйства. Группа аульных предводителей в 1853 г. жаловалась Временному совету: «Старшины адаева рода Саугабай Умбетов (на имя которого был выдан документ) и Сыпра Сариев, насильно присвоив все земли, представленные нам по документу для летней и осенней кочевки, ежегодно продавали за оброк нам самим наши же земли; начиная с 1846 г. по 1851 г. и в продолжение этого времени старшины Сыпра Сариев и Утамбек Сагубаев, Азберген Умбетов, Жаулыбай Нуртаев, Кубен Илемесов и Ектурган Таджиков ежегодно собирали с нас и подведомственных киргизов оброк – верблюдов, лошадей, деньги и другие вещи».² М. Иванин писал, что «...появилось у киргизов неслыханное у них до того право, сходное с оброчным состоянием наших (русских. – С.3.) крестьян».³

Казахское общество не было земледельческим. Основной и ведущей отраслью народного хозяйства оставалось скотоводство, для которого пастбищное пространство было непременным и главным условием. Скот был непосредственным мериллом и источником благосостояния семьи. Оформление феодальной поземельной собственности еще более сосредоточило в руках немногих – хана, султанов, старшин, биев,

¹ ЦГА КазССР, ф. 1, оп. 1, д. 3189, л. 2.

² Цит. по кн.: Шахматов В. Указ. соч., с. 48.

³ Иванин М. Указ. соч., с. 18-19.

баев и других представителей феодального класса – основной массы скота. Например, султану Джанбубеку Бигалиеву принадлежало одних лошадей 2300 голов, баи Руслан и Дюсен Жетибаевы имели в своем владении по 2000 голов лошадей, бай Карымсак Саржалин – 1500, султан Тауке Букейханов – 1000, старшина Маулиберды Жарылганов – 1000 голов лошадей.¹ Сам хан Джангир являлся крупным собственником – имел 4274 головы лошадей, 232 верблюда, 719 голов рогатого скота и 17097 баранов.

Большинство населения находилось в зависимости от крупных владельцев земель и скота. Так, например, 26 хозяйств из тайфы кияк рода жаббас имели всего 125 голов крупного и мелкого скота. В отделении байбатша тайфы караул того же рода было 49 семей. В официальных сведениях, составленных старшиной отделения, 26 семей, более половины членов коллектива, отнесены к числу нищих (байгушей). Бедность их была настолько велика, что они были освобождены от обложений. Среди этих байгушей 11 семей не имели лошадей, 2 семьи совсем не имели скота. Остальные располагали преимущественно мелким скотом – от одной до 20 голов. Большинство тех хозяйств, которые не причислены к ряду нищих, были малоскотными, не способными существовать в полной мере самостоятельно. Так, 15 семейств из 23 в своих хозяйствах имели от 5 до 10 голов крупного и от 10 до 30 голов мелкого скота. Среди членов коллектива были относительно зажиточные. Так, во владении двух хозяйств имелось по 100 голов скота.² Точно такое же положение наблюдалось и в других подразделениях рода.

Основная масса феодально зависимого населения объединялась под названием шаруа, шаруа-кедей или просто кедей. Наиболее пауперизованную часть людей называли консы, байгуш. Шаруа имели некоторое число скота, а иногда и небольшие наделы для зимования и сенокосения. Среди них были и обеспеченные. Все они кочевали в составе аула более богатого родича. Они помогали ему в

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 14, л. 26.

² Там же, д. 123, л. 26.

хозяйстве, пользовались его «помощью», несли в его пользу официальные и неофициальные повинности. В Букеевском ханстве среди зависимого населения преобладали кедей – люди, которые не имели хозяйственной самостоятельности и во всем полагались на «помощь» зажиточных и обеспеченных одноаульцев, сородичей с вытекающими отсюда для них последствиями. Положение байгушей и консы было еще более плачевным. Они представляли собой степных пауперов в самом прямом смысле этого слова, превратившихся в постоянные придатки хозяйства знати. Они работали поденно у прилинейных жителей, иногда занимались домашним ремеслом, жили случайными заработками. Байгуши, как правило, не располагали своей кибиткой, и поэтому 2 – 3 семьи жили в одной юрте.¹ Они, не имея войлока, свои жилища покрывали рогожами, дерном и камышом.² Очевидцы свидетельствовали, что байгуши в Букеевском ханстве – самые бедные среди казахов – не имеют никакого скота для своего содержания и находят пропитание наймом или другими работами. «Байгуши, живя в ободранных кибитках, постоянно вблизи наших укреплений или станиц, и не имея возможности перевозить свои кибитки и имущество с места на место на верблюдах, переносят их на руках по несколько раз в год с одной местности на другую (сажень за 50 и более), чтобы сохранить хоть вид кочевки».³

Изменения в области социальной жизни населения происходили в рамках господствующих патриархально-феодалных отношений, представляли новый этап развития внутри этих отношений. В системе феодальных отношений еще были значительны патриархальные формы и институты, хотя их удельный вес намного уменьшился.

На рядовых скотоводов и аульные коллективы как на объекты эксплуатации наступление велось по разным направлениям: по линии ханской власти и его аппарата, со

¹ О внутренней, или Букеевской, киргиз-кайсацкой орде. ч. 5, с. 234.

² Левшин А. Указ. соч., с. 20.

³ Иванин М. Указ. соч., с. 14.

стороны пограничных органов, проводивших колониальную политику, со стороны целой иерархии местной знати, начиная от родоначальников до аульного старейшины, со стороны торговцев и кредиторов.

Доведенные до отчаяния люди не могли более мириться с существующим положением и поднимались на открытую борьбу.

Накал освободительного движения

Внутриполитическая обстановка в Букеевском ханстве на всем протяжении его истории оставалась напряженной. Годы относительного затишья сменялись волнениями масс, доходившими до вооруженных выступлений против политического режима и ханской власти. Преследования и репрессии властей, следовавшие за каждым таким выступлением, еще более обостряли обстановку в ханстве.

Издержки и трудности освоения новых земель и основания нового обособленного политического объединения усугублялись проводимыми сверху реформами в области земельных, торгово-экономических и налоговых отношений, цель которых заключалась в том, чтобы превратить кочевников в своеобразное податное сословие, исправно несущее все возрастающие расходы ханско-султанского двора. Казахское трудовое население психологически было не подготовлено к принятию этих нововведений. Оно оказалось перед лицом реального факта, когда возникла опасность подрыва его жизненных устоев. Широкий размах приняла традиционная форма социального протеста – откочевка в другие места или под управление другого владельца, чаще всего обратно на левобережье Урала. С целью воспрепятствовать этому процессу правительственные органы избрали единственно эффективный в тех условиях путь – охрану всей линии по р. Урал от г. Уральска до Гурьева военными отрядами. Однако эта мера насильственного удержания кочевых аулов в пределах ханства не смогла погасить волну социального недовольства. Тайные переходы, подкупы солдат и стражников на линии отдельными переселяющимися кочевыми группами оставались заметным явлением в жизни региона. Откочевка из Букеевского ханства целыми родовыми подразделениями приняла настолько большие масштабы, что царское правительство все вопросы, касающиеся перехода казахов в Зауральскую степь, взяло под свой контроль. Был установлен порядок перехода на левобережье Урала

с санкции официальных правительственных пограничных органов. В 1819 г. по разрешению Оренбургской пограничной комиссии перешли обратно в Младший жуз из родов: тана – 511, алаша – 550, байбакты – 550 кибиток.¹ В 1820 г. в пограничные органы обратились с ходатайством разрешить перейти обратно на левый берег Урала 2333 кибиткам во главе с султаном Исенгазием Карабаевым, 600 – во главе с султаном Елтаем Нургалиевым, 1570 – со старшиной Есенгельды Жанмурзиным и 100 – из владения бия Байгалия Умурзакова. В общей сложности это составило около 1/3 всего населения ханства.

Султаны и старшины, стоявшие во главе кочевых коллективов, пытались использовать это массовое движение в своих узких интересах, добиться выгодных для себя уступок и привилегий от хана и пограничных органов. Это, однако, не меняло общего характера движения.

Выступления шаруа против ханской власти и феодальной знати к середине 30-х гг. переросли в крестьянское восстание под руководством Исатая Тайманова.

В многовековой истории Казахстана было немало социальных выступлений, однако ни одно из них не поднималось до выступления широких трудовых масс, как это было в Букеевском ханстве в 1837 – 1838 гг., имевшего явно выраженный антифеодальный характер.

То, что движение это формировалось вначале как общенародное, а затем вылилось в крестьянское антиколониальное восстание, имело свои причины. Как справедливо отмечал М.П. Вяткин, период ханствования Джангира был «временем резкого углубления феодальных отношений в Букеевской орде, сопровождавшегося системой мер по переустройству земельно-пастбищных отношений в угоду ханской власти и знати.

Очагом формирования и развития движения под руководством Исатая Тайманова был южный регион ханства. Земельные участки, примыкавшие к побережью Каспийского моря, были наиболее удобными для ведения кочево-

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 7, л. 7.

го хозяйства в течение всего года. Сюда стекались многочисленные аулы со своим скотом, а также безземельные, малоскотные хозяйства, гонимые нуждой. В то же время именно в этом районе жизнь кочевых коллективов была наиболее нестабильной, неналаженной и беспокойной. Многочисленные представители местной власти думали только о своем обогащении за счет кочующих здесь казахских аулов.

Прибрежные, наиболее плодородные и обширные земельные угодья принадлежали русским помещикам, и пользоваться ими кочевники-скотоводы могли только с разрешения их управляющих на арендных началах, условия которых часто менялись. На этих частно-владельческих землях кочевало более одной трети населения ханства (около 7 тыс. кибиток). Ханская власть наводнила юг страны своими наместниками, сборщиками налогов, карателями. Под видом борьбы с преступниками, бунтовщиками и задержания «русских беглецов», якобы скрывавшихся в казахских аулах, пограничные органы снаряжали в этот район группу следователей, чиновников, военные отряды, которые своими действиями наводили страх и нередко вызвали смятение среди местного населения. Все это создало такое положение на юге ханства, при котором двойной феодально-колониальный гнет был наиболее изощренным и глубоким.

Восстание в ханстве, как всякое крестьянское движение, было стихийным, малоорганизованным. К трудностям и недостаткам крестьянского движения вообще добавились специфические трудности развития казахского общества – его экономическая и политическая отсталость, колониальное положение края, кочевой образ жизни народа, значительное влияние патриархально-родового быта. Но отчаяние и ненависть к ханскому режиму и поработителям поднимали казахских шаруа на открытые выступления.

К весне 1837 г. сложилось несколько очагов вооруженного сопротивления, выходящего за рамки защиты местно-аульных интересов. Наиболее крупной была повстанческая группа, собранная под непосредственным руководством

Исатая и Махамбета. В районах, охваченных движением, ханское управление почти полностью было парализовано: повстанцы сжигали дома, захватывали имущество у знати, сгоняли с кочевьев проханские аулы.

Создавшееся положение в ханстве серьезно беспокоило Оренбургское губернаторство. Правда, власти сознавали, что силы были неравны и в любой момент при необходимости выступление казахских шаруа они могли подавить военной силой, поэтому вначале оно проявляло сдержанность в удовлетворении просьб хана о решительном подавлении мятежников, но усилило свою агентурную деятельность в лагере Исатая.

Крупные силы повстанцев несколькими группами во главе с Исатаем и Махамбетом постоянно передвигались, все больше приближаясь к Ханской ставке. По пути следования они громили аулы и имения ханских чиновников, знати, отбирали у них земли, в ряде мест назначали своих управителей в родовых подразделениях. В ходе движения повстанцы намеревались усилить свое влияние в кочевых коллективах, вовлечь новых людей в свои ряды. Входила, видимо, в их планы и демонстрация силы перед ханом с целью вынудить его пойти на реформы и удовлетворить требования повстанцев; 15-20 октября лагерь повстанцев уже находился в урочище Теректы-Кум, в 60-70 верстах от Ханской ставки, а 24 октября Исатай и Махамбет во главе повстанцев численностью, по одним данным, около 1500 чел., а по другим – 2500 – 3000 чел. находились в 40 верстах от Ханской ставки. Через 2-3 дня они разбили свои бивуаки в 4-7 верстах от нее. Осада продолжалась две недели.

В то же время Оренбургским губернатором проводился план окружения повстанцев и их уничтожения: выступили хорошо вооруженные регулярные и казачьи части и цельные воинские подразделения из Кулагинской, Горской крепостей, Зеленовского форпоста, из Уральска, Астрахани. Из Оренбурга выехал подполковник Геке, руководивший всей операцией. Одновременно были усилены посты по всей Узенской и Приуральским линиям с целью перерезать пути

отступления и перехода повстанцев на левобережье Урала. В середине ноября при битве в районе урочища Тастюбе повстанцы потерпели поражение.

Исатай и Махамбет во главе с небольшой группой повстанцев, потеряв надежду на успех в ханстве, стали искать пути перехода в Зауралье. Несмотря на плотную сеть воинских постов, расставленных по обеим сторонам реки Урал, им удалось в морозную и вьюжную ночь с 13 на 14 декабря 1837 г. вблизи Яманхалинского форпоста перейти в Зауральскую степь. Так завершилось крестьянское восстание в Букевском ханстве и перекинулось на левобережье Урала.

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ХАНСТВА

Букеевское ханство как зависимое феодальное государственное образование

Букеевское ханство по форме организации высшей власти являлось монархией. Верховная власть в нем принадлежала хану и передавалась по наследству.

Если в первой четверти XIX столетия Букеевское ханство по структуре и механизму строения и обеспечения высшей власти ничем не отличалось от традиционных форм ханской власти в казахских жузах, т. е. оставалось раннефеодальной монархией с присущими ей основными институтами, султано-бийской системой управления и обособленностью крупных кочевых коллективов, то со второй четверти оно превращается в монархию с ярко выраженной централизацией власти. Родоправители и старшины больших родовых отделений назначались ханом, становились ханскими наместниками, свободных духовных лиц заменил институт указных мулл, назначаемых ханом. Прежняя самостоятельность родов была уничтожена, исполнительная и судебная власть из сферы общины перешла к хану. Все местные правители теперь подчинялись родоправителям и старшинам крупных родовых подразделений. В орде была установлена единая налоговая и финансовая система, а также осуществлялся план перераспределения и использования земельных угодий, включая и сезонные пастбища.

Султан Букей был провозглашен первым ханом Внутренней орды представителями знати ряда родовых коллективов с соблюдением старинного ритуала поднятия на белой кошме.

Возведение Букея на ханскую должность по инициативе

только местной знати было продиктовано далеко идущими интересами султанской группы и самого Букея, стремившегося к ханской власти, а также крупной знати в родовых коллективах. В какой-то степени и народные массы, уставшие от нестабильности в управлении, стояли в этот период за учреждение единой власти, с которой связывали надежды на выход из состояния хозяйственного и политического кризиса. Этой мерой конкурентная борьба за верховную власть на новом месте во многом была снята.

Царское правительство делало вид, что ничего особенно не произошло, поскольку в данном случае его интересы совпадали с интересами местной знати – султан Букей был общим кандидатом в ханы.

Официальному признанию султана Букея ханом Внутренней орды предшествовала оживленная переписка между центральными правительственными учреждениями, оренбургским военным губернатором и военно-гражданскими чиновниками, осуществлявшими оперативный надзор за казахским населением Младшего жуза. Оренбургский военный губернатор князь Волконский в донесении Государю Императору от 15 октября 1811 года писал: «Султан Букей Нуралин, кочующий на астраханских степях, есть старший из султанов, благоразумен, опытен и предан к престолу высокомонаршему».¹

7 июля 1812 г. в присутствии высших чинов Оренбургской колониальной администрации во главе с губернатором Волконским и многочисленной степной знати вблизи г. Уральска султан Букей был официально возведен в ханы Внутренней орды.

Хан Букей скончался 21 мая 1815 г. Жена хана Букея известила оренбургского губернатора о том, что ее муж назначил наследником сына Джангира, но поскольку сын еще был несовершеннолетним, то ханские обязанности передавались его опекуну султану Шигаю Нуралиеву, брату Букей-хана.²

¹ Приводится по кн.: Ханыков Я.В. Очерки состояния Внутренней киргизской орды, с. 44-45.

² Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 1, д. 1286, л. 7.

После смерти хана Букея началась борьба за власть. Образовались две группы. Одна во главе со старшими сыновьями хана султанами Тауке и Адилем хотела использовать брата Джангира. Под влиянием этой группы несовершеннолетний Джангир оставил учебу в г. Астрахани и подал реляцию оренбургскому военному губернатору о своей готовности исполнять обязанности хана. И хотя губернатор, согласно завещанию хана Букея, своим предварительным решением от 15 июня 1815 г. поручил управлять ордой султану Шигаю, 27 января 1816 г. он сделал запрос через пограничную комиссию «О доставлении ему сведения об усердном служении султанов Джангира Букеева и Шигая Нуралиева».¹ В это время силы, стоящие за спиной Джангира, вели активную деятельность: пытались созвать собрание части местной знати, чтобы утвердиться в ее преданности, вели переписку с Оренбургской пограничной комиссией о делах ханства, давая тем самым ей знать, что Джангир фактически осуществляет власть в орде. Двоевластие в ханстве могло серьезно отразиться на состоянии управления, и пограничные власти поспешили ликвидировать его, следуя завещанию хана Букея. 29 апреля 1816 г. последовало распоряжение военного губернатора «О недозволении султану Джангиру Букееву иметь с комиссиею переписки по делам, относящимся до киргизов на внутренней стороне кочующих, так как оные по смерти хана Букея состоят под заведением султана Шигая».² В начале августа того же года проводились формальные выборы султана Шигая в ханы в кочевьях рода Байулы, правителем которого до этого он являлся. В отличие от официальных документов в степи султана Шигая называли ханом. Борьба за власть между двумя султанскими группами временами давала о себе знать, например в период прихода к власти ханского наследника Джангира и после его смерти, однако не принимала характера открытой и ожесточенной борьбы, поскольку царское правительство успешно справлялось с нею, навязывая группам свои позиции.

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 21.

² Там же, л. 21.

В 1822 г. Джангир¹ выразил желание вступить в ханскую должность. Об этом он поставил в известность Оренбургскую пограничную комиссию и просил ее официально возвести его в ханы. В письме Джангир также сообщал, что султан Шигаи, временно исполняющий обязанности хана, относится к его намерению занять ханскую должность «неблагожелательно, старается лишить его престола».² Действительно, султан Шигаи,³ узнав, что Джангир намерен добиваться ханского сана, пытался добиться своего утверждения ханом. С этой целью он дважды организовывал коллективные прошения с подписями старшин и биев, просивших оренбургского губернатора определить в орду ханом султана Шигая. Впоследствии выяснилось, что многие подписи на этих прошениях оказались подделанными.⁴

Пограничная комиссия, в свою очередь, собирала сведения о Джангире, опросила многих торговцев, чиновников, знающих его, в результате выяснилось, что основная масса султанов, биев и старшин стояла за возведение в ханы Джангира.⁵ Оренбургское начальство с самого начала стояло за кандидатуру Джангира, считая его по-русски образованным и воспитанным в духе преданности России, царскому правительству.

22 июня 1823 г. император собственноручно написал «быть по сему» на представлении Министра иностранных дел об избрании Джангира ханом Внутренней орды,⁶ а 24 июня 1824 г. в г. Уральске в присутствии высших чинов пограничного управления Оренбурга Джангир официально был провозглашен ханом.

¹ Джангир Букеев родился в 1804 г., начальной грамоте обучался у домашнего учителя-муллы, затем по воле отца был отдан для дальнейшего обучения и воспитания астраханскому губернатору Андриевскому, в семье которого он жил с небольшими перерывами около десяти лет.

² Оренбургский облархив, оп. 1, д. 2800, л. 1-2.

³ Султан Шигаи Нуралиханов «переходным ханом» состоял фактически с 1812 г. – с тех пор, как хан Букей в связи с нездоровьем поручил ему исполнение своих обязанностей.

⁴ ЦГАДА СССР, ф. 186, оп. 1, д. 11, л. 48.

⁵ Там же, л. 109.

⁶ Там же, л. 285.

Период ханствования Джангира был относительно продолжительным и конструктивным в плане осуществленных преобразований в ряде областей жизни общества. Он умер 11 августа 1845 г. на 22 году правления. 6 декабря 1840 г. хан через министра государственных имуществ получил уверение императора в покровительстве его наследникам и соизволение на утверждение сына Сахиб-Гирея наследником ханского достоинства.¹ После его смерти вначале был учрежден для управления ханством опекунский совет во главе с одним из родственников покойного хана, а затем – Временный совет по управлению Внутренней ордой во главе с русским чиновником.

В Оренбургской пограничной комиссии возобладало мнение о нецелесообразности назначения нового хана вместо умершего Джангир-хана, хотя в это время в высших правительственных кругах еще не было принято окончательного решения по этому вопросу. После смерти Джангира из Оренбурга один за другим были командированы во Внутреннюю орду чиновники с целью разузнать отношение местной знати и населения к бесханскому управлению. Один из них доносил: «Неоднократно стороною доходили до меня слухи, что киргизы вообще более имеют доверие к русскому правлению, нежели к своему народному; даже завидуют зауральским киргизам, что они, заплатив по 1 р. 50 к. серебром с кибитки, пользуются всеми привольями и всякою свободою на землях, им указанных».² Другой чиновник пришел к выводу, что «в управлении вверенными Джангиру киргизами действовал он не как подданный императора, не как правитель, поставленный от царя русского, а как владетель самостоятельный и никакой властью не ограниченный».³ Далее он писал, что хан Джангир допускал значительные злоупотребления во вред интересам России. Вопрос о нецелесообразности назначения в орду нового хана был почти решен.

По завещанию хана его наследником должен был стать

¹ Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, д. 5365, л. 14-15.

² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 82.

³ Оренбургский листок, 1889, № 38.

сын Сахиб-Гирей. В год смерти хана Джангира ему шел шестнадцатый год. Он заканчивал курс в Императорском кадетском корпусе в Петербурге. Ханская семья, особенно Фатима и ее брат Гусейнов, хотели как можно скорее передать власть Сахиб-Гирею. С этой целью они прервали его учебу в Петербурге. Правительственные органы, узнав об этом, приняли решение отозвать Сахиб-Гирея обратно из орды. 30 сентября 1845 г. Министр государственных имуществ известил оренбургского губернатора Обручева о том, «что ханскому сыну признает необходимым возвратиться для окончания наук в Пажеском корпусе».¹ Оренбургский губернатор 27 октября того же года еще раз напомнил об этом и предписал коллежскому советнику Бикмаеву, находившемуся во Внутренней орде, «настоять на скорейшем отъезде ханского сына Сахиб-Гирея в С-Петербург для продолжения наук в Пажеском корпусе, если он на дальнейшее проживание в ставке не имеет особого разрешения своего начальства».² Но только после настоятельных требований пограничных властей Сахиб-Гирей отбыл в Петербург.

На начальном этапе при назначении опекунского совета, временного совета по управлению имуществом³ хана и ордой не исключалась возможность передачи власти Сахиб-Гирею. В записках чиновников Оренбургской пограничной комиссии, относящихся к этому периоду, встречается выражение «до утверждения Высочайше назначенного по нем (по ханству) наследника Сахиб-Гирея».⁴ В июле 1847 г. он был возведен в княжеское достоинство, но вскоре по пути из Петербурга в казахскую степь таинственным образом скончался. После этого в утешение ханской семьи другой сын Джангира – Ибрагим, который был моложе Сахиб-Гирея

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 126.

² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 131.

³ После смерти жены Джангира Фатимы остались дети: от первой жены Юzum – 2, от Фатимы – 7. Самому старшему из них Сеид-Гирею было 16 лет, но он не обладал правом на ханское имущество, а старшему из детей Фатимы Сахиб-Гирею было всего 15 лет. Поэтому был учрежден опекунский совет над наследством хана, оцененным на 221 381 руб. серебром.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 73.

на 4 года, был возведен в княжеское достоинство. Министерство государственных имуществ намеревалось назначить Ибрагима председателем Временного совета по управлению Внутренней ордой, однако против этого возражал Оренбургский генерал-губернатор Перовский. Так официально была упразднена ханская власть во Внутренней орде.

В истории развития ханской власти во Внутренней орде следует различать два периода. В первый период – начало XIX в. – власть хана ничем не отличалась от власти ханов Зауральской степи, Средней орды. Она была слабой, а страна раздробленной. Султан Шигаи, вступивший на ханский престол после смерти Букей-хана, откровенно признавал, что если отдельные коллективы вздумают перекочевывать обратно в Зауралье, что наблюдалось, то «он не в силах будет сохранить в ней порядок и действовать в пользу службы его Императорского Величества».¹ В свое время и султан Букей, не надеясь на свою власть, просил правительство прислать к нему вооруженный отряд для его охраны. В одном из писем астраханскому губернатору в 1806 г. он писал: «Родитель мой Нурали-хан и дядя Ишим-хан были убиты за то, что в подданство Всероссийской империи вступили. По сим причинам просил я у генерал-майора Завалишина казаков 100 человек для предосторожности и усмирения легкомысленных».² Что касается Джангир-хана, то некоторые современники рисовали его как самовластного хана, управляющего ордой, присущими восточному деспоту методами,³ а его власть – как неограниченную.⁴ А. Рязанов по этому поводу писал: «Здесь хан считал себя самовластным ханом, казахи не могли помышлять об ограничении ханской власти; кочуя на землях, отведенных русским правительством султану Букею, они считали себя подданными хана». Такую же оценку дал М.П. Вяткин. Он указывал, что в «отношениях своих

¹ Материалы по истории Казахской ССР, ч. 4. М. – Л., 1940, с. 274.

² Там же, с. 267.

³ Алекторов А. Очерки Внутренней киргизской орды – Известия, оренб. отд. РГО, 1893, вып. 2, с. 25.

⁴ Иванин М. Указ. соч., с. 30.

подчиненных он (Джангир. – С.3.) держался как восточный деспот, несмотря на то что функция его как хана царским правительством была весьма ограничена».¹

В решении внутренних вопросов власть хана не была ограниченной. Существовавший ханский совет, члены которого были кооптированы по воле самого хана, не поднимался выше совещательного органа. Джангир-хан проводил отдельные преобразования в областях налоговой и земельной политики по своему усмотрению, устанавливал в интересах ханской казны постоянные и временные повинности (зякет, согум, сбор кошм и сена и др.). Он осуществил централизацию власти путем ослабления власти родовой знати и усилил роль ханских наместников, частью вербуемых из числа служилой местной знати, частью назначаемых центральной властью в ханстве. В социальном смысле деятельность хана была ограничена и детерминирована волей и интересами господствующего класса, в особенности той его части, которая ориентировалась на союз с колониальными органами царского правительства.

Букеевское ханство полностью зависело от русского государства, было его марионеткой. Территория, на которой находилось ханство, была собственностью России, а хан считался находящимся на службе у русского государства. Ему присваивались военнослужебные чины России. Так, Джангир-хан имел звание генерал-майора русской армии. Ханство вначале находилось в ведении Министерства иностранных дел, а затем указом царя от 5 февраля 1838 г. было поведено «сопричислить к управлению Министерства государственных имуществ».² Этим Букеевское ханство превращалось из внешней территории государства во внутреннее колониальное владение, что отражало его фактическое положение. Джангир-хан отнесся к этому очень спокойно, как к должному. Оповещая родоправителей об этом, он писал, что это постановление есть не что иное, как «новый залог внимания Его Императорского Величества к подвластному

¹ Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР, с. 247.

² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 64, л. 1.

мне народу... изображенное постановление состоялось для пользы ордынцев».¹

Внутренняя орда, занимавшая территорию, находившуюся в сфере влияния астраханской губернской власти, в первое десятилетие больше была связана с астраханским губернатором, в особенности с командованием астраханского казачьего полка, осуществлявшего непосредственный надзор по всей западной и южной линиям расселения казахских переселенцев. 17 июля 1808 г. царь Александр I подписал новые правила «О переходе степных киргизцев на внутреннюю сторону Урала». В них был специальный раздел «О Букее султানে», который устанавливал, по существу, двойное подчинение орды. В правилах говорилось: «Султана Букея с подвластными его и со скотом... подчинить наравне со всем киргизским народом Оренбургской пограничной комиссии». В то же время признавалось, что Внутренняя орда занимает земли Астраханской губернии и хан Букей «должен во всяких случаях относиться прямо к астраханскому губернскому начальству»,² а последнее, в свою очередь, обязано было ставить в известность о всех важных делах казахов Оренбургского военного губернатора и его пограничную комиссию.

Со временем утвердились три понятия и соответствующие им три инстанции управления Букеевским ханством: «общий надзор», «ближайший надзор» и «главное местное управление». Общий надзор осуществлялся официально Министерством иностранных дел и его азиатским департаментом, а с 1838 г. – Министерством государственных имуществ. Органами ближайшего надзора являлись Оренбургский военный губернатор и Оренбургская пограничная комиссия, а главное местное управление было возложено на хана.

Букеевское ханство не несло какой-то прямой повинности в пользу царского правительства. Это компенсировалось превращением орды в сырьевую базу и рынки сбыта товаров России.

¹ Там же, л. 3.

² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 214, л. 4-5.

Ханская власть и царское правительство

Между ханской властью и царским правительством, его органами на местах сложился прочный союз, и это предопределило то, что во Внутренней орде ханское правление существовало почти до середины XIX в., тогда как в других частях Казахстана было отменено еще в начале 20-х гг.

Безоговорочная ориентация ханов на царское правительство была обусловлена несколькими факторами, и прежде всего тем, что ни один хан орды не мог продержаться во власти без поддержки правительства, в том числе военной. Против хана действовали три оппозиционные группы. Группа влиятельной старой знати Младшего жуза пыталась помешать переходу части казахов в пределы России и обвиняла султана Букея и его сторонников в стремлении расколоть Младший жуз. Вторую группу составляли в основном султаны, которые боролись за власть на новом месте, но, не получив поддержки со стороны пограничных органов, пытались создать свое микровладение и игнорировать власть хана. Наконец, среди казахского населения также были сильны антиханские настроения.

Ханы Внутренней орды всегда чувствовали себя в опасности и не скрывали этого. Хан Букей 28 ноября 1810 г. в письме к Оренбургскому губернатору, называя своих противников «злоумышленными киргизами», писал: «Под покровительством Вашего сиятельства получаю от них избавление... Высокостепенного Джантюре-хана умертвили, также и меня едва не убили, а я имею надежду... на всевышнего бога. При всем том злые киргизцы ищут случай, чтобы сделать мне несчастье, от каковых воров киргизцев, теряющих тишину и спокойствие, удаляюсь внутрь, в дальние места, где надеюсь иметь для меня безопасное пребывание».¹ В таком же плане писал и султан Шигай, занимавший ханский престол после смерти Букея.

¹ Оренбургский облархив, ф. 6, оп. 10, д. 513, л. 7.

При ханской ставке постоянно находился двухсотенный русский военный отряд с офицерами, прикомандированный оренбургским и астраханским губернаторами.

Бесконфликтному взаимоотношению ханской власти с пограничными органами в известной мере содействовала продуманная политика оренбургского губернатора и Оренбургской пограничной комиссии. Они отказались от постоянной опеки, надзора, предоставив значительные возможности хану. Так, хотя было установлено, что окончательное утверждение старшин родовых отделений, родоправителей и членов ханского совета, представляемых ханом, входит в полномочие Оренбургской пограничной комиссии и оренбургского военного губернатора, на деле не было случая, когда бы губернатор и его управление не согласились с кандидатурой хана. Большие полномочия хан имел и в правовой области. Было установлено, что казахи Внутренней орды судятся по общим уголовным законам, неповиновении власти, возмущении, побеге за границу, за участие в злодеянии, смертоубийстве, похищении казенного и общественного имущества, поджигательстве, насилии, грабеже, барымте и воровстве до 30 руб. серебром более двух раз, по всем же другим преступлениям маловажным, не исключая и кражи до 30 руб. серебром менее трех раз, судятся ханом».¹ По изъятым из ведения хана делам в качестве судебной инстанции выступали военный суд в Уральске и Оренбургская пограничная комиссия, которые производили следствие и творили суд по общим уголовным законам России. В действительности судебная власть хана была гораздо шире. Многие дела, отнесенные к компетенции пограничных властей, решались самим ханом.

Как правило, это были те дела, которые по каким-либо соображениям хан передавал сам. Так как деятельность хана прямо не контролировалась, он был в состоянии квалифицировать всякое преступление как маловажное или вовсе не сообщать пограничным судебным органам.

Недовольные решениями хана могли жаловаться в пограничные власти. «Те лица, которые по решению его

¹ Свод законов России, 1842, т. 15, ст. 179.

(хана. – С.З.) в претензиях своих киргизов законного удовлетворения не получают, – записано в своде законов империи, – имеют право приносить жалобу, куда по порядку следует». ¹ Оренбургское же губернаторство, проводя политику укрепления ханской власти, не принимало жалоб на хана, а если были таковые, то они, как правило, оставлялись без решения.

В известной мере сращению ханской власти с властью пограничных органов в немалой степени способствовал сам Джангир. Он был сторонником русского самодержавия, помещичьей системы хозяйства, дворянского образования и культуры.

М.П. Вяткин справедливо указывал, что Джангир «в орду приехал с навыками и претензиями русского помещика-крепостника. Он даже стремился закупить в Оренбургской губернии около 500 душ крепостных крестьян». ² Вместе с тем он обладал определенными данными местного деятеля и был властолюбив. Все это при полной поддержке царского правительства создало некоторый ореол вокруг него. Царские чиновники, довольные его отношением к политике пограничных органов, в своих донесениях и записях часто называли его человеком «во многих отношениях замечательным», ³ ханом, «который весьма заботится о благосостоянии киргизов» ⁴ и т. д.

Джангир-хан поддерживал регулярную связь с высшими органами правительства, несколько раз бывал при дворе. В 1827 г. летом он посетил Москву и Петербург, был представлен царскому двору и присутствовал при коронации императора. В 1839 г. Джангир-хан ходатайствовал об аудиенции у царя «для сообщения некоторых сведений в отношении управления его народом». ⁵ В начале августа он

¹ Там же.

² Вяткин М.П. Указ. соч., с. 247.

³ Солдатенков К., Щепкин Н. Очерки зауральской степи и внутренней, или Букеевской, орды. М., 1859, с. 84, 89.

⁴ Есипов Г. Указ. соч., с. 299.

⁵ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2228, л. 3.

прибыл в Петербург в сопровождении поручика Амиржана Гусейнова (брата жены), служилых родственников султана Медеткалия Чукана и султана Менлигирея Букейханова, а также члена ханского совета Чумбала Ниязова, старшины Насанбая Ходжабекова, тархана Сердали Сеитова. Одним из вопросов, поставленных ханом перед Императором, как это видно из отношения пятого отделения «собственной Его Императорского величества канцелярии», оренбургскому военному губернатору от 8 августа 1839 г. было ходатайство о награждении чинами и знаками 23 лиц из числа местных правителей и служилых людей, «отличившихся преданностью ханской службе и царскому правительству, каковое по докладу Император соизволил благосклонно рассмотреть».¹ Другим вопросом, которому придавал хан особое значение во время пребывания в столице, было назначение наследника престола и одобрение его царем. В январе 1841 г. Джангир-хан представил в Оренбургскую пограничную комиссию официальное уведомление Министра государственных имуществ о том, что «Государь император вследствие всеподданнейшего прошения хана об утверждении в роде его ханского достоинства, изъявил предварительно Всемилостивейшее соизволение на утверждение сына его Сахиб-Гирея наследником ханского достоинства по окончании им курса наук в Пажеском корпусе».²

Правительство обласкало хана Джангира. «За постоянные труды по управлению Букеевскою ордою и неусыпное попечение о благе ея» он был награжден медалью на Андреевской ленте, алмазными знаками ордена Святой Анны первой степени, орденом Святой Анны первой степени. В 1831 г. ему был пожалован воинский чин генерал-майора.³ Русский император подарил хану карету и коней, а его супруга была удостоена «высочайших подарков».⁴

¹ Там же, д. 2126, л. 6-8.

² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 14.

³ Там же, ф. 78, оп. 1, д. 26, л. 232.

⁴ Там же, оп. 2, д. 99, л. 2-3.

Джангир-хан поддерживал тесные связи с образованной, культурной частью царского чиновничества. Он посещал Казанский университет, переписывался с его ректором и некоторыми профессорами, передал университету фольклорные материалы, за что был избран его членом.

Царскому правительству казалось, что Джангир-хан - тот человек, которому можно было доверить проведение государственной политики в казахском обществе и вместе с тем отвечающий требованиям культурного русского общества, влияние которого все больше возрастало в аппарате государства, в том числе и в правительственных органах. В течение первых двух десятилетий после образования Внутренней орды астраханское и оренбургское губернаторства вплотную занимались ее делами, требовали регулярного отчета отправителя орды и согласования с ними основных вопросов внутренней политики. Так, 12 ноября 1818 г. астраханская войсковая канцелярия потребовала от султана Шигаю, исправлявшего обязанности хана, «ежегодно представлять в нынешнем лице главному начальству о всех вообще в Астраханской губернии обитающих разного звания людях, в число сие входят и кочующие киргизцы».¹ Несколько раньше, когда султан Шигаю стал выдавать от ханского имени отпускные билеты казахам-беднякам для найма на работу в пограничных русских селениях, Оренбургская пограничная комиссия 30 марта 1818 г. сделала ему предупреждение: «что Вы подведомственным вам киргизцам в противность сделанному пограничным начальником постановлению, выдаете от себя билеты на поступление к астраханским рыбопромышленникам в работники». Комиссия сообщила, что оренбургский военный губернатор «запрещает ему выдавать впредь билеты. В таких случаях спрашивать разрешение у линейных начальников».² Султан Шигаю свой ответ на это требование ограничил изложением просьбы о предоставлении ему такого полномочия.³ Так было и в первые годы ханства Джангира. В

¹ Там же, оп. 1, д. 1, л. 4.

² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, л. 3.

³ Там же, л. 4-5.

письме председателю Оренбургской пограничной комиссии от 12 декабря 1830 г. хан писал: «Прошу разрешить – могли давать султанам и старшинам участки земель в исключительное их владение».¹

Положение значительно изменилось с 30-х гг., когда Джангир-хан был обласкан лично царем и царским двором, завоевал доверие и пользовался поддержкой оренбургского губернатора и Оренбургской пограничной комиссии. Политика контроля и опеки над ханом сменилась политикой невмешательства во внутренние дела Букеевского ханства и в деятельность хана. Именно к этому периоду относятся слова одного из ответственных царских чиновников: «Русское правительство с самого начала отклонило от себя всякое вмешательство во внутренние дела киргизов, по предмету разверстания земельных угодий между различными родами».² Один из дореволюционных исследователей не без основания указывал, что во второй четверти XIX в. ханская власть в орде была «весьма сильной».³

Ханская власть во Внутренней орде стала почти бесконтрольной, хотя формальное ограничение полномочий хана не было снято. Когда хану стало известно, что приказчики русских приморских владений привлекают казахов к разным работам, в том числе к сенокосению, Джангир отреагировал на это письмом в Оренбургскую пограничную комиссию от 19 апреля 1834 г., в котором просил сделать предупреждение этим приказчикам о недопустимости подобного действия, ибо, как писал хан, этак «без моих согласий могут оскорблять меня».⁴ Честолюбие хана со временем стало столь высоким, что он на просьбу самого оренбургского губернатора Перовского, интересовавшегося ежегодными ханскими сборами с населения, послужившими одной из основных причин крестьянского восстания в орде в 1836 – 1837 гг., ответил,

¹ Приводится по кн.: Шахматов В. Ф. Указ. соч., с. 48-49.

² Медведский Т. Внутренняя киргизская орда в хозяйственном и статистическом отношении. – Журн. МГИ, 1862, № 8, с. 286.

³ Харузин А. Киргизы Букеевской орды. М., 1889, вып. 1, с. 90.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 6, л. 44.

по существу, отказом. Хан писал губернатору: «Подробной записи о числе получаемого мною с киргизов разного скота в зякет и согум сообщить Вашему превосходительству не имею возможности, так как не вел расчета».¹

Хан пытался снять с себя некоторые, во многом формальные, ограничения, наложенные на его власть русскими законами. Так, 10 июля 1837 г. он представил губернатору докладную о расширении его судебных прав, в которой писал: «Дела следственные о производимых киргизами кражах как междоусобных, так и у посторонних лиц представить разбирательству хана в Ханском совете на праве дел исковых, гражданских с тем, чтобы претендателям доставляемо было, в случае справедливости претензии, удовлетворение, а виновным производилось бы наказание в Орде по нашим обычаям и законам».² Однако правительственные органы не собирались снимать существующие законные ограничения на власть хана. При помощи этих и других изъятий из сферы ханской власти в необходимых случаях осуществлялось давление на нее и контроль над внутренней жизнью ханства.

Самостоятельность деятельности хана нисколько не тревожила правительство и его пограничные органы. Хан оставался верным слугой царизма и ревностным проводником его политики подчинения казахского общества интересам империи. А это было важнее всех других частных проявлений в деятельности хана. Открытое вмешательство правительства во внутренние дела казахских ханов почти всегда приводило к нежелательным результатам – к потере авторитета местных начальников, которые состояли в союзе с царизмом. Этот урок был учтен: лучшим средством проведения колониальной политики в Букеевском ханстве правительство считало не прямое вмешательство, а действие через надежного ставленника.

Правительство в знак полной поддержки внутренней политики хана и желая укрепить его позицию, временами

¹ Алекторов А. Указ. соч., с. 259.

² Цит по кн.: Рязанов Л. Указ. соч., с. 47.

оказывало ему финансовую и другую помощь, в которой он нуждался. Оно полностью финансировало строительство ханской резиденции в урочище Жас-Кус, а также плотины на р. Торгунь.

Свое зависимое положение от царского правительства и его поддержку хан стремился использовать для укрепления своей власти внутри ханства. Об этом он открыто писал в Пограничное управление и губернатору. «Желательно, – писал он губернатору Перовскому, – чтобы права мои были поддержаны Вашим превосходительством, как крепкою опорою попечительской власти».¹

Правительственные органы во многом шли навстречу хану. По его представлению наиболее преданным ханской власти представителям знати присваивались офицерские звания, выдавались подарки, они награждались медалями, наоборот, «ослушников» изолировали от общества, передавая их в руки пограничных властей, как мятежных. Нередко правительственные органы отказывались принимать жалобы от трудящихся без предварительного рассмотрения их ханом.

Джангир-хан, опираясь на поддержку правительства, стремился к единовластию во внутренних делах. В его руках была сосредоточена высшая административная, судебная и законодательная власть в ханстве. Он сам разбирал судебные дела, считался судом второй инстанции по делам, решенным родовыми начальниками и ханскими биями; устанавливал новые налоги, ввел телесное наказание, новые виды штрафов за неуплату долгов, понятие «ослушание воли начальства» и т. д. Такая нормотворческая функция не входила в деятельность прежних казахских ханов. Начиная от указных мулл и кончая членами ханского совета, все эти и другие должностные лица, по существу, назначались ханом и непосредственно подчинялись ему. Власть в ханстве была централизована. Прежняя самостоятельность султанско-бийских владений была ликвидирована, а сопротивление старой родовой знати, тяготевшей к независимой внутренней политике, сломлена.

¹ Астраханский листок, 1892, № 259.

Административная и судебная власть была изъята из ведения родовых предводителей и передана назначаемым ханом наместникам.

В усилении ханской власти имело значение и то обстоятельство, что в результате передачи лучших земельных участков во владение отдельных категорий знати, освобождения части местной знати от несения общих повинностей и налоговых сборов путем присвоения звания тархана и представления на награждение русскими чинами части знати хану на определенном этапе удалось создать более или менее стабильную социальную опору власти.

При всем этом «своеволие» хана Джангира имело свои пределы, которые он старался не переступать. Джангир был достаточно хитер и опытен, чтобы не вызывать раздражение, тем более недовольство царского правительства.

Открытый союз ханской власти с колониальными органами и политика хана, направленная на усиление угнетения трудовых масс путем закрепления земель за знатью и установление новых налогов в пользу ханской казны и наместников, рост злоупотребления служебным положением со стороны ханских чиновников вызвали протест народных масс, вылившийся в мощное вооруженное выступление в 30-х гг. XIX в.

Основные направления в деятельности ханской власти

В первой четверти XIX в. по инициативе хана был осуществлен ряд важных мероприятий, задевших кочевой быт и земельные отношения, систему сборов и повинностей населения, организацию власти и управления в обществе. Этими мерами хан и стоявшие за ним органы царского правительства стремились упрочить свое влияние на кочевые и полукочевые коллективы, создать социальную опору для проведения такой политики и расширить источники пополнения ханской казны и обогащения в первую очередь султано-старшинской служилой знати.

Впервые в истории Казахстана ханская власть кроме решения традиционных вопросов внутренней жизни казахского общества, таких как распределение кочевьев и кочевых путей между родами и разбирательство споров и конфликтов между ними, сношение с соседними народами, стала интересоваться хозяйственной, социальной, культурной и политической жизнью подвластного общества, пыталась реформировать отдельные области и стороны общественной жизни в угоду интересам ханской власти и тех социальных сил, организацией которых она была.

Раздачей земель султанам, биям, старшинам, знати в кочевых коллективах в их исключительное владение преследовалась цель создания социальной опоры в лице крупных и средних землевладельцев-скотовладельцев, закрепления крестьян-шаруа на определенной местности и тем самым усиления их зависимого положения от знати, ориентировавшейся на центральную власть. Эти меры были рассчитаны также на расширение влияния ханской власти на внутреннюю жизнь кочевых коллективов, на создание дополнительного источника пополнения ханской казны за счет поступлений от раздачи, распределения и перераспределения земельных угодий, сдачи их в аренду.

Хан Внутренней орды проводил продуманную социальную политику, сориентированную на ослабление родовой знати и утверждение позиций новой знати, одобряющей внутреннюю и внешнюю политику хана. Кроме преобразований в земельных отношениях он осуществил ряд мер, направленных на укрепление своей власти, в частности возродил институт тарханства,¹ практиковавшийся в раннее средневековье в странах среднеазиатского Востока, в том числе в Казахстане, ввел титулы: ханский султан, ханский бий, ханский служащий, отмечая заслуги знати перед ханом и как доверенных лиц, выполняющих волю верховной власти в ханстве.

Титул тархана жаловался ханом представителям местной знати. Он давал его носителям льготы, установленные центральной властью, особое положение в обществе. В руках хана это было средством приблизить к себе влиятельную часть знати, которая поддерживала бы политику царского правительства в этом регионе. За короткое время число тарханов достигло нескольких сотен. Только в одной таловской части орды (а таких частей было 5) к середине XIX в., по официальным сведениям, насчитывалось 125 тарханов. Среди них были крупные скотовладельцы и землевладельцы. С вручением тарханского свидетельства хан Джангир наделял тарханов лучшими земельными угодьями, что освобождало их от ханских налогов и общественных повинностей, телесного наказания и т. д. Тарханское звание объявлялось наследственным, переходило по мужской линии.² Личные права тарханов охранялись ханской грамотой.

Казахские ханы во все времена нуждались в поддержке местной знати, которая непосредственно управляла кочевыми коллективами. Власть ханов во многом зависела от их

¹ Царское правительство в XVIII в. практиковало присвоение титула тархана влиятельным в казахском обществе биям и батырам, однако сами казахские ханы таким полномочием не обладали.

² С ликвидацией ханской власти перестал существовать и институт тарханов. В 1869 г. правительствующий сенат, давая разъяснение о правах тарханов, отметил, что тарханы являются «ныне почти совершенно исчезнувшим званием» (Крафт И. Из киргизской старины. Оренбург, 1900, с. 82).

поддержки. Во внутренней орде хан нуждался в ней еще в большей степени, поскольку задуманные им преобразования не могли быть проведены без активной поддержки влиятельной части родовой знати. В привлечении на свою сторону все большей части местной знати хан наряду с введением для нее звания тарханов установил ряд льгот и привилегий для старшин и аульных предводителей, перешедших на службу к хану, поручал им сборы с населения ханских обложений и предусматривал при этом их долю с этих обложений в зависимости от размера поступлений в ханскую казну. Служилая знать освобождалась от налогов и повинностей, наделялась полномочиями наместников центральной власти.

Составной частью социальной политики хана были подготовка и умножение числа духовных лиц, мулл, подчиненных хану, и насаждение их в кочевых коллективах для идеологического влияния на отсталое аульное население в интересах политики хана. «До вступления в управление ордою хана Джангира Букеева, – читаем мы в одном из местных сообщений, – киргизы, за исключением весьма немногих султанов и ходжей, не имели почти никаких религиозных убеждений и были очень плохими магометанами»,¹ а число мулл во всем ханстве в это время было не больше 15.

Для приучения казахского населения к уважению религии хан прибегал к различным, порой насильственным мерам. Так, хан, прежде чем рассматривать тяжбные дела сторон, всех участников этого дела, прибывающих нередко значительными группами в ханскую ставку, водил в специально устроенную мечеть и организовывал в ней богослужение. Дело доходило до того, что во время ярмарочной торговли вдруг появлялась команда русских казаков из личного конвоя хана, которая нагайками и плетью загоняла толпу в мечеть на совершение религиозных молитв.

К началу 40-х гг. не только старшины тайфы, но и отдельные аульные коллективы имели уже своего духовного наставника. Духовная деятельность превратилась в государственную службу. Заметно увеличилось число ходжей,

¹ Оренбургский листок, 1887, № 26.

именовавшихся потомками сподвижников пророка Мухаммеда. Они образовали кастовую организацию – род ходжей, которая состояла из 40 – 50 семей.

По мере укрепления своей власти и ее социальной базы хан видоизменял и реформировал старую систему повинностей и обложения населения: увеличивал их размеры, вводил новые виды налогов и обложений с целью приумножения своих доходов, с большой тщательностью устанавливал налоги для каждого подразделения рода и старшинств, порядок сбора и отправки в ханскую ставку.

Среди ханских сборов на первом месте стоял зякет, первоначально освященный религией и существовавший во всех мусульманских странах. Хан Джангир писал, что «зякет есть принадлежность ханского достоинства повсюду, где только киргизский народ имеет ханов».¹ На первом этапе зякет взимался натурой, в основном в виде сороковой части скота, по строго установленной раскладке: а) с 5 голов верблюдов – 1, с 10 – 2, с 15 – 3, с 20 – 4 барана, с 25 верблюдов – тайлак (верблюжонок по второму году), с 36 – 1 верблюд по третьему году, с 46 – 1 верблюд-четырёхлетка, с 61 верблюда – 1 верблюд пятилетний и т. д.; б) с каждых 30 голов крупного рогатого скота – полугодовалый теленок, с 40 – 1 трехгодовалый, с 60 – 2 полуторогодовалых, с 70 – трехгодовалый и 1 полуторогодовалый, с 80 – 2 трехгодовалых, с 90 – 3 полуторогодовалых и т. д.; в) с 40 голов овец, коз и баранов – 1 баран, с 121 головы – 2 барана, с 201 – 3 барана и т. д. Лошади оценивались в деньгах – взималась сороковая часть их стоимости. Такая раскладка ставила в более выгодное положение зажиточную часть населения, крупных скотовладельцев и была очень обременительной для трудовых масс. Шаруаскотовод, владевший 40 баранами, отдавал в зякет одного, а богач, имевший 400 баранов, т. е. в 10 раз больше – только 4 баранов. Чем крупнее было скотоводческое хозяйство, тем меньше оно облагалось. Эта привилегия знати охранялась центральной ханской властью.

¹ Цит. по: Небольсин Г. Очерки волжского низовья. – Журн. МВД, 1852, т. 39, с. 232.

Бунты и крестьянское восстание в орде, достигшее своего апогея к середине 30-х гг., создали реальную угрозу хану и стоящим за ними колониальным органам. Под напором выступления масс, пытаясь смягчить их удары, хан в 1834 г. внес изменения в систему повинностей. По новому правилу лица, имевшие скота менее чем на 300 руб. ассигнациями (1 лошадь стоила 30 руб. ассигнациями), освобождались от зякета. Судя по некоторым документам, хан советовал старшинам брать с богатых больше, а с лиц среднего достатка – сообразно их состоянию. Однако эта «реформа» не облегчила экономического положения трудящихся масс, но заинтересовала местные власти, в руки которых теперь переходила основная власть по распределению и обложению налогом населения. Это привело к новым злоупотреблениям. В начале 40-х гг. был переведен на денежную форму натуральный зякет. Постановлением хана устанавливались твердые цены на каждый вид скота по всей орде. Ежегодно хан определял размер зякета в деньгах для каждого отделения рода. Старшины отделений по получении предписания хана совместно с предводителями и почетными лицами подотделений и аулов производили перераспределение зякета по семьям в соответствии с численностью скота. Сборы от зякета составляли огромную сумму. Местные начальники обосновывали это необходимостью оплаты и возмещения дополнительных издержек, связанных с расходами, поездками, ходатайствами родоправителей, мулл и разных категорий местных правителей, включая их самих. Сверх ханских они устанавливали также свои сборы.

По сообщению М. Иванина, зякет, «постоянно увеличиваясь, доходил до 70 и более тыс. руб. серебром».¹ По А. Евреинову, ежегодное поступление хану от зякета составляло от 72000 до 92000 руб. серебром.² Другой автор определяет его до 80000 руб. серебром.³ По всей вероятности, эти данные приблизительно верно отражают действительность.

¹ Иванин М. Указ. соч., с. 9.

² Евреинов А. Указ. соч., с. 79.

³ Терещенко А. Указ. соч., с. 64.

По данным М.П. Вяткина, в 1844 г. размер зякета достигал 95361 руб. серебром, что в переводе на скот составляло 40 – 50 тыс. баранов, или 8 тыс. лошадей.¹

Другим официальным ханским доходом был согум – натуральная повинность, предназначенная для обеспечения мясом хана в зимнее время. Хан Джангир учредил в конце 30-х гг. так называемые согумные участки, состоявшие из 15 кибиток или семей, подлежащих обложению. Каждый такой участок должен был поставлять хану 40 руб. ассигнациями или натурой – одну 5-летнюю корову или жирную кобылицу. Четыре согумных участка, соединяясь, должны были внести хану также две кошмы – одну белую, ценой 3 руб. серебром, и одну серую, ценой 2 руб. серебром, каждая длиной от трех-четырёх сажень и шириной около сажени.² От этого сбора хан в 1836 г. собрал до 500 штук кошм. Согум приносил ежегодно хану до 10000 руб. серебром или от 800 до 1000 голов скота.³

Развитая налоговая система, а также поборы местной знати еще больше усилили процесс разорения трудовых слоев населения. Достаточно сказать, что на каждый согумный участок, по официальным данным, приходилось 5 кибиток бедняков, не облагаемых налогами. Согум взимали с населения и султаны, и крупная родовая знать. «Согум производился осенью, обыкновенно это имело основанием то, дабы хан или султан мог прожить всю зиму на иждивении народа и тоже мог бы видеть готовность ордынцев в жертвовании своего имущества в пользу своего начальства»,⁴ – писал чиновник Д' Андре. На это указывал и Г. Загряжский: «Каждый ордынец, кочующий в соседстве с султанскими аулами, должен доставить султанам согум или какую-либо скотину на зарез для продовольствия султанов».⁵

¹ Вяткин М. П. Указ. соч., с. 250.

² Иванов М. Указ. соч., с. 9.

³ Евреинов А. Указ. соч., с. 80.

⁴ Материалы по обычному праву казахов. Алма-Ата, 1948, сб. 1, с. 139.

⁵ Загряжский Г. Юридический обычай киргиз. – Материалы для статистики Туркестанского края, 1876, вып. 4, с. 118.

В архиве сохранились ханские раскладки сборов.¹ Самым крупным управлением была приморская группа родов. Население этой части ханства только в один год поставляло ханскому двору в счет зякета 3353 головы баранов, согума – 141 голову крупного рогатого скота и 141 кошму размером 4 м х 3 м, из них белых 25. В ханских ведомостях по раскладке обложений по тайфам – старшинствам – в 1842 – 1847 гг. зякет уже исчислялся не в натуре, а в денежном выражении.

Кроме указанных постоянных ханских сборов населению приходилось нести и сезонные, и разовые повинности, и налоги в пользу ханской казны. Так, в 1839 г. хан обратился к родам, кочующим на приморском участке, сделать сбор средств, необходимых ему для поездки к императорскому двору. В этом обращении хан наметил собрать из родов: берш – 4000, исык – 2200, алаша – 2000, байбакты – 800, жетыру – 700, жаббас – 4500 руб.² Подобные сборы проводились в период поездок хана в Астрахань и Саратов, Оренбург и на Кавказ. В 1835 г. хан обложил некоторую часть аулов налогом жабагы (шерсть) по 5 пудов с участка или деньгами по 4 руб. серебро за пуд шерсти. Неоднократно взималось осенью для содержания ханского скота с каждой кибитки по верблюжьему выюку сена. Существовал специальный налог, предназначенный для содержания некоторых категорий служащих в аппарате хана. Так, каждый род платил 128 руб. серебром ежегодно для продовольствия ханских вестовых. Ханские депутаты за время нахождения в кочевьях по предписанию хана пользовались «нужными жизненными припасами по своему произволу».

Ханская казна пополнялась также солидными поступлениями от ярмарок и торговых пунктов. Только от одной ярмарки при Ханской ставке в виде налога за право торговли ежегодно поступало от 6000 до 7000 руб. ассигнациями. Немаловажное значение в финансовой политике хана имела и судебная пошлина – ханлык – составлявшая 1/10 часть иска.

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 22, л. 10.

² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 5, д. 22, л. 6.

По мере роста доходов росли расходы ханского двора, а увеличение расходов, в свою очередь, требовало роста доходов. Эта разветвляющаяся система ханских обложений, дополненных сборами и злоупотреблениями местных наместников и знати, тяжелым бременем ложилась на плечи трудящихся масс. «Сам Букей, равно как его преемник, – указывал Л. Мейер, – сделались столько же усердными русскими чиновниками, сколько притеснителями своего народа».¹

Со второй четверти XIX в. в деятельности хана появились новые элементы. Он попытался вкладывать часть общественных средств в сооружение небольших плотин и артезианских колодцев, в сохранение древесных насаждений в песках и разведение небольших лесных участков, на улучшение породы местных лошадей путем приобретения породистых жеребцов из российских конных заводов, в строительство общественных зданий.

Деятельность хана определяли три основных фактора: стремление хана в союзе с царским правительством превратить ханство в «пример совершенного подчинения русской державе»; пополнение ханской казны и служилой знати; борьба с противниками ханской власти и подавление народного движения.

Ханская власть и структура аппарата при ней, подбор придворного окружения хана и смысл активной деятельности верховной власти в орде определялись главным образом этими тремя задачами и были продиктованы ими. В своих планах ханская власть кое в чем преуспела, но имела и просчеты.

¹ Мейер Л. Материалы для географии и статистики России. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865, с. 24.

Ханско-султанский дом

При хане существовал своеобразный теневой кабинет, состоящий из влиятельных султанов, преимущественно ханской фамилии. Все основные вопросы внутренней и внешней политики страны хан обсуждал и согласовывал предварительно с ними, хотя многие из них по своему официальному положению не имели прямого отношения к выработке политики в ханстве.

Формирование и значение этого неофициального, но влиятельного органа при ханской власти связаны с социальным институтом султаната, его весом в экономической и политической жизни общества. Русские ученые и путешественники, побывавшие в Букеевском ханстве, писали, что султаны здесь занимали «главные места по управлению народом, освобождены от податей, избавлены от телесного наказания и некоторые произведены в штаб и оберофицерские чины».¹

Султаны, проживавшие в Букеевском ханстве, делились на 6 династий. Наиболее влиятельной и крупной из них была династия Нурали-хана – отца хана Букея и деда хана Джангира.

На положение султанов накладывало отпечаток то обстоятельство, что в общественном сознании они утвердились как особая каста, призванная править обществом. Видимо, первоначально султаны прокладывали себе путь к власти в казахском обществе насилием и мечом, как ставленники и сподвижники татаро-монгольских золото-ордынских ханов и их потомков. На определенном этапе истории как носители верховной власти они были выделены из остальной массы населения и идеализированы. Такое положение наблюдается в политической истории многих восточных народов.

Султанская группа, обосновавшаяся в Букеевском ханстве, в основном пришла из Младшего жуза вместе с

¹ Евреинов А. Указ. соч., с. 65.

султаном Букеем в качестве его сподвижников. Многие из них надеялись получить власть в новом ханстве и поправить свои дела.

Хан считался первым султаном и покровителем султанства. Устроить султанов, столь многочисленных, на доходные должности было трудно в небольшой орде. Наиболее изобретательным в этом отношении был Джангир-хан. Почти во главе всех родов и их объединений он поставил султанов в основном из числа своих ближайших родственников. Такие доходные должности, как ханские уполномоченные на ярмарках и в пограничных с Россией селениях, чиновники по особым поручениям, ханские осведомители, назначались исключительно из султанов.

В XIX в. султаны уже не имели той власти и влияния в обществе, как в XVII и в первой половине XVIII в. Политические и экономические их позиции к этому времени значительно ослабли. Султанский титул уже не давал привилегий.

Ханы Внутренней орды предприняли попытку если не вернуть былое положение султанов, то задержать падение их престижа, упрочить позиции в обществе. Султаны объединились в особый султанский род, который во многом напоминал сословную самоуправляющуюся организацию. Во главе рода находился ага-султан, ведавший делами. Тамга (символика) султанского рода была идентична ханской. Каждый султан имел право на именную печать.

Власть султанов силой насаждалась среди населения. В этом хану помогала царская администрация, опекавшая ханство. Народные массы во главе со своими родовыми начальниками выступали против султанской власти и требовали заменить родовой знатью. В этом проявилось падение былого престижа султанов как в глазах масс, так и среди большинства представителей родовой знати, превратившейся в силу, способную бороться за власть на местах. Однако ханская власть, являвшаяся опорой султанов, серьезно сдерживала эту борьбу.

К султанской группе во Внутренней орде царское правительство относилось благосклонно и даже доверительно.

Это было связано, в первую очередь, с тем, что она всецело во главе с ханом перешла на службу царизму, была его опорой.

Султаны оставались наиболее богатой и аристократической верхушкой патриархально-феодального казахского общества. Они имели при себе особую группу людей туленгутов, бывших дворовых служителей и охранников, теперь формально отпущенных, но живущих при султанах.

Султаны династии Нуралихановых, будучи ханствующим кланом, оказывали существенное влияние на политику ханской власти. Как наиболее богатые представители знати они проявляли вместе с тем и особую заинтересованность в социально-экономической политике и направлении деятельности верховной власти. Хан нуждался в их поддержке и потому поддерживал султанов. Многие важные должности при ханском дворе, в особенности в группе уполномоченных хана, были отданы родовитым султанам, что позволяло им повседневно влиять на политику хана.

Наибольшим влиянием пользовался совет султанов и ага-султанов. Крупные султаны, в основном представляющие клан Нуралихановых, составляли костяк теневого кабинета хана. Этот неофициальный орган, однако, не являлся органом ограничения власти хана, политика которого отражала их интересы.

Совет двенадцати биев

Бии в истории казахских ханств играли значительную роль. Перед султанами и ходжами они имели то преимущество, что более тесно были связаны с родовыми коллективами, формировались в их среде, управляли ими, выступали их «естественными» представителями и «защитниками» в межродовых, внешнеродовых связях и отношениях. В то же время бии были выходцами из наиболее богатой, знатной и влиятельной части родовой знати.

Ханы, в том числе и во Внутренней орде, всегда стремились привлечь верхушку бийской группы на свою сторону, заручиться ее поддержкой. Ни один казахский хан не обходился без совета биев, созываемого в особых и экстренных случаях для согласования и решения важнейших социально-экономических и военно-политических вопросов. Пренебрежение мнением биев всегда приводило к падению престижа и изоляции ханствующей династии.

Царское правительство в своей политике также опиралось на наиболее влиятельных биев и придерживалось линии лавирования между султанами и биями в конфликтных между ними ситуациях.

Бийская прослойка не имела своей сословной организации. Ее представители были разбросаны по отдельным кочевым коллективам и жили в значительной мере интересами отдельных, слабо связанных между собой, обособленных мирков. Однако это не мешало им периодически объединяться для совместных действий.

Последовательная политика, направленная на огосударствление влиятельных биев, на тесный союз хана и царизма с ними, постепенно отрывала часть из них от родовых подразделений и кочевых общин и превращала в проводников и служителей официальной политики. Этот процесс заметно усилился с конца XVIII в. Именно к этому периоду относится образование двух прослоек в бийской группе: биев нового направления, ставших почти наместниками ханской власти

на местах, и ортодоксальных биев-старорежимцев. Число первых было ограниченным, и в начале XIX в. они, переходя на позиции ханов и царского правительства, теряли былое влияние в кочевых коллективах.

Султаны Букей и Шигай официально учрежденного при себе совета биев не имели. По мере необходимости они призывали влиятельных биев как предводителей кочевых коллективов для разбора тяжб между родовыми группами и рассмотрения важнейших вопросов внутренней жизни и внешней политики. Это, однако, не означает, что мнение биев игнорировалось в ханстве. Вероятно, в тот период не возникала необходимость в создании совета биев.

Джангир - сторонник диктатуры, опирающийся на поддержку оренбургского и астраханского губернаторов, также не хотел делить свою власть с группой биев и руководствоваться их мнением. Разумеется, он не игнорировал родовую знать вообще, но опирался на новорежимную ее прослойку.

Джангир вынашивал идею превращения орды в степное крупнопомещичье владение с новой системой управления. Однако уже в своих первых преобразованиях он натолкнулся на сопротивление родовой знати – биев и старшин, возглавлявших крупные кочевые коллективы. Хан обвинил их в нежелании прислушаться к голосу нового времени, в противодействии политике русского царя в этом регионе. Опираясь на султанов, ходжей и на часть родовой знати, он начал постепенно вытеснять своих противников, главным образом биев, из системы местного управления, что привело к ослаблению позиций самого хана и пограничных властей. Недовольство большей части местной знати вылилось в 1826 – 1827 гг. в массовые волнения, наблюдавшиеся в различных частях ханства. Хан был серьезно обеспокоен и встревожен этим событием. Оренбургский губернатор, следивший за развитием событий в ханстве, в письме от 12 апреля 1827 г. рекомендовал хану больше считаться с мнением биев-старшин. Он писал: «В приезд киргизских старшин к Вам прошедшей зимою Вы их заставили несколько дней ждать, пока

они были к Вам допущены, почему между киргизами распространяется неудовольствие к Вам». Далее он советовал хану «всегда приглашать их одних к себе для совещания... не давать им замечать, что советы их у вас меньше значут, нежели у духовных татар».¹

Бии и старшины еще имели достаточное влияние на хана. Они были хранителями патриархально-родовых традиций и представляли собой наиболее консервативную часть общества. Само казахское общество еще не было подготовлено для сколько-нибудь крутых изменений даже в рамках патриархально-феодалных отношений, поэтому реформы Джангир-хана натолкнулись на сопротивление части влиятельной местной знати. Ему ничего не оставалось, как пересмотреть свое отношение к бийской группе и стараться привлечь ее видных представителей к управлению ханством, а затем превратить их в придаток ханской власти. В том же 1827 г. он объявил об учреждении совета биев, в состав которого входили по одному бию от каждого родоуправления.²

Его члены в официальных донесениях и письмах именовались «ханского совета бий» или «бий и советник хана».³

Еще в 1797 г. в Младшем жузе после убийства хана Иши-ма также был создан ханский совет. Этой мерой царское правительство пыталось заменить ханскую власть. Но под нажимом проханских группировок она была восстановлена, а ханский совет стал органом при хане. Стремясь превратить членов ханского совета в служилых людей и использовать их в своих интересах, правительство в 1806 г. поставило их на государственное содержание. Однако ханский совет в Младшем жузе не оправдал планов царского правительства.

¹ Материалы по истории Казахской ССР, т. 4. М. – Л., 1946.

² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 66. В состав Ханского совета вошли Муфат Айдабулов (от рода шеркеш), Шомбал Ниязов (ногай), Балкы Кудайбергенов (берш), Кунажан Сапаков (байбакты), Алтай Досмухамедов (алаша), Кушатыр Мунаков (жаббас), Жантуар Абтанов (исык), Татан Секенбаев (кзылкурт), Байток Тюменев (адай), Худайшукур Бузаев (газы), Кендырбай Рысбаев (жетыру), Боз Боздаков (кете).

³ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 94, л. 22-24.

В других условиях создавался ханский совет в Букеевском ханстве. Царское правительство и состоящая под его опекой ханско-султанская группировка нуждались в поддержке влиятельных людей. Члены ханского совета должны были быть благонамеренными, знать народ и его нужды.

Ханский совет не обманул надежд хана и оренбургского губернатора, проявивших достаточную инициативу в его создании. Он стал проводником царской и ханской политики.

Ханский совет был постоянно действующим органом, хотя его члены продолжали жить в кочевьях. Советники хана имели право на деловую и правотворческую инициативу, представляли на рассмотрение хану свои соображения по отдельным вопросам, а иногда и проекты новых правил или поправок к существующим правилам. В разное время они внесли на рассмотрение хана предложения о введении телесного наказания, новых видов штрафов против неисправных должников и неплательщиков зякета и согума, против воровства. В этих рекомендациях ясно просматривается линия на более жесткую охрану имущества и собственности феодалов, усиление влияния центральной власти в жизни местных коллективов. Члены совета были привлечены ханом и для составления сборника обычно-правовых норм, которыми должны были руководствоваться местный и ханский суды при решении тяжёлых дел.

В полном составе члены совета в мирное время собирались не часто. В годы восстания 1835 – 1837 гг. ханский совет созывался иногда 3 – 4 раза в год.

В каждом родовом управлении были наместник-родоправитель и ханский бий (член ханского совета). Первый из них, как правило, жил отдельно от рода, которым управлял. Бий со своим аулом и хозяйством постоянно находился в расположении рода, кочевал вместе с ним.

Функции родоправителей и родовых биев разграничивались довольно четко. Ближе к хану находились родоправители. Они проводили на местах финансовую и земельную политику хана, собирали налоги, следили за порядком и выполнением ханских распоряжений и указаний царских

чиновников из Пограничной комиссии. Через родоправителей пополнялась ханская казна.

Ханские бии в основном осведомляли центральную власть о нуждах и состоянии кочевых коллективов, были проводниками общей воли и политики верховной власти на местах. В годы восстания под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова ханский совет был верным оплотом хана.

Аппарат управления при хане

При казахских ханах традиционно не было отделенного от двора аппарата управления, следовательно, не было отраслевого или функционального управления, при котором отдельной сферой ханской власти занимались бы специально для этих целей поставленные или назначенные люди. Окружение хана составляли его семья и приближенные султаны из других фамильных ветвей, туленгуты, вольные служители или просто примкнувшие общинники. Они привлекались для выполнения различных поручений, служили ближайшими помощниками и охраной хана.

Ханскую канцелярию, как правило, представлял какой-нибудь выходец из мусульманских земель, исполнявший одновременно обязанности писца, переводчика и муллы. Поскольку часто его рекомендовала хану царская администрация, то он был и агентом-осведомителем, а хан советовался с ним как со знатоком русских дел.

Такое положение сохранялось в Букеевском ханстве и при султанах Букее и Шигае, правивших ордой в первой четверти XIX в. Изменения в системе управления наметились лишь со второй четверти XIX в.

Джангир-хан, приступая к осуществлению новой экономической и налогово-финансовой политики в обществе, направленной на усиление роли землевладельцев как опоры власти и на резкое увеличение доходной части ханской казны путем установления целой системы обложения населения, одновременно взялся за создание центрального аппарата, призванного обеспечить осуществление этих планов и удовлетворить возросшие интересы царского правительства в ханстве.

Созданный при хане аппарат управления состоял из ряда функциональных подразделений, перед каждым из которых ставилась определенная задача. Наиболее влиятельной была группа ханских депутатов.

Пограничные зоны ханства, примыкающие к Астраханской, Саратовской губерниям и Уральской военизированной

линии, делились на 10 пограничных участков, в каждом из которых был депутат, назначенный ханом. На отдельных участках могло находиться и большее число депутатов в зависимости от сезонного объема работ.

Депутатом от хана «по всем делам на Узенской линии» в 1834 г. был назначен султан Медеткалий Чукин. В характеристике хана, данной ему в 1839 г., было сказано: «С 1827 г. по сие время султан Медеткалий Чукин был бесперерывно употребляем по весьма трудным пограничным делам». Этот султан по ходу выполнения своей обязанности мог «держаться под караулом» отдельных виновных лиц. Вскоре в связи с увеличением объема работы на этом участке хан назначил Тогжана Мушегалиева вторым депутатом по Узенской линии. Султан Адил Букейханов был назначен ханским депутатом по Уральской линии по делам пропуска людей «из-за Урала во Внутреннюю орду».¹

На ханских депутатов возлагались следующие обязанности: следить за положением на границе и пресекать самовольный переход казахов через нее; участвовать в следствиях, проводимых представителями пограничных властей, когда второй стороной в деле являлись жители русских селений, и представлять при этом интересы ордынцев; сопровождать по орде русских чиновников и оказывать им содействие; розыск виновных лиц на своем участке; разбор дел по спорам внутри рода и между родами, если этого захотят участвующие в тяжбе стороны или по поручению хана.²

Власть ханских депутатов не сразу признали на местах, нередко, особенно в начальный период их учреждения, она игнорировалась родовой знатью.

К хану поступало много жалоб от султанов-депутатов о невыполнении кочевыми коллективами и старшинами их распоряжений. Хан всегда стоял на стороне своих ставленников. Султан Медеткалий Чукин, состоящий ханским депутатом на Узенской линии, жаловался хану, в частности,

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 14, л. 3; ф. 4, оп. 1, д. 2426, л. 6, 45; ф. 78, оп. 1, д. 19, л. 13.

² ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 14, л. 4.

на старшину Юнуса Жантлина, что тот не выполнил его требование не переходить со своими аулами и со скотом за р. Узень. Джангир-хан 9 февраля 1834 г. выразил свое недовольство в письме: «Старшине Юнусу Жантлину. Предписываю тебе строжайшее требование султана Медета Чукина без малейшего отлагательства и отговорок выполнить. В противном же случае буде малейшее сделаете послушание и препятствие, подвергнетесь ответственности по всей силе строгости законов».

В Букеевском ханстве сложился институт есаулов, по своему составу и задачам не похожий на прежних шабарманов. Есаулами назначались исключительно старшины, стоявшие во главе отделений и подразделений родов. Их было 14. Они привлекались для выполнения специальных важных поручений хана в зонах, в пределах которых имели свои хозяйства и кочевья. Есаулы служили интересам укрепления власти родоправителей, многие из которых навязывались родовым объединениям.

В составе аппарата управления при хане существовала также группа базарных султанов. Ее возникновение тесно связано с ростом товарооборота и товарно-денежных отношений в ханстве. Базарные султаны в отличие от султанов-депутатов не имели постоянных участков и жили в своих кочевьях или в ханской ставке. Они командировались ханом на ярмарки и в более или менее важные торговые пункты внутри ханства и за его пределами, куда приводили казахи скот для продажи. В основную обязанность базарных султанов входили сбор торговых пошлин внутри страны и отстаивание интересов населения ханства.

Для регулярной связи с родами, родоправителями и старшинами была образована группа ханских вестовых из 14 чел. с постоянным местом пребывания в Ханской ставке. Каждый род выделял по одному вестовому (а более крупные – по два) с конной экипировкой, необходимой для выполнения обязанностей связных между центральной властью и местами. Для продовольствия вестовых каждый род вносил в ханскую казну по 128 руб. серебром на каждого вестового в год.

При хане находилась канцелярия, делившаяся на основную, или русскую, и татарскую. В основную канцелярию входили ее управитель, помощник, специальный следователь, делопроизводитель (часто его обязанности исполнял помощник), переводчик по киргизским делам и 2 – 3 писца. В состав татарской канцелярии входили управитель, его помощник и 1 – 2 писца.¹ Об объеме работы ханской канцелярии можно судить по тому, что в год число входящих и исходящих документов достигало 6 тыс.²

Джангир-хан создал при себе подобие органа идеологической обработки населения. Впервые в истории Казахстана он учредил в степи должность ахуна – главного духовного лица в ханстве, исполняющего также обязанности ханского духовного судьи. Эту должность более 20 лет исполнял оренбургский татарин Джабар Хаматов. При нем находились азанши-мулла Губайдулла Башаров и мулла Тажиддин Гублуджалялов – оба из Казанской губернии. Все они были подчинены хану и исполняли его волю. Хан был ими так доволен, что присвоил ахуну титул тархана, а в 1839 г. при аудиенции у царя в числе других представил к награждению Золотой медалью на Анненской ленте.³ Местными органами ханских духовных советников были указные муллы, назначавшиеся в каждое более или менее крупное кочевое объединение. Число их достигало 130.

Ханское духовенство составляло ближайшее окружение хана и пользовалось поддержкой и покровительством верховной власти. Ахун имел обширные земельные угодья, крупное скотоводческое хозяйство. Сверх того, хан ежегодно делал ему подарки стоимостью до 4 тыс. ассигнациями. Кроме того, азанши-мулла и мечетный мулла получали от хана подарки на 500 руб. ассигнациями ежегодно. Крупной доходной статьей были «добровольные приношения» прихожан и подарки населения за исполнение религиозных обрядов и церемоний. Со временем хан вынужден был умерить их аппетиты.

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2350, л. 184.

² Там же, л. 147.

³ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2126, л. 9.

В аппарат управления можно включить и военную команду, которую хан использовал для устрашения подданных. В ханской ставке были расквартированы 100 казаков астраханского войска во главе со штаб-офицером и двумя обер-офицерами, 25 уральских казаков с обер-офицером и 50 астраханских калмыков, находившихся на военной службе. Один из царских чиновников указывал, что «при содействии этих команд безопасность и порядок в местном управлении ордою удовлетворительно поддерживаются».¹

Создание структурно разветвленного аппарата находилось в органической связи с политикой укрепления ханской власти, централизации управления.

Это привело к резкому ухудшению положения рядовых кочевников: увеличились и без того большие поборы с населения, злоупотребления со стороны власть имущих. В одной из жалоб, поданной Оренбургской пограничной комиссии в 1843 г., говорилось: «Каждый год были производимы разные разорения, по мнению нашему, происходящие от хана, потому что к каждому роду он назначил по султану, а вред от них, назначенных им султанов, превышает вред от хана. При этом происходят поборы от 12 биев и находящихся во всех родах старшин, которых тоже множество».²

В целях предотвращения возможного открытого возмущения масс царское правительство собиралось несколько изменить свою политику в регионе.

В конце 30 – начале 40-х гг. в правительственных органах активно обсуждался проект реорганизации управления ханством.³ Правительство намеревалось пойти на ограничение ханской власти и усиление влияния пограничных органов. Больше внимание уделялось роли старшинских групп

¹ Троицкий Н. Указ. соч., с. 106.

² ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2655, л. 313.

³ По инициативе председателя Пограничной комиссии Генса в 1837 г. был составлен проект Положения о Внутренней орде и представлен им на рассмотрение оренбургскому военному губернатору, вскоре проект был направлен в Петербург, в Министерство государственных имуществ.

в родовых коллективах. Рекомендовалось хану смягчить земельную и налогово-финансовую политику, ограничить влияние ахуна, татарских мулл и торговцев.

После смерти хана надобность в этом проекте отпала сама собой, поскольку управление ордой приняло новое направление.

Местное управление

В основе Букеевского ханства лежала родовая номенклатура. Преобразования в сфере административного устройства и местного управления проводились в рамках этого сложившегося в течение веков родового деления населения.

В управлении родами существовали две тенденции. Одна была связана с политикой хана и органов царского правительства и направлена на усиление их влияния в родовых подразделениях, другая исходила от родовой знати, прочно сохранявшей связь с кочевыми коллективами и пытавшейся удержать свою власть в рамках этих коллективов.

Структурное совершенствование системы местного управления выразилось в объединении более мелких родов в один крупный – административный род. По решению хана из 17 казахских родов было сделано 15, затем 13, а начиная с середины 30-х гг. 12 административных родов,¹ во главе которых стояли родоправители, чаще всего из султанов. Оренбургский губернатор снабдил родоправителей специальным документом об утверждении в должности и именной печатью. Во главе султанского рода стоял султан, ходжинский род возглавлял ходжа, туленгутский – туленгут.

Кроме родоправителя почти в каждом роде были ханский бий (член Совета биев) и ханский есаул с официальными общеродовыми функциями.

В противовес официальной системе управления родами существовало местное управление. Каждый из родов имел своего влиятельного бия, бая или старейшину, выдвинувшегося внутри рода и признаваемого им в качестве главы. Таких лиц могло быть несколько. Они образовали неофициальные центры, управляющие внутренней жизнью рода. В

¹ Система административных родов в большинстве своем совпадала с естественно сложившимся родовым делением. Только в двух случаях родовое управление являлось объединением нескольких мелких родов. В начале 50-х гг. XIX в. число административных родов уменьшилось до 10.

официальных документах они именовались мурзами, уважаемыми людьми, и имена их шли вслед за родоправителями и ханскими биями.

Каждый род делился на подроды (отделения), которые служили основанием для организации старшинств, при конструировании которых во внимание брались: число хозяйств в подроде, территория расселения его членов и исторически сложившийся режим управления внутри подрода, т. е. в основе формирования старшинств лежали принципы кровнородственных и исторических связей между членами рода, расселения и формы хозяйствования. Поскольку более или менее многочисленное подродовое подразделение часто располагалось на участках, отдаленных друг от друга и территориально не связанных между собой, постольку оно делилось на несколько старшинств – отделений.¹

Во главе каждого отделения стояли старшины, официально признанные ханом и по его представлению утверждаемые Оренбургской пограничной комиссией. Обязанности старшин состояли «в ближайшем наблюдении за порядком в отделениях, в исполнении распоряжений хана и родоначальников и в донесении как об обстоятельствах, заслуживающих сего, так и о нуждах отделений».

Как указывает А. Евреинов, кроме обеспечения «тишины и спокойствия» в отделении старшина обязан был «знать места кочевков каждого аула, как для наблюдения за правильностью в этом отношении, так и для немедленного доставления требуемых начальством сведений по делам ордынцев; правильно собирать подати... Советами и убеждениями склонять киргизов к полезным и законным действиям», разбирать споры, «приводя их к миролюбивому концу по народным обычаям».² На нем лежала обязанность сбора согума, зякета и других ханских налогов.

В политической структуре ханства местное управление имело решающее значение, поскольку именно на местах формировалось отношение к официальной политике. Поэтому

¹ ЦГА КазССР, ф. 78, оп. 1, д. 139, л. 1-2; Евреинов А. Указ, соч., с.73-75.

² Там же, с. 76.

прочность ханской власти во многом измерялась отношением к ней родовых объединений, в которых проханские настроения всегда были слабы и еще более ослаблялись по мере превращения казахских ханов в марионеток царского правительства. Кроме того, от активности местных органов управления почти всецело зависело материально-финансовое положение хана и его окружения.

При ханах Букее и Шигае каких-либо существенных преобразований в местном управлении не проводилось. Хань искали у родовой знати поддержку и стремились укрепить союз с влиятельными лицами в местном управлении. Старшины утверждались Оренбургской пограничной комиссией в редких случаях. Но одна тенденция выступала довольно определенно. Это – назначение родоправителями султанов из ближайшего окружения хана, которые на первых порах в какой-то степени делили власть в родах с местными биями и старшинами.

Положение в местном управлении заметно изменилось с вступлением на ханский престол Джангира, который взял твердый курс на централизацию власти путем огосударствления местных начальников и назначения по инициативе сверху родоправителями султанов, а на менее ответственные посты в местном управлении выдвигал представителей местной знати из числа лояльных к ханской политике или ее сторонников. С укреплением власти султанов в родах одновременно Джангир-хан создал ряд административных институтов, служащих целям прямой связи ханской власти с местными влиятельными феодалами, при необходимости минуя родоправителей.

При хане Джангире позиции султанов в системе местного управления закрепляются. Накануне его прихода к власти старшин, управляющих родом без султанов, было 4 (в трех родах), в первый же год правления он сократил их число до двух. Так называемых родовых старшин, т. е. управлявших отдельными родами в 1826 г., было еще 6, но почти все они входили в состав султанского управления и были подчинены султанам, стоявшим во главе нескольких родов, куда входили и роды, возглавляемые старшинами.

Процесс султанизации системы местного управления и насаждения в ней указных старшин – ставленников центральной власти – намного усилился в последующие годы и, можно сказать, завершился уже к середине 30-х гг. Однако целиком подчинить кочевые и полукочевые коллективы воле ханской и царской власти не удалось. Как и прежде роль «родовой» власти в них оставалась существенной.

Центральной фигурой в системе местного управления были указные старшины, число которых в начале 40-х гг. XIX в. перевалило за 200. Каждый из них находился во главе более или менее крупного отделения рода, насчитывавшего в своем составе от 100 до 250 кибиток.¹ Указному старшине выдавалась грамота-удостоверение об утверждении его в должности с перечислением основных обязанностей.²

Наиболее надежными с точки зрения интересов хана и органов колониального управления были родоправители-султаны, многие из которых принадлежали ханской фамильной династии (Нуралихановы, Букейхановы, Шигаевы) или находились в семейно-родственной связи с ханским домом. Они были наместниками центральной власти. Родоправители-султаны, за отдельными исключениями, имели армейские чины есаула, хорунжего, сотника. Преимущественно они получали официальные награды.³ Родоправители-султаны оставались верными хану на протяжении всей истории Букеевского ханства, поскольку их власть на местах держалась на поддержке сверху.

Самой низовой хозяйственной и в какой-то степени административной единицей был аул. Специального учета аулов не проводилось. Принято считать, что их число в ханстве колебалось от 1200 до 1500. По своему положению они резко отличались друг от друга.

Хан Джангир, проводивший политику централизации власти и управления в рамках ханства, понимал, что путь к достижению этой цели лежит через преодоление обособленности

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 1682, л. 21.

² Там же, л. 32-33.

³ Там же, д. 2126, л. 6-9.

родов и родовых подразделений во главе с родовой знатью. Осуществление этой задачи сопровождалось некоторой ломкой традиционного управления по родам и заменой его территориально-родовым и территориальным делением населения. Этому способствовали изменения в административном устройстве ханства. Ханская власть все чаще практиковала организацию новых старшинств по урочищам, в которых собирались отколовшиеся или отставшие от разных родовых групп кочевники. Был выделен новый административный район под названием Болим-Аймак, куда входило несколько родов. Так был образован Приморский участок, правителем которого в 1843 г. назначили Тогума Шигаева.¹

Организация местной власти и управления по урочищам и территориальным районам не упразднила управления по родам, но в ней выразился новый подход к местному управлению, в перспективе подрывающий родовую номенклатуру как основу деления населения. Она отражала переходный этап в административном устройстве орды и тенденцию к централизации власти в ханстве.

¹ Там же, ф. 78, оп. 2, д. 126, л. 4.

ГЛАВА IV

ПРОСВЕЩЕНИЕ И КУЛЬТУРА В БУКЕЕВСКОМ ХАНСТВЕ

Становление культурных связей России и ханства

Букеевское ханство, несмотря на определенные сдвиги и изменения в организации внутренней жизни, оставалось типичным для казахского общества социально-экономическим образованием, в котором господствовали патриархально-феодальные отношения, кочевой и полукочевой образ жизни, родовое деление населения. На этом фоне и развивались культурные связи между Россией и Букеевским ханством. При всей консервативности внутренней жизни и быта казахского населения, его отсталости, вовлеченное в сферу активной политики русского государства и в структуру метрополии, оно ощущало заметно растущее повсеместное влияние России. Особенно это сказалось на тех регионах Казахстана, которые находились в наиболее интенсивной зоне политики России, в области культуры и просвещения в частности. Одним из таких регионов Казахстана было Букеевское ханство. XIX в. – период становления и развития русско-казахских культурных связей – в России был веком расцвета науки, искусства и литературы, интенсивной общественно-политической жизни, роста национального самосознания. Увеличение сети учебных заведений способствовало распространению образования не только в самой России, но и втягивало в этот процесс национальные окраины. Подготовка местных кадров русской ориентации в Казахстане также входила в планы царского правительства. В их лице оно намеревалось иметь преданных престолу проводников политики в крае. Наиболее приспособленными для этих целей учебными заведениями считались кадетские училища в Оренбурге и Омске.

30 июля 1823 г. и 10 ноября 1824 г. Министр иностранных дел России передал оренбургскому губернатору Эссену повеление царя «о склонении (молодых) султанов с отличнейшими умственными способностями, чтобы они посвятили себя к изучению необходимых сведений и поступали для того в Неплюевское училище».¹

В 1833 г. оренбургский военный губернатор Сухтелен напомнил об этом председателю Оренбургской пограничной комиссии Генсу, указав, что до сих пор положительного результата оно не принесло и что необходимо предпринимать действенные шаги в этом направлении. В свою очередь, Оренбургская пограничная комиссия уведомила об этом комендантов ряда крепостей Уральской линии, осуществлявших контроль над прилинейными казахскими аулами, а также хана Внутренней орды и правителей частей Младшего жуза. Вскоре все коменданты ответили, что желающих отдавать детей в училище среди казахской знати не нашлось. Джангир-хан выразил готовность направить в училище своего десятилетнего сына.²

Постепенно возникла потребность в грамотных людях и внутри самого казахского общества. Более заметной она была в тех местах, которые были вовлечены в сферу непосредственного управления России и находились ближе к российским губерниям. Среди таких регионов выделялось Букеевское ханство.

В Букеевском ханстве потребность в грамотных людях вначале возникла в системе внутреннего управления, что было связано с введением письменного делопроизводства и быстрым ростом его значения во всей управленческой деятельности. Меры упорядочения структуры внутреннего управления в ханстве, налаживание учета поголовья скота и земельных владений в каждом старшинстве, родовых подразделениях, установление стабильной системы сборов и обложения населения в пользу ханской казны, внедрение письменной формы ведения следствий по ряду категорий

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 310, л. 1.

² Там же, л. 15.

дел, возрастание роли документации в торговых делах и хозяйственных отношениях с представителями соседних губерний, введение периодической отчетности и информации по подчиненности во внутреннем управлении – все это изменило прежнее представление об управлении в казахском обществе.

Потребность если не в образованных, то в грамотных людях обуславливалась также усилением внешних связей ханства с метрополией в экономической и политической областях. Ханы Внутренней орды вели активную переписку с оренбургским губернатором и Оренбургской пограничной комиссией, а также с Министерством иностранных дел, Министерством государственных имуществ, в ведении которых они состояли.

Хан Джангир расширял свои связи. Он неоднократно бывал в столице, участвовал в коронации императора, посещал Казань и Кавказ, имел свой дом в Астрахани, торговый двор в Саратове, стоянку в Оренбурге. В пограничных русских уездных центрах и военных кордонах для связи с ними по казахским делам находились ханские уполномоченные – депутаты. Во всех этих делах были нужны кадры, имеющие определенную образовательную подготовку, ориентирующиеся на политику царского правительства в этом регионе и способные служить интересам ханской власти. Ханская власть при этом преследовала и свои цели. В условиях нарастающего недовольства политикой хана со стороны аульных общин она стремилась сбить волну недовольства через своих ставленников на местах. Предполагалось также, что привлечение молодых и образованных людей к управлению может ослабить позиции старых родовых старшин и биев, являвшихся приверженцами традиционной султано-бийской системы управления.

Джангир-хан был типичным деспотом-эксплуататором. Но он, может быть, более других ханов понимал требования времени, чему способствовало то, что он был образован, знал языки, по свидетельству русских чиновников, «усвоил себе

весьма много из европейской цивилизации».¹ Он смотрел на образование как на орудие проведения своей политики.

С целью пропаганды своего «просвещенного» образа жизни хан организовывал в ставке собрания знати, в первую очередь султанов, родоправителей, старшин и биев. Он призывал их строить дома, отдавать детей учиться в русские учебные заведения. Часть крупной степной знати переходила к оседлости, стала строить дома. Элементы нового быта, связанные с переходом к полуоседлости и оседлости, создавали более благоприятную почву, чем кочевничество, для становления и развития образовательного движения в обществе. Однако процесс осознания пользы образования в самой гуще казахского общества происходил очень медленно и находился в самом зачаточном состоянии.

Положительные перемены, происходившие в Букеевском ханстве, дореволюционные авторы нередко относили к результатом деятельности Джангир-хана.² Однако с такой точкой зрения нельзя согласиться. Это был объективный процесс, происходящий независимо от воли отдельных людей или правителей. Рост политических и хозяйственных связей казахского населения с русским, активное вовлечение их в торгово-рыночные и долговые отношения были теми объективными причинами, которые способствовали развитию этого процесса. Казахи-скотоводы из-за неграмотности нередко терпели материальный ущерб и в торговле, и сбыте своей продукции. Постепенно это приводило их к мысли о необходимости образования. Но традиционно-консервативный склад мышления тормозил развитие просвещения в крае.

Существовал значительный разрыв между объективными хозяйственными условиями и бытом казахов. В такой обстановке методы внешнего воздействия и давления приобретали определенное стимулирующее значение. Роль такого внешнего фактора играла «образовательная» политика ханской власти, настойчиво проводившаяся со второй четверти XIX в.

¹ Казанцев И. Указ. соч., с. 214.

² Евреинов А. Указ. соч., с. 55.

Влияние культуры России на Букеевское ханство более успешно шло по линии получения русского образования детьми из привилегированной части казахского населения. Само по себе это было положительное явление, которое могло перерасти в более высокие формы культурного общения.

Политическая жизнь России первой половины XIX в. развивалась под знаком усиления борьбы с монархической системой и за освобождение крестьян от крепостного права. Это был период формирования освободительных идей в среде дворянства, а позднее - возникновения революционно-демократического идейного течения. В центре культурной жизни России было дворянское общество. «В этом сословии, – писал А.И. Герцен, – так нелепо поставленном между цивилизацией и правом плантатора, между ярмом неограниченной власти и помещичьими правами над крестьянами, в этом сословии, где можно встретить самую высокую европейскую научную культуру при отсутствии свободы слова, без иного дела, кроме государственной службы, – кипит множество страстей и сил, которые именно вследствие отсутствия выхода бродят, растут и часто вырываются в свет в виде какой-либо блестящей, эксцентричной личности».¹

Передовые идеи проникали и в национальные окраины. До казахского населения они доходили чаще всего с наслоениями. Причина этого заключалась в том, что основным связующим звеном между Казахстаном и Россией были чиновники местной царской администрации, солдаты казачьих поселений, крестьяне, приезжие торговые люди и путешественники, смутно представлявшие идейно-политическое движение в России, с одной стороны, и нужды казахского общества – с другой. И все же новое проникало в жизнь казахов.

Под влиянием общения с русским населением заметно изменились быт казахов, их отношение к просвещению. «У русских так много хорошего, – писал С. Бабаджанов, – что мы готовы перенять то с душевною радостью».²

¹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 6. М., 1950, с. 215.

² Бабаджанов С. Заметки киргиза о киргизах. – Северная пчела, 1861, № 4.

Правительственные органы относили эти успехи в казахском обществе к политике русского государства. Выразивший мнение высших правительственных органов журнал Министерства государственных имуществ писал в 1841 г., что Букеевское ханство «служит лучшим доказательством благотворного влияния просвещенного правительства даже на быт самих кочевых народов».¹

Положительное влияние русской культуры на казахское общество осознавали наиболее прогрессивные его представители, заинтересованные в развитии своего края. В 1860 г. в Петербурге и Москве побывала группа казахской знатной молодежи в составе 15 чел., в том числе 6 из Внутренней орды. Свои впечатления и интересы они изложили сопровождавшим их русским следующим образом: «У вас есть множество училищ, и в Петербурге, говорят, учеников и учениц, развивающих наукой свой ум, насчитывается несколько десятков тысяч. Многим из нас очень было бы желательно понять всю разницу между столичными институтами и нашими степными медресе... Говорят, у вас перед глазами, в полчаса времени, можно видеть, как хлопчатая бумага превращается в ситец и в кисею, лен – в холст и полотно, тряпки от этих материй – в бумагу, а бумага из них – в газету? Все это у нас в степи считается колдовством. Как было бы нам приятно понять эти превращения, самим видеть торжество ума, торжество науки, торжество европейца над природой».²

¹ Сведения о Внутренней киргизской орде. – Журн. МГИ, 1841, ч. 1, с. 272.

² Небольсин П.И. Путешествующие киргизы. – Русский вестник, ч. 29, 1860, № 19, с. 49.

Мектебы

К началу XIX в. образование в Казахстане как явление общественной жизни находилось в зародышевом состоянии. В редких случаях знать отдавала своих детей на обучение муллам, которые были у них письмоводителями и духовными лицами. Как правило, это были пришельцы из Бухары и Ташкента или Казани и Уфы. Эти «учителя» в большинстве своем сами были малограмотны, умели с трудом читать и писать. Весь багаж их знания состоял в нескольких выученных из корана сурах.

Обучение у таких мулл в большинстве случаев продолжалось не более 3-4 месяцев в году. В каждой такой «школе» обучались 2-4 мальчика без определенного плана, программы, системы. Дети ходили в школу по приглашению муллы в те дни, когда он был свободен от других занятий и занимались столько, сколько было угодно «учителю». Весь курс обучения состоял в изучении арабского алфавита и чтении начального простейшего текста из духовных книг, а также в заучивании некоторых текстов. Нередко через несколько лет дети не могли толком читать и писать самостоятельно.

Обучение у мулл долгое время не имело заметного общественного значения и считалось частным делом родителей. Казахское общество, в том числе его верхушка, еще не признавали значения грамотности и образования в обществе, хотя к их услугам особенно местная крупная знать стала прибегать все чаще и чаще. По традиции считалось, что общество может обходиться услугами приезжих мулл-письмоводителей, которых казахи рассматривали как второсортных людей. Русский врач С. Большой, живший среди казахов Младшего жуза в 1813 – 1814 гг., в своих записках указывал, что у казахов «нет ни школ, ни мечетей, редко кто на своем языке читать и писать умеет».¹

Правда, были случаи, когда наиболее дальновидные и предприимчивые представители казахской знати, ближе

¹ Записки доктора Саввы Большого. – Сын Отечества, 1822, № 49, 80.

находившиеся к оседлой и городской культуре, заводили у себя мектебы – начальные школы, в которых обучали приглашенные духовные учителя, или отдавали своих детей на обучение в медресе соседних азиатских городов. И уж совсем редки были случаи обучения казахских детей в русских учебных заведениях.

Усиление экономических и политических связей Казахстана с Россией заметно оживило образовательное дело в крае, которое, однако, оставалось стихийным и не направлялось официальной властью. Исключение составляло Букеевское ханство, где ханская власть, особенно со второй четверти XIX в., довольно ревностно и инициативно выступала за распространение школьного образования в среде зажиточных слоев населения.

Впервые в многовековой истории казахских ханств верховная местная власть покровительствовала просвещению. Несмотря на то, что эта политика была продиктована экономическими и социально-политическими интересами господствующих классов и имела ограниченный характер, в определенной мере она способствовала преодолению отсталости и патриархальщины в отдельных сферах жизни народа.

Один из образованнейших казахов середины XIX в., хорошо знакомый с культурой России, С. Бабаджанов, воссоздавая картину культурной жизни населения орды, писал: «До 1801 г. киргизам нашим слово «письмо» было совершенно непонятно. Оно представлялось каким-то баснословным действием, как, например, парением в воздухе. С этого времени, т. е. с перехода на эту сторону Урала, у нас стали понимать, что письмо не миф, что в иных случаях оно могущественнее словесного выражения желания». Далее он описывает, с какими трудностями приходилось сталкиваться первым агитаторам за отдачу детей на обучение в школу, открытую в Ханской ставке, и признает, что в «последнее время... учение наше пошло гораздо быстрее и обширнее».¹

Джангир первым из казахских ханов понял, что нельзя более или менее эффективно защищать интересы местной

¹ Бабаджанов С. Указ. соч.

феодалной знати без определенного приобщения к знанию, к русскому просвещению и культуре. Должность делопроизводителя, тем более родоправителя и ханского «доверенного» все больше связывалась с умением читать и писать, общаться с русскими торговцами и чиновниками пограничных органов.

Подготовка грамотных людей в системе местной администрации входила в политику хана, направленную на ослабление позиций консервативной части родовой знати на местах и замену ее новой знатью, преданной хану, а следовательно, и царскому правительству.

В центре образовательной политики хана находилась организация мектебов – начальных школ при мечетях. Была создана сеть духовных пунктов во главе с муллами. Этой мерой достигались две цели. С одной стороны, усиливалась роль ислама, который служил духовным средством обработки населения, а с другой – распространялось начальное образование в аулах.

В исламизации казахского общества определенное влияние на ханскую власть оказывал оренбургский муфтий, на дочери которого женился Джангир-хан, а также его ближайшее окружение, приглашенное из Татарии и Башкирии.

В орду были приглашены муллы из Казани и Оренбурга, казахские юноши направлялись на учебу в духовные школы – медресе – в Казань, Уфу, Оренбург и Астрахань. Джангир-хан издал предписание, обязывающее родоправителей и старших крупных родовых отделений собирать средства на строительство мечетей с начальными школами – мектебами. Он объявил о переходе функций местных мулл к муллам, назначенным ханом, которым поручалось содержание мечетей на местах. Деятельность духовных лиц стала централизованной. В Ханской ставке была учреждена ставочная мечеть во главе с ахуном, в обязанность которого входил надзор над сетью местных мечетей и муллами. Под председательством хана была создана комиссия, экзаменующая направляемых на места мулл, решающая вопрос о назначении и перемещении местных мулл и

разрабатывающая вопросы, связанные с исламизацией общества. В результате всех этих мер ислам в короткое время стал влиятельным духовным оружием власти. Мусульманская феодальная знать – ходжи, – консолидировавшись, составила один влиятельный род. Со временем они стали претендовать на равное право с султанами, обрели экономический и политический вес в обществе.

К середине XIX в. создалось такое положение, когда каждый род, каждое более или менее значительное отделение рода имели своего муллу. Они уже не были, как прежде, самозванцами или людьми свободной профессии. Это были официально утвержденные духовные служители, проводящие официальную политику господствующих слоев казахского общества. Каждый из них получал особое ханское предписание, называемое указом или открытым приказом, в котором определялись его обязанности по отношению к населению и ханской власти.¹

Хан намеревался со временем заменить всех татарских, бухарских мулл при местных мечетях представителями коренного населения. В течение 20 лет своего ханствования Джангир, как писал один из русских чиновников, достиг цели: «Природными киргизцами заместил мулл при кибитках и главной мечети».² Ханская власть в определенной степени ограничивала деятельность мулл в их «просветительской деятельности», вводя наряду с духовными предметами в программу мектебов начальное естествознание и русскую грамоту. Это нововведение нашло понимание у местного казахского населения.³

В мектебах при мечетях сосуществовали две тенденции. Многие муллы, как и прежде, вдалбливали детям исключительно догмы корана и религиозного учения, оставаясь глухими к запросам времени. К ним по многим практическим

¹ Евреинов А. Указ. соч., с. 72-73.

² Оренбургское губернаторство неоднократно просило хана Джангира воспрепятствовать направлению выпускников этих школ для продолжения учебы в медресе Бухары и Ташкента.

³ Евреинов А. Указ. соч., с. 65.

соображениям отрицательно относилось пограничное русское начальство, под надзором которого находилось Букеевское ханство.

Хан, ориентировавшийся на политику царского правительства, также сдержанно и даже неодобрительно относился к старым муллам. Один из современников так описывал обстановку в подобных мектебах: «У этих мулл мальчики лет по 5-ти и более не могли выучиться читать. Писать же не удавалось многим вовсе: до сих пор многие ученики того времени, умея читать, не могут написать ничего. В глазах мальчиков муллы сделались пугалом. Когда мальчики плачут или шалят, то матери и отцы для удержания их говорят: «мулла идет» или «мулле скажу». Этому слова боятся мальчики, даже не испытывавшие жестокости муллы. Вероятно, на них действует тон и выражение, с которым оно произносится родителем».¹

Новая тенденция в мектебах заключалась в более деловом подходе к обучению детей, с учетом системы местной администрации и службы в царско-ханских делах. В таких мектебах преподавались русский язык и начала естественных наук. Причем количество новых мектебов росло.

Официальные источники, архивные материалы говорят о том, что уже к середине XIX в. на территории орды имелось немало первоначальных школ во главе с муллами, в которых преподавался и русский язык. В 40-х гг. «почти у каждого богатого и влиятельного в орде человека образовались домашние школы, – указывает один из современников, – в каждой из них обучалось от 10 до 70 чел. Учение всех заключалось в правилах магометанской религии. А в нескольких местах преподавались и русская грамота, и язык».² Как отмечает П. Небольсин, некоторые бии, не довольствуясь муллами, создавали у себя школы с русскими учителями. В качестве примера он ссылается на тархана Губайдуллу Исембаева, организовавшего школу с двумя русскими учителями, в которой обучалось до 130 мальчиков.

¹ Бабаджанов С. Указ. соч.

² Там же.

Число учеников здесь явно преувеличено, но сам факт существования такой школы показателен. Бларамберг (1848 г.) также отмечал, что в Букеевском ханстве «грамотность и изучение русского языка начинают распространяться ежегодно с большим успехом».¹ В центре орды – в ставке – была открыта ханская школа, в которой в качестве воспитателей наряду с муллами состояли русские учителя, обучавшие казахских детей русской грамоте.²

Русские гражданские и военные чиновники, по долгу службы тесно соприкасавшиеся с казахским обществом, путешественники, ученые, побывавшие в казахской степи, единогласно выделяют среди всех других частей Казахстана Внутреннюю орду как область заметного распространения образования и относительно интенсивного влияния русской культуры. Тяга к образованию, к русской грамоте и культуре стала особенно заметной в Букеевском ханстве в первой половине XIX в. Это было начало, имевшее важное значение для будущего казахского общества.

¹ Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. Спб., 1848, с. 25.

² Островский Э. Указ. соч., с. 3.

Школа в Ханской ставке

Мектебы, организованные в степи знатью и разбросанные по родовым отделениям и урочищам, в лучшем случае давали предначальное знание, в редких случаях – самое первичное представление о русской грамоте. Обучавшиеся в течение 5 – 7 лет в этих мектебах юноши мало были пригодны для системы местной администрации и совсем не были пригодны для продолжения учебы в школах российских губерний, тем более в специальных училищах.

Уже к середине 30-х гг. Джангир-хан стал обдумывать возможность организации центральной школы в Ханской ставке.

По его замыслу, она должна была готовить к поступлению в российские специальные учебные заведения, в том числе на подготовительные курсы университетов и кадетских военных училищ (корпуса). Кроме того, ее выпускники могли бы нести более или менее исправную канцелярскую службу в местной и ханской администрации.

Получив согласие оренбургского губернатора, хан построил здание для школы на средства, поступившие от сборов с населения. Он предполагал устроить у себя в ставке школу на 40 мальчиков, в которой должны были обучать русской и татарской грамоте, а лучших воспитанников отдавать в различные русские училища.¹

Открытие центральной школы в ханстве состоялось в декабре 1841 г. в день коронации русского императора в присутствии чиновников Оренбургской пограничной комиссии. Этим подчеркивались верноподданнические чувства хана царю и назначение школы. Свидетелями торжественной церемонии и участниками организованного ханом пира по случаю основания школы была влиятельная знать.

Но в процессе набора учащихся для школы хан встретил большие препятствия. Знать отказывалась отдавать своих

¹ Есипов Г. О киргизах орды Джангира Букеева. – Журн. МГИ, 1841, ч. 3, с. 200.

детей в эту школу, не помогали ни личные письма хана, ни увещевания, ни внушения. Открытие школы, намеченное на 1840 г., было отложено на конец следующего года. В 1841 г. первый набор в школу составил всего 12 учеников на 30 – 40 вакансий. Потребовалось еще два года, чтобы заполнить эти места. Многие родители не прочь были учить своих детей в домашней школе, но категорически отказывались отпустить от себя и направлять в ханскую школу. Хану удалось лишь воздействовать на родственников и ближайших сановников.

Образовательная концепция хана вообще и цель открытия центральной школы в ханстве в частности весьма выпукло выступают в переписке хана с Оренбургской пограничной комиссией,¹ личных его письмах, направляемых им влиятельной знати на местах, родственникам и султанам накануне открытия школы. В одном из таких писем, адресованном родоправителю и родственнику Чуке Нуралиеву от 10 апреля 1841 г., Джангир писал: «Я уверен, что вы употребите надлежащие старания и вразумления родных и друзей ваших и всех, кого следует, что если и ныне науки приносят столь великую пользу, то внукам нашим и хорошо жить без них нельзя будет, что впредь безграмотных и по-русски не знающих вовсе не будут определять в родоначальники и другие должности, что нам весьма полезно и выгодно иметь лекарей из киргизов, что всякое старание, всякая издержка денежная принесут во сто раз более плода, если они будут употреблены на обучение юношества, нежели на всякое другое доброе и даже милостивое дело, что лучше употребить денег нельзя, как на то, чтобы приобрести знания закона божьего и правды его и через развитие в науках благородно и честно служить

¹ В апреле 1842 г., через несколько месяцев после открытия школы, на запрос Пограничной комиссии о целях ее организации хан ответил: «Для приготовления молодых киргизов для поступления в учебные заведения нашел он возможным открыть в ставке своей училище для обучения в нем воспитанников чтению и письму на русском, арабском, персидском и татарском языках и в особенности переводам с русского на киргизский и обратно, грамматике, началам математики, географии и магометанского закона» (ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 386, л. 24).

Великому Государю Русскому и Народу».¹ Усилия ханской власти, за которой стояло царское правительство, не были напрасными. Из года в год желающих учиться в центральной школе и в других мектебах увеличивалось.

К середине 50-х гг. в ней обучалось 30 чел.² До упразднения ханской власти в орде школа содержалась за счет ханских доходов, а впоследствии – за счет отчислений от сборов с населения. В среднем они составляли около 1400 – 1500 руб. серебром в год.

Занятия в школе начинались с осени (в начале октября) и продолжались до мая. Ежегодно 6 декабря приглашались отцы и родственники учащихся, и в их присутствии устраивались экзамены учащимся с целью демонстрации полученных ими знаний. При этом, как правило, участвовал хан. В этот день проходили в Ханской ставке сборы знати и приемы, устраивались увеселительные мероприятия.

А. Евреинов писал, что в этой школе преподавали «татарский, арабский и русский языки, начальные правила арифметики и грамматики, в кратком виде географию и историю и правила оспопрививания... Лучшие из воспитанников поступают отсюда в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус для дальнейшего образования».³

Русский язык, арифметику и географию преподавал ветеринарный врач Константин Ольдекоп. Он был первым учителем школы, осуществлял также «надзор и попечение за поведением и нравственностью учеников». Первым учителем восточных языков и по вероучению был Садриддин Аминов. В 1852 г. К. Ольдекопа заменил Потанин.

В школе было два класса: русский и татарский. Учащиеся делились на пришкольных и вольноприходящих. Первые содержались на обеспечении школы. Возраст учеников колебался от 9 до 22 лет. В русском классе преобладало изучение русского языка, а в татарском – восточных языков.

¹ Алекторов А. Письмо Джангира Чуке Нуралиеву. - Оренбургский листок. 1892, №26.

² Островский Э. Указ. соч., с. 3.

³ Евреинов А. Указ. соч., с. 63.

Об уровне знаний говорит перечень учебников, которыми пользовались учащиеся. Это – «Краткая русская грамматика» Востокова, «Арифметика» Бурнаковского, «География» Шульгина в 2-х томах, «Краткая хрестоматия» Галахова, «Русская история» Устрялова в 2-х томах. Это была единственная школа не только в ханстве, но и во всем Казахстане. Успевающие выпускники ее имели право поступать в средние специальные учебные заведения России и кадетские корпуса.

Центральная школа способствовала пробуждению у казахского населения определенной тяги к русской грамоте, к русскому образованию, а следовательно, и к связи с русской культурой. Один из наблюдательных царских чиновников, проводивший обширное описание жизни казахского народа и общавшийся с Внутренней ордой, сообщает, что «грамотность и изучение русского языка начинает распространяться ежегодно с большим успехом. Особенной пользы надобно ожидать в этом отношении от устроенного покойным ханом Джангиром училища для 40 киргизских мальчиков, в котором они обучаются русской и татарской грамоте, грамматике и арифметике».¹ Это обстоятельство было позже подмечено и инспектором народных школ А. Алекторовым, который отмечал, что в свое время ставочная школа была основана ханом, исходя из идей пользы для киргиз образования в русском духе, и что это впоследствии привело к возрастанию «среди киргиз стремления к обучению в русских школах».²

В дальнейшем эта школа играла важную роль в укомплектовании более или менее образованными кадрами местной администрации. Выпускники школы, оканчивающие Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, возвращаясь в орду с офицерскими чинами, «составляли класс образованных и самых полезных чиновников и граждан».

Эта школа сыграла немаловажную роль в общекультурном движении в Казахстане, в усилении его связей с русским обществом в области культуры и образования.

¹ Блаرامберг И. Ф. Указ. соч., с. 25.

² Ханская ставка. – Астраханский вестник, 1891, № 732.

Казахские дети в учебных заведениях России

В 40 – 50-х гг. XIX в. в культурной жизни Внутренней орды происходило явление, обратившее внимание исследователей истории и быта казахов, следивших за состоянием казахской степи. Оно заключалось в заметном ослаблении и преодолении традиционно-консервативных общественных представлений, почти исключавших направление казахских детей и юношей в учебные заведения России. Это сыграло важную роль в поступательном развитии казахского общества, его связей с демократической и революционной Россией.

С конца 30-х гг. обучение казахских детей и юношей в русской школе и в учебных заведениях России получило общественное признание в ханстве. Официальная власть оказывала всемерную поддержку и даже выступала инициатором в этом деле. Агитация за обучение части детей казахской знати, в первую очередь султанов и старшин, в российских учебных заведениях стала составной частью политики хана.¹

Об этом говорит приводимое нами письмо хана Джангира одному из родоправителей: «Известно Вам, что в нынешние времена необходимо иметь познания не только в чтении и письме, но и в разных науках, без чего нельзя хорошенько выучиться закону правоверному, пророком божьим нам данному, ни в особенности без познания русской грамоты быть хорошим должностным чиновником в орде, а именно – родоправителем или депутатом. Вам известно, что без таких познаний скорее можно быть обманутым нехорошими людьми; незнание русской грамоты замедляет течение как судебных, так и общественных, и частных ваших исков в обидах. Хотя Великий Государь Всероссийский по несказанной благодати своей и допускает, что поныне должности оные занимают люди и безграмотные, но, это делая по великой добродетели своей и попечению о нас, вместе с тем открыл киргизам, как простым, так и знатным, доступ к образованию

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 391, л. 26.

в Оренбургском Неплюевском корпусе и в других учебных заведениях в Петербурге и награждает учившихся чинами и разными отличиями, через что не только они, но и дети их могут быть счастливы и причислены к почтенному благородному сословию дворян русских, пользующихся многими преимуществами и богатством. Я объявляю вам о сем единственно по любви к народу, Богом и Государем мне вверенному и опасаясь худых последствий, сколько я убежден в истине этого служит доказательством того, что и любимого сына своего, наследника ханского достоинства, султана Сахиб-Гирея, несмотря ни на его молодость, ни на слезы высокопоставленной матери его, ни на смерть брата его, ни на значительные денежные издержки, я отдал в обучение в Пажеский корпус его Императорского величества, где будет он находиться, доколе узнает все науки, для доброго управления нужные. По всеподданнейшему прошению нашему Государь Император кроме Неплюевского училища разрешил принять детей наших в институты лесной, корпуса путей сообщения и в Училище гражданских инженеров, но для поступления в оные необходимо предварительно учиться чтению, письму и другим некоторым наукам. В настоящем году я полагаю открыть при Ставке моей училище, и все желающие отдать детей своих в обучение за умеренную плату могут обращаться ко мне с просьбами».¹

Стремление к военному образованию, которое просматривается в письме хана, объяснялось просто: колониальное управление было военным; военные являлись решающей силой в Оренбургском военном губернаторстве, в Пограничной комиссии, осуществлявшей надзор за Букеевским ханством, местные царские чиновники были также в большинстве случаев военными. Кадетские военные училища (корпуса) были престижными учебными заведениями. Их выпускники получали не только хорошее образование, но и специальную подготовку военно-административного управления.

¹ К истории развития школьного дела в киргизской Букеевской орде. – Оренбургский листок, 1890, № 50.

В таком отсталом, патриархальном обществе, как казахское, новые дела и начинания играли большую роль, чем увещевания и призывы. Пример самого Джангир-хана, отдавшего всех своих детей, в том числе девочек, в русские учебные заведения оказал значительное влияние на богатых родственников, ближних сановников и всю знать орды.

Чаще всего казахские дети из Внутренней орды направлялись в Оренбургский кадетский корпус, Неплюевское военное училище. В первую группу, направленную в 20-х гг. в Неплюевское военное училище, вошли молодые султаны Кушак-Галий Шигаев, Шамсутдин Досказинов и ходжа Кубболсын Караулов, «от которых не столько домогались этого образования родители, сколько на то было желание хана».¹ По окончании курса военного училища один из них – Шигаев в чине есаула занимал ответственные посты в администрации хана, был родоправителем и управляющим несколькими родами. Выпускник училища К. Караулов состоял чиновником по особым поручениям при хане, а затем был правителем его канцелярии. Третий оставил учебу досрочно и вернулся в степь. В дальнейшем еще несколько групп казахских мальчиков, преимущественно выходцев из зажиточных слоев населения, были направлены на учебу в Оренбургский кадетский корпус.

Видя, что окончившие курс в Кадетском корпусе и в других российских специальных учебных заведениях, выгодно устраиваются в системе местной администрации, становятся в центре внимания общественной жизни в степи, другие также стали отдавать детей сначала в местные школы или в соседние российские губернии, а затем в русские специальные учебные заведения, в том числе в Кадетский корпус.

Царские правительственные органы сами не проявляли особого стремления обучать казахских детей в учебных заведениях России. Но они не хотели отказывать ходатайствам хана Джангира, преданного престолу и самодержавной политике.

¹ Бабаджанов С. Заметки киргиза о киргизах. – Северная пчела, 1861, № 14.

По просьбе хана, с которой он обращался к царскому двору и оренбургскому военному губернатору, для казахских детей из Букеевского ханства официально было выделено в 1844 г. 10 мест во 2-м эскадроне Неплюевского кадетского корпуса. До этого казахских мальчиков принимали по разовым разрешениям губернатора.

Были предприняты шаги по получению мест и в других российских учебных заведениях, в том числе в университетах. Переписка по этому вопросу между правительственными учреждениями и ханской канцелярией началась в 1839 г. Хан, пользуясь благосклонностью императора, просил выделить вакансии для молодых казахов в Лесном институте, в Корпусе путей сообщения, в Училище гражданских инженеров, а также в Петербургском кадетском корпусе.

В августе 1839 г. Министр государственных имуществ уведомил хана Джангира о том, что Государь Император дал разрешение на принятие молодых казахов в указанные учебные заведения, однако для этого нужно «чтобы ...молодые люди предварительно были приготовлены в губернских гимназиях или в Казанском университете».¹

В одном из писем хан Джангир указывал, что «во исполнение сего Высочайшего соизволения я склонил некоторых из киргизов Внутренней орды отдать сыновей своих, всего до 6 человек, для обучения в институтах и в училище гражданских инженеров... что дети киргизов, о которых идет речь, от 10 до 12 лет от роду и предварительно в орде могут быть обучены только чтению и письму русскому и татарскому и начальным правилам арифметики; дальнейшего же образования в орде им доставить я не могу».² Вопрос о дополнительном обучении этих и еще нескольких казахских детей в губернских гимназиях, дающих право на поступление в высшие и специальные инженерные учебные заведения, рассматривался и решался в течение 1840 – 1843 гг. в Казанском учебном округе, Казанском университете и в Астраханской

¹ К истории развития школьного дела в Киргизской Букеевской орде. – Оренбургский листок, 1890, № 49.

² Там же, 149.

губернской гимназии. В письме хана, адресованном астраханскому губернатору в 1841 г., содержалась следующая просьба: «Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство к числу оказываемых Вами благодеяний киргизскому народу присоединить еще заботливость по выделении нам средств к воспитанию означенных детей в ближайшей к нам Астраханской гимназии на казенном иждивении, так как родители этих детей, по бедности своей, не имеют средств для их воспитания. Если же в виде казенных воспитанников при Астраханской гимназии киргизов мальчиков поместить нельзя, то войти, по усмотрению Вашему, в переписку с высшим начальством учебных заведений Казанского округа о назначении для сего другой гимназии, в сопредельных или ближайших нам губерниях находящейся».¹ На это астраханский губернатор ответил хану: «Насчет помещения шести киргизских мальчиков в Астраханской гимназии на казенный счет для подготовки их к поступлению в высшие учебные заведения я имел переписку с господином директором Астраханских училищ, но когда получил от него отзыв о невозможности принять мальчиков в гимназию на казенное иждивение, потому что при этой гимназии казенных воспитанников нет, я обратился с вопросом к г. попечителю Казанского учебного округа, нельзя ли поместить этих детей в 1-ю казенную гимназию на казенный счет и на каком основании. Г. тайный советник Мусин-Пушкин от 26 апреля уведомил меня, что помещаются дети азиатские по особому Высочайшему повелению или по предписаниям Министра просвещения». В конце письма астраханский губернатор писал: «Не рассудите ли Вы, милостивый государь, поместить детей киргизов в здешнюю гимназию с принятием на себя их содержания на два или на три года – тем более содержание их в Астрахани не составит особенных расходов, когда для жительства можно будет уделить им помещение в собственном доме Вашем».²

¹ К истории развития школьного дела в киргизской Букеевской орде. – Оренбургский листок, 1890, № 49.

² Там же.

Оружейная комната

Среди примечательных явлений в культурной жизни Букеевского ханства особое место занимала так называемая «оружейная комната». Это было подобие музея, в котором собраны в основном образцы оружия. Мысль об организации оружейной комнаты возникла у хана после посещения Петербурга и осмотра музеев столицы в 1827 г. После этой поездки он разослал письма своим родственникам с просьбой передать ему редкие вещи, в особенности оружие, представляющие семейно-династическую и историческую реликвии и ценность. Отец Джангира, Букей-хан, как старший в фамильной ветви хранил у себя немало семейных реликвий и ценных подарков, которые и составили основу «оружейной комнаты» в Ханской ставке.

В наших руках еще нет полного описания этой коллекции, хотя, по отзывам современников, в ней было немало уникальных предметов, свидетельствовавших о высоком мастерстве казахских ремесленников и восточных оружейников.

После смерти хана его имущество переходило от одного опекуна к другому, разгорелась борьба за овладение им между родственниками по линии жены, отца и чиновниками Пограничной комиссии, в результате которой многие личные бумаги хана исчезли бесследно, в том числе и сведения о музее.

Какое-то представление об этом «музее» дают современники хана. Так, Л. Терещенко, встречавшийся с ханом Джангиром и бывавший в орде после его смерти, писал следующее: «Собирая вещи почему-либо редкие или изящные, он любил собирать оружия, которые помещаются в особой комнате, называемой оружейной, и состоят большей частью из восточных пистолетов, ружей, сабель, шашек, ятаганов, топориков, булав, кольчуг, щитов и шишаков, крытых серебряной, золотой чернью и украшенных дорогими камнями. Иные с надписью арабскою, иные с куфическою. В числе саблей суть дарственные роду его от царственного

нашего дома, а именно: от императриц – Анны, Елизаветы и Екатерины II, императоров Павла и Александра Благословенного. Между восточными ружьями хранится клинок сабли, похожей более на шашку, которая жалована царем Михаилом Федоровичем неизвестно кому из ханов». ¹ Далее автор пишет, что в свое время императрица Анна преподнесла хану Абулхаиру «богатую, золотом оправленную саблю, которую он должен обнажать против врагов России... И эта сабля хранится в доме последнего хана Внутренней орды Джангира». ²

Другой автор, осмотревший ружейную комнату через год после смерти хана в 1846 г., оставил такое описание: от гостиной залы, по ее левой стороне, находилась дверь, ведущая в небольшую, освещенную двумя окнами комнату. «Висел на стене дорогой ковер, и на нем симметрически располагались богатые шашки, сабли и ружья, по бокам окон развешаны были дорогие седла и другие принадлежности конской сбруи. У боковых стен возвышения и теперь стоят два узкие, но высокие, красного дерева шкафа, в которых за стеклом помещались различные азиатские кольчуги, налокотники, шлемы и другие воинские доспехи; между этими редкими и ценными вещами более всего бросался в глаза прекрасный стальной шлем в виде тибетейки, с красивою золотою насечкою.

В остальной части этой комнаты, которую называют здесь оружейною, вдоль стен идут широкие шкафы, красного же дерева, в которых за стеклом красиво расположено множество различных сортов ружей, винтовок, шашек, сабель, кинжалов и пр., между ними было много вещей весьма ценных, как, например, две сабли – подарки царские, украшенные золотою отделкою и драгоценными камнями. Из ружей, до которых Джангир был большой охотник, более всего интересовали два: одно – с весьма красивою азиатскою отделкою, ценное в тысячу рублей серебром, другое – замечательное

¹ Терещенко Л. Следы Дашт-и-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда. – Москвитянин, т. 6, 1853, № 21-22, с. 62-63.

² Там же, с. 55.

своей длиной, достигающей сажени. Вообще эта коллекция, плод многолетних сборов, включает в себе весьма много старинного азиатского оружия, и едва ли – не более всего в ставке хана заслуживает внимания».¹

В 1835 г. немецкий ученый-естествоиспытатель Гебель, путешествуя по югу России, посетил Ханскую ставку и несколько дней был гостем Джангира. В его большом труде, опубликованном в Берлине по результатам поездки, говорится и об оружейной комнате хана. «В оружейной комнате, – пишет он, – которая по восточному обычаю вся была выложена персидскими коврами, у задней стены наложены дорогие подушки вместо дивана, а по обе стороны их и по всем стенам висело оружие, а также все принадлежности верховой езды: украшенные дорогими камнями конские сбруи, седла, уздечки и т. п. вещи».² Побывавший в Букеевском ханстве в 1841 г. по торговым делам и осмотревший ханский музей автор сообщает, что оружейная хана «довольно богата и составляет кабинет его, где он, сидя на персидских коврах, беседует с муллою и занимается чтением алкорана и других священных книг».³

Евреинов А. был в орде в 1846 г., через год после смерти хана. Оружейная комната еще находилась в полной сохранности: «Полное внимание мое остановила на себе оружейная. В этой комнате не было ничего, кроме развешанных по всем стенам плотно, от потолка до полу, оружий разных народов и времен, конских сбруй и других воинских доспехов. Многие из них были драгоценны по древности, добротности и украшающим их самоцветным камням. Джангир был любитель и знаток редкостей в этом роде и доставал их, не щадя денег».⁴

Эти описания показывают, что коллекция была проду-

¹ Китгары М.Я. Ставка хана Внутренней киргизской орды. – Журн. МВД, ч. 28, 1849, № 10, с. 118-120.

² Приводится по кн.: Солдатенков К., Щепкин Н. Очерки Зауральской степи и Внутренней, или Букеевской, орды. М., 1859, с. 88.

³ Есипов Г. О киргизах орды Джангира Букеева. – Журн. МГИ, ч. 3, 1841, с. 299.

⁴ Евреинов А. Указ. соч., с. 62.

манной, систематизированной. «Музей» создавался в течение ряда лет, образцом для него послужили русские музеи, русские исторические и этнографические общества. В архиве нами обнаружено письмо, написанное Джангир-ханом в марте 1845 г. председателю Оренбургской пограничной комиссии Ладыженскому, в котором он говорит о своем увлечении сбором документов и реликвий, связанных с историей своих предков: «Собирая и храня у себя разные документы, относящиеся до моих предков и зная, что в Оренбургской пограничной комиссии находятся жалованная на ханство в Малой орде грамота деду моему – Нурали-хану, решаюсь утруждать Ваше превосходительство покорнейшею просьбою о передаче, если возможно, мне грамоты этой в подлиннике или сообщении в противном случае засвидетельствованной с нея копии».¹

В архиве имеется «Краткая ведомость имущества, принадлежащая наследникам умершего хана Внутренней киргизской орды генерал-майора Джангира Букеева», составленная Оренбургской пограничной комиссией. В ней приведена стоимость коллекции музея: огнестрельные и холодные оружия – 6415 руб. 75 коп. серебром, «вещи, составляющие принадлежность охоты и наездничества, как то: колчаны, панцири, кольчуги, кушаки, уздечки и другие сбруи» – 1600 руб. серебром. Сюда не входили сабли и оружия, пожалованные русскими царями казахским ханам и батырам. Основанием для этой ведомости послужила опись движимого и недвижимого имущества хана, привезенная коллежским советником Бикмаевым и майором Ерофеевым из Орды.²

За участие в сборе предметов народного быта по истории казахского народа, которые хан передал Казанскому университету, он был избран почетным членом научного общества при университете. В числе материалов, переданных ханом, были, в частности, варианты эпических поэм казахов, передаваемых из уст в уста в народе в течение ряда веков.

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2336, л. 1.

² Там же, д. 2350, л. 92-93.

Оружейная комната была одновременно комнатой для бесед, служебным кабинетом хана. В ней собирались приближенные хана. Экспонаты ее, в большей части посвященные именитым предкам, прославляющие их подвиги и связи с Россией, придавали этим обсуждениям значительность.

Показывая свои коллекции местной родовой знати, хан сам давал пояснения. Два раза в год «музей» посещали ученики ставочной школы, здесь хан иногда экзаменовал учащихся 6 декабря – в день основания школы. Каждому русскому чиновнику, путешественнику, посетившему Ханскую ставку, в первую очередь хан показывал музей, демонстрируя тем самым свою приверженность России, русскому государству.

Однако не следует преувеличивать роль хана в просвещении народа и сохранении исторических памятников. Вся его деятельность была направлена на возвеличивание династии Абулхаира-Нурали-хана и ханской власти.

Существует несколько версий относительно дальнейшей судьбы оружейной коллекции. После смерти хана Джангира и его жены Фатимы музей еще 2 – 3 года находился в сохранности, его посещали некоторые исследователи. По одной версии, родственники хана, боясь, что многие из фамильных предметов музея могут быть вывезены оренбургским губернатором и его чиновниками, разобрали экспонаты по династической принадлежности. По другой, наиболее ценные предметы, изготовленные народными мастерами, оказались у ответственных чиновников Пограничной комиссии и членов Временного совета по управлению Внутренней ордой, учрежденного после смерти хана, а часть коллекции была передана ими в столичные музейные хранилища. Существует также мнение, что жена хана перед своей смертью завещала многие вещи ханского дома своему родному брату Гусейнову, состоявшему на службе у хана. Есть и такая версия, что после смерти ханского сына Сахиб-Гирея, в конце 40-х гг., часть оставшихся в музее предметов была увезена старшей дочерью хана Зюлейхой, которая вышла замуж за полковника Тевкелева, жившего в

Оренбурге. Есть сведения, что сын Джангира, Губайдолла Букеев, пытался собрать часть коллекции отца, но удалось ли ему это – неизвестно. Такова в общих чертах история создания и судьба оружейной комнаты, созданной в степи в подражание российским музеям.

Русские исследователи и деятели культуры во Внутренней орде

Букеевское ханство вызывало постоянный интерес у ученых, путешественников и других русских деятелей. Причиной тому была близость его к России и более или менее стабильная внутренняя жизнь этого региона, находящегося в сфере активного влияния русских городов Астрахани, Саратова, Оренбурга и Уральска. Оно занимало степные просторы между этими городами.

Определенное значение имело и то обстоятельство, что хан Джангир, имея русское воспитание и русское образование, будучи преданным царскому престолу, всегда оказывал хороший прием, стремясь утвердить себя в их мнении просвещенным ханом.

Иноземцев, посещавших Букеевское ханство, можно разделить на несколько групп. Среди них наиболее многочисленными были торговые люди, затем русские чиновники, среди которых было немало образованных людей, ученые – члены и сотрудники Русского географического общества, научных обществ Петербургского, Московского, Казанского университетов.

Рост интереса русских исследователей к ханству следует рассматривать в едином русле развития связей и контактов казахского общества с Россией.

Одним из первых русских ученых, посетивших Букеевское ханство по пути в Зауральскую степь, был А.И. Левшин, автор фундаментальной работы «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей»¹ в 3-х частях, опубликованной в 1832 г. и принесшей ему всемирную известность.²

¹ Терещенко Л, Указ. соч., с. 62.

² Левшин Алексей Ираклиевич (1799 – 1879) окончил Харьковский университет, был председателем Ученого совета Министерства государственных имуществ, в ведении которого находилось Букеевское ханство в 1854 – 1859 гг. Товарищ Министра внутренних дел России был дальновидным правительственным деятелем. Им был подготовлен ряд докладов и проектов правительству об освобождении крестьян.

По словам самого Левшина, в 1819 – 1820 гг. он специально изучал архив Азиатского департамента Министерства внутренних дел, а затем два года провел в г. Оренбурге и в Зауральских степях. Об этом периоде работы он писал: «Время сие, по обязанностям звания моего и охоте к изучению, посвящено было мною беспрерывным сношениям с киргиз-кайсаками, поездками к хану Меньшей орды, султанам и знатнейшим старшинам сего народа». ¹ Затем он основательно изучил архив Оренбургской пограничной комиссии.

В период пребывания А.И. Левшина в казахской степи (1820 – 1822 гг.) во Внутренней орде не было хана: Букей умер, а его законный наследник, сын Джангир, был еще малолетним. Временно правил ордой султан Шигай, брат Букей-хана. Не было и постоянной Ханской ставки, и населенного пункта под этим названием. Казахское население еще только обживало регион и в своей общественной жизни ничем не отличалось от зауральских казахов. Посещение Левшиным аулов и знати Букеевского ханства, Младшего жуза дало ему немало интересных материалов из жизни казахского населения, ставших основой для крупного исследования о казахах. ² Его благожелательное и сочувственное отношение к положению и судьбе казахского населения получило впоследствии положительный отклик.

В 1846 г. Внутреннюю орду посетил воспитанник Казанского университета, молодой ученый М.Я. Киттары. ³ Он осмотрел дом хана, мечеть, школу в ханской ставке, побывал на летней резиденции хана на берегу р. Тортунь, интересовался статистическими материалами о состоянии и развитии

¹ Левшин А.И. Указ. соч., с. 4-5.

² История полувековой деятельности Императорского русского географического общества. 1845 – 1895. Под редакцией П.П. Семенова, ч. 1, отд. 1, 2, 3. Спб., 1896, с. 3.

³ Киттары Модест Яковлевич (1825 – 1880) окончил Казанский университет, с 1849 г. – доктор естественных наук. В 1853 г. занял кафедру технологии в Казанском университете, а с 1857 г. руководил кафедрой в Московском университете, автор многих работ по промышленной технологии (Энциклопедический словарь. Брокгауз – Ефрон, т. 15, с. 235 – 236).

торговли и скотоводства в орде. По результатам своей поездки опубликовал две работы.

Автором ценного исследования – описания Внутренней орды первой половины XIX в. – был А. Евреинов. Два года провел он в орде, хорошо изучил жизнь калмыков и казахов Астраханской степи. С большим знанием и любовью описывает А. Евреинов жизнь населения Внутренней орды: «Изучение их нравов и обычаев развили во мне любовь к орде. Воспоминания об орде и поныне для меня усладительны. Часто рисуются передо мною бывшие картины: беспредельная для взора степь, на которую уперлось краями бирюзовое, безоблачное небо; группа кибиток; пасущиеся привольно табуны и стада; перекочевка, так неожиданно оживляющая степь и превращающая ее в картину, полную поэзии... все привлекательно оживает, даря отрадные часы».¹

С симпатией рисует он руководителя народного восстания Срыма. А. Евреинов оставил описание неравноправной торговли. На ярмарках при ставке, по его словам, «здесь казанский татарин захваливает киргиза, стараясь расшевелить его самолюбие и вернуть ему какую-нибудь дрянь за деньги; тут армянин забрасывает покупателя десятками халатов, выхваляя невероятную доброту, и на худой конец берет вдвое; там цыган, только что обманувший киргиза, проводит немца, сбывая ему лошадь втрое дороже того, что сейчас за нее сам дал; уральский казак-бородач, сам опытный барышник, смотрит и посмеивается, глядя на плутни других».² Он не раз вмешивался в торговые дела, стремясь оградить казаха-кочевника от обмана. «Целые дни бродил я, – пишет А. Евреинов, – на ярмарках, и нередко удавалось помешать самой наглой плутне, поймать самый низкий обман. Смешно и досадно видеть иной раз, как мелочные торговцы поступают с киргизами. Киргиз, например, купил 30 аршин ситцу и пристально осмотрел, усердно считал, когда меряли, а получил только 25 аршин, и то на милость, на которую, говорят, об-

¹ Евреинов А. Указ. соч., с. 49.

² Там же, с. 53-54.

разца нет. Дело в том, что аршин у купца как-то прогнулся и давно уже смотрит спиралью».¹

Указывая на некоторые положительные стороны строительства мечети и мектебов, медресе при них, которые содействовали распространению грамотности среди населения, в то же время Евреинов указывает на отрицательные моменты этого явления. «Однако должен сказать, – пишет он, – это же ослабило народность киргизов, привив им разные свойства татаризма (т. е. религиозности. – С.З.)».² Он имел друзей среди казахов, которым давал положительную характеристику: «А посмотрите, как киргизы живы, проворны при случае, какие усердные работники в нужде, как сметливы, предприимчивы. Вообще говоря, они умны».³

Ряд трудов описанию Внутренней орды посвятил и русский ученый-востоковед П.И. Небольсин,⁴ действительный член Русского географического общества. П.И. Небольсин высоко ценил деятельность Чокана Валиханова и Салиха Бабджанова, которых знал лично, был сторонником распространения просвещения в казахском обществе. Он отмечал, что у казахов в целом заметно выступала «приверженность к России и стремление сколько можно теснее сблизиться с русскими»,⁵ критиковал правительственную политику натравливания верхушки уральских казаков на казахов. «Уральские казаки, – писал Н.И. Небольсин, – нехристиански, негуманно смотрят вообще на мухамедян, а на киргизов в особенности. Притеснить, опозорить, обляять, обмануть

¹ Евреинов А. Указ. соч., с. 70.

² Там же, с. 73.

³ Там же, с. 88.

⁴ Небольсин Павел Иванович (1817 – 1893), воспитанник Петербургского университета, собирал и изучал историю, культуру и этнографию народов Восточной Сибири, печатался в «Отечественных записках». Был избран действительным членом Русского географического общества. Многие годы преподавал в С.-Петербургском коммерческом училище, автор ряда ценных исследований о калмыках и казахах (Состав Императорского русского географического общества. Спб., 1856, с. 24; Энциклопедический словарь, т. 40, с. 786 – 787).

⁵ Небольсин П.И. Путешествующие киргизы. – Русский вестник, т. 29, 1860, № 10, с. 42.

киргиза ему нипочем; уралец исстари смотрел на киргиза, как на предмет, которым можно всячески поживиться».¹ Эту политику пограничных властей хорошо выразила группа казахов, прибывшая в Петербург и Москву в 1860 г.: «Когда нам рано еще было думать об оседлой жизни, нас поощряли обзаводиться домами, а теперь, когда мы чувствуем потребность строиться, нам не позволяют возводить в степи жилых зданий для себя».²

Небольсин постоянно поддерживал молодого казахского общественного деятеля, проживавшего во Внутренней орде, С. Бабаджанова, следил за его трудами, помогал ему печататься.

В период ханской власти и после ее отмены Внутреннюю орду посещал Я.В. Ханыков, член Русского географического общества, картограф.³ Первый раз он здесь был в 1841 г. Его труды о Внутренней орде имеют фактологическую и историческую ценность.⁴

С историей Внутренней орды и Младшего жуза середины XIX в. связана научная и административная деятельность крупного русского ученого – востоковеда В.В. Григорьева.⁵ В конце 1851 г. он получил назначение в Оренбургскую

¹ Там же, с. 45.

² Там же, с. 47.

³ Ханыков Яков Владимирович (1818 – 1862), член Русского географического общества (с 6 января 1846 г.), действительный статский советник, был причислен к Министерству внутренних дел, жил в Петербурге, входил в состав групп, выезжавших в казахскую степь с исследовательской целью.

⁴ Ханыков Я.В. Очерки состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г. – Записки ИРГО, 1847, кн. 2; Он же. О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннею и Малой ордами – Журн. МВД, 1844, ч. 8.

⁵ Григорьев Василий Васильевич родился в 1816 г. в Петербурге, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. После двухлетней практики в Министерстве иностранных дел был переведен в университет для совершенствования в восточных языках и преподавания персидского языка. В 1838 г. избирался исправляющим обязанности профессора восточных языков в Одесском Ришельевском лицее; в 1842 г. Московский университет удостоивает его степени магистра исторических наук, затем становится действительным членом Русского географического общества (1846), избирается единогласно членом-корреспондентом Императорской Академии (1853 г.). Умер в 1881 г. в Петербурге.

губернию для «исполнения особых по службе поручений» губернатора. С этого времени Григорьев непосредственно знакомится с жизнью, бытом, культурой и языком казахского населения Младшего жуза и Внутренней орды. С 1854 по 1863 г. он был председателем Оренбургской пограничной комиссии. О нем Н.И. Веселевский сказал, что «какой бы пост ни занимал В.В., он постоянно и неутомимой энергией служил науке».¹ В.В. Григорьев общался с казахскими прогрессивными общественными деятелями и учеными Ч.Ч. Валихановым,² С. Бабаджановым.

По своим взглядам он был гуманистом, боролся против злоупотреблений казахской феодальной знати и русских чиновников. Как указывал один из его биографов, отправляясь на службу в Оренбург, «он знал уже, что такое провинция. Там, если человек по своим понятиям о жизни и службе имеет дерзость не покоряться общему мнению, он непременно, не вмешиваясь даже в чужие дела, наживет себе массу врагов, которые будут наносить ему оскорбления при всяком удобном случае».³

Относительно длительная поездка В.В. Григорьева во Внутреннюю орду была связана с выполнением поручения оренбургского генерал-губернатора по производству следствия о злоупотреблениях султанов-родоправителей Орды, в частности Медеткалия Чукина и его братьев Ибрагима и Искандера, – всего по 16 делам. Он пробыл в Орде с 25 июня по 20 сентября 1852 г.⁴ «Киргизы не ожидали никакой пользы от следствия, – говорится в одном описании этой его поездки. – Давно уже Медет обнаруживал самовластие и корыстолюбие, и не в первый раз собиралась туча над ним. «Откупится», – рассуждали киргизы, составившие высокое понятие о значении и могуществе родоправителя, который

¹ Веселевский Н.И. Некролог В.В. Григорьева. Спб, 1883, с. 3.

² В личных делах Ч. Валиханова сохранилась записка В.В. Григорьева, приглашавшего его на один из приемов столичного вельможи.

³ Веселевский Н.И. Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам, с. III.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2875, л. 20-22.

и сам верил в свою силу».¹ Неподкупность В.В. Григорьева способствовала раскрытию значительных злоупотреблений этого родоправителя, и он был посажен под арест, что «произвело необыкновенный эффект на подчиненных Медету киргизов».² В.В. Григорьев изучал и собирал материалы об обычаях и быте, о социальной и политической жизни, языке местного населения. В одном из писем своему другу в Петербург, написанном в период нахождения во Внутренней орде, он писал: «Как кончу следствие, месяца через два, то опять поеду в орду с целью изучать ее во всей потребности для того, чтобы потом дать свое мнение, как устроить ее окончательно, сообразно с видами правительства и ко благу самых ордынцев. Как следствие, так и поручение изучать орду, познакомят меня, надеюсь, с киргизами, их нравами и вообще степным бытом весьма основательно, что пригодится, если бог веку продлит, и для разных исторических писаний о Средней Азии».³

Из поездок в казахскую степь В.В. Григорьев сделал для себя главный вывод – о недобросовестности султанов-правителей и необходимости строгого контроля над их деятельностью.⁴ Он считал, что Джангир-хан сделал много зла для народа, и его злоупотребления довели население «до бедственного состояния». Им был разработан ряд мер по ликвидации отрицательных последствий его ханствования. Иное отношение было у него к трудовой части казахского населения. Н.И. Веселевский писал: «Зато киргизы произвели на В.В. (Григорьева. – С.З.) самое отрадное впечатление. Он увидел, что киргизы народ хотя буйный, но добрый, понятливый и восприимчивый ко всему хорошему, так что, если бы правителями были бы люди мало-мальски порядочные, степь удивила бы правительство быстрым развитием своего благосостояния».

¹ Веселевский Н.И. Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам, с. 115.

² Там же.

³ Там же, с. 117.

⁴ Там же, с. 120.

В ряде своих записок, поданных правительственным органам, в том числе и оренбургскому губернатору, В.В. Григорьев высказывал смелые мысли, затрагивающие проблемы политики управления казахской степью. В одной из них (1860) он пытался вскрыть причины «неудовольствий киргизов» западной части Младшего жуза. «Главный и давний повод заключается в том, – писал В.В. Григорьев губернатору, – что Уральское казачье войско, не имея на то никакого законного права, единственно под предлогом недостатка в сенокосных местах по правому берегу Урала... заняло мало-помалу весь этот левый берег, и хозяйничает там, как дома».¹ Это, по его мнению, привело к значительному земельному стеснению кочевых аулов и создало условия для их неудовольствия политикой правительства. Далее он указывал, что захваты пастбищных земель у казахов Средней и Восточной частей Младшего жуза приняли «еще более значительный размах в зоне их кочевания – более 4-х миллионов десятин отрезано от киргизской степи и отдано под Оренбургское казачье войско в 1835 году»,² на которых до этого находилось 10 – 12 тыс. кибиток казахских семей. Кроме того, командиры укреплений и отрядов часто сами устанавливали повинности для кочующих аулов. «Такого рода насильственные подряды, – отмечал В.В. Григорьев, – повторяясь ежегодно, могут поселить в прилинейных киргизах восточной части такое неудовольствие на русское управление, которое может при случае выразиться весьма невыгодным для правительства образом».³ В другой записке В.В. Григорьев нелестно отзывался о деятельности самого областного правления оренбургскими киргизами, председателем которого он был. Приведя ряд конкретных фактов, он сделал заключение о том, что «областное правление мало оказывало заботливости к удовлетворению нужд подведомственных ему киргизов».

¹ Веселевский Н.И. Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам, с. 10.

² Веселевский Н.И. Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам, с. 13.

³ Там же, с. 12.

В 1855 г. профессор Харьковского ветеринарного училища Э. Островский с двумя окончившими курс воспитанниками совершил в течение нескольких месяцев поездку во Внутреннюю орду и по результатам этой поездки написал большую работу, печатавшуюся в нескольких номерах журнала Министерства внутренних дел.¹

С научной целью в первой половине XIX в. Внутреннюю орду посетили немецкий ученый Гебель (1835), профессор Казанского университета Вагнер (1846), Сабанщиков (1830) и другие.

Интересные труды о Внутренней орде рассматриваемого периода оставил полковник генерального штаба, действительный член Русского географического общества Михаил Игнатьевич Иванин, в течение трех лет (1853 – 1856) непосредственно участвовавший в управлении ордой.²

Букеевское ханство избрал постоянным местом жительства прапорщик артиллерии Г.С. Карелин, занимавшийся научными изысканиями. Хан выделил ему один из флигелей в своем доме. Он был «человек весьма ученый и образованный. По собственной склонности, имея достаточные сведения в разных частях естественной истории, а преимущественно в ботанике, он собирает множество трав и цветов, растущих в сем крае, отсылает оные в Петербург и другие места; а взамен их получает оттуда неизвестные здесь породы. У него многие шкафы наполнены отличными произведениями растительного царства».³

Каждый случай посещения Внутренней орды русскими учеными, путешественниками и деятелями просвещения вызывал определенный резонанс в казахском обществе. Как правило, они знакомились с бытом, обрядами, хозяйством, социальной жизнью казахов, разъезжая по кочевьям родов и родовых подразделений, беседовали с жителями, гостили

¹ Островский Э. Поездка во Внутреннюю киргиз-кайсацкую орду с ветеринарной целью. – Журн. МВД. Спб, 1859, ч. 34, № 1, 2, 5.

² Наиболее известная и весомая из его работ «Внутренняя, или Букеевская, киргизская орда».

³ Сабанщиков. Нарын-пески. – Заволжский муравей, 1832, № 2, с. 671.

у знати. При этом в том или ином объеме, как правило, затрагивались вопросы обучения детей и образования, подъема культуры местного населения, улучшения управления Казахской степью и др.

Посещение орды и казахских аулов деятелями русской культуры и науки оказывало благотворное влияние на развитие связей казахского и русского народов, на процесс проникновения русской культуры и передовой общественной мысли в казахское общество.

Открытие первого врачебного пункта и аптеки в казахской степи

В кочевых ставках никогда не было врачей и уж тем более – аптекарей с образованием. Как правило, их заменяли астрологи (жулдузшы), знахари (баксы), костоправы (сыныкшы), травники (емийл), внушающие (ушыкшы), жившие в кочевьях.

После отмены ханской власти в Среднем и Младшем жузах в первой половине XIX в. положение с медицинским обслуживанием аульного казахского населения не изменилось. Лазареты и аптечные пункты, которые были в городах и населенных пунктах, основанных царским правительством, русскими и иноземными промышленниками, казачьими войсками и переселенцами-крестьянами, казахское аульное население не обслуживали.

Первым врачом в ханстве был штаб-лекарь Александр Андреевич Сергачев. Он окончил медицинский факультет Казанского университета и весной 1832 г. прибыл в Ханскую ставку. Через три года он получил назначение уездного врача в Саратовскую губернию, а в 1838 г. – снова врачом хана Внутренней киргизской орды.¹ В начале 40-х гг. его заменил лекарь Евланов. В 1848 г. врачом в ставке стал А.Г. Пупорев. Так сложился первый врачебный пункт со стационарным условием пребывания в Казахской степи.

По ходатайству хана в 1840 г. в Букеевское ханство был направлен ветеринарный врач Константин Петрович Ольдекоп, только что окончивший полный курс наук в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. С его именем связаны многие хорошие начинания в истории просвещения и ветеринарного обслуживания хозяйства кочевников в ханстве. На ветеринарного врача кроме несения ветеринарной службы в ханстве возлагалось и наблюдение за скотом и скотоводческой продукцией, привозимыми на ярмарки и вывозимыми оттуда внутрь России.

¹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2179, л. 3-4.

Администрация орды в письме от 1848 г. следующим образом оценила его деятельность: он «оказывал достойную похвалы заботливость и усердие в исполнении обязанности ветеринара с полным знанием своего дела... и сверх этих обязанностей, по приглашению хана... было поручено ему в 1841 году преподавание в учрежденном при ставке училище русской грамоты, начальных правил арифметики, русской грамматики и истории и самый надзор за училищем, что Ольдекопом исполняемо было также с отличным усердием, пользою и успехом».¹

В том же году хан пригласил из Астрахани оспопрививателя татарина Абдумалика Юсупова, который обучал казахских юношей, приставленных к нему, оспопрививанию.

А. Терещенко, неоднократно посещавший Внутреннюю орду при хане и после его смерти, указывает, что врач, живущий в Ханской ставке, немало сделал и делает в медицинском просвещении казахского населения, ему приходилось преодолевать многие трудности, предрассудки. Постепенно отчужденность и страх местных жителей, особенно аульных, перед русским врачом ослабевали.² Чиновник Матвеев, находясь в орде в 1846 г., донес оренбургскому губернатору, что «к оспопрививанию киргизы уже частью приготовлены распоряжениями покойного хана – у детей его и многих ближних в Ставке киргизов привита оспа».³

В 1843 г. в Ханской ставке была открыта аптека. В пополнении ее медикаментами значительную помощь оказали оренбургский и астраханский губернаторы, расположением которых пользовался Джангир-хан. Начиная с 1845 г. врач орды приобрел статус государственного служащего с жалованьем. В 1852 г. в ставке была официально открыта больница с двумя отделениями: одно – «для арестантов», а другое – для ордынцев.

¹ Там же. д 2483. л 23.

² Терещенко А. Указ, соч., с. 73.

³ ЦТА КазССР, оп. 1, д. 2359, л. 409.

Профессор Харьковского ветеринарного училища Э. Островский, посетивший Внутреннюю орду в 1855 г., указывал, что «в врачебном отношении у них есть аптека в Ханской ставке, медик и ветеринар».¹

Открытие первого врачебного пункта и аптеки в казахской степи находится в тесной связи с влиянием культуры России на казахское общество. Проявленная инициатива в этом деле со стороны хана была результатом этого влияния. В рамках своих ханских интересов, возможно, он более ясно сознавал необходимость и неотложность постепенного перенимания культурного опыта России и русского общества. Только в этих пределах следует оценивать его роль в культурной жизни Внутренней орды.

¹ Островский Э. Поездка во Внутреннюю киргиз-казачью орду с ветеринарной целью. – Журн. МВД, т. 34, 1859, № 2, с. 79.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная цель нашего исследования – воссоздание целостной истории Букеевского ханства, его народа, приходящейся на первую половину XIX в. Методом ее раскрытия мы избрали системное рассмотрение важнейших сторон социально-экономической, политической и культурной жизни общества с последующим их сведением к общим факторам. Такой подход позволяет выделить общее и особенное в истории Внутренней орды.

Общее в развитии Букеевского ханства заключалось в том, что в нем, как и во всем Казахстане, господствующими были патриархально-феодальные отношения, основанные на экономической системе, в которой ведущая роль принадлежала кочевому и полукочевому скотоводству. В политической области сохранялись ханская власть и султано-бийское управление с традиционными формами их организации в рамках колониальной зависимости.

Специфическими факторами истории Внутренней орды, сыгравшими большую роль, являлись: юридическое оформление мелкой крестьянской и крупной собственности на пастбищные угодья в пределах феодального верховенства и развитие на этой основе полуоседлого образа хозяйствования и быта среди кочевых и полукочевых скотоводов; почти равномерное проникновение товарно-денежных отношений и повсеместное распространение в нем долговых отношений; антифеодальный характер освободительного движения казахских шаруа; попытка создать в специфических условиях отсталого казахского общества централизованную «просвещенную» монархию – ханство, - опирающуюся на специальный аппарат, отделенный от двора, и письменное делопроизводство; основание первой стационарной национальной гражданской школы в степи со своей базой и обучением детей на двух языках – на казахском и русском и получение вакансии в высших гражданских учебных заведениях России для казахских юношей; создание в

регионе коллекции (оружейной комнаты) с уникальными экспонатами, повествующими о творениях оружейников, местных умельцев и ремесленников, учреждение первого врачебного пункта в степи и появление на исторической арене видного представителя передовой общественной мысли Салиха Бабаджанова и др.

Каждое из этих событий имело свои мотивы и причины. Вместе с тем они выросли и развились на общей почве, имели общие корни в конкретных условиях развития Букеевского ханства. Более глубокое изучение этих событий и фактов в их связи и в системе конкретной социально-политической структуры этой части казахского общества дает возможность определять их как порождение той среды, которая сложилась в Букеевском ханстве.

Особенностью Букеевского ханства было то, что его развитие в силу ряда объективных обстоятельств, главным из которых было расположение во «внутренней стороне» России, происходило под воздействием растущего влияния экономики, культуры и просвещения России, образа жизни и быта ее народа, с одной стороны, и колониальной политики царизма – с другой. Причем этот процесс проходил здесь более активно, чем в других частях Казахстана. Казахское общество этого региона в большей степени испытывало и аккумулировало прогрессивное влияние России первой половины XIX в., нежели другие политические объединения, входящие в Казахстан.

Значение Внутренней орды, изучение ее истории периода ханской власти и последующих этапов развития выходят за рамки локального, историко-познавательного интереса. Во Внутренней орде ряд социально-экономических и политических явлений институтов выступал четче и в более зрелых формах, как бы в «очищенном» от патриархальных оболочек и примесей состоянии, чего нельзя было сказать о других частях Казахстана. Именно поэтому она представляла, можно сказать, во многих отношениях уникальный объект для исследователей дореволюционной истории Казахстана и для изучения структуры и особеннос-

тей феодального способа производства у кочевых народов вообще.

В этой связи нельзя не указать на ошибочность взглядов отдельных авторов о том, что влияние России на Букеевское ханство якобы в значительной степени изменило и деформировало привычный, традиционный быт и социальный режим кочевых коллективов, а поэтому этот регион стоит особняком в дореволюционном казахском обществе. На наш взгляд, особенности развития и само возникновение Букеевского ханства тем и интересны для истории Казахстана, что в нем наиболее концентрированно проявились процессы, которые позднее захватили весь Казахстан.

С.З. Зиманов, И.К. Рейтор

**СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И СБЛИЖЕНИЕ НАЦИЙ**

ВВЕДЕНИЕ

Первоначально мы ставили задачу выяснить роль советской национальной государственности, ее высшей формы – Союзной республики – в сближении социалистических наций на этапе развитого социализма, как часть проблемы сближения классов и социальных групп.¹ Основное внимание предполагалось сосредоточить на организаторской, регулирующей и управленческой деятельности. Однако реализация этой цели оказалась более сложной, чем представлялось.

Для выявления роли национальной государственности, ее политических институтов и аппарата в сближении советских наций и народностей необходимо определить ее место в системе единого многонационального государства и всей совокупности органов и организаций, осуществляющих сознательное воздействие в направлении интернационального единения народов СССР. Кроме того, существующее в литературе понятие сближения социалистических наций для наших целей было слишком общим, поскольку включало все основные компоненты жизнедеятельности наций: экономику, социальную жизнь, культуру, обычаи, территорию и т. д. При таком подходе сближение наций представляется как всеобъемлющее явление – итог развития этих взаимосвязей, ведущий к общности по всем линиям и параметрам, какие только присущи человеческому общежитию. Оправданный в общетеоретическом плане, этот подход неоптимален, когда необходимо из области теории перейти к практике и дать разработку способов и путей сознательного воздействия на процесс сближения наций со стороны государственных и иных органов. «Мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем, трудимся, – говорил на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС Ю.В. Андропов, – не

¹ На XXVI съезде КПСС отмечалось, что в сближении всех классов и социальных групп советского общества «важную роль играет... социальная политика партии и государства» (Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 52).

полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок».¹

Представляется, что это относится и к области национальных отношений.

Нас в первую очередь интересовали вопросы бытия, структуры и системы сближения наций как относительно самостоятельных явлений, а следовательно, и взаимодействие элементов, их составляющих, их субординация. Это позволяет вычленить ведущие элементы в структуре сближения наций и установить место каждого из них в его содержательном развитии, что, в свою очередь, дает возможность осознанно влиять и воздействовать на структурные элементы процесса, прогнозировать меры и их эффективность, направленные на углубление и всестороннее развитие сближения социалистических наций, составляющего главный вопрос в национальных отношениях.

В процессе исследования связей, роли, форм и возможностей органов, учреждений и институтов советской национальной государственности в плане их целенаправленного воздействия на процесс сближения наций нам пришлось одновременно уточнить ряд определений, а именно придать им большую конкретность, приблизить к нуждам практики управления.

Проблему управления национальными отношениями, а в них сближением наций можно рассматривать с различных позиций: руководящей и направляющей роли КПСС, социального управления, государственного управления. Если по первым двум аспектам имеются многочисленные разработки и значительные исследования, то по вопросам управления национальными отношениями, методами административной организации, властных установок и политико-правового регулирования, кроме общих указаний, почти ничего нет. В этом сказалось распространенное среди исследователей мнение о том, что национальные отношения не могут

¹ Правда, 1983, 16 июня.

быть объектом государственного управления, а являются монополией политического руководства. Сыграло в этом положении свою роль и то обстоятельство, что анализ и обобщение опыта государственного воздействия на национальные отношения и их регулирование долгое время не проводились.

Из-за неразработанности в литературе сложными оказались вопросы соотношения деятельности союзной и национальной государственности, общее и особенное, интернациональное и национальное в функциях союзных и республиканских органов, пределы и формы управления в области национальных отношений вообще, сближения наций в особенности.

В разработке проблем социалистического государства, федерации и национально-государственного строительства сделано немало. На этом фоне в какой-то степени белым пятном остаются указанные нами проблемы, но мы сознаем, что в настоящей работе могли лишь наметить отдельные вехи в изучении названных проблем.

Область национальных отношений – это особенно сложная и вместе с тем косная область человеческих отношений. Поэтому В.И. Ленин требовал внимательности, терпения и полной ответственности по отношению к национальностям, проблемам их жизни и развития. Это требование остается актуальным и сегодня.

В условиях развитого социализма национальный вопрос решен окончательно, а в рамках единого союза – Союза Советских Социалистических республик – сложились качественно новые, зрелые отношения между нациями, определяемые как отношения дружбы и братства.

Но «успехи в решении национального вопроса отнюдь не означают, что исчезли все проблемы, которые порождает сам факт жизни и труда в рамках единого государства множества наций и народностей, – говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов в докладе «Шестьдесят лет СССР». – Такое вряд ли возможно, пока существуют нации, пока есть национальные различия. А они будут существовать долго,

много дольше, чем различия классовые». Нахождение наиболее обоснованных путей развития отдельных наций и народностей, оптимального сочетания национальных интересов с общими интересами советского народа, углубление процесса сближения наций партия рассматривает как важнейшие проблемы в области национальных отношений. Конституция СССР устанавливает, что одной из важных социальных функций общенародного государства является обеспечение всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР (ст. 9 и 36).

Определение развитого социализма как научно-управляемого общества нашло реальное выражение и в сфере руководства национальными процессами. Место и роль государственной и политико-правовой надстройки в этой специфической области социального развития не сводятся к фиксации посредством институциональных, государственно-правовых форм достигнутых ступеней единства наций и все большего сближения наций, а охватывают практически все уровни интеграционных процессов. Государственная и политико-правовая надстройка в целом и ее важнейшая система – общенародное государство выступают главным орудием научного управления процессом сближения советских наций и народностей.

Политико-правовым выражением прогрессирующего сближения советских наций и народностей в условиях развитого социализма явилось укрепление союзных начал государства, что нашло отражение в Конституции СССР (ст. 70 и др.). Это, однако, не означает уменьшения роли национальной советской государственности как в решении общих задач коммунистического строительства, так и в руководстве национальными процессами. Напротив, сфера деятельности национальной советской государственности в современных условиях значительно расширилась, усложнились ее формы и методы. Соответственно этому увеличились и конституционные гарантии суверенных прав национальных республик.

Необходимость изучения проблемы управления национальными отношениями, а в них – процессом сближения

наций обусловлена рядом причин. Во-первых, важно обобщить накопленный опыт и научно его осмыслить, с тем чтобы использовать для дальнейшего развития этих отношений; во-вторых, в ходе коммунистического строительства возникают новые проблемы в области национальных отношений, в решении которых целенаправленная деятельность государственных органов, в том числе органов и учреждений национальной советской государственности – союзных и автономных республик, будет играть всевозрастающую роль; в-третьих, управление национальными отношениями методами государственно-организационными и властной установки, его объем и пределы, возможности и эффективность в науке остаются почти не разработанными. Именно в этих вопросах существует немало неясностей, которые так или иначе влияют на практику национально-государственного строительства и на развитие национальных отношений.

Задача содействия всестороннему развитию и сближению наций и народностей СССР в значительной мере реализуется через деятельность национальной советской государственности как составной части механизма общенародного государства. Процессы расцвета и сближения наций проходят как на уровне общесоюзного взаимодействия наций, так и внутри национально-государственных образований. Исследование социально-регулятивной и управленческой функций национальной советской государственности в сфере национального развития и межнационального сближения на современном этапе и в перспективе имеет важное теоретическое и практическое значение.

Существует обширная литература, посвященная многоаспектным проблемам национальных отношений в СССР. Только за последнее десятилетие увидел свет ряд важных исследований.¹ В этих и других работах анализируются пути и формы развития национальных отношений в нашей стране,

¹ Куличенко М.И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972; Он же. Расцвет и сближение наций в СССР: Проблемы теории и методологии. М., 1981 и др.

исследуются проблемы интернационализации общественной жизни и закономерности сложения новой исторической общности – советский народ; всесторонне рассматриваются вопросы пролетарского интернационализма в национальных отношениях, расцвета и сближения социалистических наций и другие.

В центре внимания специалистов, занимающихся проблемами союзного государства и национальной советской государственности, в основном находятся общие теоретические проблемы обоснования и определения советской федерации и ее структуры, функции союзного государства и союзных, автономных республик в областях хозяйственного, социального и культурного развития, проблемы истории советских республик и национально-государственного строительства в них. В работах, посвященных этим вопросам, содержатся интересные идеи, раскрывающие внутренние возможности и перспективы развития советской национальной государственности и ее отдельных организационных форм. В этих областях знания плодотворны исследования А.А. Агзамходжаева, Б.М. Бабия, А.З. Бегияна, Д.А. Денисова, Д.Л. Златопольского, А.И. Ишанова, М.Г. Кириченко, В.В. Копейчикова, И.Я. Копылова, К.Д. Коркмасовой, А.И. Лепешкина, К. Нурбекова, С.А. Раджабова, С.Л. Ронина, П.Г. Семенова, С.С. Сартаева, Э.В. Тадевосяна, Р.М. Тургунбекова, М.Н. Шафира, О.И. Чистякова, Ш.З. Уразаева, М.Х. Хакимова и др. Были и отдельные публикации по методологии изучения проблем национально-государственного развития.¹

Существующие научные теории и конкретные разработки различных аспектов развития национальных и национально-государственных отношений составляют тот прочный фундамент, опираясь на который, можно ставить и решать

¹ Зиманов С.З. Некоторые вопросы теории советской национальной государственности. Алма-Ата, 1962; Он же. Вопросы методологии изучения национально-государственного строительства. – В кн.: Вопросы национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1977; Литвинова Г.И. О методологии историко-правовых исследований национальной государственности.

на новом уровне проблемы, выдвигаемые практикой социалистического и коммунистического строительства.

В то же время нельзя не сказать о некоторых общих недостатках исследований, посвященных национальным отношениям: ограниченность фактического материала, используемого в научных работах, и чрезмерное увлечение рассуждениями и общетеоретическими выкладками, порой слабо увязанными с самой жизнью. Незначительны и этносоциологические исследования, которые ведутся эпизодически, в основном по частным вопросам. В какой-то мере исключением можно считать исследования, проведенные Институтом этнографии АН СССР по проекту «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР». Его результаты изложены в двух изданиях, осуществленных под руководством Ю.В. Арутюняна.¹ В одном из них обобщены материалы по Татарской АССР, а в другом – по Молдавской ССР. В них рассматриваются классовая структура и тенденции социального развития населения на разных организационных уровнях, культурная и семейно-бытовая сферы жизни этносов, некоторые вопросы межнациональных отношений. Исследователи предприняли попытку уяснить уровень интернационализации образа жизни народов этих республик и вычленили факторы, активно влияющие на них. Эти материалы и приложения, данные к ним, имеют важное значение как для теории, так и для практики развития национальных отношений. Отдельные социологические исследования проводились и в республиках Средней Азии и Казахстана.² Определенные результаты по некоторым вопросам межнациональных отношений получены учеными Киргизской ССР.

¹ Социальное и национальное: Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М., 1973; Опыт этносоциологических исследований образа жизни по материалам Молдавской ССР. М., 1980.

² В Казахстане такое исследование проводилось под руководством доктора философских наук М.М. Сужикова (См.: Сужиков М.М., Демаков Г.А. Влияние подвижности населения на сближение наций. Алма-Ата, 1974; Закономерности интернационализации общественной жизни. Алма-Ата, 1981).

Интересные соображения методологического и теоретического порядка по вопросам сближения социальной структуры наций и социологического их изучения высказаны в сборнике «Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей». Этот труд, как отмечают его авторы, «одна из первых попыток уяснения сложной связи — между изменениями социальной структуры и сферы национальных отношений».¹

Мы сознаем, что ряд вопросов, поднятых в данной работе, такие как возможность и пределы сознательного управления процессом сближения наций и роль в этом союзной республики, соотношение и место общих и отраслевых функций государства в сфере национальной жизни и национальных отношений, структурный анализ содержания понятия сближения наций и целенаправленное воздействие на его компоненты, носят постановочный, а в ряде случаев дискуссионный характер.

¹ Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 5.

ГЛАВА I

СОДЕРЖАНИЕ И ПОНЯТИЕ СБЛИЖЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЦИЙ

Роль экономических, социальных и политических факторов в сближении наций

Факторы общественной жизни, в той или иной мере оказывающие воздействие на сближение наций, можно разделить на три группы: факторы, формирующие тенденцию сближения наций и создающие возможность для его развития как реального процесса; факторы, с необходимостью превращающие тенденции сближения наций в стабильную закономерность развития общественной жизни, возможность в действительность; факторы, источником которых являются волевые действия, направленные на ускорение вызревания и углубления процесса сближения наций. Первые две группы факторов лежат в области базисных, социально-экономических отношений, а третья – в сфере политики и властных действий. Тенденция к сближению наций и возможность для его развития как реальности возникают еще при капитализме, но превращаются в стабильную закономерность развития самой общественной жизни только при социализме. Волевые, политико-идеологические факторы, направленно воздействующие на процесс сближения наций, если они осуществляются в условиях, когда сближение с необходимостью вырастает из самой сущности и характера базисных отношений и соотнобразуются с их требованиями, эффективны, имеют глубоко позитивный смысл. А если эти волевые действия не обоснованы самой природой общественного развития и не выражают его назревшие требования, то они малоэффективны и могут исказить развитие самого процесса сближения наций и даже изуродовать его.

Картину исторического становления сближения наций, формирования его тенденции в недрах буржуазного общества и факторы, которые вызвали к жизни этот процесс, позволяют раскрыть труды классиков марксизма-ленинизма, базирующиеся на материалистическом понимании истории и процессов общественной жизни. Основа устойчивой общности людей, какой являются нация и народность, – производство, экономические связи, данные в общественном разделении труда и соответственно в распределении и обмене продуктов труда. Характер производственной деятельности в конечном итоге определяет и характер политических, культурных и нравственных связей, а также формы объединения социальной общности.¹ Так было во все времена. Буржуазная эпоха из обломков родственных этносоциальных организмов, смешение которых, начатое в котле Римской империи, продолжалось и в эпоху средневековья, силой вещных связей создала такую форму общностей, такую связь людей, которая обусловлена потребностями и способом производства, связь, которая принимает все новые формы.

Но несмотря на то что политическому фактору складывания буржуазной национальной общности предшествовал фактор экономический (деньги, по выражению Ф. Энгельса, взорвали замки рыцарей раньше пушек), королевская власть в союзе с буржуазией вынуждена была силой навязывать необходимое единство и там, где процесс национальной консолидации затянулся.² Противоречие процесса сложения национальной общности в условиях антагонистической общественной системы отражало противоречия, характерные для национальных движений и образования буржуазного национального государства. Как указывал В.И. Ленин, сплочение национальных областей в единое целое – в национальное государство – экономически обусловлено и происходит в конце средних веков и начале нового времени.³

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6-7; т. 3, с. 19; т. 46, ч. 1, с. 467.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 146-147.

³ См.: Ленин В.И. Соч., т. 24, с. 385.

Научное объяснение процессу интеграции наций дали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии». Национального единства буржуазная эпоха достигает разделением труда в национальном масштабе. В этом случае достигается такая «целостность» общества, при которой взаимная зависимость его членов, система «всеобщей полезности» становятся абсолютными и универсальными. Но пока это лишь развитая производственно-экономическая зависимость элементов общности, составляющая как бы, в первую очередь, ступень действительной социальной общности,¹ которая представляет собой внешнюю связь, являющуюся необходимым средством ведения общественного хозяйства.² Здесь общность существует лишь в отчужденной форме товарообмена, государства и права, господствующих над индивидами. Соответственно и межнациональные связи, складывающиеся на этой основе, не влекут за собой формирования действительной социальной общности. К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что буржуазная эпоха, завершая политическую эмансипацию, не способна дать человеческую, личностную эмансипацию. Осуществляя экономическую взаимосвязь, она порождает и политическую интеграцию, но основание этого объединения порочно, коль скоро предполагает неравенство классов и народов как условие бытия.

Капитализм объективно создает предпосылки для сближения наций, но не способен ликвидировать отчуждение, антагонизм классов, социальных слоев, национальных общностей и индивидов. Он лишь в масштабах, более широких, чем национальные, создает мнимую коллективность, сводящуюся к воле и интересам господствующих классов более развитых наций.

Проследив последовательно все ступени разделения общественного труда, соответствующие им формы собственности и человеческих общностей, К. Маркс и Ф. Энгельс

¹ См.: Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976, с. 136.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 448-449.

показали не только связь общественной структуры с производством, но и этой структуры с общесоциальным, духовным, культурным развитием и тем самым показали и действительную основу и определяющие факторы становления расширяющихся человеческих общностей.

Известная формула о том, что «взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение»,¹ включает не только экономические отношения и экономические формы общения, но и развитие сущностных сил самого человека как элемента производительных сил и как субъекта многообразных форм социального и межнационального общения.

К. Маркс и Ф. Энгельс определили исторические рамки преодоления национального эгоизма: «Чтобы народы могли действительно объединиться, у них должны быть общие интересы. Чтобы их интересы могли быть общими, должны быть уничтожены существующие отношения собственности, ибо существующие отношения собственности обуславливают эксплуатацию одних народов другими; в уничтожении существующих отношений собственности заинтересован только рабочий класс. Только он один и способен это сделать. Победа пролетариата над буржуазией означает вместе с тем преодоление всех национальных и промышленных конфликтов, которые в настоящее время порождают вражду между народами».²

В плане политическом это означает, что «пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация...».³ Но, как писал В.И. Ленин, «пролетариат не сделается святым и застрахованным от ошибок и слабостей только от того, что он совершит социальную революцию».⁴ Он должен осуществить на деле полную демократизацию

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19-20.

² Там же, т. 4, с. 371.

³ Там же, с. 444.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 51.

страны, ибо в этом – основа разрешения национального вопроса.¹ О единстве, сближении наций речь может идти только при полном, последовательном демократизме, истинной свободе наций, народов, личности. Истинное единство есть свободное единство. Внешние оковы никогда не создавали и не создадут внутреннего единства, которое должно и может быть осуществлено на деле только снизу.²

Общую закономерность общественного развития, в том числе и развития национальных отношений и взаимосвязей наций, сформулированную классиками марксизма, подтверждает многовековая история человечества, особенно история XX века. Учения об общественно-экономических формациях, о базисе и надстройке общества и их взаимосвязи дают ключ к пониманию природы социально-экономических и политических процессов и таких отношений, как национальные.

Единство производственной деятельности, о котором К. Маркс говорил как об основе социального и национального единства, и общность интересов, которая может возникнуть только на базе уничтожения буржуазных отношений собственности и учреждения социалистической, общенародной собственности на основные средства и орудия труда, утвердились в условиях СССР.

Ныне в условиях развитого социализма экономика страны представляет собой единый народнохозяйственный комплекс, при котором отдельные территориальные регионы, национальные советские республики являются частью органического целого и находятся под всесторонним влиянием, в первую очередь, этого целого. Производственное единство переросло в экономическую общность, на основе которой сложилась и утвердилась общность интересов и целей, социальных и национальных отношений в масштабе всей страны.

Углубляющаяся общность экономической жизни всех наций, народов СССР, всех национальных республик

¹ См. там же, т. 23, с. 58-59.

² См. там же, т. 22, с. 267-268.

является предпосылкой и одновременно определяющим условием процесса сближения социалистических наций и развития социальных и национальных отношений в целом. В рамках этой экономической общности происходит всестороннее развитие каждой нации – ее промышленного и сельскохозяйственного потенциала, культуры, науки и образования, образа жизни и быта, взгляда на мир и на социальные процессы. Сближение социалистических наций в этом плане неразрывно связано с их расцветом. Собственно, расцвет социалистических наций в конечном счете обеспечивает их сближение, а в перспективе и слияние. Это, однако, не означает, что сближение наций есть органическая часть целостного организма экономики и что ее колебание и развитие обязательно ведет к колебанию и развитию процесса сближения наций, как прямо связанного звена. Сближение наций, определяясь в главном экономической структурой и экономическими отношениями, функционирует как процесс, которому присущи свои внутренние движущие законы, которым оно следует. Как указывает академик П.Н. Федосеев, «развитие советского народа в условиях развитого социализма – это общая закономерность. Но одновременно это и закономерность развития каждой нации, каждой народности Советской страны».¹

Политика партии, направленная на ускоренное социально-экономическое развитие национальных окраин, создала прочную экономическую базу для союза и единения наций, ибо такой союз, по мысли В.И. Ленина, нельзя осуществить сразу, «до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов».² В основе этой политики лежала всесторонняя помощь нацио-

¹ Федосеев П.Н. Советский народ – строитель коммунизма. – Вопросы философии, 1977, № 7, с. 24.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 43.

нальным республикам со стороны СССР и РСФСР во всех областях материального снабжения, финансов, культуры, подготовки кадров. Достаточно сказать, что бюджеты ряда союзных республик в определенный период покрывались в своей расходной части главным образом за счет дотации из общегосударственного бюджета. Так, в 1924 – 1925 гг. доля собственных доходов Туркменской ССР в ее бюджете составляла немногим более 10%, даже Украинская ССР покрывала тогда за счет собственных средств менее 40% расходной части своего бюджета.

Политика КПСС по ликвидации фактического неравенства национальных окраин и их ускоренного развития, основанная на интернациональной дружбе и взаимопомощи народов, обеспечила опережающие темпы их роста. За 60 лет со времени образования СССР объем промышленной продукции в целом увеличился почти в 540 раз. За этот же период в Белоруссии и Киргизии он возрос более чем в 700, в Казахстане и Молдавии – более чем в 900, в Армении – более чем в 1000 раз.

Огромные экономические достижения СССР и советских республик обусловили образование и утверждение единого народнохозяйственного комплекса.

Формирование единого народнохозяйственного комплекса и национальные отношения внутренне связаны. Одно обуславливает развитие другого при определяющей роли экономических отношений. При отношениях единого хозяйства для дальнейшего развития союзных республик как составных компонентов целого, создаются еще более значительные перспективы. В рамках единого народно-хозяйственного комплекса происходит сближение темпов экономического роста республик.

Единый народнохозяйственный комплекс основан на развитой экономике союзных республик; отражает качественно новый, более высокий уровень сплочения наций и народностей в едином союзе и в то же время является его материальной основой; выражает необходимость усиления союзных начал как важнейшего условия экономического

развития страны в современной обстановке. «На собственном опыте народы Страны Советов убедились: сплочение в едином союзе умножает их силы, ускоряет социально-экономическое развитие, – отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических республик». – Мы вправе гордиться тем, что в общем строю с трудящимися всех наций страны народы бывших национальных окраин, уверенно шагнули в социалистическое будущее, минуя капитализм, и достигли высот социального прогресса».

За 1940 – 1965 гг. объем промышленного производства по стране вырос в 7,9 раза. По республикам этот показатель колебался от 4 до 18 раз. В Казахстане и Армении он вырос в 12, в Киргизии – в 10,¹ Латвии и Эстонии – в 18 раз. В 1965 – 1980 гг. сложилось другое соотношение в темпах их развития. Если по стране в целом объем промышленного производства возрос в 2,7 раза, то по республикам он колебался в пределах от 2,6 до 4,2 раза.²

Национальные отношения, по существу, являются социальными отношениями, ибо каждая нация состоит из классов и социальных прослоек, интересы которых, концентрируясь в рамках общности наций, выступают как интересы национальные. Но национальные интересы охватывают не все социальные интересы, а только те из них, которые облекаются в национальную оболочку и связаны с национальной общностью. В силу этого сближение наций во многом определяется сближением классов и социальных групп страны в целом, в разрезе национальностей в частности. «В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, – писали К. Маркс и Ф. Энгельс в Манифесте Коммунистической партии, – уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой».³

¹ Коммунист, 1982, № 4, с. 175.

² Медведев В. Народнохозяйственный комплекс и межнациональные отношения. – Коммунист, 1982, № 17, с. 49.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 445.

Сближение наций и классов – тесно связанные процессы, но не идентичные, хотя для сближения наций нет иного пути, кроме преобразования социально-классовых отношений и достижения социального единства.¹ Эти два процесса не совпадают ни по времени, ни по характеру. Сближение наций – процесс более многоплановый, чем сближение классов, поскольку предполагает преобразование не только социальной структуры и отношений, но и традиционных институтов, форм взаимодействия, сложившихся ранее и уходящих корнями в национальное особенное.

Социологические исследования национальных отношений показывают, что национальный интерес всегда имеет социальное содержание и представляет во многом национальную оболочку социальных интересов. Поэтому вопрос о сближении наций в основе своей может быть рассмотрен как вопрос о путях достижения социального единства.

Как уже указывалось, в достижении социального и национального единства, в сближении социалистических наций ведущую роль играет рабочий класс. «Только пролетарии способны уничтожить национальную обособленность, только пробуждающийся пролетариат может установить братство между различными нациями», – указывал Ф. Энгельс.² Советский рабочий класс, будучи ядром социальной структуры и наиболее передовой и ведущей силой социалистического общества, выступает носителем социалистического интернационализма и в силу этого играет определяющую роль среди общественных сил в сближении наций социалистических республик.

Вся история развития советских республик есть история роста рядов рабочего класса в них и возрастания их влияния на все сферы общественной жизни, в том числе на национальные отношения. В национальных республиках, которые пришли к социализму, минуя капитализм, уже в

¹ В.И. Ленин отмечал, что для уничтожения национального гнета «необходимо уничтожить классы, т. е. ввести социализм» (Полн. собр. соч., т. 30, с. 22).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 590.

30-х гг. выросли значительные отряды рабочего класса. В 1939 г. доля рабочего класса составляла в Таджикистане – 13, в Узбекистане – 20%. В последующие годы активно осуществлялся процесс подтягивания к общесоюзному уровню и выравнивания удельного веса рабочего класса среди населения в советских республиках. К началу 80-х гг. рабочий класс во всех союзных республиках составлял уже половину или более половины населения, а Казахская ССР, Армянская ССР и Эстонская ССР по доле рабочего класса в населении превосходили общесоюзный уровень.¹

В условиях существования благоприятной экономической структуры и объективных материальных условий социалистическая демократия закономерно рассматривается в научной литературе как один из решающих факторов сближения наций и одно из главных условий решения национального вопроса вообще. Научное обоснование этого тезиса было сделано В.И. Лениным в работе «Итоги дискуссии о самоопределении», в которой он писал: «Для устранения национального гнета необходим фундамент – социалистическое производство, но на этом фундаменте необходима еще демократическая организация государства, демократическая армия и пр.

Перестроив капитализм в социализм, пролетариат создает возможность полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в действительность только при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно «симпатиям» населения, вплоть до полной свободы отделения. На этой базе, в свою очередь, разовьется практически абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создастся ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится отмиранием государства».

Важнейшим общественным мотивом, который непосредственно примыкает к процессу сближения наций и обуславливает его содержательное развитие, является осознан-

¹ Коммунист, 1982, № 11, с. 23.

ная заинтересованность наций в необходимости взаимного сплочения и интернационального единения. Без такого осмысленного интереса у национальностей, представляющего тяготение, с необходимостью диктующее самую тесную взаимную связь, сближение не может быть эффективным, в полной мере содержательным. Заинтересованность наций в сближении есть результат добровольного и свободного принятия ими решений, а такая свобода обеспечивается демократическими институтами, пронизывающими всю политическую систему социалистического общества, в том числе и механизм общенародного многонационального государства. Таким образом, демократия играет важнейшую роль в углублении процесса сближения социалистических наций.

Сближение социалистических наций – процесс объективный, обусловленный закономерностями общественного развития. Но объективные общественные законы, действуя как законы статистические, в условиях социализма не только познаются и оптимально используются, но и корректируются формы их проявления. Совпадение субъекта собственности и субъекта власти, управления в масштабе всего общества позволяет в пределах достигнутого уровня социально-экономического развития целенаправленно регулировать социальные процессы, в том числе и сближение наций. Коммунистическая партия и Советское государство определяют последовательность и оптимальные формы, способы тех мер и преобразований, которые влекут развитие и сближение наций. В.И. Ленин рассматривал сближение наций и как объективную закономерность, и как политику партии, основанную на сознательном использовании этой закономерности. Сближение наций, будучи процессом сложным, многоплановым, естественно определяется многими факторами, включает множество элементов. Однако единство и целенаправленное координирование их действий заключается в общеполитической стратегии и в конкретной тактике политического руководства, которое осуществляет КПСС, являющаяся ядром политической системы советского общества.

Понятие сближения наций в советской литературе

Научная литература, посвященная национальным отношениям в СССР, довольно обширна. Почти каждый из авторов дает определение сближения советских наций применительно к отдельным историческим этапам развития социалистического общества и в общетеоретическом плане. Существуют различные подходы к освещению сближения наций. Одни авторы рассматривают этот процесс со стороны обуславливающих или определяющих его отдельных или совокупных факторов, а другие – со стороны его компонентов и взаимодействия сближения наций с однопорядковыми общественными явлениями. Мы остановимся на некоторых определениях содержания и понятия сближения наций, получивших наибольшее распространение в литературе.

В.И. Ленин отмечал, что к сближению наций ведет весь ход общественной жизни. Исходя из этого многие исследователи практически все элементы общесоциального развития наций рассматривают как конечные определяющие и непосредственные факторы их сближения. В трудах советских ученых развернуто рассматриваются экономические,¹ социально-классовые,² политические и государственно-правовые,³ бытовые и другие факторы. Однако системати-

¹ См.: Калтахчян С.Т. Ленинизм о сущности наций и пути образования интернациональной общности людей. М., 1971; Некрасов А.И. Экономика СССР – взаимосвязанный народнохозяйственный комплекс. М., 1973; Воробьев Ю.В. Выравнивание уровней экономического развития союзных республик. М., 1965; Росило Н.И. Сотрудничество и сближение наций в условиях развитого социализма. Л., 1974 и др.

² См.: Социальное и национальное. М., 1973; Советский народ – новая историческая общность людей. М., 1975; Современные этнические процессы в СССР. М., 1977; Глезерман Г.Е. Классы и нации. М., 1974; Национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1976 и др.

³ См.: Национальные отношения и государство в современный период. М., 1972; Тадевосян Э.В. Советская национальная государственность. М., 1972 и др.

ческого изложения их, попыток выделить главное из системы факторов и моделирования процессов сближения наций пока еще мало. Недостаточны и целевые исследования, раскрывающие бытие, функцию и долю каждого из факторов, взаимодействующих со сближением наций, не выделены ведущие элементы процесса, позволяющие определить место других элементов, их субординацию и соотношение в механизме развития сближения наций.

Многие исследователи подходят к сближению социалистических наций как к комплексному явлению, охватывающему своим содержанием почти все области и стороны жизнедеятельности и развития национальностей. Так, по мнению К.Х. Ханазарова, «в общих чертах сближение наций схематично можно было бы представить как постепенное взаимосближение национальных экономик, культур и территорий».¹ Такой же точки зрения придерживается и А.М. Егиазарян. «Содержанием сближения наций, – писал он, – является расширение и углубление экономических и культурных связей между социалистическими нациями на новой социально-экономической основе, приводящее к взаимному обогащению их, возникновению и дальнейшему росту экономической, культурной и духовной общности социалистических наций, к еще большему укреплению и сплоченности нового исторического формирования – многонационального советского народа».² Эту же позицию развивает Г.Г. Тавадов, который, в частности, рекомендует включить в перечень связей между нациями и политические связи.

Он рассматривает сближение наций как «качественные изменения во взаимоотношениях наций, когда в результате взаимовлияния и взаимообогащения постепенно складываются общие черты во всех сферах материальной и духовной жизни, ослабляются грани, отличающие одну нацию от

¹ Ханазаров К.Х. Решение национально-языковой проблемы в СССР. М., 1977, с. 54.

² Егиазарян А.М. Об основных тенденциях развития социалистических наций в СССР. Ереван, 1965, с. 33.

другой».¹ Аналогичных взглядов с теми или иными незначительными коррективами придерживаются М.Н. Росенко, А.И. Холмогоров² и ряд других исследователей.

В приведенных высказываниях есть общий стержень в понимании сближения социалистических наций. Это общее заключается в том, что сближение наций рассматривается как сближение экономики и культуры, социальной и политической жизни и организации национальностей, в результате которого формируются и утверждаются общие черты «во всех сферах материальной и духовной культуры» народов. Различия в позициях этих авторов заключаются в изложении последствий, к которым ведет сближение наций. Одни считают, что при этом возникает и развивается общность (общие черты) наций во всех сферах жизнедеятельности, другие видят ограничение, а затем исчезновение черт и граней, отличающих одну нацию от другой, третьи связывают эти последствия с дальнейшим укреплением новой исторической общности – советского народа и т. д.

То, что сближение наций рассматривается как явление многоплановое и глубокое, уходящее корнями во все основные сферы общественного развития, не вызывает сомнения. Правильно и то, что оно ведет к формированию и утверждению общего в национальных взаимоотношениях. Вместе с тем такое понимание лежит больше в сфере общих принципов и стратегии развития.

Оно глобально, а потому нуждается в конкретизации. Под сближением наций понимается все, что составляет национальное развитие, а следовательно, его нельзя свести к каким-то определенным факторам. Определение сближения социалистических наций как сближение экономик, культур, социальной жизни и территории национальностей, хотим мы этого или нет, сводит его к интегрально-общему, глобально-суммативному, лишает его определенности и самобытности, которые присущи любому конкретно-определенному

¹ Тавадов Г.Т. Строительство коммунизма и развитие национальных отношений. М., 1973, с. 33.

² См.: Холмогоров А.И. Единый и многонациональный. Рига.

явлению и процессу, т. е. сближение наций есть все то, что представляет собой нация в ее основных аспектах и во всем объеме, следовательно, оно выступает как всеобъемлющий процесс движения к полному слиянию наций не только в политико-идеологическом, но в самом широком смысле.

Согласно этому представлению сближение наций выражает не какую-то конкретную область или аспект национальных взаимоотношений, а их совокупность. Сближение социалистических наций не столько теоретическая, сколько важнейшая практическая проблема, которая ставится и решается сознательно. Если исходить из вышеприведенной точки зрения, то в своей практической деятельности партия и государство должны проводить линию на сближение всех этих показателей национальной жизни, а успехи в этом направлении обеспечат успехи и в сближении наций. Такой взгляд нуждается в определенном уточнении. Сближение наций как политический и объективный процесс проходило в период подготовки и осуществления социалистической революции в России и особенно успешно в послеоктябрьский период, когда экономическое и культурное сближение их не было еще обеспечено или обеспечивалось слабо. Сам по себе этот факт говорит о том, что сближение наций нельзя всецело сводить к сближению их совокупной национальной жизни, тем более нельзя выводить его всецело из нее.

Неверно, на наш взгляд, определять степень зрелости и уровень развития процесса сближения наций на основе сходства или тождества основных показателей их жизни. Реальная действительность не всегда вмещается в эту формулу. В Казахской ССР, например, имеется несколько совхозов и деревень, заселенных преимущественно малыми народами. Почти все эти совхозы являются образцовыми хозяйствами по экономическим показателям и материальной обеспеченности населения, организации общественного труда и содержанию хозяйства, социально-культурному и бытовому обслуживанию населения. Словом, они находятся не ниже среднего союзного уровня, т. е. сближение по всем параметрам национальной жизни можно считать обеспеченным.

Если следовать за теми авторами, которые рассматривают сближение наций как производное от сближения их экономики, культуры, территории, то эти этнические группы в процессе сближения социалистических наций занимают передовые позиции и идут впереди других национальностей, населяющих Казахскую республику, но этот вывод оказывается не всегда состоятельным.

В отдельных работах сближение наций трактуется как процесс достижения фактического равенства наций, причем равенство это понимается как одинаковость уровней экономического, социального и культурного развития.¹ Несомненно, что выравнивание наций по уровню их развития – существенный момент их сближения, но достижение фактического равенства не идентично сближению. Оно есть условие сближения наций, положительно влияющее на характер межнациональных отношений, формы взаимодействия и взаимовлияния, но не тождественно процессу сближения, поскольку направленность этого развития задается системой более общих отношений. Само равенство должно рассматриваться не абстрактно, как «одинаковость», а конкретно, как отношение сторон, как особая историческая форма отношений, в данном случае отношений национальных. Порой фактическое равенство наций дополняется равенством правовым. Последнее есть особая форма отношений, при которой стороны обладают одинаковыми правами и обязанностями, и соответственно предполагается определенное единство регулирования правовой стороны и форм организации властвования. Несомненно, важна корреляция различных уровней отношения межнационального равенства с политико-юридическими формами их реализации – от общеконституционного регулирования отношений наций, народностей, опосредованных различными формами национальной советской государственности, до отношений равенства граждан независимо от их национальной принадлежности во всех сферах общественно-политической, культурной, экономической

¹ См.: Социализм и коммунизм: Политическая организация советского общества. М., 1967, с. 72-74.

жизни и общеправового закрепления этого равенства. Однако все это еще не определяет понятия сближения наций в полном его объеме и содержании.

В ряде работ сближение наций связывается с производительными силами общества и рассматривается как результат их действия. Так, П.М. Рогачев и М.А. Свердлин считают, что тенденция к сближению наций «есть плод не социально-политического строя, а характера производительных сил. Производственные же отношения определяют специфику функционирования тенденций».¹ Того же мнения придерживается П.М. Копытько.²

На этом основании в литературе делается иногда вывод о наличии некоего общего социологического закона национального развития, присущего и капитализму, и социализму, закона, определяемого развитием производительных сил. Не со всеми суждениями этих авторов можно согласиться, хотя в них есть и рациональное зерно. В.И. Ленин указывал, что производительные силы создают в принципе возможность для сближения наций. Но чтобы эта возможность стала действительностью, необходимы и другие условия, которые превратили бы эти производительные силы в интернациональную силу.

В процессе сближения наций общность экономической жизни имеет определяющее значение. Это основа основ процесса. Н.Д. Джандильдин считает, что она, являясь основой национальной общности, «одновременно стала основой интернациональной общности всех советских народов».³ Эти две формы общности, по его мнению, «представляют двуединый процесс, возникший на общей основе – на базе общественной собственности на средства производства».⁴ Такой же подход прослеживается и в работе А.М. Егиазаряна. Он

¹ Рогачев П.М., Свердлин М.А. Нации – народ – человечество. М., 1967, с. 71.

² По его мнению, «закон развития наций порожден производительными силами, которые носят объективный характер». См.: Строительство коммунизма и проблемы сближения наций. Киев, 1969. С. 203.

³ Джандильдин Н.Д. Коммунизм и развитие национальных отношений. М., 1964, с. 102.

⁴ Там же.

указывает, что в условиях социализма происходят два взаимосвязанных процесса: процесс вовлечения в общую экономическую жизнь частей данной национальной республики и процесс вовлечения всех национальных республик и социалистических наций в общую экономическую жизнь всего Советского Союза.¹

В вопросе о том, что понимать под общностью экономической жизни и что входит в нее, исследователи не единодушны. В литературе он определяется и как производственные экономические отношения,² и как общность хозяйственных связей, или «устойчивые постоянные всеобщие хозяйственно-экономические связи»,³ а иногда как «концентрация всего народного хозяйства на базе плановых начал».⁴

Некоторые авторы трактуют ее как единство промышленной экономики,⁵ а также как «различные средства и многочисленные формы ее (нации. – С.З.) экономической деятельности, составляющую структуру и общность понятия».⁶ Другие под общностью экономической жизни нации подразумевают «экономическое объединение частей складывающейся нации, основанное на разделении труда»,⁷ как единство национального и интернационального моментов, в котором «способ производства представляет интернациональную сторону,

¹ См.: Егиазарян А.М. Указ. работа, с. 105.

² См.: Росенко М.И. Строительство коммунизма в СССР и законы развития социалистических наций. Л.), 1968, с. 88; Сатыбалов А.А. Некоторые спорные вопросы изучения исторических форм общности людей. – Вестник ЛГУ, сер. Философия, 1964, № 11, вып. 1, с. 64.

³ Мнацаканян М.И. Нация и национальная государственность. – Вопросы истории, 1966, № 9, с. 35; Этот взгляд нашел отражение и в работе: Сужиков М.М. Социально-экономические проблемы национальной консолидации. Алма-Ата, 1968, с. 57.

⁴ Салманов С.О. О характере общности экономической жизни народов, строящих социализм и коммунизм. Махачкала, 1965, с. 53.

⁵ Бурмистрова Т.Ю. Некоторые вопросы теории нации. – Вопросы истории, 1966, № 4, с. 108-109.

⁶ Холмогоров А.И. Единый и многонациональный. – Рига, 1970, с. 47-49.

⁷ Егиазарян А.М. Об основных тенденциях развития социалистических наций в СССР. Ереван, 1965, с. 104.

а разделение труда, специализация производства, характер экономической связи – национальный аспект».¹

Некоторые исследователи при определении понятия сближения наций основной аспект переносят на развитие у них общих или сходных черт характера, быта, поведения и культуры.² В ряде случаев формирование и утверждение общих черт понимается как стирание национальных различий.³ М. Джунусов рассматривает сближение наций как решение триединой задачи: взаимообогащение наций, развитие новых общих черт между нациями и стирание отдельных национальных особенностей.⁴ Эти процессы иногда рассматриваются как изменение культурной специфики национальностей и как сложение общности и единства культуры.⁵ В фундаментальном исследовании «Современные этнические процессы в СССР» сближение наций трактуется как «взаимодействие разных по своим языково-культурным параметрам этнических единиц (типа народностей и нации) обычно внутри одного государства, ведущее к появлению у них определенной культурной общности».⁶

Под спецификой культуры этнической группы, на основе преодоления которой складывается культурная общность народов, понимаются «прежде всего те компоненты культуры, для которых характерны традиционность и устойчивость: обычаи, обряды, народное искусство, религия, нормы поведения и т. п.».⁷

По мнению ряда авторов, общие черты, которые формируются у народов в процессе их взаимовлияния и взаимообогащения и которые составляют содержание понятия

¹ Росенко М.И. Строительство коммунизма в СССР, с. 88-89.

² См.: Кравцов И.Е. Развитие национальных отношений в СССР. Киев, 1962, с. 32; Агаев А.Г. Социалистическая национальная культура. М., 1974, с. 126.

³ См.: Глезерман Г.Е. Классы и нации. М., 1974, с. 70.

⁴ См.: Джунусов М. Две тенденции социализма в национальных отношениях. Ташкент, 1975, с. 74.

⁵ Социальное и национальное. М., 1973, с. 18.

⁶ Современные этнические процессы в СССР. М., 1977, с. 19.

⁷ Там же, с. 11.

сближения наций, охватывают не только области психологии, поведения, быта, обычаев и «этнической культуры». Они в одинаковой мере распространяются на социальные и экономические сферы жизнедеятельности наций. Важнейшими характеристиками сближения наций, как указывает Л.М. Дробижева, являются «появление общих черт, создание принципиально-сходных социально-экономических структур, выравнивание уровней экономического и культурного развития народов, усиление общности их взглядов и норм поведения».¹

М.И. Куличенко сближение наций связывает с преодолением тормозящих факторов во взаимоотношениях наций. «Сближение наций, – по его мнению, – представляет собой зарождающийся еще в условиях капитализма и получающий свое полное проявление при социализме всесторонний процесс преодоления тормозящих факторов во взаимоотношениях наций, глубоких качественных сдвигов в их сущности, формирование их общих черт под влиянием неуклонного укрепления их дружбы, всестороннего сотрудничества и взаимопомощи во всех областях общественной жизни, взаимообогащения национальных культур».² Такая трактовка является лишь констатацией общего закона движения и не затрагивает особенностей и характера конкретных форм движения, в том числе сближения наций. Правда, в данном определении сближения наций указан ряд условий и черт, характеризующих его как содержание. Несколько смущает лишь правомерность выдвижения преодоления тормозящих факторов на первый план в сближении наций. Есть и другой аспект у этой формулы. По ее логике сознательные действия, способствующие сближению наций, в первую очередь должны быть направлены на снятие факторов, оцениваемых как тормозящие, т. е. отдается предпочтение несозида-

¹ Дробижева Л.М. Сближение народов СССР в условиях завершения строительства и упрочения развитого социалистического общества. – В кн.: СССР – великое содружество народов-братьев. М., 1972, с. 225.

² Куличенко М.И. Укрепление интернационального единства советского общества. Киев, 1976, с. 136.

тельными действиям перед всеми другими. От успеха в этой области зависят качественные сдвиги во взаимоотношениях наций. Если иметь в виду, что тормозящие факторы во взаимоотношениях наций могут толковаться и узко, и широко и что под них может быть подведено многое из национально-специфического, то станет ясно, что практическая деятельность по преодолению их может оказаться перед известными трудностями. Более того, многие из «тормозящих факторов» не имеют самостоятельного наличного бытия, а выступают как моменты тех же отношений сотрудничества, взаимовлияния. На самом деле в сближении наций определяющим является не преодоление отрицательных явлений, а позитивный, созидательный момент становления качественно новых отношений, в процессе развития которых и снимаются явления отрицательные, тормозящие этот позитивный процесс.

Как уже указывалось, некоторые авторы одним из основных условий сближения наций выдвигают преодоление национальных различий или расхождений,¹ поскольку эти различия, по их мнению, препятствуют взаимовлиянию и взаимообогащению народов, а следовательно, и их сближению. При обосновании этого подхода они ссылаются на высказывание В.И. Ленина о том, что «нельзя из капитализма перейти к социализму, не ломая национальных рамок, как нельзя было из феодализма перейти к капитализму без национальных идей»,² а также на другое его положение, что «социалистическое движение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности

¹ Сближение наций, по мнению Е.Д. Игитханяна, Л.Г. Гафта, «это уменьшение существующих еще ныне различий между нациями по объективным критериям и отражение этих процессов в сознании людей, представителей различных национальностей». О процессе сближения социально-классовой структуры населения национальных республик см., например, в кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 38.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 35.

будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок».¹ У В.И. Ленина «национальные рамки», «национальные перегородки», которые действительно препятствуют интернациональному единству народов, имеют строго определенное назначение. Под ними подразумеваются не всякие национальные различия, а только те из них, которые обуславливают в первую очередь политико-идеологические установки и их различия, разъединяющие народы и мешающие их сплочению в рамках интернационального единства.

Тезис о преодолении национальных различий в процессе сближения социалистических наций как условия его углубления и успеха в основе своей волюнтаристский. Сближение наций при социализме не ставит целью формирование интернациональной общности без своеобразия в быту, обычаях, традициях и т. д., присущих отдельным нациям и народностям.

Национальные особенности формируются под влиянием многих факторов на протяжении веков: природно-климатических, хозяйственно-географических, пространственно-исторических и др. Не различия, вообще, препятствуют углублению взаимоотношений народов и их дальнейшему сближению, а только те из них, которые служат увековечиванию национальной изолированности, эгоизма, национальной отчужденности и питают их. Интернациональное единство советских народов, в его высшей форме, не нивелирует нации, не превращает их в безликую серую массу, а напротив, объединяя нации, взаимообогащая их, позволяет сохранить и еще более развить самобытное.

В последние десятилетия заметно проявился аналитический и критический подход к национальному вопросу. «Не секрет, – пишет Э.А. Баграмов, – что в-60 – 70 годах в работах по национальному вопросу, несмотря на известные успехи, были определенные недостатки. Они заключались прежде всего в комментаторском духе, начетничестве и попросту в уходе от актуальных проблем жизни, в подмене ре-

¹ Там же, с. 39-40.

алистического анализа назревших проблем, которые стояли перед советским обществом, общими рассуждениями».¹

Эмпирически процесс сближения наций есть ряд последовательных изменений форм их взаимоотношений, фиксированных в каждый момент в различных социально-организационных, политических, правовых, нравственных и прочих социальных институтах, установлениях и соответственно в формах сознания, чувствах народа. Теоретическое отражение этого процесса предполагает не только правильное воспроизведение названных явлений, описание форм взаимодействий как эмпирически, наглядно данных фактов действительности, но прежде всего обоснование процесса сближения наций и конкретных форм его проявлений в их необходимости как закономерности общественно-исторического развития.

Общепринято рассматривать сближение наций как одну из сторон диалектики национальных отношений, их развития, расцвета. «В условиях социализма действуют две взаимосвязанные прогрессивные тенденции в национальном вопросе: во-первых, происходит бурное и всестороннее развитие каждой нации, расширяются права союзных и автономных республик. Во-вторых, под знаменем пролетарского интернационализма идет все большее сближение социалистических наций, усиливается их взаимовлияние и взаимообогащение».² Две стороны национального вопроса рассматриваются, как правило, через категорию взаимодействия: одна сторона (тенденция) определяет другую, расцвет через сближение (или на основе сближения), сближение на основе расцвета. При этом большинство авторов признает сближение наций ведущей тенденцией.

Применительно к этапу развитого социализма этот вопрос решается однозначно.³ С точки зрения взаимодействия

¹ Баграмов Э.А. Национальные отношения и интернационалистское воспитание. – В кн.: Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979, с. 85.

² Материалы XXII съезда КПСС. М., 1967, с. 191.

³ См.: Метелица Л.В. Национальные отношения в условиях развитого социализма. М., 1973, с. 25.

расцвет наций обуславливает их сближение, а сближение определяет их расцвет. Это правомерно, однако, лишь для объяснения процесса. Для теоретического воспроизведения сближения наций в его необходимости и в основных показателях только этого указания недостаточно. Необходимо рассматривать этот процесс в контексте всеобщих условий, определяющих его развитие, а также специфику форм проявления. «Стороны взаимодействия, – отмечал Г.В. Плеханов в одной из лучших работ, – должны быть признаны моментом чего-то третьего, высшего, а не приниматься за непосредственно данные. Следует находить то, чем обусловлено как само существование взаимодействующих сторон, так и возможность их взаимодействия».¹ Сближение наций не может быть адекватно объяснено ни собственно национальным развитием, ни межнациональным взаимодействием, взятыми сами по себе. Строго научное его воспроизведение предполагает выход за пределы «взаимодействия» и определение общего источника развития и сближения наций, а также взаимопревращения последних.

Сложность процесса межнациональной интеграции, форм его проявления в условиях существующего разделения труда является причиной того, что некоторые исследователи рассматривают сближение наций под углом зрения их «отраслевой» консолидации (экономической, историко-этнографической, демографической, социально-психологической, государственно-правовой и др). Такому рассмотрению свойственна односторонность, поскольку анализируется преимущественно один, пусть даже существенный, момент сближения, значение которого уже в силу этой односторонности преувеличивается. Подобный подход к процессу сближения наций ведет к тому, что отдельное возводится во всеобщее и неизбежное, т. е. неполно отражается процесс в целом. Так, юристы склонны рассматривать этот процесс, прежде всего, с точки зрения его политико-правового опосредования, форм государственного единства, норм, ре-

¹ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956, т. 1, с. 429.

гулирующих национальные отношения и т. д. Но было бы методологически неверно пытаться вывести сущность сближения наций из правовых норм, формы государства или из системы социального регулирования вообще. В равной мере недостаточен и чисто экономический подход, не говоря уже о социально-психологическом и др.

Наиболее общим способом определения сближения наций в научной литературе является определение через связи, отношения, ведущие к общности жизни – экономической, политической, культурной, нравственной, духовной, языковой и т. п. Становление общности различных форм социального бытия народов рассматривается как результат расширения и углубления этих связей, что, несомненно, верно. Поскольку нации и народности представляют собой целостные общественные образования, очевидно, что ограничиваться только этим нельзя. Такой подход не позволяет раскрывать в полноте характер и особенности расширяющихся и углубляющихся связей, не отражает исторически последовательную изменчивость их форм, способов закрепления и социального регулирования, поэлементное перечисление форм социального их взаимодействия без определения характера и направленности этого взаимодействия будет недостаточным.

Некоторые вопросы подхода к понятию «сближение наций»

Понятие «сближение социалистических наций» нельзя выводить только из наличных отношений и фактов сегодняшнего развития общества. При таком подходе легко впасть в субъективизм и принять одностороннее впечатление и эмоции за тенденции и закономерности. Структура общественных отношений настолько сложна и противоречива, что вывести из нее и обосновать понятие «сближение наций» исключительно трудно. Существует плодотворный путь историко-логического анализа, подсказанный вековым опытом познания и позволяющий проследить логику развития явления в историческом плане.

Сближение наций, если рассматривать его применительно к условиям советской действительности, выступает как развивающееся понятие, имеющее свои исторические этапы. В условиях развитого социализма сближение социалистических наций есть новый этап, фиксирующий, с одной стороны, новые, более высокие формы и методы сотрудничества и взаимосвязи наций, характерные для данного периода, а с другой – итог развития самого понятия.

Понятия «сближение, слияние, сплочение, солидарность наций» имеют неодинаковый уровень связей и взаимодействий, разный смысл и содержание на различных этапах революционной борьбы за переустройство общества, за победу и развитие социализма. Однако на всех этапах понятия «сближения наций» в главном оставались общими, не противоречили друг другу. Вместе с тем это не значит, что в их эволюции нет отрицания. Последнее наличествует в любом развивающемся явлении, распространяясь то на периферийные, частные формы и случаи, то охватывая их самую суть. В развитии сближения социалистических наций как явления и понятию отрицанием охватываются их проявления и модификации.

При рассмотрении понятия «сближение наций» целесообразно уяснить некоторые общие теоретические вопросы,

составляющие основание для выведения такого понятия. Одним из вопросов является вопрос о взаимосвязях развития, расцвета и сближения социалистических наций. В литературе господствует мнение об их неразрывном единстве, взаимообусловленности. «Всякая попытка оторвать расцвет наций от сближения была бы неправомерной», – пишет Э.А. Баграмов. Расцвет и сближение социалистических наций неотделимы друг от друга, «представляют две стороны единого процесса», – утверждается в других работах.¹

Рассмотрение сближения наций в самой тесной связи с их развитием и расцветом было правильным и исключительно жизненным в условиях проведения политики обеспечения фактического равенства и выравнивания уровней социально-экономического и культурного развития наций и союзных республик. Ибо подлинное и полноправное сближение советских наций и народностей возможно только тогда, когда они находятся на одном уровне и на одной стадии развития, то есть когда такое сближение становится внутренне целесообразным, необходимым и осуществимым. На современном этапе зрелого социализма, на наш взгляд, сложились такие условия, когда акцент должен больше делаться на сближение советских народностей и наций. Это связано с тем, что проблему всестороннего развития и расцвета наций и союзных республик как часть проблемы развития национальных отношений можно считать уже решенной, хотя проблема дальнейшего развития союзных республик и советских наций снята только в плане преимущественно национальном, т. е. экономическое развитие союзных республик и национальных регионов все больше будет происходить по общим законам размещения производительных сил, а национальный момент, игравший ведущую роль в целевой политике выравнивания уровней развития национальностей, теперь будет реализовываться в процессе развития единого народнохозяйственного комплекса.

¹ Баграмов Э.А. Ленинизм и пути решения национального вопроса в СССР. М., 1969, с. 23; Абдулатипов Р.Г., Бурмистрова Т.Ю. Конституция и национальные отношения на современном этапе. М., 1978, с. 33.

Все союзные и автономные республики по основным показателям и темпам социально-экономического и культурного развития вышли почти на одинаковый уровень.¹ Экономика и культура всех советских республик и впредь будут развиваться как органические части единого народнохозяйственного комплекса, единой интернациональной культуры, что, в свою очередь, создаст еще более благоприятные условия для дальнейшего сближения наций. Эта связь сохранится и в будущем, однако развитие наций и союзных республик по своей внутренней обусловленности и связи уже нельзя считать лишь одной стороной процесса, другую сторону которого составляет сближение наций. В развитии национальных республик на первый план теперь выдвигаются «наиболее разумное использование природных и трудовых ресурсов, климатических особенностей каждой республики, наиболее рациональное включение этого потенциала в общесоюзный».²

Органическая связь между расцветом наций и их сближением – общая закономерность. Однако в современных условиях развития СССР она перестала быть связью внутри одного явления, в котором сближение наций не имело своего реального бытия и относительной самостоятельности как наличной конкретности. Как развитие, так и сближение наций имеют свои признаки, черты и параметры, определяющие их как относительно различные, но тесно взаимодействующие явления.

В таком подходе нет ни противопоставления развития и сближения друг другу, ни попыток их разъединения, ни рассмотрения их как противоречащих друг другу процессов.

М.С. Джунусов считает, что «сближение наций как процесс не может существовать вне их развития». Это утверждение обосновывается тем фактом, что «сущность сближе-

¹ На торжествах по случаю 60-летия образования СССР указывалось, что «чувство особого удовлетворения вызывает невиданный взлет к вершинам прогресса бывших отсталых национальных окраин. Развиваясь ускоренными темпами, они встали вровень с традиционными индустриальными центрами РСФСР». (Правда, 1982, 22 декабря).

² Андропов Ю.В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 11.

ния наций не может быть понята, если ее рассматривать вне связи и вне взаимодействия с тенденцией развития. Развитие нации – социально обусловленный процесс. Оно детерминировано изменением всех сторон общественной жизни. В своем развитии нации воспроизводят социально-экономические, культурно-бытовые процессы, происходящие в обществе».¹ Возражать против этого положения трудно, но приведенные автором доводы не доказывают, что и развитие, и сближение наций не являются относительно самостоятельными явлениями, имеющими свои качественные определения как целостность. Государство, право, мораль – тоже социально обусловленные процессы, сущность и тенденции развития которых обусловлены социально-экономической основой и условиями их существования. Однако это не означает, что государство, право и мораль не являются конкретностями, имеющими внутренние свойства и черты. Не только государство в целом, но и его разветвленные организационные, структурные и демократические системы и институты представляют относительно самостоятельные факторы и явления внутри целого, поэтому нет никаких оснований не признавать за развитием и сближением наций свойства самобытности и конкретности как относительно самостоятельные процессы.

Развивая мысль о нераздельности развития и сближения наций, М.С. Джунусов пишет, что «сближение наций следует рассматривать как отдельный процесс, определенную целостность лишь в познавательных целях. В действительности же оно существует как сторона, как элемент системы процессов развития национальных отношений».²

По этой логике сближение наций лишено реального бытия и само по себе не составляет определенного конкретного исторического процесса, а существует только в мышлении и познании.

Если проанализировать историю проблемы интернационального сплочения и сближения советских народов, то

¹ Там же, с. 6-7.

² Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 7.

нетрудно убедиться, что она носила не только и не столько познавательного-теоретического характера, сколько являлась важнейшим практическим, определенно-конкретным, жизненным процессом.

На различных этапах развития Советского государства связь между расцветом наций и их сближением рассматривалась исторически конкретно, поскольку она не могла оставаться по своему содержанию на одном и том же уровне. Если к данной проблеме подходить с позиции исторического опыта и той роли, которую играли и играют развитие и сближение в жизни каждой нации и в международных отношениях при социализме, то рассмотрение сближения социалистических наций и их развития как явлений тождественных, уравнивающих друг друга внутри единого целого, по меньшей мере, схематично и субъективно. Когда утверждается, что развитие и сближение наций представляют единый, неразрывный процесс, то связь между ними, хотим мы этого или нет, сводится к фатальной детерминации. Это единое на деле выглядит как сообщающиеся сосуды, в которых увеличение или уменьшение уровня в одной части автоматически ведет к увеличению или уменьшению уровня в другой части. Примерно в таком взаимодействии предстают развитие и сближение наций, согласно концепции, которая на сегодня доминирует в научной литературе.

Действительно, между сближением наций и их развитием существует органическая связь, в том смысле, что одно создает условия для другого, одно подводит к другому, одно предполагает другое. Но как явления они отделены друг от друга во времени и пространстве и в этом плане не тождественны, не синхронны в своей эволюции, а следовательно, каждое из них обладает наличным бытием, определенностью и относительной самостоятельностью. Это, однако, не означает, что они должны рассматриваться изолированно. Мы же лишь говорим о возможности постановки этой проблемы. В первые годы Советской власти, когда была создана система национальных советских республик, объединенных на федеративных началах, сплочение и сближение наций

и народов нашей страны были актуальнейшей практической задачей. Тогда закладывались основы развития наций и национальностей, и это развитие мыслилось как возможный результат сплочения и единения народов.

Развитие и сближение наций неправомерно считать, по крайней мере, теперь, в условиях зрелого социализма, сторонами одного явления и потому, что первое указывает на уровень и зрелость внутринациональных отношений, а второе относится к межнациональным отношениям. Субъектом развития нации является одна нация, а носителями сближения наций – две или более. Более того, понятие развитие нации включает национальную жизнь в целом в ее основных показателях, тогда как сближение наций охватывает лишь область взаимоотношений национальностей, а в них – показатели союза и единения.

Если бы расцвет и сближение наций являлись лишь сторонами одного явления, то понятие сближения социалистических наций могло быть определено и через расцвет наций, и наоборот. Такое, если и возможно, то только условно и применительно к развитым периодам социалистических национальных отношений, когда процессы развития и сближения наций в наибольшей степени сходятся друг с другом, покрывают друг друга прежде, чем разделиться и продолжать движение по своим внутренним законам. Отсюда понятно, что сближение наций нельзя привязывать к их расцвету, тем более выводить из последнего, хотя, как было уже сказано, связь между ними органическая и самая тесная. Сближение социалистических наций как процесс может опережать развитие наций и отставать от него. Точно так же и развитие наций не обязательно совпадает с уровнем сближения наций. Развитие и сближение наций как единая, нераздельная проблема могла быть поставлена и рассмотрена только на определенных этапах развития социалистического общества, когда они выступали как дополнения и обуславливали друг друга.

Смысл и содержание тесной и неразрывной связи между сближением социалистических наций и их развитием (расцветом) заключаются в том, что ни одно из них как явление

не может просуществовать друг без друга долго. Сближение наций должно быть подкреплено и основано на развитии и расцвете наций. И наоборот, расцвет наций должен опираться на их сближение и привести к еще большему сближению. Поэтому изучать, скажем, проблемы сближения наций нельзя вне связи и вне системы отношений прогресса наций. При изучении проблемы развития и расцвета наций в поле зрения исследователя всегда должны находиться вопросы сближения наций и конкретного вклада такого развития в углубление процесса сближения наций.

Подход к сближению наций и их развитию (расцвету) как к явлениям относительно самостоятельным позволяет ставить вопрос об их соотношении и роли каждого из них в системе складывающихся отношений. А при рассмотрении развития и сближения наций как слитного явления такая постановка не основательна, ибо достаточно познать одно из них, и из его свойства можно вывести и другое.

Таким образом, дать определение понятия «сближение наций» невозможно без учета соотношения развития (расцвета) социалистических наций и их сближения, меры влияния их друг на друга в условиях зрелого социализма. Вопросы эти в литературе ставились неоднократно, но решались в большинстве своем в русле общепринятого положения о том, что экономические и социальные отношения составляют основу развития как общества, так и национальностей, и определяют содержание и уровень сближения социалистических наций. Научное познание проблемы должно развиваться от общих истин к познанию отдельного и частного, их сложной связи. В данном случае для нас важно уяснить вопросы первенства, основы в отношениях расцвета и сближения социалистических наций.

То, что первично в общественных и личностных отношениях, не всегда первостепенно по своей значимости в данный момент и конкретный период развития этих отношений. Точно так же то, что составляет основу отношений и играет роль фактора – причины в них, не всегда может иметь основное значение. Под первенством в основном подразу-

меваются положение явления, его ценность, определяемая общественным интересом.

В отношениях развития и сближения наций первичным является развитие, поскольку в нем заключены экономические и социальные факторы. В конечном счете, а следовательно, и в общетеоретическом плане именно они определяют природу сближения наций. Определяясь уровнем развития и расцвета национальной жизни сближение наций как отношение становится главным интересом, занимает первенствующее положение в системе этих отношений. Это вытекает из того, что главное в национальной политике КПСС и Советского государства – это все большее сближение социалистических наций и народов, их единение, а в перспективе – слияние. Эта глобальная цель на каждом этапе развития советского общества выступает как конкретная расчлененная цель, включающая особенности каждого данного периода и определяющая магистральную линию интересов в национальном вопросе.

Понятие «первичное (первенствующее)» часто употребляется по отношению к структуре процесса для определения места входящих в него элементов в их взаимосвязи, тогда как понятие «основа» выражает первопричину процесса, которая может лежать вне этого процесса, но определяет его суть и характер. То, что составляет первичное в системе определенных отношений, не обязательно является их основой. Основой развития национальных отношений в целом, а в их системе отношений развития и сближения наций, являются экономический строй и возвышающаяся над ним социально-политическая организация общества. Поскольку отношения расцвета и сближения наций уходят корнями в экономическую и социально-политическую систему общества и определяются ею, постольку они являются в известной степени и носителями свойств, черт этой системы в формах, присутствующих этим отношениям. Следовательно, развитие нации включает в себе и экономические, и социально-политические мотивы и факторы. В этом плане правомерно говорить об экономическом, социальном, культурном, интеллектуальном развитии нации, имея в виду при этом только аспекты ее

натуросодержания, являющегося вторичным содержанием по отношению к основам и основным определениям общества в целом.

Теоретически и практически важными, но мало разработанными (если не сказать вовсе неразработанными) являются вопросы о субъекте национальных отношений и о субъекте отношений сближения наций в масштабе страны (в многонациональном социалистическом государстве) и в рамках ее регионов и частей (в национальных республиках). Субъектами отношения сближения наций в общесоциальном плане выступают все нации, а в политико-правовом отношении – национальности, имеющие свои государственные формы и образования. Субъектами Союза ССР являются объединившиеся в этот союз республики, хотя СССР есть Родина и отечество всех национальностей, населяющих его территорию. Процессом сближения наций охватываются все народы нашей страны. В самом процессе сближения, безотносительно к субъектам, всегда есть какой-то решающий участок. Не все пласты отношений внутри процесса сближения наций в одинаковой степени зрелы и развиты. В политике сближения наций имеются основные и не основные звенья, главные узлы, посредством которых приводятся в движение все элементы процесса, подтягиваются одни части к другим. В нашей стране все нации и народы равны, ни одна из них не обладает преимуществами или привилегиями. Но поскольку нации, народы страны занимают неодинаковое место в экономике, социальной жизни, науке и образовании, культуре в целом, различен их вклад в общий фонд страны, то они занимают неодинаковое место в общественно-политической структуре страны при полном равенстве их политического и правового положения в ней.

При выведении и определении понятия «сближение наций» приходится учитывать не только его общетеоретические аспекты, но и конкретную реальность. Сближение социалистических наций плодотворно, если оно ведет к установлению самых тесных братских отношений между ними, а в перспективе к такому слиянию, когда люди, отод-

винув этнические, исторические и географические различия, будут жить и руководствоваться едиными высокими идеалами, едиными гуманными принципами. Такое сближение возможно только на основе социалистического интернационализма. Общеконцептуальное значение в вопросе о социалистическом интернационализме имеет указание В.И. Ленина о том, что «никакого закрепления национализма пролетариат поддерживать не может, – напротив, он поддерживает все, помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок, все, делающее связи между национальностями теснее и теснее, все, ведущее к слиянию наций».¹

Понятие социалистического интернационализма применительно к каждому историческому этапу развития борьбы пролетариата в СССР имеет конкретную структуру. Единство советского общества, понимаемое в первую очередь как интернациональное единство общества в целом, а также и групп и членов, его составляющих, является величайшим завоеванием социализма. Можно утверждать, что в основе всех завоеваний и успехов нашей страны лежит единство народов советского общества.

Интернациональное единство многонационального советского общества – многоструктурный развивающийся процесс, в котором определяющая роль принадлежит сближению наций. Приемлемо не всякое сближение наций, а только такое, которое ведет к интернациональному их сплочению и единству социалистического общества. Следовательно, процесс сближения наций необходимо рассматривать в срезе интересов и целей углубления и развития интернационального единства советского общества.

Национальная политика КПСС, основанная на марксистско-ленинском учении, при определении конкретных форм и методов развития национальных отношений на каждом этапе развития социалистического общества исходит из главной задачи всестороннего сближения и слияния наций. Слияние наций невозможно без сближения. В то же время

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 133.

сближение и слияние наций взаимосвязаны: сближение включает элементы слияния наций, и наоборот, процессы, выражающие слияние наций, предполагают определенный уровень их сближения. Отсюда, однако, не следует, что вначале решается вопрос сближения наций, а потом только начинается решение задачи их слияния. Сближение наций ведет к их слиянию, первое выступает как момент второго.

Сближение и слияние социалистических наций ничего общего не имеют с насильственной ассимиляцией национальностей, с поглощением более сильной и организованной нацией национальных меньшинств, как это происходит в условиях капитализма. Основным содержанием и предметной формой проявления сближения и слияния наций в условиях социализма является углубляющееся единство целей, интересов, установок и идей в борьбе за развитое социалистическое общество, за коммунизм. В набросках проекта Программы РКП(б), предложенных VIII съезду партии, В.И. Ленин писал, что «в национальном вопросе политика завоевавшего государственную власть пролетариата... состоит в неуклонном фактическом проведении в жизнь сближения и слияния рабочих и крестьян всех наций в их революционной борьбе за свержение буржуазии».¹

Сближение социалистических наций – развивающееся понятие, тесно связанное с содержанием исторической эпохи социализма. Оно выражает не только сущность социалистического общества, но и конкретного этапа его развития. В содержании сближения наций на первый план выступают то одни, то другие компоненты в зависимости от уровня развития социализма в целом, национальных отношений в особенности. Поэтому непременным условием определения понятия сближения социалистических наций является анализ конкретно-исторических условий и уровня зрелости национальных отношений и взаимосвязи национальностей.

В СССР построено развитое социалистическое общество – общество зрелых общественных отношений, в котором, как зафиксировано в Конституции СССР, «на основе сближения

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 111.

всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность – советский народ».¹ Произошли в жизни общества и всех народов, населяющих нашу страну, колоссальные перемены, преобразовавшие взаимоотношения классов, социальных групп и национальностей, на основе которых сложились и утвердились более высокие формы человеческого общежития. Процесс сближения наций – одна из важнейших форм социалистического общежития, его ведущая составная часть в многонациональном Советском государстве.

Нельзя, разумеется, упрощать вопрос развития национальных отношений исходя из того, что они решены в условиях советской действительности полно и окончательно. «Проблема развития наций, национальных отношений, – как верно указывает М.И. Куличенко, – в условиях зрелого социализма остается чрезвычайно сложной, по самой своей природе противоречивой».² Сложность проблемы он видит не только в сложности самой природы национальных отношений, но и в том, что она тесно связана с политической жизнью общества, общественным сознанием и социальной психологией, в сфере которых переплетаются передовое и отсталое, новое и старое. «Кроме того, – указывает автор далее, – в разработке и понимании проблемы остается ряд слабо или совсем не изученных вопросов, не осмысленных должным образом с теоретической и методологической точек зрения».³

Современная теория сближения наций исходит из трех факторов: во-первых, из концепции развитого социализма и теории развития национальных отношений; во-вторых, из стратегии партии и государства в национальном вопросе; в-третьих, теория сближения наций аккумулирует конкретно исторический уровень развития национальных взаимосвязей со всеми их противоречиями. Не столько учет этих факторов, сколько научный синтез определяет содержание теории

¹ Конституция СССР. (Основной Закон). М., 1978, с. 4.

² Куличенко М.И. Расцвет и сближение наций в СССР. 1981, с. 13.

³ Там же.

сближения наций. Причем третий из указанных факторов составляет особенность, специфику теории в современной постановке.

Нам представляется, что ряд исследователей, правильно ориентируя теорию сближения наций на конечную цель в развитии национальных взаимосвязей и полагаясь на общетеоретические концепции зрелого социализма, не всегда учитывает специфику повседневной национальной жизни, ее сильные и слабые стороны, ее трудности и противоречия. Некоторые полагают, что с окончательным решением национального вопроса в нашей стране отпала необходимость вдаваться в детали национальных отношений, поскольку последние развиваются якобы по намеченному пути, не встречая особых трудностей и преград. Не этим ли объясняется то, что исследования процессов национальной жизни во многом несовершенны по методике? «Кое-где еще сохранились привычки подгонять жизнь под абстрактные схемы, – писал журнал «Коммунист», – обходить рождаемые ею проблемы и противоречия вместо того, чтобы, как и требовал Ленин, вдуматься, «почему жизнь пошла так, а не иначе», и на этой основе давать теоретически обоснованные ответы для практической работы».¹

Сближение наций – не только теоретическая, но и проблема повседневной политики и управления обществом, а задача теоретиков – давать обоснованные разработки для руководящих органов и практиков, направлять развитие национальных отношений и интернационального единства советских народов наиболее оптимальными способами. Теория сближения наций тогда только плодотворна и эффективна, когда выражает жизненные процессы во всех ее проявлениях и противоречиях, если отражает развитие самих процессов взаимосвязей и взаимоотношений национальностей в условиях развитого социализма.

Приходится констатировать наличие известного отрыва теории сближения наций от жизни, который больше всего выражается в забегании вперед. Это проявляется и в пони-

¹ Коммунист, 1981, № 13, с. 9.

мании сближения наций как преодоления различий и расхождений, как системы сближения их экономик, культур, образа жизни, традиций, территорий, т. е. всего того, что составляет отдельное, особенное в национальном. Слабо разграничивается основное и второстепенное в структуре частей и компонентов, составляющих единый процесс сближения наций.

Новая историческая общность – советский народ, - включающая все нации СССР и, по существу, являющаяся отражением определенного этапа развития их взаимоотношений, «представляет собой более высокую интернациональную общность единства всех наций и народностей»,¹ что ставит перед необходимостью рассматривать сближение социалистических наций в плане теории сложения общности.

Как всякое понятие, сближение наций есть единство процесса и результата, т. е. единство развития межнациональных отношений, последовательных изменений форм их взаимодействия и фиксации (закрепления) этого процесса в сформировавшейся новой исторической общности людей, ее социально-экономической структуре, системе государственно-правового, политического, морального и других форм социального регулирования и, наконец, в формах сознания, в духовном облике человека, преодолевающего локальные рамки узконационального бытия. Процесс освобождения индивидов, групп и наций от ограниченности локального развития и интеграции их в общности более высокого уровня является, однако, лишь абстрактной посылкой для конкретного исторического рассмотрения реальных этносоциальных общностей, путей, способов и форм их интеграции.

Когда речь идет об историческом процессе сближения каких-то общностей (родов, племен, народностей, наций или же собственно социальных групп, сословий, классов и т. п.), то в конечном итоге имеется в виду процесс преобразования общностей одного уровня, более низкого, в общность широкую, более высокого уровня. Иначе говоря, в конечном итоге

¹ Ленинизм и национальные отношения в современных условиях. М., 1974, с. 365, 366.

имеется в виду процесс становления новой исторической общности людей. Сближение наций в общесоциальном плане представляет собой исторически закономерный процесс формирования общности людей, соответствующей данному способу производства, достигнутому уровню общественно-го развития, характеру способов и форм их взаимодействия.

Характер сближения наций буржуазных и наций социалистических существенно отличается, что обусловлено прежде всего различием экономических, социальных, политических условий. Антагонизм буржуазного способа производства обуславливает антагонизм национальных отношений. Социализм, наоборот, снимает антагонизм между материальным производством и обменом, с одной стороны, и национальными отношениями – с другой. Более того, первое является условием сближения наций и перехода его в гармонически организованную общность.

Сближение социалистических наций есть процесс формирования интернациональной общности людей, основанный на социалистическом способе производства и социалистических общественных отношениях и заключающийся в сознательно регулируемом развитии отношений равенства наций и народностей во всех сферах социально-политической, экономической и культурной жизни, процесс, порождающий общие интересы, реализующиеся в свободной деятельности наций и народностей в социально-организационных, государственно-правовых, нравственных и других формах, соответствующих достигнутому уровню межнационального единства.

Сближение социалистических наций есть такая стадия их развития, когда целостная национальная общность включается в качестве органической части в общность более широкую, более высокого уровня и воспроизводит в своей жизнедеятельности собственную целостность как момент интернациональной общности.

Сближение социалистических наций как объективный процесс началось с первых же дней Октябрьской социалистической революции, с этого времени проблема стала одной

из важнейших в составе социально-политического развития социализма. Политика партии и государства по укреплению дружбы народов, их братского сотрудничества, сближения социалистических наций, проводившаяся в условиях борьбы за социализм, обеспечения его полной победы и дальнейшего развития, была во всех отношениях успешной. Процесс сближения наций неуклонно развивался вглубь и вширь, становясь все содержательнее. Соответственно этому и та общность, которая характеризовала это сближение, переходила в своем развитии от одной ступени к другой, превращаясь в общность все более прочную, монолитную. Советский народ включает в себя социальную и этническую общность, и поэтому она представляет этносоциальную общность, а сближение наций, являясь полиэтнической общностью, составляет важнейшее основание общности советского народа и образующий ее элемент наряду с социальной общностью. Между советским народом как этносоциальной общностью и сближением наций как полиэтнической общностью существует прямая и обратная связь. Развитие советского народа обуславливает развитие сближения наций. А укрепление полиэтнической общности как результат сближения наций служит укреплению и развитию советского народа как исторической общности.

Идейно-политическое, мировоззренческое единство – главное в содержании и структуре сближения наций

Сближение наций может быть расчленено на экономическое, культурное, социальное, политическое, идейное, территориальное сближение и т. д., каждое из которых представляет срез, качественную сторону целого – сближения наций. Они взаимодействуют между собой и взаимодействуют в целом. Место каждого из них в целом – в сближении наций может быть определено двояко: со стороны объективных связей между ними и со стороны предъявляемого к ним интереса. Объективная связь между ними выражает внутреннюю логику общественного развития, а интерес – субъективное в объективном. В данном случае нас интересует проблема интереса в подходе к сближению наций, интерес, который является продуктом конкретных совокупных исторических условий, с изменением которых изменяется его содержание и направленность. В.И. Ленин писал, что «различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма.... Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит преобладание интереса к той или другой стороне».¹

В период существования независимых советских республик, взаимоотношения которых регулировались в основном двусторонними договорами, на первый план в сближении наций и народностей страны выдвигалось политическое их сближение. Оно соответствовало усиливающемуся объединительному движению, приведшему к образованию Союза Советских Социалистических Республик. В дальнейшем по мере укрепления социализма и союзного государства в качестве главной задачи встало экономическое сближение советских республик и наций как решаю-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 128.

щее условие преодоления их обособленности и углубления единения. В.И. Ленин указывал, что «целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их».¹ Основой преодоления обособленности наций являются ликвидация их фактического экономического неравенства, выравнивание уровней темпов их развития, обеспечение ускоренного их прогресса, с тем чтобы ликвидировать принципиальные различия между окраинами и центрами. Эта задача успешно осуществлена.

В сближении наций, как в любом другом сложном социальном явлении, присутствуют главные и неглавные элементы, определяемые особенностями процесса сближения наций и интересами, обусловленными конкретными условиями, задачами, решаемыми в области национальных отношений. Главные в данный исторический период элементы определяют во многом содержание понятия сближения социалистических наций.

В ленинской теории и политике решения национального вопроса в условиях послереволюционной России первостепенное место занимало политическое самоопределение народов вплоть до отделения. Эта форма решения национального вопроса с необходимостью была подсказана самой жизнью и выведена из конкретных условий развития межнациональных отношений как организационно-политическая структура, верно и оптимальным путем ведущая к основной цели – к объединению и сплочению национальностей на базе идей социалистической революции и Советской власти.

В.И. Ленин отстоял в борьбе и развил учение о самоопределении народов применительно к условиям подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического развития многонациональной России. Требование самоопределения наций, по выражению В.И. Ленина, играло «не меньшую роль в нашей партийной агитации, чем, например, вооружение народа, отделение

¹ Там же, т. 27, с. 256.

церкви от государства, выбор чиновников народом и другие так называемые обывателями «утопические» пункты».¹

Лозунг самоопределения народов выражал принципы пролетарского интернационализма, вернее, был его проявлением в национальном вопросе. Без признания права наций на самоопределение «признание равноправия наций и интернациональной солидарности рабочих, – как указывал В.И. Ленин, – было бы на деле лишь пустым словом, лишь лицемерием».²

Самоопределение угнетенных народов России не есть разделение или разобщение национальностей, не есть возведение национальных «хат» и границ, изолирующих их друг от друга. Это в корне противоречило бы интересам этих же национальностей и ничего не изменило бы в сущности старых национальных отношений: угнетение национальности чуженациональными группами было бы заменено угнетением народа «своими» национальными элементами, т. е. угнетение осталось бы неизменным. Как не раз указывалось в трудах В.И. Ленина, марксисты провозглашают лозунг самоопределения угнетенных народов «вовсе не потому, что мы за отделение их, а только потому что мы за свободное, добровольное сближение и слияние, а не за насильственное. Только поэтому!».³

По мере осуществления ленинской программы самоопределения ранее угнетенных народов России – образования системы национальных советских республик и их укрепления – набирало темпы и все больше росло движение за объединение и союз этих самоопределившихся национальностей и республик. В центре объединительного движения народов и их республик находилась Советская Российская Республика, которая была учреждена «на основе свободного союза свободных наций как Федерация Советских национальных республик».⁴ Исторической заслугой В.И. Ленина

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 57.

² Там же, т. 27, с. 63.

³ Там же, т. 30, с. 120.

⁴ Там же, т. 35, с. 221.

является открытие и обоснование федеративного устройства Советского государства, разработка основных принципов и условий, на которых могло быть осуществлено политическое объединение советских национальных республик. «Республика русского народа, – писал В.И. Ленин, – должна привлекать к себе другие народы или народности не насильем, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства. Единство и братский союз рабочих всех стран не мирятся ни с прямым, ни с косвенным насильем над другими народностями».¹

Образование Союза Советских Социалистических Республик явилось триумфом ленинской национальной политики и его детищем. Оно олицетворило высшую форму государственного объединения свободных советских республик. Это имело крупное значение в дальнейшем сплочении и сближении советских народов, в обеспечении процесса развития их социально-экономического, идеологического и политического единства.

Во всех ленинских работах в вопросе сплочения и сближения национальностей идет ли речь об объединении и единстве действия революционных сил, пролетариев и полупролетариев этих национальностей, во главу ставится идейно-политический момент. Никакое объединение и сплочение национальностей, тем более их сближение, невозможно без единства интересов и целей, фиксируемых в их идеологических установках и взглядах.

Сближение социалистических наций – это в первую очередь достижение духовного их единства и сплоченности на основе этого единства. Сами по себе экономические, социальные, культурные, государственно-правовые факторы только подготавливают реальные условия, служат формирующими объективными средствами духовного единства, идейной сплоченности народов.

Сближение наций представляет объективный процесс, не зависящий от волевых актов, т. е. по своей природе оно – продукт главным образом экономических отношений, которые

¹ Там же, т. 32, с. 154.

формируют интерес наций к объединению, союзу и сближению. Между экономикой и сближением наций существует ряд передаточных ступеней, пройдя через которые экономические отношения преобразуются в интересы, мотивы, идеи и осознанные действия, обеспечивающие сближение наций.

Сближение наций нельзя прямо, непосредственно вывести из общности их экономики и социальной жизни, из факта сближения их культуры и обычаев. Они являются необходимыми условиями функционирования сближения наций, определяют в конечном счете его характер и направление движения и развития, создают реальную возможность для дальнейшего сближения социалистических наций, но не являются самой действительностью этого сближения, которая должна быть еще реализована как таковая, как действительность идейно-политического и мировоззренческого единства наций.

При рассмотрении сближения наций как сближения всех сторон их экономической и культурной жизни возможно смешение двух вопросов: о содержании и бытии сближения наций как относительно самостоятельного явления и об основаниях и факторах, на которых вырастает и которыми в конечном счете определяется это явление. В первом случае речь идет о внутренней организации сближения наций, а во втором – о системе, которая включает и само сближение наций как свой момент. В первом случае речь идет о внутреннем по отношению к явлению, а во втором – о внешнем.

Сближение социалистических наций прежде всего есть сближение идейно-политическое в самом конкретном и широком смысле, ведущее ко все большему упрочению и углублению социалистических идейных позиций, к единомыслию и на этой основе к единству и общности народов СССР. Идейно-политическое сближение наций не снято с повестки дня социализма, и оно еще долго будет определять основное направление и содержание процесса сближения наций, ослабление внимания к этому вопросу или попытка игнорировать идейно-политический фактор во взаимоотношениях национальностей в процессе их сближения могут

отрицательно сказаться на развитии национальных отношений.

Чтобы связи между социалистическими нациями становились все теснее, а отношения между ними были скреплены чувствами единства и братства, они должны все глубже и глубже проникаться идеалами социализма и социалистического интернационализма, которые должны стать правилами общежития, нормой повседневного поведения. И на современном этапе развития социализма в содержании сближения наций идейно-политические, мировоззренческие мотивы занимают ведущее положение. Именно они определяют уровень и глубину зрелости процесса сближения социалистических наций.

Тот факт, что в СССР идеология марксизма-ленинизма победила, ставит с необходимостью задачу еще более глубокого овладения ею. Идеология имеет сложную структуру, охватывающую все основные сферы жизнедеятельности людей и общества, начиная от идей политических, кончая идеями общежития и общения в макро-, микросоциальных системах. Овладеть идеологией, освоить и превратить ее основные институты в правила общественной жизни личности и индивида потребуют и условия, и время. Идеология – развивающееся явление. С развитием социализма развивается и его идеология, обогащаясь все новыми фундаментальными идеями и положениями. Более того, она развивается и обогащается в борьбе с противоречиями. Овладение идеологией социализма – процесс неустанный и непрерывный. Все усиливающееся идеологическое противоборство двух систем на мировой арене так или иначе отражается на жизни нашего общества и в том числе на межнациональных отношениях. Не изжиты факты национализма, проявляющиеся в идеализации прошлого, повышенного интереса к исключительности национальной самобытности, выпячивании местнических интересов в ущерб общесоюзным. Сказываются и еще долго будут сказываться в жизни традиции, обычаи, различие в мироощущении, питающие отдельные отклонения от норм социалистического общежития.

В основе развития национальных отношений, а следовательно, и сближения социалистических наций лежат идеи и принципы социалистического интернационализма. Понятия «пролетарский интернационализм», «интернационалист» выражают высокую, гуманную идею братства и дружбы на путях создания социалистического и коммунистического общества, источником и носителем которых во всей полноте содержания является революционный рабочий класс. В.И. Ленин слова «интернационалист» и «революционный рабочий» употреблял как синонимы.¹ Пролетарский интернационализм является системой политического сознания, поскольку он выступает как отражение в первую очередь революционности и революционного действия рабочего класса, объединяющего вокруг себя отряды рабочих других национальностей в борьбе за торжество социалистических идеалов. Переход на идейные позиции рабочего класса различных слоев трудящихся масс различных национальностей составляет основу и условие их братского союза и единства действия.

Социалистический интернационализм как качественно новый этап в развитии пролетарского интернационализма, обусловленный существованием системы стран социализма и строительством зрелого социализма в отдельных регионах этой системы, как политическое сознание и учение обогатился новым содержанием, превратившим его в еще более действенную силу сплочения трудящихся в межнациональных отношениях.

Следуя ленинскому указанию о том, что «единство рабочих, единство интернациональной классовой борьбы пролетариата бесконечно важнее, чем вопрос о государственных границах»,² можно сказать, что на современном этапе развития зрелого социализма дальнейшее углубление интернациональной дружбы и братства между советскими нациями и народностями и на этой основе подъем на более высокий

¹ См.: Целищев Н.Н. Великая сила пролетарского интернационализма. М., 1978, с. 9.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 439.

уровень их идейно-политической сознательности и единства составляют основное содержание процесса сближения наций, развивающегося на путях к полному единству и слиянию.

ГЛАВА II

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СБЛИЖЕНИЯ НАЦИЙ

Сближение социалистических наций, как и всякий социальный процесс, первоначально фиксируется во внешних формах. Поскольку существенным моментом этого процесса являются межнациональные политико-правовые отношения, то в юридических исследованиях сближение наций рассматривается прежде всего через призму внешней организации государственного единства, через форму государственного устройства. Распространенный взгляд, что содержанием юридической науки является форма, в этом случае имеет некоторые основания, но он становится неправомерным при исследовании происхождения, генезиса государственных форм.

Советский федерализм в качестве государственной формы решения национального вопроса обеспечивает создание оптимальных условий для свободного развития и сближения советских наций и народностей, достижения их полного единства. Однако утверждая, что советская федерация есть форма государственного единства наций, мы тем самым высказываем лишь самое общее, формальное суждение, поскольку всякая государственная власть в известном смысле воплощает единство общества. Конкретный же характер становления и развития единства общества (в данном случае - межнационального единства), его конкретная властно-организационная форма и функциональное обеспечение составляют предмет не формального, а содержательного рассмотрения. Но и такой подход ни в коей мере нельзя ограничивать анализом внешней формы государственного единства, даже если последняя максимально соответствует ее социальному содержанию.

Прогресс в формах государственного, политико-правово-

го развития советских наций и народностей и становление их социально-культурной, духовной общности составляют единый процесс, источник которого заключен во взаимодействии объективных закономерностей и субъективных факторов развития социалистического общества. Следовательно, сущность социалистического федерализма нельзя уяснить, не рассмотрев движущие силы данного процесса. В них заключены общие предпосылки адекватного теоретического отражения сути национальных и общесоциальных отношений как источника образования и развития самих федеральных институтов и норм, а также характера и способов воздействия последних на рассматриваемые отношения.

Историзм как метод исследования явлений социальной жизни предполагает исследование вопроса о назначении и задачах социалистического федерализма не только через призму развития объективных процессов межнациональных отношений, но и в контексте идеологического отражения их, и прежде всего развития марксистско-ленинской теории национальных отношений вообще и теории федерации в частности. Это означает прежде всего необходимость точной исторической и логической интерпретации сути самой идеи федерализма. Дальнейшее рассмотрение должно показать, каким образом идея социалистического федерализма реализуется в конкретной форме федеративной организации государственного единства советских наций и народностей и воспроизводится в интегративной функции единого союзного многонационального государства, в организации и функциях национальной советской государственности.

Идея социалистического федерализма в развитии и сближении наций

Советская федерация, СССР - эти понятия сегодня стали привычными в сознании советского народа, отражающем сложившуюся общность межнациональной жизни. Существование этой общности воспринимается как нечто естественное, несомненное. Обыденное сознание, как правило, не останавливается на этом феномене общественной жизни, подобно тому как здоровый человек не обращает внимания на то, как он дышит, двигается, разговаривает. Восприятие этой общности как естественной предполагает, что в ее основе заложена идея огромной жизненной силы и глубины, отражающая самые существенные начала, интересы и потребности людей, наций, народов. Правильное научное понимание и всеобщее осознание сути этой идеи, содержащихся в ней возможностей, направленности и пределов развития - необходимая предпосылка активного, заинтересованного отношения к дальнейшему укреплению единства советского многонационального государства, единства советского народа.

Принято считать, что политическая идея, не воплотившаяся еще в жизнь, не ставшая фактом повседневных, привычных отношений, требует четкого определения. То же можно сказать и об идее, воплощенной, но развивающейся, воспроизводящейся не только в рамках, нормативно установленных, но и в нерегулируемой сфере отношений. В политических документах и научных исследованиях последних лет социалистический федерализм понимается и рассматривается как явление развивающееся, не исчерпывающееся сегодняшними формами, проявлениями и возможностями. В юбилейном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова «Шестьдесят лет СССР» отмечалось, что далеко неисчерпаны возможности, открываемые объединением республик в единый союз.¹ Выявление возможностей,

¹ См.: Андропов Ю.В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 11.

оптимальных путей и способов их осуществления в качестве задачи теоретического исследования может, на наш взгляд, быть успешно реализовано при условии, если отправным пунктом исследования будет взята сама идея федерализма в ее ленинской формулировке и понимании и прослежен ее генезис в конкретной практике национально-государственного строительства. Необходимость такого подхода обусловлена тем, что социалистический федерализм - явление не только государственно-правовое, нормативное, но и политико-правовое, историко-социологическое. Следовательно, его содержание не полностью раскрывается через анализ соответствующих государственно-правовых (конституционно-правовых) норм и институтов и не может быть в полной мере выражено в понятиях и категориях этой отрасли права.

Зарождение идеи федерализма как осознанного выражения необходимости перехода от политических конфликтов и столкновений различных государственных образований к миру, свободному взаимодействию и сотрудничеству связывается обычно с эпохой капитализма, хотя государственные союзы были известны и прежним эпохам. Ранние конфедеративные и федеративные союзы преследовали, как правило, военные цели и, будучи объединением неоднородных политических и социально-этнических образований, носили спорадический характер. Идея образования федеративных объединений в буржуазную эпоху имела в виду созидательные, прежде всего экономические цели, а также политические идеалы нового времени, направленные против авторитарных режимов.

Исторически федерализм, начав складываться еще в средние века и развиваясь вплоть до нашего времени, следовал развитию практики межгосударственных отношений и первоначально был сформулирован как идея союза государств. Эта идея несла в себе прежде всего функцию обоснования необходимости и возможности мира между народами как способа их сосуществования.

Многочисленные проекты установления вечного мира так или иначе связывались с идеей союза государств. По

известному проекту (1713-1717 гг.) французского аббата Сен-Пьера, отношения вечного мира между европейскими государствами должны установиться посредством создания конфедерации.

Кант в своем трактате «К вечному миру», написанном в период заключения Базельского мира между Пруссией и Францией, в основу вечного мира положил союз народов, федерализм свободных государств. В задачу «Союза мира» он включал также поддержание и обеспечение свободы каждого государства. По его мысли, федерация «должна постепенно охватить все государства и привести таким образом к вечному миру».¹ Характерно, что в федерации Канта еще нет ни общих органов, ни общеобязательных норм. Союз не создает необходимости для входящих в него государств «подчиняться публичным законам и их принуждению».² Вместе с тем Кант рассматривал переход от состояния войны к мирному союзу народов как переход от не знающего законов естественного состояния к состоянию правовому. Развиваясь, государства вступают в союз в силу необходимости, подобно тому, как в свое время люди по необходимости объединились в государство, перешли к правовому союзу, соответствующему их моральному и политическому развитию. Если Сен-Пьер возлагал осуществление своего проекта на сознательных, миролюбивых государей, то Кант обосновывал союз государств как объективную необходимость, без осуществления которой «вечный мир», по ироническому замечанию философа, возможен лишь за кладбищенской оградой.

В период возникновения буржуазные федерации рассматривались также в качестве формы демократии в рамках больших государств. Шарль Монтескье, Жан-Жак Руссо усматривали в федерации возможность совмещения принципа демократии возможной, по их мнению, лишь в масштабах небольшого государства и в форме непосредственного или к нему приближающегося народоправства с принципом безо-

¹ Кант И. Сочинения в шести томах. М., 1963-1966, т. 6, с. 274.

² Там же.

пасности, осуществимой лишь в крупном государстве. Как защиту прав штатов от излишней централизации трактовал Томас Джефферсон общедемократическую программу Соединенных Штатов. Собственно политическим содержанием понятия «федерация», таким образом, была демократия, противопоставленная централизму.¹

Идея федеративного союза государств развивалась в рамках так называемой теории международного общества, заключавшейся в обосновании необходимости общей принудительной власти и общих правовых норм. Всемирная республика Конта, основанная на свободном сотрудничестве «социократии» (режим власти, свободный от республиканского анархизма и аристократической реакции), предполагала создание постоянного органа, который бы предупреждал и разрешал конфликты и содействовал сотрудничеству народов.

Д. И. Каченовский рассматривает федерацию уже как органическое целое, связанное основными законами и учреждениями и призванное служить могущественным орудием прогресса. Для этого народы должны образовать политическую систему и признать над собой господство определенных начал права.²

Последующее развитие идеи федерализма связано с расширением и углублением экономических связей, формированием мирового рынка. Политическое объединение начинает рассматриваться как необходимое следствие складывающегося мирового хозяйства, требующего мирного сотрудничества на началах равноправия народов.³ В соответствии с этим и идеи интегрирующей функции федерализма включали все более широкий круг аспектов развивающихся межгосударственных отношений, отражающих реальные потребности сотрудничества народов.

¹ См. Левин И.Д. Суверенитет. М., 1948, с. 299-307 и др.

² См.: Каченовский Д.И. О современном состоянии политических наук на западе Европы и в России. Харьков, 1862, с. 100-101.

³ Идея равенства вообще есть отражение отношений товарного производства. (См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 162),

В реальных федеративных союзах, складывавшихся на базе буржуазного национального развития, нелегко было узнать те идеальные модели и теоретические конструкции благонамеренных мыслителей, в которых государственные союзы представлялись как средство для обеспечения общего блага народов.

Теоретически федерация возникает из договорного отношения государств, предполагающего равенство и свободное волеизъявление сторон, и прекращается на тех же основаниях. Фактически буржуазные федерации создавались путем насильственного объединения земель, штатов, кантонов и т. д., отношения между которыми складывались на основе силы, а не права. Формально-правовое закрепление созданных таким путем союзов мало что изменяло в характере их действительных внутренних отношений.

Реальные буржуазные федерации очень скоро разрушили либеральные иллюзии, в которых федеративная республика представлялась как государственная форма, обеспечивающая более широкие в сравнении с унитарным государством демократические права и свободы гражданам и их объединениям, социальный и межнациональный мир и согласие.¹ По признанию К. Хессе, традиционное понятие федерации «с трудом может объяснить необходимость существования современного федеративного государственного строя, даже несмотря на выдвигаемые все новые его аспекты».² Новое понимание функций федерализма заключается в трактовке его как средства организации и оказания помощи и поддержки демократическому и государственному правопорядку, т. е. имеет субсидиарное назначение.³

Возникшая в условиях монополистического капитализма новая форма федерализма в основных тенденциях практически смыкается с унитарными формами государственного

¹ Общее обоснование федерализма здесь усматривается в том, что в нем видят известную гарантию демократии, сдерживающей бездушный бюрократический централизм. (См.: Левин И.Д. Указ. раб., с. 310).

² Хессе К. Основы конституционного права ФРГ. М., 1981, с. 115, 116.

³ См. там же.

устройства. «Тенденция к унификации и централизации выражает характерную политическую тенденцию монополистического капитализма, а именно факт перехода от демократии к олигархии, от самоуправления к бюрократическому контролю и централизации».¹

Взгляд, обращенный в историю развития теории и практики буржуазного федерализма, таким образом, обнаруживает, что буржуазия и в этой сфере деятельности создает себе мир по своему образу и подобию. Интересы экономические и интересы свободного, демократического развития народов мира и согласия между ними не уживаются, не сочетаются ни в федеративном, ни в централизованном демократическом государстве, если в основе их лежит хозяйственная организация, основанная на частной собственности и эксплуатации. В общие теоретические концепции федерализма как орудия мира, демократии, свободы народов каждая страна вносила свои поправки (причем далеко не всегда теоретическим путем: оружие критики часто заменялось критикой оружием), общим основанием которых нередко были частные, классовые, локальные, ограниченные интересы, представляемые в форме интереса всеобщего, общенационального, общегосударственного.

Принципиально новым этапом в развитии идеи федерализма стали работы классиков марксизма-ленинизма. Основоположники марксизма-ленинизма изучали вопрос о федеративной форме государственного устройства прежде всего под углом зрения организации единства пролетариата как предпосылки и условия социалистического обновления мира. При этом они исходили из объективного состояния национального развития в буржуазную эпоху, при котором буржуазия практически выбила из-под ног промышленности национальную почву, уничтожила национальные отрасли промышленности,² создала всестороннюю связь и зависимость наций друг от друга не только в материальном и

¹ Левин И.Д. Указ. раб., с. 308.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 427-428.

духовном производстве.¹ Общая картина предельно четко была представлена К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии»: «Буржуазия все более и более уничтожает раздробленность средств производства, собственности и населения. Она сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительством и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом, с одной таможенной границей».²

Из представленного объективного положения вещей вытекали столь же объективные выводы относительно путей и форм достижения целей пролетариата. «Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является сначала борьбой национальной».³ Он должен завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса («до положения ведущего класса нации» - в другом варианте), конституироваться как нация. В этом смысле рабочий класс национален, и задачи свои он должен решить сперва в рамках своей нации, своего государства. И здесь «...первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии».⁴

Далее следует логический вывод о том, что исчезновение национальной обособленности, начатое уже с развитием буржуазии, будет ускорено господством пролетариата: «вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой».⁵ Таковы объектив-

¹ См.: там же, с. 428.

² Там же.

³ Там же, с. 435.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 446.

⁵ Там же, с. 445.

но-исторические и научно-теоретические основания, общим выводом из которых было положение о том, что для целей освобождения и устройства пролетариата как политически господствующего класса предпочтительной является централизованная демократическая республика.¹ Этот общий вывод относился, однако, прежде всего к государствам однопациональным² и к государствам, в которых проблемы национальных отношений были решены общедемократическим путем. Для многонациональных государств с нерешенными национальными проблемами, конфликтами в качестве альтернативы выдвигалась федеративная форма устройства как переходная к демократическому централизованному государству. К такому выводу К. Маркс пришел после детального изучения ирландского вопроса. Он убедился, что здесь национальный вопрос не может быть решен ни общедемократическим путем, ни освободительным движением пролетариата. Только независимость Ирландии может стать путем к более тесному единству.³

Ф. Энгельс по вопросу о федеративной республике в связи с национальным составом населения писал: «По-моему, пролетариат может употребить лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная республика является еще и теперь, в общем и целом, необходимостью на гигантской территории Соединенных штатов, хотя на востоке их она уже становится помехой. Она была бы шагом вперед в Англии, где на двух островах живут четыре нации и, несмотря на единство парламента, существуют друг подле друга три системы законодательства... В Германии союзное государство есть переход к вполне единому государству».⁴ Вместе с тем федерацию Ф. Энгельс рассматривает как необходимость там, где государство охватывает «гигантские территории».

¹ Там же, с. 355, 464; т. 5, с. 42.

² Там же, т. 17, с. 343-344.

³ Письма К. Маркса по Ирландии и его выводы тщательно изучал и анализировал В.И. Ленин при теоретическом обосновании и практическом решении вопроса о государственном устройстве многонациональной России. - См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 307.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 238-239.

Таким образом, к вопросу о форме будущего государственного устройства пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс подходили прежде всего с точки зрения наиболее общих классовых целей и конкретно-исторических условий их осуществления каждой отдельно взятой страной. Форма государственного устройства - унитарная или федеративная республика - была значима в качестве средства достижения этих целей, существенным моментом которых было завоевание демократии. В какую именно форму устройства вольется пролетарская демократия, зависит от общего характера и культурного уровня развития страны, сложившихся социально-классовых и национальных отношений, их политико-правовых и прочих нормативных связей.

Идеи социалистического федерализма в ее конкретных институциональных, организационных и политико-правовых формах развил и применил в революционной практике В.И. Ленин. Одной из особенностей этого этапа развития было то, что рожденные теоретической мыслью политические, государственно-правовые понятия и категории носили конкретно-практический, конструктивный характер, им менее всего была свойственна отвлеченность, абстрактность формулировок, они давали определенный ответ на вопросы, поставленные революцией, тысячекратно ускоряющей ход исторического процесса. Разрыв между формулированием и «внедрением» открытий политико-правовой мысли сокращался до пределов, не мыслимых в период обычного развития государственных институтов и норм. «Поиск конкретных государственных форм, политических институтов, в которые нужно было облечь общие идеи и предпосылки национальной программы, проходил в острых спорах. Сталивались самые различные мнения - от программы рыхлого, аморфного объединения республик в рамках конфедерации до требования просто включить их в состав РСФСР на началах автономии. Понадобились гений и авторитет В.И. Ленина, чтобы найти и отстоять единственно верный путь - путь социалистического федерализма».¹

¹ Андропов Ю. В Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 5.

Сформулированная В.И. Лениным идея социалистического федерализма сочетала общие теоретические положения марксизма относительно оптимальной формы организации власти победившего пролетариата с конкретной практикой социально-классовых и национальных отношений в условиях России. Социальный смысл этой идеи заключался в том, что советская федерация принималась как необходимая, обусловленная объективным содержанием сложившихся в стране национальных отношений и целями их социалистического преобразования, государственная форма и политико-правовое средство объединения наций и народностей, различия которых не могли быть соединены в непосредственных формах единства государственной организации, норм и государственной деятельности.

Анализируя историю федерализма, В.И. Ленин пришел к убеждению, что «железные тиски государства» отнюдь не гарантируют желаемого единства, равно как и федеративный строй не обязательно означает разрушение национальных связей. Будучи сторонником централизованной организации государственного единства, «при прочих равных условиях»,¹ учитывая, что федерация в определенной мере «узаконяет особенность и отчужденность, возводит их в принцип, в закон»² (1903 г.), что раздробленность государства явилась одной из причин поражения первой русской революции³ (1908 г.), осознавая вредность разграничения наций в пределах одного государства⁴ (1913 г.) и опасность сепаратизма для России⁵ (1914 г.), В.И. Ленин одновременно признает федеративное устройство как приемлемую форму объединения национальных государств на Балканах⁶ (1913 г.), признает, что федерация не мешает единству США и Швейцарии⁷ (1914 г.), отстаивает пользу

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 229; т. 26, с. 100; т. 33, с. 72.

² Там же, т. 7, с. 266.

³ Там же, т. 17, с. 165-166.

⁴ Там же, т. 24, с. 238.

⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 324-325.

⁶ Там же, т. 23, с. 38-39.

⁷ Там же, т. 24, с. 324.

крупнейших государств и союзов государств¹ (1916 г.), приходит к мысли о возможности использования федерации как пути, ведущему к централизму² (1916 г.) и достижения цели сближения и слияния наций через свободный союз³ (1917 г.), и, наконец, делает вывод о допустимости федерации как переходной формы «к нейтралистской республике»⁴ (1917 г., «Государство и революция»). Официально идея федеративного объединения народов России была выражена в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» в январе 1918 г.: «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик».⁵ Во Второй программе партии суть и назначение советского федерализма были сформулированы следующим образом: «...Как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу».⁶ Состоявшийся в июле-августе второй конгресс Коминтерна признал федерацию в качестве «переходной формы к полному единству трудящихся разных наций».⁷

Содержание ленинских идей о федерализме в полной мере может быть понято только в контексте работ, касающихся общих начал демократического устройства государства. В. И. Ленин исходил из того, что демократическое устройство государства является необходимым условием национального мира уже при капитализме,⁸ а национальная рознь устраняется полным и последовательным демократизмом.⁹

Рассматривая демократизацию страны в качестве необходимого условия перехода к социализму вообще и в качестве

¹ Там же, т. 27, с. 440-441.

² Там же, с. 255-256.

³ Там же, т. 31, с. 167.

⁴ Там же, т. 33, с. 71-74.

⁵ СУ РСФСР, 1918, № 15, ст. 215.

⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1970, т. 2, с. 45.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 161 - 168.

⁸ Там же, т. 23, с. 320, 425; т. 24, с. 58-59 и др.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 38-39, 58-59.

общей предпосылки социалистического решения национального вопроса как вопроса о свободном развитии и сближении наций, В.И. Ленин исходил из того, что Россия относится к странам с нерешенными общедемократическими задачами и поэтому без последовательного проведения демократизма во всех сферах (политической, государственной и социальной) жизни в ней нельзя было осуществить демократии и в области национальных отношений.

Общедемократические институты и политико-правовые нормы, как это видно из партийных программ и многочисленных ленинских работ, заметок, тезисов, подготовительных материалов, касающихся национальных отношений,¹ должны были обеспечить: 1) установление политической и гражданской свободы и полного равноправия, независимо от национальности, расы, религии, пола, языка и т. д.;² 2) свободу политического самоопределения каждой национальности вплоть до отделения и образования самостоятельного государства;³ 3) демократическую организацию административно-территориального устройства, самоуправление и автономию областей, мест, отличающихся хозяйственными и бытовыми условиями, национальным составом населения;⁴ 4) гарантию прав национальных меньшинств.⁵

Утверждение демократических институтов и политико-правовых норм было, несомненно, существенным моментом реализации задачи преобразования национальных отношений на социалистических началах, поскольку обеспечивало равенство всех национальностей по отношению к государственным и правовым установлениям. Но столь же несомненным было и то, что эти установления означали формальное равенство фактически неравных наций и народностей, находящихся на различных стадиях и соответственно в

¹ Там же, т. 30, с. 111, 128; т. 31, с. 167-168; т. 33, с. 78-79; т. 38, с. 160-161 и др.

² Там же, т. 7, с. 104-105.

³ Там же, т. 38, с. 159-160.

⁴ Там же, т. 17, с. 165-166; т. 24, с. 145, 324-325; т. 31, с. 167, 168.

⁵ Там же, т. 31, с. 168.

различных формах движения исторического процесса, неравных, не одинаковых по уровню их экономического, социального, культурного и духовного развития.

Общедемократические институты и нормы предоставляют формально одинаковые условия для фактически неодинаковых по развитию национальностей. Развивающиеся на такой основе отношения объективно складываются как отношения неравенства, усугубляющегося веками культивированных национальных предрассудков, высокомерия одних и приниженности других, общего недоверия.

В.И. Ленин точно и ясно видел и определял действительные границы и возможности государственной демократии вообще. «Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управления им», - писал он в работе «Государство и революция».¹ Здесь же читаем относительно «равного права» как общенормативной основы социальных отношений: «Равное право» ...это еще «буржуазное право», которое, как и всякое право, предполагает неравенство. Всякое право есть применение одинакового масштаба к различным людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость».²

Можно ли было средствами общедемократических институтов и норм «равного права» достичь цели социалистического переустройства национальных отношений, обеспечить сближение и единство наций, имея в виду, что последнее возможно только на основе реального фактического равенства? Можно ли было реализовать программное требование партии об обеспечении фактического равенства наций и народностей названными средствами?

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 100.

² Там же, с. 93.

В этой связи в резолюции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу читаем: «Правовое национальное равенство, добытое Октябрьской революцией, является великим завоеванием народов, но оно не решает само по себе национального вопроса. Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отставших ввиду этого в хозяйственном и культурном отношении, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне...».¹

В последних работах В.И. Ленина, касающихся отношений фактически неравных национальностей настойчиво подчеркивается мысль о том, что решение этих проблем должно состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве их положения, которое возмещало бы складывающееся в жизни фактическое неравенство.² Для этого требуется такая государственная организация единства наций, при которой возможна реальная помощь извне для достижения равенства фактического.

Действительная помощь извне имеет смысл и обеспечивает ускоренное развитие наций при условии, что она осуществляется в таких политико-правовых и государственно-организационных формах, при которых выдерживается оптимальная мера самостоятельного развития наций и возможность ее свободного включения в равноправную и равноценную связь с другими нациями и государствами. Эта мера не постоянна и не может быть установлена априорно. Вот почему В.И. Ленин внимательно изучал опыт национально-государственного развития и межнациональных отношений, прежде чем сформулировал основные начала национально-государственного устройства Советского государства. Опыт политической истории многонациональных

¹ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2, с. 438.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 359.

государств показал, что функционирование общедемократических институтов и норм в качестве социальной предпосылки имеет устойчивые связи относительно равных по уровню развития индивидов, чьи взгляды, знания, ценности и нормы формировались в сравнительно одинаковых культурно-исторических условиях. Поэтому инациональные индивиды и их локальные объединения, сформировавшиеся в иной культурно-исторической среде, с иными ценностно-нормативными взглядами и установками не всегда могут быть непосредственно интегрированы в общий политико-правовой союз.

Сложность процесса объединения наций, невозможность однозначного решения проблемы их развития в общих унифицированных формах государственно-правовой организации не были самоочевидными. Многие считали лучшим способом решения этой проблемы централизованную республику, предлагали решить национальный вопрос в общедемократических формах, подобно Америке, объявившей всех «стопроцентными» американцами, вне зависимости от действительных отношений неравенства и зависимости. Л.Д. Троцкий вообще рассматривал строительство социализма в национально-государственных рамках теоретическим оправданием национальной ограниченности.

В.И. Ленин теоретически обосновал положение о том, что устройство демократической республики вообще предполагает в качестве общегосударственного принципа автономию и самоуправление мест,¹ а демократическое устройство многонациональной республики предполагает реальность свободы объединения национальностей и равенство как основание их взаимоотношений. Только на этих принципах может быть создан действительно свободный союз и действительное единство наций.²

Общим принципом государственного строительства, через призму которого В.И. Ленин рассматривал приемлемость

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 165-166; т. 24, с. 324-325; т. 31, с. 167-168 и др.

² Там же, т. 31, с. 167.

федерации и автономии, был демократический централизм. В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» Ленин писал: «Мы стоим за демократический централизм... Противники централизма постоянно выдвигают автономию и федерацию как средства борьбы со случайностями централизма. На самом деле демократический централизм несколько не исключает автономию, а напротив - предполагает ее необходимость. На самом деле даже федерация, если она проведена в разумных, с экономической точки зрения, пределах, если она основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную необходимость в известной государственной обособленности, - даже федерация несколько не противоречит демократическому централизму. Сплошь и рядом федерация при действительно демократическом строе, а тем более при советской организации государственного устройства, является лишь переходным шагом к действительно демократическому централизму».¹

Мера государственной централизации рассматривалась в ленинских работах конкретно-исторически, вообще и применительно к уровню и характеру развития наций и народностей России. Централизация при этом рассматривалась не как антипод демократизации, а вытекала из последней как необходимость; уровень возможной централизации соотносился с уровнем достигнутой демократизации. Исходя из такой установки, В.И. Ленин ставил вопрос о самоопределении слаборазвитых наций и народностей в форме автономии и федеративном союзе наций, организованных по советскому типу.² Автономия должна была решить существенную задачу классовой дифференциации слаборазвитых народностей и вопрос о конкретных носителях власти. В.И. Ленин неоднократно указывал на необходимость обеспечить свободу самоопределения и дождаться дифференциации этих наций³

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 151.

² Там же, т. 38, с. 156-162; т. 40, с. 98-100.

³ Там же, с. 159.

и предостерегал от попыток их насильственного расслоения.¹ Решение национального вопроса как вопроса о власти предполагало вовлечение трудовых элементов национальных областей в дело организации Советской власти, пробуждение в массах стремления к самостоятельному политическому мышлению и политической деятельности.²

Для развитых наций ставился вопрос о более совершенных государственных отношениях, а федерация рассматривалась как реальная форма демократии, обеспечивающая свободный союз свободных наций.

Теоретические искания и практический опыт обрели в конечном итоге конкретное выражение в двух формах федеративного устройства - автономии и свободного союза равноправных советских республик.³

Дальнейший ход развития и конкретизации идеи социалистического федерализма отразил узловые моменты объективного совпадения федеративной формы государственного устройства и внутреннего смысла и содержания сближения наций на основных этапах развития нашего общества.

Общепризнанным является положение о том, что основной социальный смысл и назначение социалистического федерализма состоят в преобразовании национальных отношений на социалистических началах, обеспечении единства наций в их совместной жизнедеятельности. В соответствии с таким пониманием советская федерация в са-

¹ Там же, с. 158 и далее.

² Там же, т. 41, с. 244 и др.

³ Эмпирическую сторону истории развития этих форм мы здесь не рассматриваем - она достаточно исследована в работах советских государствоведов. См.: История национально-государственного строительства в СССР. В двух томах. М., 1972; Лепешкин А.И. Советский федерализм. М., 1977; Златопольский Д.Л. СССР - федеративное государство. М., 1967; Паркосадзе В. Марксизм-ленинизм о федерации. Тбилиси, 1967; Тадевосян Э.В. В.И. Ленин о государственной федерации. - Вопросы истории КПСС, 1961, X-2 2; Манелис Б. Л. Развитие В.И. Лениным взглядов марксизма на федерацию. - Советское государство и право, 1962, № 4; Вихарев С.Р. В.И. Ленин о суверенитете союзных республик. Минск, 1969 и др.

мом общем плане определяется как государственная форма решения национального вопроса.¹

Однако конкретное содержание национального вопроса, в понимании которого фокусируются все проблемы и сходятся основные дискуссии теории национально-государственного строительства, трактуется в литературе неоднозначно. В тех случаях, когда национальный вопрос берется на уровне его внешних проявлений, выступающих в форме институированных межнациональных отношений, ставится вопрос о том, что назначение советской федерации не сводится к решению национального вопроса.² Но если исходить из широкого понимания национального вопроса как вопроса о путях достижения полного единства наций и соответственно рассматривать сближение наций в качестве ведущей тенденции в развитии национальных отношений, тенденции, с необходимостью включающей всестороннее национальное развитие, то необходимо констатировать, что социалистический федерализм выступает имманентной формой решения национального вопроса.

В.И. Ленин понимал национальный вопрос в самом широком плане, как вопрос о путях достижения полного единства наций. В такой постановке сближение наций как ведущая тенденция в развитии национальных отношений включает свободное национальное развитие как свой собственный необходимый момент и предполагает решение всех основных проблем социалистического и коммунистического строительства с использованием государственно-правовой организации наций, объединенных в федеративный союз.

Именно в федеративной форме государственно-правовое объединение различных наций и народностей выступало в качестве практической меры по их сближению. В тезисах

¹ См.: Левин И.Д. Суверенитет. М., 1948, с. 311; Чистяков О.И. Становление Российской Федерации (1917-1922). М., 1966, с. 22; Златопольский Д.Л. Указ. раб., с. 3 и др.

² Социально-экономическая роль социалистического государства. М., 1978, с. 51-52; Лепешкин А.И. Советский федерализм. М., 1977.

по национально-колониальным вопросам II Конгрессу Коминтерна В.И. Ленин в качестве меры по сближению наций выдвинул федеративное объединение как форму перехода к полному единству.¹

Очевидно, что содержание федеративной формы единства наций, о переходном характере которого здесь говорится, и содержание полного единства имеют различный социальный, исторический и политический смысл.

Поскольку сближение наций, по существу, является процессом становления и развития их единства, конкретное содержание которого определяется в конечном итоге характером и уровнем национального развития, то качественная определенность основных исторических ступеней, этапов национального развития и межнациональных отношений с необходимостью фиксируется в определенных властно-организационных и нормативных институтах и установлениях. Следовательно, федерация выступает как необходимый продукт и форма проявления объективного процесса развития и сближения наций и выражает в конкретно-исторической форме меру достигнутого социально-политического единства между ними.

Как уже говорилось, первоначально идея федерализма несла в себе функцию обоснования необходимости и возможности мира между народами как способа сосуществования, затем обосновывалась как форма демократии в рамках большого государства, как возможная форма международного общества. В контексте задач социалистической революции идея федерализма обосновывает возможный путь общедемократического и собственно-социалистического решения национального вопроса и, наконец, утверждается как государственная форма и средство сближения социалистических наций первой фазы коммунистической формации.

Однако, несмотря на существенные различия в конкретно-историческом содержании федерализма, в нем имеется некое общее начало, заключающееся в достаточно четко вырисовывающейся тенденции усиления меры и характера

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 151; т. 41, с. 438.

политико-правового единства общностей, опосредуемых федеративной формой развития. В контексте этой общей тенденции более ясно проявляется специфическая определенность социалистического федерализма как формы подлинного единства народов.

Исторический критерий подлинности единства народов состоит в расширении меры свободного развития, обеспечиваемого той или иной формой, способом их объединения. Мера свободного развития должна рассматриваться конкретно-исторически, экономически и социологически, т. е. в категориях социальных и национальных, а не только формально-юридических. В противном случае нельзя выявить характер политико-правовых средств и форм обеспечения межнационального единства. Так, с точки зрения государственно-правовой, политическое самоопределение наций, образование самостоятельных национальных государств и создание их добровольного союза - несомненное свидетельство свободы наций. Но действительное содержание этих политических актов раскрывается через социально-политическую характеристику внутринациональных отношений, внутринационального единства, его основания и способы обеспечения. Необходимы также конкретные знания о путях формирования общих интересов и общей воли нации, их социальных носителях, о тех, кто выражает общую волю нации во внутренних и представляет во внешних отношениях. Иначе говоря, без анализа социального содержания власти внутри национальных республик невозможно раскрыть действительное содержание их союза, сказать о нем что-либо конкретное, выходящее за рамки абстрактно общих суждений и абстрактно-правовых определений.

Советская федерация возникла как качественно новый тип организации межнационального единства, как форма государственного устройства народов, политически конституировавшихся по советскому типу организации власти трудящихся. Она возникает как союзное государство, а не союз государств, и тем самым олицетворяет уже высшую ступень организации единства наций.

Вопрос о назначении федерации рассматривался на X съезде партии. Основанная на общности военного и хозяйственного дела, федерация советских республик была представлена как форма государственного союза, дающего возможность: «...а) обеспечить целостность и хозяйственное развитие как отдельных республик, так и федерации в целом; б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации; в) наладить мирное сожителство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбой федерации».¹

В научных публикациях тех лет, в выступлениях руководителей, крупных политических деятелей подчеркивался именно особенный характер единства, воплощенного в Союзе. Так, Г.В. Чичерин в докладе о союзном гражданстве подчеркивал: «Наше союзное Советское государство есть вовсе не союз государств, а единое союзное государство, есть высшее единство, носитель исторической миссии и идеалов, являющихся продуктом коллективной воли трудящихся».²

И.П. Стучка, характеризуя Союз ССР, подчеркивал, что Союз «является социалистическим объединением национальных государств трудящихся».³ Основным смыслом Союза он усматривал в решении национального вопроса и отмечал, что то обстоятельство, что речь идет о союзе государств трудящихся, придает всему Союзу его особенный, советский характер.⁴ Как органическое единство трудящихся масс всех племен, народов и наций, добровольно объединившихся для дела построения социалистического общества, рассматривал Союз ССР Н.В. Крыленко.⁵

Особый характер единства усматривался, таким образом,

¹ КПСС в резолюциях и решениях..., т. 2, с. 250.

² Цит. по кн.: Куприн Н. Я. История науки советского государственного права. М., 1971, с. 159.

³ Стучка И. П. СССР и союзная Конституция. - Красная новь, 1924, с. 5.

⁴ Там же.

⁵ См.: Крыленко Н.В. О Союзе Советских Социалистических Республик. - Красная новь, 1924, с. 39.

в его классовой определенности. Это было единство трудящихся различных наций, воплощение положительной задачи партии в национальном вопросе: самоопределение наций для самоопределения пролетариата и самоопределение пролетариата для интернационального сплочения трудящихся. Выступая на X съезде партии в заключительном слове по докладу «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», И.В. Сталин отмечал: «В начале Октябрьской революции мы ограничивались декларацией прав народов на отделение. В 1918-1920 гг. мы вели работу по линии административного передела России по национальному признаку в интересах сближения трудовых масс отсталых народов с пролетариатом России. А ныне мы на этом съезде ставим на чисто практическую почву вопрос о том, какова должна быть политика партии по отношению к трудовым массам и мелкобуржуазным элементам внутри автономных областей и независимых республик, связанных с Россией».¹

Как видим, политический критерий свободы и единства наций здесь еще сугубо классовый. Этот критерий соответствовал наиболее общим предпосылкам единства власти в условиях социализма: установлению общественной собственности на средства производства и политического господства пролетариата, руководящей роли его авангарда - Коммунистической партии. Эти предпосылки и определили развитие народовластия у всех наций и народностей на единых началах и в принципиально общих организационных формах, обеспечивающих их интеграцию в единую политическую систему.

Рассматривая социалистическое государство как воплощение единства советского народа, исследователи обычно акцентируют внимание на указанных проявлениях политического единства, отмечая при этом, что объединение советских республик в единый Союз ССР, совместная их борьба в годы гражданской войны, деятельность по восстановлению народного хозяйства, экономическому и социальному развитию, внешнеполитическая деятельность привели к

¹ Сталин И.В. Соч., 1953, т. 5, с. 45.

сплочению вокруг пролетариата трудящихся всех наций и народностей, к объединению всех народов в общность социалистического типа.¹ Вопрос о единстве рассматривается преимущественно через призму развития народовластия - от диктатуры пролетариата до общенародного характера государства развитого социализма. И это правильно, поскольку именно этот процесс является определяющим в развитии политического единства советского народа, в развитии политической системы социализма вообще. Место и роль федерализма в обеспечении социально-политического единства советских наций и народностей на современном этапе их развития могут быть выявлены, во-первых, через определение ее места в политической системе советского общества, выступающей сегодня в определенном смысле в качестве законченной системы и олицетворяющей социально-политическое единство советского народа, всех наций и народностей, его составляющих,² во-вторых, через рассмотрение ее непосредственного назначения и роли.

Отношения компонентов политической системы принято делить в зависимости от характера их определяющих связей на вертикальные и горизонтальные. Национально-государственные отношения обычно причисляют к последним.³ Такое подразделение несколько условно, поскольку речь идет об отношениях в рамках единой системы, а это предполагает наличие определяющего момента системы и связей не только координации, но и субординации, без чего немыслима организация власти. Федеративный аспект единства в организации и функционировании власти проявляется как в горизонтальных, так и в вертикальных связях. Сами федеративные отношения суть отношения между образующими Союз государствами и между Союзом в целом и входящими в него го-

¹ См.: Новая историческая общность людей: сущность, формирование, развитие, с. 297-310.

² Необходимость такой постановки в общем плане обоснована И.П. Ильинским. См.: Ильинский И.П. Политическая организация социалистического государства. М., 1976, с. 155.

³ См. там же, с. 19, 20, 154-155 и др.

сударствами.¹ Кроме того, они включают отношения между различными звеньями федеративного (союзного) и республиканского аппарата. Реально федеративные отношения выступают двояко: взятые на уровне суверенных субъектов они предстают как межсистемные связи; на уровне действующего механизма организации и осуществления власти в деятельности взаимосвязанных звеньев государственного аппарата - как отношения внутрисистемные. Уровень отношений определяет соответствующие формы и методы функционирования власти, способы принятия и исполнения решений (согласование, координация, указания, приказы и т. д.).

Такие отношения являются специфическим проявлением принципа демократического централизма, его реализацией в особых условиях федеративного устройства.² Проявляются они на разных уровнях функционирования власти - местной и центральной, - по-разному, что нашло отражение в главе 1-й Конституции СССР, закрепившей принцип демократического централизма (ст. 3), и в главе 8-й, закрепившей принцип социалистического федерализма (ст. 70). В гл. 14-й Конституции СССР (ст. 103), в законах о местных Советах, в Законе о статусе народных депутатов содержится формула, имеющая принципиальное значение для деятельности всех звеньев Советов, именно формула о том, что местные Советы и их депутаты решают вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов.

Так как в рамках советской федерации разворачивается деятельность органов Советской власти и начала федерализма распространяются на организацию и деятельность механизма всего государства, а также его составных частей - государственных механизмов союзных и автономных республик,³ некоторые исследователи делают вывод о том, что

¹ См.: Копейчиков В.В. Механизм государства в советской федерации. М., 1973, с. 7.

² См.: Разин С.М. Принцип федерализма в советском государственном праве. М., 1961, с. 18.

³ См.: Копейчиков В.В. Указ. раб., с. 7-10; См.: Разин С.М. Принцип федерализма в советском государственном праве. М., 1961, с. 20.

значение федерации не сводится к решению национального вопроса. Таким образом, происходит смещение характеристики общего, конечного целевого назначения федерации как формы государственного устройства и ее функциональной характеристики, в которой далеко не все аспекты выступают зримо как непосредственно связанные с национальными отношениями.

Общесоюзное государство действительно решает общие фундаментальные проблемы социалистического и коммунистического строительства, но в самих организационных формах принятия государственных решений, а также в их содержании объективно отражены национально-государственная, федеративная структуры власти.

Усиление интегрирующей функции общенародной демократии в условиях развитого социализма, возрастание объема деятельности союзного государства и вовлечение в эту деятельность национальных республик, расширение совместной их деятельности на общих началах демократического централизма проявляются на всех уровнях государственного строительства.¹ В теоретических исследованиях советских государствоведов эта тенденция, однако, не нашла должного отражения.

На наш взгляд, наметился несколько односторонний подход к трактовке общенародного государства как единого, но без необходимого отражения его федеративного характера, фиксирующего в своей структуре и функциях вполне реальные национально-государственные различия. И дело не в том, что теоретики иногда намного опережают действительный ход развития процесса политико-правового единения нации, и даже не в спорности положения о том, что федерация функционально и организационно обеспечивает равную с унитарным государством меру единства советского общества. Важна здесь практическая сторона вопроса, суть

¹ О соотносительности процессов в истории советского государственного строительства см.: Королев А.И. О взаимосвязи процессов формирования советского народа как исторической общности людей. - В кн.: Актуальные проблемы истории государства и права. М., 1976, с. 145.

которого состоит в том, что характер и уровень государственно-правового единства общества (многонационального общества) обуславливают конкретное организационное и функциональное его обеспечение и, что еще важнее, исходные принципы, формы и методы государственной деятельности, наконец, саму меру государственного воздействия на социальные и национальные процессы.

Теоретическое определение действительного характера единства имеет, таким образом, не отвлеченный, а практически политический смысл. В Программе партии и Основном Законе государства поставлены задачи достижения социальной однородности общества, что практически равнозначно достижению социального равенства. Единство, на достижение которого направлена вся деятельность партии и государства и усилия общества, составляющих его классов, социальных и профессиональных групп, наций и народностей, заключается в том, что это единство фактически равных людей и их общностей, равных в конкретном социальном отношении.

На современном этапе развития социалистического общества сохраняются реальные социальные и национальные различия и, следовательно, различия интересов, способов и форм их удовлетворения. Целям равномерного, справедливого сочетания этих различающихся интересов служат общенародная, федеративная и национально-государственная организация власти, построенная на единых социальных и политико-правовых началах. Вместе с тем различия общностей, развитие которых опосредуется названными формами организации, предполагают определенные особенности механизмов, конкретных форм и методов реализации их общих и специфических интересов.

Следовательно, рассматривая проблему государственного единства советских наций и народностей на последовательных этапах его становления, его демократические основания и способы обеспечения в деятельности единого государственного механизма, необходимо также раскрыть особенности форм и способов его осуществления на различных

уровнях и в различных сферах социальных, внутринациональных и межнациональных отношений.

Единство такой сложной по содержанию и структуре системы, как Советское государство, может быть прочным только при условии, что оно будет осуществляться и постоянно воспроизводиться не только через унифицированные социальные институты и нормы, но и во всем многообразии особенностей элементов социального организма. Осуществляющееся в особенной деятельности многообразных социальных сил единство является тем основательней, чем явственней и определенной они выступают его истинными субъектами и творцами.

Демократический процесс функционирования системы государственного единства советских наций и народностей предполагает также демократическую форму перехода, движения особенного развития различных элементов и уровней системы в целостную взаимосвязь всеобщих государственных отношений, т. е. демократический характер взаимосвязи особенного и общего в осуществлении власти. Без такой взаимосвязи единство, охватывающее отдельные демократические элементы, звенья социально-политической системы, в своей сути теряет демократический характер.¹

Вопрос о характере общегосударственного единства, обеспечиваемого общенародным государством и его федеративным устройством, в исследованиях последних лет рассматривается в контексте усиления общесоюзных начал государства и централизации государственного аппарата. В исследованиях государственно-правовых процессов, обусловленных интернационализацией общественной жизни, сближением советских наций и народностей, нередко выводы не соответствуют реальному характеру национальных

¹ Анализируя нынешнюю ситуацию во Франции и обосновывая необходимость перехода к социализму, Жорж Марше пишет, что Франция нуждается в демократии. При этом подчеркивается именно системное, целостное осуществление демократии во всех звеньях социально-политического организма, в их взаимосвязи, поскольку «не может быть республики в обществе, пока на предприятии господствует монархия». См.: Марше Ж. ФПК: Вызов капиталистическому кризису. - Коммунист, 1983, № 1, с. 121.

отношений. Односторонняя трактовка развития общегосударственного единства в качестве процесса государственной централизации, недостаточное различие принципов демократического централизма и социалистического федерализма приводят к неверным выводам о слиянии национального и народного суверенитета и совпадении, а порой и к прямому отождествлению их с суверенитетом государственным.¹ Так, в работе О.В. Берендеева «Демократический централизм советской федерации», по существу, отождествляется проявление принципа демократического централизма и социалистического федерализма, хотя абстрактно-теоретически автор их разграничивает. Фиксируя противоречие между демократией и централизмом² в сфере национальных отношений, автор представляет их соотношение таким образом, что демократия в условиях объективной тенденции к централизации выражается лишь в «учете и использовании тех или иных особенностей отдельных элементов системы (в данном случае - субъектов федерации)».³ Единство принципов демократического централизма и социалистического федерализма трактуется автором, по существу, как их тождество, а демократия в сфере национальных (национально-государственных) отношений сводится к «учету и использованию» национальных особенностей. При обосновании объективного характера тенденции централизации во внимание берется только процесс производства и управления, а централизация политической системы рассматривается как следствие кооперации труда.⁴ Соответственно определенность государства, его функций невольно сводится к «производству и управлению», что не соответствует ни понятию, ни реальности социалистического государства, и

¹ См.: Великая сила интернационального единства. Киев. 1979, с 107-109. О.В. Берендеев пишет, что «политическое самоопределение, т. е. установление той или иной формы национальной государственности, и означает национальный суверенитет» (Берендеев О.В. Демократический централизм советской федерации. М., 1982, с. 42).

² См.: Берендеев О. В. Указ. раб., с. 8-53.

³ Там же, с. 24, 30.

⁴ Там же, с. 20-24.

соответственно не адекватно отражает общий характер государственного единства вообще и единства федеративного в особенности.

Объективной основой возрастания союзных начал в руководстве социальными и экономическими процессами является усиление концентрации производства, являющейся объективным законом развития производительных сил и укрепления общенародной социалистической собственности. Концентрация производства и собственности предполагает необходимость усиления централизации управления, но это процесс не односторонний. Он предполагает активизацию деятельности всей политической системы общества, в том числе деятельность всех форм национальной советской государственности, призванных обеспечить свободное и всестороннее развитие национальностей, а также реализацию интересов всего советского народа, решение общих задач коммунистического строительства.

В работах В.И. Ленина, в партийных документах, в Основном Законе СССР принципы демократического централизма и федерализма не отождествляются. В.И. Ленин неоднократно подчеркивал, что федерация несколько не противоречит демократическому централизму, но никогда не ставил между ними знака равенства. «Федерация, которую мы вводим и которую мы будем вводить, - писал В.И. Ленин, - послужит именно вернейшим шагом к самому прочному объединению различных национальностей России в единое демократическое централизованное Советское государство».¹

Централизацию он обосновал прежде всего экономически и политически, но при этом строго учитывал особенности и уровень демократического развития наций, характер их взаимоотношений. Очевидно потому, что нельзя экономическое обоснование необходимости централизации непосредственно распространять на особую сферу национальных отношений. Тем более что в условиях зрелого социализма особую значимость приобретает сфера культурной и духовной жизни советских наций и народностей, советского об-

¹ Ленин В.И. Поли. собр. соч., т. 36, с. 151.

щества в целом. Принцип социалистического федерализма в этих условиях обретает новые основания и находит новые проявления.

Конституция СССР совершенно определенно различает принцип демократического централизма и принцип федерализма, фиксируя первый в разделе «Политическая система» (ст. 3), второй - в разделе «Национально-государственное устройство СССР» (ст. 70). В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» отмечается: «Конституция СССР, отражая неуклонное сближение наций, служит дальнейшему упрочению союзных начал многонационального государства, органически соединяет социалистический федерализм с демократическим централизмом».¹ Органическое соединение здесь понимается как диалектическое единство различий.

Вопрос о достижении подлинного межнационального единства значительно сложнее осуществления политической централизации вслед за национальной консолидацией. И в том и в другом случае в конечном итоге речь идет о развитии системы до уровня целостности. Но в первом случае говорится о развитии одной системы, а в другом - об интеграции различных (исторически различных) систем. Интеграция требует ряда опосредствующих форм, звеньев, переходных форм. Ими являются федерация (в двух ее разновидностях), различные формы национальной советской государственности, сохраняющие свою относительную самостоятельность и особое назначение в условиях создания единого хозяйственного комплекса, общесоюзного разделения труда на основе специализации и кооперирования. Экономическая концентрация здесь, как видим, не влечет непосредственно государственной централизации.

Политическая целостность нации, ее организационное единство не разрушаются с включением в единую политическую организацию - советский народ. В ней они достигают высшей ступени своего развития, чтобы во второй фазе

¹ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 г. М., 1982, с. 15.

коммунистической формации полностью слиться в единой интернациональной организации, в которой будут сняты и особенные политические формы, опосредующие связь различных общностей, в том числе и национальных.

Сближение наций и в условиях развитого социализма осуществляется по-прежнему в рамках федеративного устройства государства. Не изменяя принципиально формы советской социалистической федерации, новая Конституция СССР усилила союзные начала государства, что явилось необходимым следствием прогрессирующего сближения наций и народностей, усложнения экономических, социальных, политических, культурных и идеологических задач.

В последние годы получила распространение точка зрения, сторонники которой считают, что тезис о переходности федерализма исторически не оправдался. Так, Д.А. Гайдуков, ссылаясь на то, что последний раз вопрос о переходном характере федерации поднимался на X съезде РКП(б) в резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» (март, 1921 г.), утверждает, что «с тех пор ни в работах В.И. Ленина, ни в высказываниях советских государственных и партийных деятелей такая характеристика федерации не повторялась».¹ Причина этого усматривается, в частности, в том, что В.И. Ленин судил о характере единства, обеспечиваемого федерацией на основе краткого периода (1918-1921 гг.).² Достижение полного единства, с этой точки зрения, не означает перехода к государственному унитаризму.³

Еще в 1948 г. С.Я. Ошеров писал: «Если в 1918 году В.И. Ленин рассматривал тогдашнюю федерацию - РСФСР как переходный шаг к действительно демократическому централизму, то последующая практика федеративных

¹ См.: Гайдуков Д.А. Развитие марксистско-ленинских идей о государственных формах решения национального вопроса в ходе советского национально-государственного строительства. - В кн.: Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина о социалистическом государстве и праве. М., 1978, с. 316.

² См.: там же, с. 317.

³ См.: Социализм и коммунизм: Политическая организация советского общества. М., 1964, с. 77-78.

отношений показала, что сама федерация может стать формой полного единства народа, что практически осуществлено ныне в СССР».¹

Оба автора отождествляют понятия политического единства наций и полного их единства. Показательно, что хронологически эти точки зрения совпадают с периодами усиления централизации, союзных начал в управлении, хотя характер централизации и причины, его обуславливающие в 40-50-х и 70-80-х гг., качественно различны.

Достижение морально-политического единства советского общества констатировалось уже перед принятием Конституции СССР 1936 г., но это отнюдь не означало достижения полного единства наций и народностей. Более того, завершение процесса формирования исторически новой общности людей в условиях развитого социализма не идентично достижению полного единства наций, а означает лишь их социально-политическое единство, т. е. такое единство, различия в котором требуют государственно-правового опосредования и регулирования, сохранения различных форм национальной советской государственности и федерации.

Верную, на наш взгляд, позицию занимают те авторы, которые исходят из динамичности понятия федерации, получившего дальнейшее развитие и конкретизацию в Программе КПСС, в решениях съездов и пленумов ЦК КПСС.²

Советская социалистическая федерация и сегодня выполняет задачу сближения наций, достижения их единства и в этом смысле сохраняется ее переходный характер. «Выполняя свои функции содействия прочному объединению различных национальностей России, советская социалистическая федерация продолжает оставаться переходной формой на пути к полному единству трудящихся разных наций».³

¹ Ошеров С.Я. Союзная республика в социалистической федерации. М., 1948, с. 28.

² См.: Национальные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1977, с. 123-124.

³ Социалистическое государство: сущность, функции и формы. М., 1976, с. 103.

Достижение полного единства, как уже отмечалось, В.И. Ленин связывал не только с достижением фактического равенства наций, но и с осуществлением полной демократии во всех сферах социальных отношений. Под этим углом зрения и следует рассматривать вопрос о переходности социалистического федерализма. Иначе говоря, переходность не следует трактовать в узких рамках и понятиях формы государственного устройства, поскольку это второстепенное, производное явление.

Поскольку утверждение подлинной общенациональной и вместе с тем общенародной демократии выступает единственной альтернативой национально-государственному развитию, действительный переход из царства необходимости в царство свободы в сфере организации общенациональной и межнациональной жизни заключается как раз в том, чтобы превратить государство из формы организации внешнего единства наций и союза национальных государств в форму демократического самоуправления народа.¹

В год 60-летия образования Союза ССР партия вновь подтвердила историческую оправданность ленинской идеи социалистического федерализма как наиболее оптимального пути к достижению полного единства наций. Добровольность союза свободных народов, полное равноправие всех наций и народностей, ликвидация их юридического и фактического неравенства, свободное развитие республик, воспитание интернационального сознания - слагаемые процесса сближения наций и народностей, обеспечиваемого советской федерацией. В принятом в этой связи постановлении ЦК КПСС советская федерация рассматривается как оптимальная форма развития и сближения советских наций и народностей, рассчитанная на весь период коммунистического строительства. Политическое содержание развивающихся в

¹ Общая цель и смысл такого движения, или, как говорили классики марксизма, «прыжка в царство свободы», по их же мысли заключается как раз в том, чтобы демократия обрела всеобщность своего основания не только в количестве лиц, избирающих государственную власть, но во всеобщем равенстве.

этой сфере отношений было выражено в юбилейном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова: «Дальнейшее развитие дружбы и сотрудничества народов СССР в значительной мере зависит от углубления социалистической демократии. Все более широкое участие трудящихся всех национальностей в управлении общественными и государственными делами - так в самом сжатом виде можно охарактеризовать ведущую тенденцию нашей политической линии. И партия будет делать все для того, чтобы она крепла и развивалась».¹

Ленинская идея социалистического федерализма могла стать практическим средством преобразования и развития национальных отношений при условии, что она будет облечена в адекватные институционные и правовые формы организации власти, соответствующие уровню развития объединяющихся наций и народностей, изменяющиеся в ходе этого развития. История советской федерации отражает внутреннее движение форм национально-государственного строительства при стабильности общих принципов организации государственного единства наций.

Наиболее концентрированное выражение ленинская идея социалистического федерализма обрела в устройстве государственного единства советских наций и народностей на этапе развитого социализма. Анализ конкретного содержания федеративного устройства государственного единства советских наций и народностей поэтому составляет существенный момент понимания действительного места и роли советской национальной государственности в сближении наций.

1 Андропов Ю.В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 15-16.

Федеративная организация единства советских наций

Для понимания особенностей федеративной формы, организации государственного единства советских наций существенное значение имеет общее определение государственного единства общества как специфического политико-правового способа совместного бытия людей.

Федеративная организация единства советских наций объективно выступает как система государственных органов, норм и принципов их формирования и деятельности. Специфика и уровень целостности этой системы обуславливаются характером отношения социалистического общества и государства вообще, нации и национального государства в частности. Общеполитические и нормативные основы данных отношений и их институциональных, организационных форм, содержащиеся в Основном Законе государства, являются существенным моментом понимания особенностей федеративного устройства государственного единства советских наций и народностей. Названные политико-правовые установления закрепляют определяющие начала общесоциальных отношений и общесоциальной интеграции, ее цели и средства обеспечения, т. е. устанавливают исторически определенный тип социального взаимодействия, который в различных сферах социальных, в том числе национальных, отношений модернизируется в рамках данного способа взаимосвязи и взаимодействия и подчиняется тенденциям его развития.

Марксизм дает фундаментальную характеристику государства в его конкретных исторических типах и формах через анализ специфического для данной общественно-экономической формации отношения общества и государства.¹ Сущностная, социально-классовая определенность государства, взятая на данном этапе его исторического развития, характеризуется через господствующий тип, способ социальных

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Исторические типы. М., 1971, с. И -12.

связей. Этот способ объективно фиксируется не только и не столько во внешней форме государства, в учреждениях и институтах власти, сколько в конкретных, объективно обусловленных уровнем социального развития, функциях государства, в формах и методах их осуществления.

Для теоретического воспроизведения федеративной формы государственного единства советских наций и народностей нет иного пути, кроме движения отмеченных основополагающих отношений. При таком подходе государственное единство будет выступать не только как нечто статичное, данное в системе государственных органов, но прежде всего как процесс социально-политического развития советского многонационального общества. Действительное содержание рассматриваемой формы государственного единства советского народа может быть адекватно выражено лишь в генезисе целостной социально-политической системы общества.

Исходным пунктом при таком подходе является отношение общества и государства, взятое на конкретно-историческом этапе развития. Противоположности этого развивающегося взаимодействия, взаимно полагая и взаимно отрицая друг друга, образуют органическую систему, мера и характер целостности которой определяются уровнем развития многонационального общества, особенностями связи его элементов.

Закономерности взаимодействия общества и государства определяют характер государственного единства советских наций и народностей, тенденции его развития. Они взаимообуславливают определенную структуру общества и структуру (организацию) власти.

Наиболее принципиальной является характеристика типа, способа взаимодействия, развертывающегося в соответствующих подсистемах, элементах государственного единства советского общества. Именно тип, способ связи определяет характер государственного единства советского народа в целом, структуру и функции составляющих его частей, меру их взаимной зависимости и свободы.

Только в контексте этих общих отношений можно адекватно поставить и решить вопрос о конкретном содержании государственного единства советских наций и народностей на этапе развитого социализма¹ и в рамках этого отношения определить тенденции и перспективы развития государственного единства советских наций и народностей в будущем, выявить оптимальный уровень соотношения внутренних и внешних средств обеспечения единства народа и соответственно оптимальность политико-правовых форм и методов регулирования складывающихся отношений. Рассмотрение проблемы под таким углом зрения позволяет раскрыть необходимые институционные и функциональные элементы в содержании федеративного единства в их взаимосвязи и опосредовании.

Внешним выражением соотношения общества и государства на каждом этапе развития выступает форма государства, способ формирования его органов, в котором проявляется функция народа по отношению к государству, его суверенитет. Этот аспект отношения фиксируется в системе органов власти и конституционно-правовых актах, определяющих порядок их формирования,² характер конституирования власти вообще и место народа в нем.

Обратная же взаимосвязь дана в функциях государства по отношению к обществу, в формах и методах их осуществления. Общим выражением взаимосвязи, функций народа по отношению к государству и функций государства по отношению к народу выступает политический режим, в сфере которого осуществляется отмеченное взаимодействие.

¹ Марксистско-ленинская трактовка проблемы соотношения классового общества и государства служит методологическим ключом к научному познанию государства вообще, социалистического государства и диалектики его развития в особенности, дальнейшего творческого развития теории государства и права в современных условиях (Марксистско-ленинское учение о государстве и праве. М 1977 с. 107).

² В. Е. Чиркин отмечает, что форма государства - не только категория государственной науки, но и институт действующего права. - В кн.: Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974, с. 104.

Соотношение общества и государства - процесс развивающийся, противоречивый, требующий постоянного точного анализа и достаточно аргументированных, научно корректных выводов. Вместе с тем только в достаточно широких рамках диалектики общества и государства возможна адекватная теоретическая интерпретация содержания государственного единства советских наций и народностей, федеративной формы его обеспечения.

Существенным моментом в теории отношений советского многонационального общества и государства выступает национально-государственная форма опосредования межнациональных отношений. И здесь, «чтобы понять внутренние мотивы, двигательные факторы и закономерности национально-государственного строительства, нужно тщательнейшим образом разобраться в его социально-экономических и политических условиях бытия и развития, а также в его органической структуре».¹ При выявлении места национальной советской государственности в государственном единстве советского народа важным методологическим требованием является рассмотрение национальной государственности в тесной связи с развитием социалистического государства, в рамках его общих закономерностей.²

Исследуя федеративную организацию государственного единства, мы исходили прежде всего из общего диалектико-материалистического понимания государственного единства не только как определенного социально-политического и правового состояния общества, зафиксированного в соответствующих понятиях, учреждениях и нормах, но и как процесса соответствующих отношений, в рамках которых постоянно он воспроизводится, возобновляется на развивающейся социальной и интернациональной основе и, соответственно, в развивающихся формах и способах единства народа.

¹ Зиманов С.З. Вопросы методологии изучения национально-государственного строительства. - В кн.: Вопросы национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1977, с. 22.

² Там же, с. 21.

Такая логика не позволяет замыкаться на настоящем и представлять его в качестве конечной цели всего предшествующего развития, как предельно идеального состояния и «заставит» обосновывать практическую необходимость и оптимальность наличных и возможных иных способов совместного бытия многомиллионного советского народа. Кроме того, мы исходили из общепризнанного в марксистско-ленинской политической мысли положения о том, что политико-правовые формы, будучи продуктом конкретно-исторических общественных отношений, способны в ходе своего развития обретать относительно самостоятельное существование и, следовательно, могут не полностью совпадать с породившими их отношениями. Сказанное в равной мере может быть отнесено и к «формам» теоретическим, к понятиям, отражающим определенный аспект социального развития и полагающих определенное отношение к нему. Эти моменты следует учитывать во избежание экстраполяции общих суждений, добытых при рассмотрении одной сферы (или уровня) отношений, на сферы другого уровня.

В вопросе государственного единства советских наций и народностей вообще, и федеративной форм этого единства в частности, закономерности этого единства определяются социалистической природой господствующих в обществе отношений, отношений, основным смыслом и целью которых является свободное развитие членов общества. К. Маркс мерило высоты общественного строя усматривал в том, насколько данный общественный строй обеспечивает максимальное развитие всех заложенных в человеке возможностей, способностей.

Таковы самые общие методологические предпосылки рассмотрения федеративной организации государственного единства советских наций и народностей.

Изучение данной проблемы осложняется тем, что имеющиеся теоретические понятия не всегда адекватно отражают содержание реальных отношений.

Советский федеративный строй в условиях развитого социализма отражает единство общностей различного содер-

жания и исторического уровня. Это государственная форма единства советского общества в целом, советского народа как исторически новой общности людей и форма государственного единства советских наций и народностей, конституировавшихся в самостоятельных формах национальной советской государственности. Конституционная формула СССР «олицетворяет государственное единство советского народа, сплачивает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма»,¹ охватывает более широкий круг отношений и их субъектов, чем собственно федеративное устройство государственного единства советских наций и народностей в традиционном политико-правовом понимании.

Однако в юридических исследованиях государственное единство советских наций и народностей и единство советского народа как новой исторической общности людей рассматриваются практически через одни и те же государственные институты и нормы, определяются преимущественно через понятие формы государственного устройства.

Для такого рассмотрения есть определенные формально-логические, нормативные и собственно научные основания.

В Конституции СССР вопросы социальной и политической демократии, в том числе национальные аспекты демократии как общеполитической основы социального и межнационального единства советского народа, рассматриваются преимущественно в первом и во втором разделах, вопрос же национально-государственного устройства выделен специально в особый раздел (III). Такой способ регулирования был свойствен и прежним Конституциям СССР, однако теоретическая система не может буквально следовать структуре Конституции. И прежде всего потому, что сами формы национально-государственного устройства не содержат ответа на вопрос о направленности их развития. Источник самодвижения и основания развития, сближения наций, достижение их высшего единства в общности советского народа и, соответственно, источник политико-правового опосредования

¹ Конституция (Основной Закон) СССР. М., 1977, ст. 70.

этого развития в соответствующих государственных формах фиксируется преимущественно в первом разделе Конституции, определяющем общее направление развития советской политической системы. Содержательный анализ конституционных отношений и принципов развития советской национальной государственности нельзя ограничивать третьим разделом Конституции, поскольку в этом случае советский народ фактически отождествляется с государственным объединением наций, конституировавшихся в соответствующие национально-государственные формы, и упускается из виду то, что советский народ является не только интернациональной (межнациональной), но и социальной общностью.

В определенной мере такой подход объясняется общим состоянием научных разработок политико-правовых вопросов развития исторически новой общности. Советский народ - общность нового, высшего исторического типа, основные системообразующие связи которой не подвергались фундаментальному всестороннему исследованию в политико-правовой науке, а исследования отдельных аспектов не сведены в единую теоретическую систему.

Поэтому в теоретических и исторических исследованиях национально-государственного строительства, равно как и в общей теории государства, государственное единство советского народа отождествляется с формой государственного устройства и рассматривается в соответствующих понятиях единого союзного государства и форм национальной государственности, свойственного им суверенитета, полномочий, разделения компетенции и т. д. Речь идет, по существу, о характеристике и проявлениях единства, выраженного в федеративном государстве, в основе которого лежит национально-территориальный принцип организации власти. Такой подход был оправдан в период строительства социализма, когда общность - советский народ - только формировалась. В период развитого социализма и сложившейся новой общности он уже недостаточен, поскольку неполно отражает характер и закономерности функционирования этой общности, ее социальный и национальный состав, структуру.

Качественная определенность исторически новой общности людей не может быть теоретически выражена в понятиях и категориях общности более низкого исторического уровня. Кроме того, само государство общества развитого социализма определяется рядом новых качественных характеристик,¹ требующих осмысления как в системе наиболее общих политико-правовых отношений и соответствующих им категорий и понятий, так и в системе качественно новых отношений в рамках высшего исторического типа общности людей.

Нам представляется, что ни вопросы формы государственного устройства, взятого в отдельности, ни специфические политико-правовые проявления единства союзного государства не исчерпывают содержания государственного единства советского народа по нескольким причинам: 1) они не раскрывают специфическую определенность общенародного государства, социальной основой которого является единый советский народ; 2) особую национально-государственную организацию единства избрали не все нации и народности страны; 3) они не в полной мере охватывают содержание государственного единства советского многонационального общества.

Понятие государственного единства как единства внешнего, поддерживаемого исключительно государственными средствами, неприменимо к социалистическому обществу вообще, советским нациям и советскому народу в частности. Однако некоторый формально-государственный подход в ряде случаев все же наблюдается. Так, не в полной мере учитывается специфический характер государства в условиях развитого социализма, когда государство, все более сближаясь с обществом, обретает черты «полугосударства», «государства не в собственном смысле» и несводимо к понятию публичного аппарата власти.

Уже обращалось внимание исследователей на то, что недооценка новых тенденций и явлений таит опасность

¹ См.: Советское государство в условиях развитого социалистического общества. М., 1978, с. 3-27.

консервации старых представлений, приводит к пассивности в поиске более совершенных форм организации и деятельности государства.¹

В исследованиях, проведенных в связи с принятием новой Конституции СССР, Конституций союзных и автономных республик проблема государственного единства советского общества ставится несколько иначе. Собственно государственный аспект единства, вернее, государственная организация единства интерпретируется как политико-управляющая система, элементами которой выступают национально-государственное устройство, административно-территориальное деление, государственный аппарат и государственные институты демократии.² Такая интерпретация, по существу, соотносима с понятием формы государства (в широком смысле). Национальные отношения, развитие советского народа как общности при таком подходе выступают в качестве объекта государственного и социального управления. Развитие федерации, формы национальной государственности и решение других задач национальных отношений при этом объективно представляются не в имманентной форме национального развития, а в качестве управляемого процесса различных уровней регулирования.

Содержание остальных трех элементов государственной организации раскрывается вне связи с общностью советский народ. Лишь при рассмотрении государственных институтов демократии, когда речь идет о мере государственного и социального в управлении, отмечается наличие своеобразной структурной интеграции, выражающей демократизацию государственной организации и дальнейшее сближение ее с социальными, национальными, территориальными и производственными общностями людей.³ Но и в этом случае анализируется структурная интеграция звеньев

¹ XXVI съезд КПСС и дальнейшее развитие теории общенародного государства. - Советское государство и право, 1982, с. 3.

² См.: Советское государство в условиях развитого социалистического общества. М., 1978, с. 40-50.

³ См. там же, с. 49.

единого государственного аппарата, объекты управления, в том числе национальные, без системного рассмотрения характера этих связей. Развивающий эту концепцию Ю.А. Тихомиров еще раньше усматривал ее принципиальное отличие от взглядов, отождествляющих понятие государства с понятием государственного механизма, государственного аппарата. По его мнению, государство как социальная управляющая система «органически сочетает организацию социальной деятельности народа и необходимую для этого систему органов».¹ При этом государство выступает в качестве политико-управляющей системы советского народа как новой исторической общности людей.² Как видим, и в этом случае государственное единство советского народа рассматривается с позиций преимущественно внешнего отношения, точнее говоря, отношения, односторонне заданного государством, без достаточного раскрытия его в качестве общедемократического процесса. На наш взгляд, содержание федеративной организации государственного единства советских наций и народностей должно быть раскрыто также под углом зрения внутренних импульсов национально-государственного развития. Необходимо прежде всего обратиться к конституционно-нормативному определению характера рассматриваемого единства, его источников и форм проявления.

Наиболее общие закономерности и проявления процесса сближения наций в основных сферах общественной жизни в целом и в ее политико-правовой сфере в частности, в той мере, в какой они уже приобрели всеобщую значимость в организации и функционировании советского общества и государства, в реальной практике их отношений или должны с необходимостью воплотиться в жизни, отражены в Основном Законе единого союзного государства, в Конституциях союзных и автономных республик.

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Развитие концепции социалистического государства. - В кн.: Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974, с. 88.

² Там же, с. 91.

В научной литературе общая проблема отражения в Основном Законе государства, процесса сближения советских наций в достаточной мере не разработана.

Имеются лишь общие замечания, отдельные суждения. Так, отмечается, что в Основном Законе закреплено интернациональное единство советского народа как новой исторической общности людей, причем единство это проявилось и в создании самой Конституции творчеством всех наций и народностей страны, и в общем волевом акте ее принятия.

Советскими правоведами исследуются также основные конституционные принципы организации и функционирования государственного единства советских народов - демократический централизм, социалистический федерализм, интернационализм и другие. В работе О.В. Берендеева сделана попытка соединить принцип демократического централизма и федерализма, и на этой основе дана интерпретация государственного единства вообще и единства федеративного.¹ Некоторые авторы считают, что в условиях развитого социализма видимых изменений в общей форме федеративной организации государственного единства не произошло,² другие - что с развитием и расширением социальной основы власти, формированием новой общности людей развитие федерализма происходит через расширение связей национальных республик, усиление союзных начал государства,³ увеличение объема общесоюзного регулирования.

Рассматривается то новое, что внесено Основным Законом государства в сферу национально-государственного развития. В частности, М.П. Куличенко отмечает, что основной смысл того нового, что содержится в Конституции СССР, Конституциях союзных и автономных республик, состоит в

¹ См.: Берендеев О. В. Указ. раб. М., 1982.

² См.: Королев А.И. Советское государство и нации. - Правоведение, 1982, № 5, с. 8-9.

³ См.: Баймаханов М.Т. Конституционные основы развития национальной государственности в системе советской федерации. - Правоведение, 1982, № 5, с. 15; Халилов А.М. Пути совершенствования советской национальной государственности. - Советское государство и право, 1982, № 12, с. 27.

законодательном закреплении усиления общесоюзных начал в развитии общенародного советского государства.¹

Ставится также вопрос о содержании конституционных гарантий свободного национального развития,² о конституционном закреплении интернационального долга советских граждан³ и некоторые другие вопросы, так или иначе касающиеся отражения процесса сближения наций в Основном Законе.

В рассмотренных работах зафиксированы важные аспекты взаимосвязи сближения наций и конституционно-правового регулирования межнациональной жизни, но они еще не представлены в качестве элементов целостной теоретической системы. Между тем такое систематизированное изложение важно не только для теоретического понимания целостности рассматриваемого процесса, но и для адекватного определения составляющих его моментов и прежде всего конкретного содержания федеративных отношений. Сближение как объективный процесс в условиях зрелого социализма выступает не только в виде отдельных проявлений в экономической, социально-культурной, политико-правовой и других областях, но и в форме всеохватывающего целостного процесса. Таковым является и процесс конституционного регулирования, фиксирующего не только политико-правовой статус относительно самостоятельных компонентов общественного бытия, правовую форму общественных отношений, но и важнейшие исходные начала, принципы взаимосвязи, взаимодействия всех общезначимых сфер общественной жизни. Именно последние определяют характер, суть социально-политической системы в целом, ее федеративный аспект в частности.

Рассматривая конституционные вопросы организации государственного единства советских наций и народностей в высшей стадии его развития, необходимо иметь в виду, что Конституция прямо или косвенно отражает характер

¹ См.: Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР, с. 357.

² См. там же, с. 273.

³ См.: Великая сила интернационального единства. Киев, 1979, с. 211.

государственного единства советского народа в целом. Во-первых, она определяет направление развития этого единства, фиксирует его генетическую основу. Во-вторых, в качестве Основного Закона Конституция закрепляет экономическую, социальную основу единства советского народа, политические средства (институты и нормы) его обеспечения; в-третьих, закрепляет основные направления деятельности государства, обеспечивающие взаимодействие всех элементов общества в деле коммунистического строительства. В-четвертых, определяя демократию в качестве общего направления развития политической системы, Конституция тем самым определяет конкретный механизм обеспечения государственного единства советского народа.

Таким образом, Конституция СССР определяет порядок функционирования всей идеологической надстройки в ее институтах, принципах, нормах и тем самым охватывает весь интеграционный процесс в развитии советского общества.

Кроме названных общих параметров государственного единства, Конституция СССР содержит и конкретное определение Союза ССР как единого союзного многонационального государства, олицетворяющего государственное единство советского народа (ст. 70). Данная конституционная формула отличается от прежних конституционных определений.

В Конституции РСФСР 1918 г. Российская республика определялась как «общество всех трудящихся России» (ст. 9), в котором «вся власть... принадлежит всему рабочему населению страны» (ст. 10). Такая формулировка была обусловлена задачами времени. Конституция РСФСР 1918 г. только ставила задачу «установления социалистической организации общества» (ст. 3).

В Конституции СССР 1924 г. была отражена общая воля народов Советских республик к объединению в одно союзное государство, и хотя основным ее вопросом было образование Союза ССР, определение полномочий государственных органов Союза и его членов, о государственном единстве народа, общества речь здесь не шла.

В Конституции 1936 г. Союз ССР определялся как госу-

дарство рабочих и крестьян (ст. 1) и, соответственно, носителями власти рассматривались трудящиеся города и деревни (ст. 3). В последующих статьях употребляется общий термин «трудящиеся». Что же касается вопроса о государственном единстве, то он рассматривался через понятие «одно союзное государство» (гл. II).

Новая Конституция дает развернутую характеристику общества развитого социализма, одним из качественных определений которого выступает исторически новая общность людей - советский народ, являющаяся качественно новым социальным образованием. Из рассмотренных конституционных положений следует, что понятия «советское общество» и «советский народ» в Конституции этапа развитого социализма в значительной мере совпадают. Советский народ в ней рассматривается не в этносоциальной определенности, а берется как единое политически организованное общество, социально и национально структурированное. Это позволяет сделать вывод о том, что «государственное единство советского народа» - это не только единство в смысле формы национально-государственного устройства. Последняя является лишь институциональным и структурным выражением содержания государственного единства, понимаемого как особый публично-правовой способ совместного бытия советского народа, образующих его классов, социальных групп, наций и народностей. Конкретное содержание рассматриваемого единства, следовательно, раскрывается через анализ совместной деятельности советских наций и народностей, ее разделение и взаимосвязь в поступательном развитии советского общества.

В конституционном определении Союза ССР как единого союзного многонационального государства «слово «единое» отражает прежде всего процесс укрепления союзных начал в нашем государстве, прогрессирующее сближение наций и народностей СССР», - пишут авторы политико-правового комментария Конституции СССР. Оно выражает новую, более высокую ступень сплоченности республик, образующих Союз ССР как федеративное государство. Такая трактовка

понятия «единое» применительно к союзному государству вполне адекватно отражает тенденции развития федерации в соответствии с первоначальными целями ее создания. В Конституции речь идет о «государственном единстве советского народа», и это единство интерпретируется в данном случае в категориях государствоведения, т. е. через федеративный механизм организации и осуществления власти многонационального советского общества.

Это не значит, однако, что и в теоретических исследованиях следует ограничиваться анализом наличных форм межнационального государственно-правового взаимодействия, зафиксированного во внешних формах федеративного устройства. Исторически советский федерализм возник как необходимая и возможная форма объединения национальных государств при переходе к социализму наций и народностей, существенно различающихся по уровню социально-экономического, политического, культурного развития и традиционными системами социального регулирования: обычаями, правами, религиозными и моральными нормами.

Различия образующих Советское государство наций и народностей были, следовательно, таковы, что общедемократические институты и нормы объективно не могли обеспечить равных возможностей их развития и достижения общезначимых целей. Поэтому внешнее объединение их в едином, унитарном государстве могло дать результат прямо противоположный намерениям усилить процесс достижения межнационального единства.

Подлинное единство - это единство равных. Попытка внешнего объединения фактически не равных, существенно различающихся по характеру и уровню развития этносов, неизбежно ведет к усилению неравенства, разрушению не только целостности более слабых этносов, но и деградацию составляющих их индивидов, не приспособленных к способам и нормам жизнедеятельности, диктуемых таким объединением. Генеральный секретарь Коммунистической партии Канады У. Каштан отмечает, что программа федерального

правительства Канады, касающаяся коренных жителей - индейцев и инуитов (эскимосов) - предусматривала их непосредственную интеграцию в общество белых. «Там, где такая «интеграция» имела место, она приводила к полной деградации коренных жителей».¹ В связи с этим Компартия Канады призывает к признанию самобытности индейского народа, его права на самоуправление.

Режим социалистической демократии и демократии буржуазной - явления качественно различные, и проводить между ними прямую аналогию нельзя. Но существуют общесоциологические закономерности, в соответствии с которыми этносы могут вступать в равноценные непосредственные взаимоотношения, только пройдя определенные ступени относительно самостоятельного развития в соответствующих политико-правовых формах, опосредующих их государственное единство. Такова исходная объективная основа необходимости федеративной организации различных наций и народностей.

В условиях развитого социализма советский федерализм выступает формой единства наций и народностей, достигших в своем развитии относительного равенства во всех основных сферах их жизнедеятельности и отношений. Изменились сами социальные основы и характер единства наций, сформировалась высшая форма межнационального общежития. Однако внешняя форма федеративной организации единства наций существенно не изменилась, сохранились исходные принципы и нормы федеративных государственно-правовых отношений. Возникает, таким образом, вопрос о конкретизации исторической определенности социалистического федерализма, о содержательной характеристике его оснований, т. е. возникает необходимость раскрыть содержание единства межнационального и национального. Проблема эта исследована достаточно широко.

Основные выводы ведущих в этой области исследователей заключаются в том, что общей закономерностью

¹ Каштан У. Советский опыт и канадская действительность. - Коммунист, 1983, № 1, с. 63.

развития советского общества и советского народа является усиление социального единства, на различные проявления которого обращали внимание М.П. Ким, Ю.В. Бромлей, С.Т. Калтахчян, М.И. Куличенко, А.В. Лихолат, Э.В. Тадевосян, В.П. Шерстобитов и др.

П.Н. Федосеев рассматривает единство народа, его социальную сплоченность как критерий развитого социалистического общества, а процесс изменения социальной структуры советского народа и составляющих его наций в условиях развитого социализма как процесс движения к социальному равенству.

М.И. Куличенко отмечает, что главной закономерностью развития советского народа следует считать неуклонное укрепление его монолитности на основе становления социальной однородности общества и движения всех наций и народностей к полному единству.¹

Вместе с тем исследователи констатируют, что процесс единения, интеграции общества в его реальном движении исходит из столь же реальных различий составляющих общество элементов и сопровождается, точнее говоря, сочетается с закономерным процессом его дифференциации. Оба эти процесса с необходимостью отражаются на организации и функционировании политико-правовой системы в целом, союзного и национального государства в частности.

В этой связи возникает вопрос о мере единства, обеспечиваемого организацией и деятельностью союзного и вполне единого национального государства, а также о тех основаниях, которые обуславливают необходимость относительно автономного политико-правового бытия наций сегодня.

В юридической литературе самое общее понимание содержания государственного единства советского народа фиксируется в определении общенародного государства как политической организации советского народа, выражающей его волю и интересы и управляющей развитием социальных процессов в целях построения коммунизма. Здесь общенародное государство характеризуется как всенародная

¹ См.: Куличенко М. И. Указ. раб., с. 178-179.

политическая организация власти и управления, обозначен единый источник политической власти - весь народ, и общая цель ее организации, но, по существу, не зафиксирована специфическая определенность этой власти как публично-правовой, основанной на сохраняющейся социальной и национальной неоднородности общества. Конкретное содержание социальных отношений общества развитого социализма, т. е. единство самого общества, единство советского народа взято вне его различий, полагающих самую необходимость государства вообще и его особенные национальные формы. Некоторые исследователи вообще не различают меру единства, обеспечиваемую федеративным и вполне единым, унитарным государством.¹

В теоретическом отражении единства советских наций и народностей, единства народа как единства государственно-го следует прежде всего исходить из таких объективных определенностей этого единства, которые свойственны природе государства как публично-правовой форме организации социально неоднородного общества. В силу социальной и национальной дифференциации общества, неполного совпадения интересов, всеобщей воли с волей всех единство советского народа носит политически опосредованный характер. Действительный на сегодняшний день характер единства в его внешних, публично-правовых проявлениях характеризуется наличием особого государственного аппарата, особых форм национальной организации власти, особой формы объединения последних в лице федеративного аппарата, особых государственных форм и методов осуществления взаимодействия всех элементов общества для достижения общих целей.

Поскольку общегосударственной формой единства советского народа является социалистическая республика, в качестве собственно государственной основы единства советского народа, единства всех наций и народностей независимо

¹ См.: Биндер М.А. Союзное государство - выражение государственного единства народов в СССР. - В кн.: Великий Октябрь - главное событие XX века. Алма-Ата, 1977, с. 103, 104.

от особенностей политико-правовой формы их самоопределения выступает политический режим общенародной демократии.

В литературе уже обращалось внимание на взаимосвязь процессов формирования и развития советского народа, режима всенародной демократии и общенародного государства. Речь идет об известном совпадении уровня развития государственного единства общества, единства наций и народностей и уровня развития демократии. В социалистическом обществе сама идея народовластия «не просто вытекает из доктрины, а является необходимостью, обусловленной нуждами экономического и политического развития»,¹ и демократия выступает имманентной формой развития социалистического общества в целом.² Однако только констатации взаимосвязи элементов социально-политического строя общества развитого социализма недостаточно для понимания действительных социально-политических процессов, в которых воспроизводится государственное единство советского народа в различных формах его политико-правовой организации. Лишь исходя из реальной определенности публично-правовой общности советского народа в целом, действительных социальных и национальных основ, можно выявить объективные различия, предполагающие относительную автономность, самостоятельность национально-государственной организации и организации федеративной, и проследить пути и тенденции их единения.

Определение объективных различий, лежащих в основе относительной самостоятельности политического бытия наций и народностей, с необходимостью включает и их субъективный и «субъектный» аспекты, коль скоро речь идет о социально-детерминированном и управляемом (регулируемом) процессе. В сущности ни внутринациональ-

¹ Современные проблемы социалистической демократии и перспективы ее развития. - Проблемы мира и социализма. Прага, 1975, с. 125.

² См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М., 1970, с. 335.

ное, ни межнациональное единство не является самоцелью деятельности общественно-политических и государственных институтов. Оно может и должно быть естественным и необходимым следствием и условием такого развития и такого равенства членов общества, основой которого все более выступает их собственная деятельность, полагающая соответствующие формы их объединений, общностей и, соответственно, общегосударственного, интернационального единства. Это вытекает из цели нашей социальной и политической системы, выраженной в тезисе: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех».¹

Поэтому, когда ставятся вопросы об усилении роли государственно-правовой надстройки общества в обеспечении государственного единства советских наций и народностей, о закономерностях развития политико-правовых институтов в связи с усилением единства общества, народа, то ответы на них должны быть скорректированы на эту генеральную цель, возведенную в общеконституционный принцип. Отсюда вытекает также необходимость установления оптимальной меры соотношения всеобщих политико-правовых (государственных) установлений и норм жизни советского народа в целом со специфическими определениями этой жизни на уровне составляющих советский народ социально-классовых и национальных общностей, с тем чтобы общий процесс становления действительного единства советского народа выразить и в единичных и в особенных проявлениях, выразить субъективно, а следовательно, и в его побудительных причинах, в реальных «стимулах» общей интеграции. Иначе говоря, необходимо процесс национального и межнационального единения в полной мере выразить в его внутренней необходимости как саморазвивающийся процесс, охватывающий особенные моменты на всех уровнях развития общности - личностном, групповом, классовом, межклассовом, национальном, интернациональном, в их объективном и субъективном выражении.

¹ Конституция СССР (Основной Закон), ст. 20.

Сближение наций и формирование их единства на первой фазе коммунистической формации не ведет к разрушению национальной общности. При этом интересы развития наций, составляющих их классов, социальных групп и индивидов предполагают наличие не только общедемократических институтов и норм, но и особой национально-государственной и, соответственно, федеративной формы организации, обеспечивающей необходимое сочетание названных интересов.

Вопрос о конкретном соотношении и сочетании общих и специфических интересов наций и народностей, классов, социальных и профессиональных групп и слоев населения изучен на сегодня лишь в самом общем плане. Однако имеющиеся исследования позволяют выявить тенденцию становления социальной однородности общества, возрастания роли общедемократических институтов и норм в реализации интересов всех наций и народностей. Они дают также основание для общего вывода о развитии демократической основы организации и функционирования всех особых форм национально-государственного развития.

Для более конкретного определения национально-государственной и федеративной форм организации государственного единства советских наций и народностей, взятых в их взаимосвязи и различии, необходимо прежде всего рассмотреть процесс формирования самих государственных институтов, установления общих норм и принципов их деятельности, иначе говоря, рассмотреть функции советских наций и народностей, всего народа по отношению к государству национальному и союзному.

Существенное значение при этом имеют вопросы формирования и проявления единства воли и ее воплощения в государственных институтах и нормах различных уровней, вопросы представительства и реализации общих и специфических интересов, непосредственного участия в осуществлении власти и контроля за ее осуществлением и т. д. Необходимо также раскрыть характер интегративной деятельности государства, или функцию государства по отношению к

народу, нациям и народностям, т. е. деятельность государственного аппарата по реализации общих и особенных интересов, их сочетанию, рассмотреть разделение сфер и предметов деятельности, вопросов соотношения компетенции, конкретные пути соединения двух вышеобозначенных аспектов в едином процессе обеспечения демократического единства советского народа.

В одном исследовании, естественно, задача в таком объеме не может быть решена. Из обозначенных элементов единой системы обеспечения межнациональной интеграции мы рассмотрим здесь лишь некоторые, собственно государственные (федеративные) институты и нормы.

Проблема конкретных государственно-правовых форм обеспечения единства - это прежде всего проблема государственного «разделения труда» между союзом и национальными республиками в рамках целостной организации государственной власти, выраженной прежде всего в определенном единстве государственного аппарата, в организации и деятельности государственного механизма как интегрированной системы. Это единство дано в разделении компетенции Союза ССР и национальных республик в решении общих задач коммунистического строительства в стране, оптимального развития всех наций и народностей.

Общий характер связи национальных государств в системе союзного государства в его основополагающих принципах, государственно-правовых началах определен Конституцией СССР. В разделе III «Национально-государственное устройство СССР» определяются основные предметы ведения Союза ССР и союзных и автономных республик во всех областях социально-экономической и политико-правовой жизни, в основных областях руководства и управления.

Большинство исследователей считает, что тенденция развития в области компетенции состоит в расширении сфер, составляющих совместную компетенцию как в управлении, так и в законодательстве.

Компетенция делится на союзную, республиканскую и совместную. Расширение сферы совместной компетенции в научной литературе рассматривается как свидетельство усиления процесса сближения наций.¹

В связи с расширением сферы совместной компетенции становится очевидным значение мероприятий по расширению прав союзных республик, проводимых в 60-х гг. По этому вопросу, как известно, были высказаны различные, порой противоречивые суждения.

Расширение прав союзных республик может быть правильно интерпретировано только в контексте общего социально-экономического и политического развития нашего общества, усложняющихся задач коммунистического строительства, расширения и углубления социалистической демократии, усиливающегося процесса сближения наций, формирования новой общности людей.

Трудно, например, согласиться с обоснованием процесса, которое дает А.З. Бегиян. В частности, он считает, что расширение прав обусловлено ростом национальных кадров и успешным развитием в союзных республиках науки, в том числе государственного управления.² Эти факторы можно рассматривать как социальные предпосылки для расширения прав, но не в качестве причин, делающих расширение необходимым. Еще менее убедительной выглядит попытка автора обосновать расширение прав союзных республик ссылкой на статью В.И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации». Известно, что В.И. Ленин в создавшихся особых условиях писал, в частности, что «не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы в результате всей этой работы (14 пунктов ленинских указаний. - И. Р.) вернуться на следующем съезде Советов назад, т. е. оставить Союз Советских Социалистических Республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самосто-

¹ См.: Кудайбергенов У. Д. Указ. раб., с. 52-53.

² См.: Бегиян А. З. Ленин и советская национальная государственность. Ереван, 1974, с. 139-140.

тельность отдельных наркоматов».¹ А.З. Бегиян неправомерно рассматривает это ленинское положение как определение основных направлений развития союзных республик,² а положение, выдвинутое для конкретного случая, рассматривается как общая тенденция. Расширение прав союзных республик имеет большое значение в развитии федеративных отношений, национальной государственности народов СССР, сближения наций.

Во-первых, расширение прав союзных республик усилило процесс дальнейшего развития социалистической демократии, политическую активность трудящихся. Расширение прав, естественно, означает и увеличение обязанностей, ответственности за общее дело. Оно предполагает развитие опыта управления, руководства, вовлечение широких масс трудящихся в решение различных задач, проявление творческой инициативы на местах, что способствует не только внутринациональному развитию, но и сближению наций.

Во-вторых, расширение прав союзных республик способствовало более оптимальному действию принципа демократического централизма в управлении национальными процессами, равно как и в управлении экономическим, социальным, культурным развитием. Решение местных задач стало все более непосредственно увязываться с решением задач общесоюзных.

Исследователи отмечают, что принцип сочетания централизованного отраслевого управления с предоставлением широких прав союзным республикам способствует дальнейшему развитию межнациональных экономических отношений,³ а введение отраслевой системы управления промышленностью является выражением объективной тенденции экономического сближения наций.⁴

¹ В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 361-362.

² См.: Бегиян А.З. Указ. раб., с. 30.

³ См.: Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1974, с. 248.

⁴ Росенко М.И. Строительство коммунизма в СССР и развитие национальных отношений, с. 47.

В-третьих, расширение прав союзных республик неизбежно влечет расширение сфер совместной деятельности союзных республик и Союза ССР и, следовательно, органическое сочетание функций национальной и союзной государственности. Это особенно заметно проявляется в хозяйственно-организаторской функции. Сейчас союзные республики обладают правом планирования развития отраслей народного хозяйства, предприятий не только республиканского, но и союзно-республиканского подчинения. Даже вопросы исключительной компетенции Союза или республики, как отмечает В.В. Копейчиков, практически решаются ими совместно, что влечет усиление координационных функций, выполняемых федеративными органами.¹ Особую значимость в этой связи приобретает деятельность республик по обеспечению комплексности развития своей территории.²

Взаимосвязь функций национальной государственности и Союза ССР, как видим, заключается не в их идентичности, одинаковости, а прежде всего в том, что в условиях расширяющейся общей сферы их воздействия усиливается координация, согласованность деятельности республик и Союза, республиканских и общесоюзных органов, усиливается общность способов, методов руководства, учет в деятельности центральных органов специфики республиканских условий, и в деятельности органов республиканских общесоюзных задач, общих требований руководства.

В-четвертых, расширение прав союзных республик способствует усилению организационного (институционального) единства всего советского аппарата, с одной стороны, отражает растущее единство советских наций и народностей, единство всей политической системы советского народа, а с другой - способствует углублению процесса сближения наций и народностей нашей страны. Федеративные органы вместе с органами республиканскими составляют сегод-

¹ См.: Копейчиков В.В. Указ. раб. М., 1973, с. 31, 123.

² См.: Баймаханов М.Т. Конституционные основы развития национальной государственности в системе советской федерации. - Правоведение, 1982, № 5, с. 18-19.

ня единую систему - советский государственный аппарат, звеном которой является республиканский аппарат.¹ Кроме того, советский государственный аппарат олицетворяет организационное единство национальной государственности, концентрированное выражение национальной самостоятельности, суверенитета. Аппарат союзной республики обеспечивает органическую взаимосвязь с Союзом ССР и осуществляет в этой связи и в своей самостоятельной деятельности реализацию суверенных прав союзных республик. И в том и в другом своем качестве он играет существенную роль в сближении наций.

В-пятых, расширение прав союзных республик означает укрепление суверенитета социалистических наций и народностей, выступающего важным фактором сближения наций. Укрепление суверенитета в условиях развитого социализма имеет особый смысл: оно не связано с обособлением, разграничением социалистических наций. В условиях растущего социально-политического, хозяйственно-экономического и культурного единства советского народа суверенитет союзной республики обеспечивается объединенными усилиями всех республик, всего Советского Союза. В ст. 81 Конституции СССР записано, что суверенные права союзных республик охраняются Союзом ССР.

В то же время суверенитет утверждается в собственно национально-государственной деятельности. Выражая политико-юридическое качество республики, он воспроизводится в целом комплексе национально-государственной деятельности и отношений, которые не сводятся к исключительной сфере и исключительной компетенции республики. Специфический характер суверенитета советских социалистических республик не означает размывания его качественной определенности, равно как и растворения национальной советской государственности в единой союзной государственности.

¹ А.Н. Лепешкин в этой связи отмечал, что власть союзной республики не действует изолированно от власти Союза ССР, не является параллельной ей властью, а находится в органическом единстве. (Лепешкин А.Н. Советское государственное право, М., 1971, с. 338).

Фиксирование рассмотренных выше аспектов взаимосвязи процесса расширения прав союзных республик с развитием процесса сближения наций свидетельствует об оптимальности установленного на данном этапе развития и сближения советских наций политико-правового статуса республик. Вместе с тем оно отражает не весь процесс государственно-правового (федеративного) опосредования сближения наций, а лишь одну из двух основных его проявлений, двух взаимосвязанных сторон целостного процесса.

Существенным моментом взаимосвязи процесса сближения наций с развитием советской федерации является усиление союзных начал государства. В этой связи в политико-правовом комментарии Конституции СССР отмечается, что процесс усиления союзных начал государства нельзя считать характерным только для 1936 - 1977 гг. «Он является одной из закономерностей развития нашей федерации, потому и возникшей, что объединившиеся советские республики нуждались в государственном образовании более мощном, чем каждая из республик или простая сумма их, вместе взятых».¹

История развития советской федерации показывает, что усиление союзных начал государства на различных этапах советского национального строительства и развития советского государства вообще проявлялось в разных формах, обусловленных факторами общеполитического развития и особенностями развития процесса общесоциальной и межнациональной интеграции общества. В условиях развитого социализма, когда сформировалась исторически новая общность людей - советский народ, усиление союзных начал государства выражается прежде всего в том, что «господствующим в отношениях между Союзом ССР и республиками является принцип совместного ведения».² Распределение компетенции между Союзом ССР и национальными республиками идет в направлении расширения взаимного участия национальных республик Союза ССР в решении общих

¹ Конституция СССР: Политико-правовой комментарий. М., 1982, с. 216.

² Там же, с. 219.

задач коммунистического строительства. Это положение отражено в ст. 73, 76 и 77 Конституции СССР и соответствующих статьях Конституций союзных республик.

Из конституционных норм, регулирующих рассматриваемые отношения, вытекает, что общее распределение компетенции между Союзом ССР и национальными республиками, а также установленный порядок осуществления соответствующей компетенции основаны на принципе социалистического федерализма. Следовательно, усиление союзных начал государства не тождественно тенденции централизации, проявляющейся в отдельных сферах государственного управления. Федеративное устройство государственного единства советских наций и народностей неизмеримо богаче и глубже по своему содержанию и многообразию форм проявления, чем любой управленческий процесс, поскольку охватывает комплекс межнациональных связей - экономических, социальных, культурных, духовных, различные системы нормативного регулирования.

Действительное содержание государственного единства советских наций и народностей в условиях зрелого социализма находит конкретное проявление в основных направлениях деятельности единого союзного многонационального государства.

Сближение советских наций как функция единого союзного многонационального государства

Отражение процесса сближения советских наций в деятельности федеративного государства представляет собой довольно сложный процесс, содержание которого может быть понято и раскрыто только в контексте функционирования политико-правовой системы советского общества в целом и в системе функций Советского государства в частности.

Управление национальными процессами, осуществляемое политической системой, выступает как функция общесоюзной общности, единой политической системы, являющейся всеобщей формой политико-правовой деятельности в сфере социальной и национальной интеграции и включающей государственную деятельность федерации и различных форм советской национальной государственности как свои собственные моменты.

Общеполитический механизм функционального обеспечения единства общества и государства, социального и межнационального единства заложен в общем политическом режиме власти, осуществляемом всеми звеньями политической системы, и прежде всего - государством.

Понятие политического режима отражает отношение аппарата социалистической государственной власти с классами, гражданами и их массовыми общественными организациями,¹ т. е. обществом в целом, выражает уровень развития и состояние демократии. Основополагающими в этом соотношении являются методы осуществления государственной власти. Конкретизируются эти отношения через определение роли партии в осуществлении власти, права и свободы граждан и их организаций, механизмы осуществления социалистической государственной власти и другие параметры.

Теоретическое исследование конкретного содержания

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое государство. М., 1972, с. 273.

политического режима с необходимостью приводит к анализу политико-правового аспекта национальных отношений и межнационального единства. Господствующие на каждом данном этапе развития социалистического государства формы организации власти и методы ее осуществления обретают специфическую определенность в сфере организации внутринациональной жизни и межнационального взаимодействия, обеспечения прав и свобод как политически организованных, так и не создавших особых организационных форм интеграции этносов.

Система прав и свобод, формы организации национально-го единства, другие политико-правовые параметры национальной жизни и межнациональных отношений, по существу, являются модификациями господствующих на данном этапе общественного развития политических отношений, политического режима.

Это не означает, однако, что политический режим в сфере национальных отношений аналогичен общеполитическому режиму в его конкретных проявлениях, организационно-правовых формах, способах вовлечения народных масс в осуществление власти и т. д. В противном случае это бы означало отрицание национально-государственного строительства как особой демократической формы преобразования исторически сложившихся особенностей национальной жизни и национальных отношений. Отпала бы необходимость и в конституционно-правовом фиксировании национальных отношений различных уровней.

Социальная и межнациональная интеграции, осуществляющиеся на основе единого режима народовластия, непосредственно проявляются и обеспечиваются через основные функции союзного и национального государства.

В деятельности государства, в системе его функций, формах и методах их осуществления обретают конкретную определенность исторический тип социальных взаимосвязей, принципы социального взаимодействия общественных элементов, мера свободы, достигнутая на данной ступени развития общества, в целом характер его единства, его природа.

Функции государства, по существу, являются определяющими в его характеристике. В качестве системы государство выступает в единстве структуры (механизма) и функций, однако диалектическая концепция систем исходным пунктом для вычленения и объяснения системы берет не совокупность элементов (структура), а тип взаимосвязей, т. е. функциональный ее аспект, который и является главным в системе. Правильное вычленение элементов структуры, в свою очередь, необходимо для обоснованной интерпретации внутреннего механизма развития системы, ее собственных движущих сил.¹

В исследовании функций социалистического федеративного государства под углом зрения сближения советских наций соответственно должна учитываться характеристика структурных особенностей государственного механизма.

Функции государства, как и его форма (организационная структура власти), обуславливаются характером и уровнем развития общества. Характер социальных отношений, тип зависимостей между социальными элементами с необходимостью порождают определенные функции государства, а принцип социальных отношений предполагает соответствующие формы и методы осуществления функций, управления вообще.

Функции государства, взятые под углом зрения обеспечения государственного единства общества, характеризуются следующими основными чертами. Вопрос о функциях государства вообще ставится в связи с назначением государства как системообразующего политического средства, общего способа социальной интеграции классового общества. Конкретно-историческая определенность функций государства, их объективный характер вытекают из исторически данного состояния общества, из господствующего на данном уровне развития общества принципа социальных связей и зависимостей, из особенностей организации национальной жизни.

¹ См.: Феофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск, 1981, с. 30-31.

Функции государства в целом выражают состояние общественной жизни, энергию общества, его жизненные потенции. Они не являются вместе с тем пассивным отражением состояния общества. В зависимости от фазы развития последнего они направлены либо на его стабилизацию, самосохранение, либо на преобразование, развитие. Это положение, разумеется, нельзя абсолютизировать. Деятельность государства выражает не только наличное бытие данного общества, но и целенаправленное его развитие, его стремления. В этом смысле функции государства характеризуются через категорию цели. Более конкретно функции государства характеризуются в категориях предметно-политической деятельности, связанной с определенными объектами и сферами социальной жизни, социальных отношений. Именно через них раскрывается общественная, классовая и национальная определенность данного государства.

Качественная характеристика состояния данного общества определяется также конкретными формами и методами осуществления функций и целей государства. Именно они показывают, как разрешается основное противоречие данного общества (уничтожение противников, подавление, централизация, принуждение, убеждение, согласование и др.); характер и уровень духовного и культурного развития общества в целом, его политической культуры, общее нравственное состояние общества, социальную ценность и политическую значимость личности. Они показывают, что служит в качестве действительных объединяющих начал данного общества.

Основной смысл рассмотрения функциональной характеристики данного государства в его отношении к обществу заключается в том, чтобы получить определенный ответ на вопрос: каково назначение и цель государственной деятельности, государственного объединения индивидов и их общностей и какими средствами она достигается в конкретных условиях развития данного общества и данной организации власти.

Столь же существенным является вопрос об определенности функций общества в его отношении к государству, ибо в ней дана конечная характеристика нравственного состояния общности - нуждается ли оно в государстве как действенном орудии решения общих проблем или является лишь питательной средой государственного организма, реализующего интерес класса, группы, обладающей властью.¹

Сформулированные выше общие положения при необходимости можно проследить на конкретном материале исторически сменяющихся типов государства. Мы же используем их для исследования функций социалистического федеративного государства как необходимого элемента развития системы государственного обеспечения оптимальных условий сближения наций.

В советском многонациональном обществе особую качественную определенность государственных функций обуславливают межнациональные отношения как специфический аспект отношений социальных. Определение функций государства через категорию «отношение» часто встречает возражения на том основании, что функции суть деятельности, выражающие сущность государства.² Нам представляется, что исследование функций как деятельности и как отношения является необходимой для целостной характеристики государства как формы политически организованного общества, функционирование которого рассматривается как властеотношение.³ Ссылка на то, что функции нельзя рассматривать как отношение, потому что В.И. Ленин определял через отношение политику,⁴ на наш взгляд, безосновательна. Последо-

¹ Применительно к нации этот вопрос был в свое время сформулирован через различение понятий - государства наций, нации государства.

² См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое государство, с. 126-127; Черноголовкин Н.В. Теория функций социалистического государства. М., 1970, с. 8.

³ См.: Тененбаум В.О. Методологические аспекты теории государства. - В кн.: Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974, с. 51.

⁴ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое государство, с. 126-127.

вательно выдержать такой подход не удастся даже авторам, категорически отрицающим преемлемость трактовки функций через категорию отношений.

Так, М.П. Байтин, характеризуя функции через признаки, отрицает возможность их определения через связи, отношения на том основании, что при этом сама эта категория (то есть функция) «рассматривается как связь между двумя явлениями (т. е. между государством и обществом - И. Р.), первое из которых не может сложиться как таковое, вне второго».¹ В то же время диалектический подход к объекту как развивающейся системе предполагает такую взаимосвязь и взаимообусловленность его сторон, при которой одна сторона с необходимостью порождает и воспроизводит другую.² Вне такого подхода объект выступает омертвевшим, без самодвижения, без развития. Не случайно поэтому, что в дальнейшей характеристике признаков функций государства автор вынужден указать, что политический характер функций выражается в регулировании отношения между дружественными классами, социальными слоями и нациями, учете и выражении их интересов, что является ни чем иным, как отношением деятельности, данном во взаимообусловленности общества и государства. Такой вывод, разумеется, автор не делает. Напротив, он специально подчеркивает, что функции государства направлены на регулирование отношений, сами же отношениями не являются.

Из свойства функции государства как направления деятельности и отношений деятельности (властноорганизующей по своему содержанию) следует не только то, что деятельность эта носит активный, преобразующий характер, но и то, что деятельность государства выступает как система политико-правовых отношений, с необходимостью воспроизводящихся на всех уровнях отношений собственно социальных и национальных и охватывает, следовательно, деятельность всех элементов общественного организма в той или иной форме и степени.

¹ См.: Байтин М.И. Сущность и основные функции государства, с. 194.

² См.: Феофанов В.П. Указ. раб., с. 29-32.

Итак, функции государства вообще, рассматриваемые под углом зрения интеграции общества на публично-правовых началах, выступают как властеотношения, складывающиеся в основных сферах взаимодействия общества и государства. Именно в функциях государства воспроизводится реальный публично-правовой союз, государственная общность народа. Специфика этих отношений вытекает из характера и уровня развития их субъектов и целей государственной деятельности, достижению которых они служат.

Особенности функций федеративного Советского государства как средства решения национального вопроса можно сформулировать следующим образом: обеспечение условий свободного развития и сближения советских наций и народностей, их объединения для решения задач социалистического и коммунистического строительства. В Конституции это зафиксировано в формуле: «СССР олицетворяет государственное единство советского народа, сплачивает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма».

Содержание приведенного положения может быть конкретизировано, во-первых, через определение характера той действительности, которая с объективной необходимостью сплачивает, объединяет нации, влечет их единство, иначе говоря, через определение общего принципа отношений субъектов рассматриваемой деятельности; во-вторых, через предметно-политическую характеристику основных направлений деятельности федеративного государства как определенной функциональной целостности; в-третьих, через определение оптимальных путей, форм и методов осуществления интегративной деятельности, ее объективного и субъективного смысла.

Наиболее общей категорией, посредством которой определяется социальная характеристика деятельности государства, является интерес (классовый, групповой, личный, общественный, национальный, интернациональный и др.). Для характеристики функций федеративного государства существенным моментом является вопрос о сочетании общесоюз-

ных и республиканских, общенародных и национальных интересов. По существу, вся функциональная характеристика федерализма может быть выражена через основные принципы начала и порядок сочетания названных интересов, способы их согласования и реализации.

В исследованиях, касающихся этих вопросов, обычно речь идет о примате общих интересов над интересами особенными: общесоюзных над республиканскими, интернациональных над национальными и т. д. Эта в общем правильная формулировка, к сожалению, не всегда конкретизируется в анализе практической деятельности и практических отношений на различных уровнях функционирования механизма советской федерации.

В самой организационной структуре федерации, равно как и в форме государства в целом, в известной мере отражена иерархия общих и специфических интересов, их субординация, соответствующая характеру общественного развития. Всякая организация и всякая совместная деятельность предполагают субординацию интересов. В федеративной организации и деятельности субординация интересов в отличие от унитарного государства выражается двояко: на уровне общего соотношения союзных и республиканских интересов; на уровне различных сфер государственного развития и государственной деятельности.

Первенство союзных интересов нельзя трактовать таким образом, что они априорно стоят выше республиканских, вне и над ними, что федеративные органы в своей деятельности осуществляют общие интересы, а особенные лишь учитывают. Союзных интересов, вне и независимо от интересов национально-республиканских как таковых, не существует. Союзные интересы - это результат рационального сочетания национально-республиканских интересов, субординация которых предполагает неодинаковость уровней их реализации в деятельности различных звеньев государственного аппарата.

В функционировании республиканского государственного механизма также представлена определенная иерархия

общих и внутриреспубликанских интересов, соориентированная на обеспечение наиболее оптимального их сочетания как в целом, так и в различных сферах государственной деятельности.

Основываясь на общих принципах соподчинения интересов различного уровня и характера, системы функционального обеспечения общесоюзных и республиканских интересов вместе с тем отражают различный уровень обобщения интересов советского народа, наций и народностей. Только в этом смысле и можно говорить о примате союзных интересов над республиканскими, имея в виду, что республиканские представлены в союзных, а союзные реализуются не только через деятельность федеральных органов, но и органов республиканских.

Следовательно, общий тезис о том, что союзное государство и его органы в своей деятельности учитывают национальные особенности, выражает не узко понимаемую «национальную специфику», а глубокий процесс взаимодействия интернационального и национального, когда интернациональное воспроизводится в самом национальном, внутри самого процесса национального развития.

Союзное государство и его органы, таким образом, являются не чем-то внешним по отношению к национальному государству, будучи продуктом национального развития и межнациональных отношений, они обрели в своем развитии относительную самостоятельность и особый статус. Но до тех пор, пока государство носит федеративный характер, этот статус является результатом совместных решений, составляющих союз республик, внутренние отношения которых носят координационный характер. И лишь в той мере, в которой их собственные решения обрели статус общих установлений, основанная на них деятельность союзных органов может принимать характер субординационных отношений с органами союзных республик, что и фиксируется в соответствующих конституционно-правовых актах и основанном на них законодательстве.

Абсолютизация отношений субординации в осуществлении власти и управления между союзными республикан-

скими органами искажает суть национальной советской государственности. Последняя предстает в качестве объекта, а не субъекта, осуществляющего взаимодействие с другими равными субъектами и осуществляющего в этом взаимодействии реализацию общих и особенных интересов совместного бытия.

Конституционная характеристика основных задач и функций общенародного Советского государства включает также федеративный аспект. В государственном праве эти вопросы рассматриваются применительно к принципам национально-государственного устройства, проблеме разграничения компетенции, расширению прав союзных республик, усилению союзных начал государства¹ и т. д., но, как правило, без обобщений до уровня общефункциональной характеристики государства.

Даже в специальных исследованиях, посвященных вопросам осуществления государственного и национального суверенитета, рассматриваются, как правило, проблемы общей собственности, территориального верховенства, общности законодательства, единства гражданства,² а функциональное обеспечение суверенитета практически не раскрывается и не обосновывается применительно к союзному и национальному государству.

Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Ю.А. Андропов отмечал, что возможности, открываемые объединением республик в единый союз, еще далеко не исчерпаны,³ и указал основные сферы государственной деятельности, в которых эти возможности могут и должны проявляться: экономика, национальная политика, социальная и национальная структура, сфера духовного развития, интернациональное воспитание личности.⁴ Проявление этих возможностей предполагает

¹ См.: Советское государственное право. М., 1980, с. 289-297, 309-317, 348-353, 357-365.

² См.: Шевцов В.С. Национальный суверенитет. Проблемы теории и методологии. М., 1978, с. 135-197.

³ См.: Андропов Ю.В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 11.

⁴ См. там же, с. 11-16.

целенаправленную деятельность общенародного государства в целом, а также всех его звеньев. В связи с этим исследование функций союзного и национального государства в их взаимосвязях и различиях, оптимального разделения государственной деятельности в основных ее сферах приобретает практическое значение.

В докладе Ю.В. Андропова определены наиболее существенные аспекты хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функций государства, осуществление которых требует совместной согласованной деятельности союзного и национального государства. В области хозяйственно-организаторской деятельности ставится задача дальнейшего совершенствования размещения производительных сил, рационального сочетания специализации и кооперирования, определения конкретных задач для всех республик по выполнению Продовольственной программы, совершенствованию работы транспорта.¹ «Наиболее разумное использование природных и трудовых ресурсов, климатических особенностей каждой республики, наиболее рациональное включение этого потенциала в общесоюзный - вот что принесет наибольшую выгоду каждому региону, каждой нации и народности, равно как и всему государству».²

В сфере культурно-воспитательной деятельности государства особое значение придается проблемам духовного, культурного развития общества: поиск новых методов и форм работы по взаимному обогащению национальных культур; обеспечение доступа к культурным ценностям каждого народа; освобождение от всего устаревшего в духовном наследии наций, в их самосознании; конкретный социальный анализ источников и причин встречающихся здесь негативных явлений; воспитание людей в духе взаимного уважения и дружбы всех наций и народностей страны.³

Реализация названных установок партии в деятельности

¹ См.: Андропов Ю.В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 11-12.

² Там же, с. 11.

³ Там же, с. 12-14, 15.

союзного и национального государства составляет существенный момент их функциональной характеристики. Имеется, таким образом, объективная необходимость рассмотрения функции советского общенародного государства, в котором фиксировались бы не только общие направления деятельности государства в целом, но и его федеративной, национально-государственной организации, в деятельности которых функции обретают специфическую определенность, обусловленную назначением этих различающихся форм государственной организации.

Деятельность федеративного Советского государства в своих общих чертах и основных проявлениях подчинена, как уже отмечалось, общему режиму социалистического народовластия. Конституционное определение общего направления развития политической системы определяет и характер развития и функционирования федерализма. Положение о сохранении федерации на весь период строительства коммунизма, выдвинутое в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик», свидетельствует о том, что советская федерация остается и сегодня важным средством дальнейшей демократизации национальной и межнациональной жизни. Вместе с тем «дальнейшее развитие дружбы и сотрудничества народов СССР в значительной мере зависит от углубления социалистической демократии».¹

В сегодняшних условиях особую значимость обретает такая организация, такое функционирование союзной и национальной государственности, при которых их объективная ценность и значимость совпадают с субъективным смыслом деятельности всех звеньев государственного аппарата, всех советских граждан и всех наций и народностей.

Воспроизводящееся в системе общенародной социалистической демократии единство всех советских наций и народностей, единство советского народа в целом выступает как процесс взаимодействия общества и государства в различных формах, соответствующих многообразию лежащих

¹ Там же, с. 15.

в их основе интересов. Реализация функций общенародного государства на разных уровнях его деятельности в условиях зрелого социализма все более зависит от личного смысла государственной деятельности и заинтересованной причастности к ней различных социальных и национальных групп советских людей. Вне такого взаимодействия невозможна реализация функции государства, определенной ст. 19, 20 Конституции СССР по формированию социально однородного общества и обеспечению возможностей для применения гражданами своих творческих сил.¹

В литературе отмечается, что при анализе функций социалистического государства следует учитывать субъективный фактор, под которым понимается осознанная деятельность людей и их объединений.²

Необходимое осознание объективного содержания функций социалистического государства осуществляется всем советским народом как единым субъектом политического властвования, специальными субъектами, призванными научно сформулировать содержание необходимых функций (прежде всего организациями, осуществляющими практическое и идеологическое руководство обществом - КПСС, специальными органами государства, научно-исследовательскими центрами и т. д.), а также всеми социальными слоями, 'национальными общностями, локальными группами, составляющими их индивидами. Осознание содержания функций социалистического государства как основных направлений его деятельности, связанной с потребностями общественного развития, - важный момент в становлении и укреплении государственного единства советского народа. При этом суть проблемы заключается в самом механизме «осознания», который часто сводится к культурно-воспитательной функции государства.

В исследованиях функций социалистического государства вообще и государства общенародного в частности этому

¹ Конституция СССР (Основной Закон), ст. 19, 20.

² См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое государство, с. 127.

вопросу уделяется недостаточное внимание, не говоря уже о том, что этот вопрос не изучен применительно к союзному и национальному государствам. Относительно полно исследована руководящая роль КПСС в обосновании основных направлений государственной деятельности, в осуществлении функций социалистического государства, в совершенствовании их форм и методов.¹ В регулировании национальных отношений роль субъективного фактора раскрыта также применительно к организационной и идеологической деятельности Коммунистической партии, создающей благоприятные условия для дальнейшего постепенного сближения наций и народностей, не допускающей искусственного форсирования или каких бы то ни было попыток сдерживания этого процесса, искусственного закрепления национальных особенностей.²

Раскрытие конституционных положений о руководящей роли партии в общегосударственном и национально-государственном строительстве не исчерпывает поставленную проблему. В полном объеме она выступает как проблема объективного и субъективного в функциях общенародного государства и должна рассматриваться на базе конкретного социологического материала.

Теоретическое определение функций общенародного государства лишь фиксирует общее, не затрагивая специфических связей особенного и единичного и соответствующих им противоречий функционирования политико-правовой системы.

Функции государства в качестве основных направлений его деятельности выступают как необходимый (объективный) момент в отношении всего советского народа, взятого в целом как единое общество. Но общество сегодня еще не является социально и национально однородным. Поэтому субъективный момент функционирования общенародного

¹ Там же, с. 127-128.

² См.: Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина о социалистическом государстве и праве: История развития и современность. М., 1978, с. 321-322.

государства следует рассматривать на различных уровнях его организации, в том числе федеративном и национально-государственном.

В проблеме активизации субъективных факторов национально-государственного развития необходимо выделить, по крайней мере, три основных аспекта: деятельность работников государственного аппарата по осуществлению национальной политики партии и Советского государства; представительство трудящихся всех национальностей в государственных органах республик и Союза ССР в целом; вовлечение всех социальных и национальных групп, составляющих их индивидов в процесс государственного и общественного управления.

Намеченные здесь вопросы имеют принципиальное значение для определения места и роли национальной советской государственности в единой системе социалистического федерализма и, соответственно, в опосредовании процесса сближения советских наций и народностей.

Национальная советская государственность и сближение наций

С точки зрения теории государства вопрос о месте и роли национальной государственности в сближении наций выступает прежде всего как вопрос о форме государства. Устройство наций и народностей в виде различных форм национальной государственности и их федеративное объединение является внешней политико-правовой формой обеспечения межнационального единства и сближения наций. Внутренней формой выступает политический режим народовластия,¹ социалистическая демократия, неуклонное проведение которой во всех сферах социальной жизни рассматривается в ленинской теории национальных отношений в качестве подлинной основы и гарантии свободного сближения наций.

Такое подразделение властно-организационных форм закрепления и обеспечения сближения социалистических наций условно в том смысле, что социалистический федерализм, различные формы национальной советской государственности сами являются проявлением социалистического демократизма в сфере национальных отношений.² Значение демократии для коммунистического преобразования национальных отношений вообще выходит за исторические рамки собственно национально-государственных отношений,³ но в условиях социализма последние являются выражением социалистического демократизма и в этом качестве важным средством развития и сближения наций.

В качестве властно-организационной формы национального развития и государственно-правового опосредования

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия. М., 1970, с. 233-240.

² См.: Национальные отношения и государство в современный период. М., 1972, с. 23, 37; Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина о социалистическом государстве и праве: История развития и современность, с. 304, 307; Тадевосян Э.В. В.И. Ленин о государственных формах решения национального вопроса. М., 1968, с. 16-17.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 289; Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 104-105; т. 27, с. 252-253.

межнациональных отношений национальная советская государственность в своей деятельности непосредственно выполняет задачу обеспечения социально-политического и государственного единства советских наций и народностей.

Можно выделить два основных аспекта структурно-функциональной характеристики национальной советской государственности, связанной с опосредуемым ею процессом сближения наций: проблему отражения процесса сближения советских наций и народностей в развитии содержания и форм национальной государственности и, соответственно, формы государственного устройства в целом; проблему сближения наций в практической деятельности национальной государственности по решению основных задач коммунистического строительства, достижению социальной однородности и единства советского народа.¹

Эмпирически вопрос о государственно-правовых формах сближения наций, властно-организационных и правовых формах их единства выступает прежде всего как вопрос о форме государственного устройства, а политическая форма организации национальных отношений отражает существующие национальные различия, уровни национального развития и соответствующие им формы государственного самоопределения.²

Сами формы государства, равно как и степень централизации государственного механизма, обуславливаются уровнем исторического развития общества, народа, нации,

¹ К структуре национально-государственного строительства можно подходить с точки зрения содержательной функциональности (т. е. направления деятельности) и с точки зрения функциональной предметности (т. е. опредмеченных функций). В первом случае национально-государственное строительство рассматривается и изучается в плане его назначения и цели, а во втором - в плане его институтов и учреждений, реализующих функции государства. Исследование структурной организации национальной государственности должно идти по этим двум линиям, с тем чтобы, подытожив их, можно было получить целостный результат (См.: Зиманов С.З. Вопросы методологии изучения национально-государственного строительства. - В кн.: Вопросы национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1977, с. 23).

² См.: Шевцов В.С. Национальный суверенитет. М., 1978, с. 95-96.

продуктом которых они являются,¹ а также спецификой исторического развития страны, национальными традициями, территориальными особенностями расположения страны, внешними условиями развития, политической обстановкой и т. п.² Но определяющим фактором выступает уровень развития, формационная принадлежность развивающейся общности, политические результаты социальных изменений которой в целом фиксируются в понятии «исторический тип государства»,³ а более конкретно - в содержании государства, выражающем социальную структуру власти, ее социальную направленность, внешне выступающую именно в форме государства и его деятельности.

Форма государства в целом и форма организации государственного единства наций в частности более или менее адекватно отражают характер национального развития, его социальной исторической ориентации и соответственно исторически определенный характер и уровень межнациональной интеграции.

Нам представляется, что высказанное в литературе положение, согласно которому формы национальной советской государственности первоначально зафиксировали разнообразие уровней развития наций и народностей нашей страны и ныне существующее многообразие национальных форм государственности, является результатом национального возрождения, развития советских народов в их сближении,⁴ в целом верно, но требует некоторой исторической и теоретической конкретизации. Это тем более необходимо, что в некоторых исследованиях вопрос о связи уровня национального

¹ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия, с. 241-245.

² Подробнее см.: Чиркин В.Е. Формы социалистического государства. М., 1973, с. 76-77 и др.

³ См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Основные институты и понятия, с. 228; Чиркин В. Е. Указ. раб., с. 62; см. также: Козина А. Нация в истории и современности. М., 1978, с. 203.

⁴ См.: История национально-государственного строительства в СССР. М., 1972, т. 1, с. 17; Тавадов Г.Т. Строительство коммунизма и развитие национальных отношений. М., 1973, с. 65 и др.

развития и, соответственно, сближения наций ставится в прямую связь с формами внешнего государственного конституирования наций, а развитие форм национальной советской государственности рассматривается через внешнее движение этих форм - от низших к высшим (от национального округа до союзной республики в политическом самоопределении наций), а также через призму развития компетенции национальных республик и Союза ССР. При этом основания и направленность таких преобразований, их тенденции рассматриваются неоднозначно.¹

В процессе развития национальной государственности исследователи не раз обращались к проблеме ее формы. В 50-60-х гг. основное внимание их было направлено на конкретизацию объективных признаков или критериев, необходимых для повышения статуса (формы) национальной государственности.²

Исходя из того, что нации достигли в своем развитии фактического равенства, что процесс выравнивания в основном закончен, ставился вопрос о необходимости привести форму в соответствие с ее содержанием и во избежание отрыва субъективного момента от объективного преобразовать все автономные республики в союзные.³ В то же время другие авторы предлагали противоположное решение - преобразовать союзные республики в автономные.⁴

В 70-80-х гг. освещение вопроса о тенденциях в измене-

¹ Причина, очевидно, заключается в том, что тенденции изменения национально-государственных форм на различных этапах развития нашего общества не совпадали в своих видимых проявлениях, равно как и развитие компетенции союзных и республиканских органов. Эти тенденции, взятые на каком-то этапе развития, рассматривались порой как общие. Так, временные расширения или сужения прав субъектов федерации трактовались как устойчивые тенденции. См., напр.: Общая теория государства и права. Л., 1968, с. 199; Цамерян И.П. Теоретические проблемы образования и развития советского многонационального государства. М., 1973, с. 256 и др.

² См.: Златопольский Д.Л. Указ. раб. М., 1968; Равин С.М. Теория советского федерализма. Л., 1962.

³ См.: Равин С.М. Указ. раб., с. 452, 455.

⁴ См.: Кислицын И.М. Вопросы теории и практики федеративного строительства Союза ССР. Пермь, 1969, с. 118, 165, 178-179, 184-185.

нии форм национальной государственности принципиально не изменилось. По-прежнему преобразование низших форм в высшие рассматривается как основная тенденция,¹ ставится и вопрос об унификации форм национальной государственности, но для обоснования конкретных форм выдвигаются новые аргументы. Особое значение придается волеизъявлению нации, интересам других наций и народностей, внешнеполитическим факторам.² Различия в существующих ныне формах национальной советской государственности иногда связываются непосредственно с характером или уровнем воплощенного в них суверенитета.³

Достижение фактического равенства наций и народностей нашей страны, их всестороннего развития и сближения, завершение в основном выравнивания уровней их социально-экономического развития, формирование исторически новой общности людей предполагает необходимость новой научной интерпретации вопроса о развитии форм социалистического государства вообще и национальной советской государственности в частности.⁴

¹ См., напр.: Лепешкин А.И. Советский федерализм в период развитого социализма. - Советское государство и право, 1975, № 8.

² Баймаханов М.Т. Конституционные вопросы развития национальной государственности в системе советской федерации. - Право-Ведение, 1982, № 5, с. 11; Халилов Л. Н. Основные проблемы государственно-правового строительства Российской федерации. - Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1971, с. 7; Коркмасова К. Критерии формы национальной государственности в СССР. - Советское государство и право, 1970, № 11, с. 49-51; См.: Копылов И.Л. Закономерности развития государственности народов СССР. Орел, 1972, ;с. 123-124.

³ См.: Степанов И. М. Союзная государственность и вопросы теории социалистического суверенитета. - В сб.: XXV съезд КПСС и дальнейшее развитие Советского государства, демократии и права. •М., 1977, с. 23-24; О несостоятельности такого подхода к интерпретации форм национальной советской государственности см.: Шевцов В.С. Национальный суверенитет. М., 1978, с. 117-118.

⁴ См.: Достоинo встретим 60-летие СССР. - Советское государство и право, 1982, № 5, с. 3-4. В некоторых исследованиях указывается на возможность появления новых форм государственности, в других прямо говорится о задаче разработки таких форм.

Анализ имеющихся теоретических разработок в этой области убеждает, что логически невозможно объяснить существующее многообразие форм национальной советской государственности, если исходить из того, что характер и уровень развития наций и народностей имеет прямую и однозначную проекцию на формы их внешнего политического бытия. Соответственно невозможно по движению только этих форм судить об уровне развития и сближения наций.

Следовательно, необходимо от внешних форм национальной государственности перейти к рассмотрению содержания национальных процессов в целостном социально-политическом и государственно-правовом выражении, в движении внутренней формы государства, понимаемой как режим народовластия. Иначе говоря, необходимо проанализировать развитие национальной государственности в связи с развитием социальной структуры власти. Это предполагает необходимость исследования характера и меры соотношения объективного и субъективного как в определении политической формы национального бытия и формы межнационального взаимодействия, так и в содержании и функционировании власти в национальных республиках. Диалектика объективного и субъективного в этой сфере может быть понята и теоретически точно выражена только в контексте совокупной социальной деятельности. Единство национальной общности, имеющее своим основанием деятельность, социально расчлененную и иерархически структурированную, воспроизводится и в особой форме деятельности - властно-организационной. Мера причастности различных социальных и национальных слоев к этой специфической деятельности, разделение соответствующих ролей отражают характер власти в национальном государстве.

Объективная обусловленность формы государственной организации в ходе исторического развития все более смыкается с субъективными факторами общественного бытия и общественного сознания. Причем субъективный фактор общественного развития, обретая особое значение в сфере политико-правовых отношений, оказывает существенное

воздействие на конституирование государственных форм национальных отношений. В последние годы исследователи все больше внимания акцентируют на значении субъективного фактора в этой сфере.

Значимость субъективного фактора в сфере национально-государственного строительства, как и в сфере достижения государственного единства советского народа, в целом не сводится к одновременному акту волеизъявления нации при выборе формы государственного бытия. Воспроизведение государственного единства наций и единства более высокого уровня - государственного единства советского народа - не единовременный акт политического выбора, а динамичный процесс политической деятельности наций, вовлекающих в дело осуществления государственной власти все более широкие слои населения. Поэтому общий вопрос о повышении взаимной ответственности государства и личности в условиях развитого социализма имеет реальную основу и в сфере национально-государственного строительства.

Взятая на каждом этапе общественного развития мера демократических прав и свобод индивидов и образуемых ими общностей определяет характер и уровень социального и межнационального единства общества, конкретное соотношение внутренних и внешних организационных способов его обеспечения. Единство это содержит в себе определенное противоречие, обусловленное различием в характере и уровнях развития образующих общество социальных и национальных сил и проявляющееся в сочетании общих и специфических способов его обеспечения - посредством общедемократических институтов и институтов национально-государственных.

В теоретических исследованиях этот вопрос рассматривается в связи с определением понятия национальной советской государственности и характера власти в национальных республиках.

Исследователи ставят вопрос о содержании власти в национальных республиках в связи с определением самого понятия национальной советской государственности. Эта

проблема рассматривается как дилемма: является национальная советская государственность формой организации власти коренной национальности¹ или всего населения данной республики, области, округа.²

В такой постановке смещаются два близких, но не совпадающих понятия - нация и национальность. Первое выражает историческую форму общности, принадлежность к определенному этносу по происхождению.³ Это означает, что в условиях усиливающейся многонациональности (по этнической принадлежности) национальных республик инонациональные по происхождению лица, проживающие среди коренного населения, фактически (объективно) включаются в данную национальную общность, поскольку в своей практической деятельности (производственной, социально-культурной, научной и т. д.) воспроизводят единство именно этой общности. В плане же властно-организационном они являются гражданами данного национально-государственного образования и несут всю полноту обязанностей и прав, вытекающих из принадлежности к этой общности.

Для выявления качественной определенности националь-

¹ Эту точку зрения высказал А.В. Радвогин. Он определял национальную государственность как «организацию политической власти трудящихся компактно расположенной нации (народности) в форме Советов и подотчетных им органов, обеспечивающих с учетом национальных особенностей и потребностей ликвидацию национального неравенства, расцвет национальной экономики и культуры на базе победы социализма и слияние социалистических наций (народностей) на основе укрепления дружбы и взаимопомощи в коммунистическом строительстве» (См.: Радвогин А.В. Киргизская ССР - форма советской национальной государственности. Фрунзе. 1967, с. 33).

² См.: Раджабов С.А. Основные этапы развития национальной государственности народов Средней Азии. - В кн.: Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства в СССР. Душанбе, 1968, с. 7; Холмогоров А.И. Единый и многонациональный, С. 75. Политическая организация развитого социалистического общества (правовые проблемы). Киев, 1976, с. 148; Тадевосян Э.В. Советская национальная государственность и перспективы ее развития. - В кн.: Актуальные вопросы развития национальных отношений в свете решений XXIV съезда КПСС. М., 1972, с. 77.

³ См.: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 13.

ной советской государственности в целом и конкретных путей углубления демократии внутри той или иной национальной общности (национального государства) этнический состав ее до известного предела не имеет принципиального значения. Это связано с тем, что, во-первых, сохраняется национальная определенность данной политико-правовой общности, национальные основы ее существования и, во-вторых, постоянно воспроизводится ее общеполитическая, демократическая основа. Это, однако, не снимает вопроса о конкретном содержании национальной советской государственности, структуре власти, способах ее институализации и функционирования. Но содержание проявляется как в процессе всестороннего развития коренной нации (народности),¹ так и в процессе сближения наций и народностей, усиления их интернациональных связей.² Разрешение возникающих здесь вопросов, касающихся необходимого сочетания различающихся интересов, составляет один из важнейших аспектов национальной политики, воплощающейся в деятельности союзной и национальной государственности.

В этом смысле К. Коркмасова правильно определяет основное содержание национальной государственности, ее структурный и функциональный аспекты. «Советская социалистическая национальная государственность (многонациональная по своей этнической структуре), - пишет она, - есть форма организации политического самоопределения социалистических наций и народностей, выражающая их суверенность и являющаяся важнейшим фактором развития экономики и культуры, способствующим нарастающему сближению советских наций в процессе строительства социализма и коммунизма».³ Это, однако, не значит, что национальную советскую государственность, ее структурную и

¹ См.: Коваленко А. И. Советская автономия (на материалах Удмуртской АССР). Ижевск, 1977, с. 61.

² См.: Халилов А. Е. Пути совершенствования советской национальной государственности. - Советское государство и право, 1982, № 12, с. 27.

³ Коркмасова К. Советская национальная государственность - важный фактор единства народов СССР. - Советское государство и право, 1976, № 8, с. 16.

функциональную характеристики можно интерпретировать однозначно, исходя из национальной природы, взятой как основание ее бытия,¹ независимо от того, на каком уровне эта «природа» берется: на уровне национальных прав, суверенитета, психологии или самосознания.

Национальную советскую государственность, как и государство вообще, нельзя выводить из самосознания или из так называемого «национального духа», поскольку последние сами нуждаются в обосновании и часто объясняются именно посредством национально-политической общности, политических идей и институтов, ближе всего стоящих к реальной национальной жизни.

Теоретически национальная государственность может быть воспроизведена на собственной основе как специфический момент развития гражданского (национального) общества, как особенность (наряду и в соотношении с другими особенностями) национального развития. В этом смысле можно исходить из национального суверенитета, понимаемого как верховенство и независимость, другими словами, как власть всеобщего (национально-всеобщего) над его составными, особенными моментами. Такой подход имеет определенный эвристический и практический смысл, но он не позволяет определить роль, место и перспективы развития национальной государственности в системе союзного государства. В этом определении национальной государственности не раскрывается ее качественная специфическая определенность, она рассмотрена лишь как акциденция суверенитета. Суверенитет же берется как нечто данное, самоочевидное, а следовательно, не может быть исходным пунктом теоретического исследования.

«Национальная советская государственность, являясь са-

¹ К. Кормасова считает аксиоматичным положение, что первопричиной образования национальной государственности является существование наций. (Кормасова К. Национальная государственность в СССР. Ростов-на-Дону» 1970, с. 157). А.З. Бегиян усматривает причину национальной советской государственности в существовании наций вообще «с их бытом, языком, специфическими интересами» (Бегиян А.З. Ленин и советская национальная государственность. Ереван, 1974, с. 168).

ма системной целостностью, в то же время входит в другую систему более высокого уровня, в социалистическую государственность, и по отношению к последней выступает как момент, аспект этого широкого целого». ¹ Исходя из этого, можно было бы сказать, что «главное методологическое требование состоит в том, что национально-государственное строительство в союзных республиках во всей своей конкретности может быть изучено и познано только в тесной связи с развитием социалистического государства, в рамках его закономерностей и политики». ² Это позволяет преодолеть сугубо внешний подход к развитию национальной советской государственности, основанный на неадекватной трактовке связи формы национальной государственности с развитием общесоциальных процессов у различных наций и народностей нашей страны и, соответственно, с развитием социальной структуры власти в национальных республиках.

Установленный в теории марксизма примат социального над национальным, являющийся результатом исторического движения к последовательному расширению человеческих общностей на закономерно развивающейся социально-экономической основе, в аспекте политико-правовой организации проявляется как процесс становления и развития власти трудящихся во всех сферах социального взаимодействия национальностей, независимо от конкретной формы национально-государственного конституирования. По мере усиления социальной однородности общества и сближения наций как его составного момента общесоциальная структура власти все более выступает определяющим фактором реализации как общих, так и национальных интересов трудящихся.

В этой связи в специальных исследованиях фиксируется определенная теоретическая и отчасти практическая (в зависимости от выводов) проблема, которая в общем плане формулируется в вопросе о том, является ли самостоятельная

¹ Зиманов С.З. Вопросы методологии изучения национально-государственного строительства. - В кн.: Вопросы национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1977, с. 20.

² Там же, с. 21.

политическая (государственная) организация обязательным признаком национальной общности,¹ а по существу и практически вопрос заключается в том, необходим ли и в какой мере национальной общности для целей ее самосохранения и развития особый политико-правовой статус и особое место в политической системе советского общества? В партийных документах эта же проблема формулируется в качестве задач определения оптимальных путей развития отдельных наций и народностей.

По первому абстрактно-теоретическому вопросу существуют два взгляда. Первый заключается в том, что вне особой политической определенности нация как общность реально не может существовать. Особенно четко эта точка зрения прослеживается у А.Г. Агаева, который считает, что национальное развитие есть прежде всего развитие политическое, и «нация без своего государства, правительства, законодательства не нация, а подобие нации».² Подобную позицию занимает и С.Т. Калтахчян, обосновывая ее соответствующими положениями из трудов классиков марксизма-ленинизма, а также ссылками на целесообразность такой формы национального развития и национального прогресса.³

В юридических работах такие взгляды развивает В.С. Шевцов. Он, хотя и не касается проблемы признаков нации, связь национальных отношений и национального государства рассматривает как непосредственную на том основании, что национальные отношения являются по преимуществу политическими, а потому и с необходимостью включаются в сферу государственных интересов и государственной политики, и

¹ Агаев А.Г. Объективный закон национальных отношений в развитом социалистическом обществе. - В кн.: Ленин и советское многонациональное государство. Махачкала, 1974, с. 158-192; Козинг А. Нация в истории и современности. М., 1978, с. 202-218; Калтахчян С. Г. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1976, с. 241-248; Куличенко М.И. Расцвет и сближение наций. М., 1981, с. 72-75; Советский народ и диалектика национального развития. Баку, 1972, с. 27 и др.

² Агаев А.Г. Указ. раб., с. 158.

³ См.: Калтахчян С. Г. Указ. раб., с. 247-248.

что природа национальных отношений как отношений социальных непосредственно характеризует сущность государственной власти в многонациональном обществе.¹

А. Козинг рассматривает соотношение нации и государства в историческом плане. Применительно к буржуазной эпохе он воспроизводит известное ленинское положение о том, что национальное государство есть правило и «норма» капитализма.

Рассматривая эпоху социализма, А. Козинг категорически утверждает, что «поскольку в социалистическом обществе нет национального угнетения или каких-либо других факторов, препятствующих действию закономерной тенденции всех наций к образованию своего государства, социалистическая нация принципиально характеризуется собственным государством».² Соответственно и общий вывод автора гласит, что «есть все основания считать национальную государственность общим признаком социалистической нации».³

Противоположный взгляд основывается на констатации общеизвестного положения о том, что у нас не все национальные общности конституировались в особые государственные формы организации и тем не менее продолжают развиваться в качестве наций. М.И. Куличенко пишет, что опыт социализма «показал полную возможность всестороннего развития наций, народностей и без образования своего национального государства»,⁴ т. е., по его мнению, нет оснований считать национальную государственность признаком нации.⁵

Рассмотрение политической определенности (свойства) нации как ее обязательного или необязательного признака далеко от идеального, поскольку предмет в этом случае

¹ См.: Шевцов В.С. Некоторые вопросы теории советского союзного государства. - Советское государство и право, 1978, № 4, с. 25-26.

² Козинг А. Указ. раб., с. 210.

³ Там же, с. 211.

⁴ Куличенко М.И. Указ. раб., с. 74.

⁵ Там же, с. 75.

наделяется признаками, которые не выводятся из конкретного основания как необходимые проявления национальной жизнедеятельности и межнациональных отношений. Вместе с тем неодинаковость подхода к теме отражает процесс, в рамках которого в одних случаях национальные общности в ходе строительства социализма образуют особую политико-правовую (государственную) организацию, соответствующую характеру и целям их развития, в других же - используются для этого иные механизмы организации и саморегулирования общности в целях ее самосохранения и развития. Сравнительное исследование различающихся таким образом национальных общностей представляет значительный интерес для теории национально-государственного строительства, поскольку позволяет выявить общие начала и различие системообразующих связей, особенности культурно-исторических, социально-психологических и политико-правовых механизмов их обеспечения. Общая платформа рассмотренных выше точек зрения заключается в том, что исследователи исходят из общих условий существования и развития наций в интернациональном политически организованном обществе. Марксизм-ленинизм и политическая практика развития советского многонационального общества однозначно решают вопрос о свободе национального развития и национального самоопределения. За каждой нацией признается право на самоопределение, форма которого может быть общеполитической (т. е. существование наций в общих рамках данной политической организации) или национально-государственной. Но практика национальных отношений выдвигает новые проблемы и требует нового подхода к их решению.

Будучи рассмотренными в общем контексте задач коммунистического строительства, названные проблемы выступают, во-первых, в связи с необходимостью повышения роли всех наций и народностей в создании материально-технической базы коммунизма, в обеспечении эффективности общественного производства; во-вторых, формирование коммунистических отношений предполагает становление и

развитие особого типа национальных отношений; в-третьих, в связи с решением задачи воспитания нового человека, повышения его социальной и политической активности возникает вопрос об использовании специфических национальных институтов и форм.

Исследованы эти вопросы пока недостаточно. Высказаны суждения о том, что национально-государственная форма обладает особо действенными средствами для повышения эффективности общественного производства, благотворно сказывается на характере межнациональных отношений, повышает политическую и социальную активность граждан коренной национальности. Однако эти положения не нашли еще достаточного социологического обоснования, представленного в сопоставимых показателях. Не вполне ясен и общий вопрос о механизмах и факторах повышения национальной активности.

Одним из путей выявления значимости национально-государственной организации власти в развитии национальной общности, расширении и совершенствовании межнациональных связей является анализ характера и мотивов деятельности образующих эту общность классов, слоев, групп и индивидов, тенденций и направленности их развития. Так как основным смыслом и конечным итогом организации государственного единства нации, как и всего общества, является создание оптимальных условий для свободного развития людей, то и решение конкретного вопроса о формах национально-государственного или общеполитического обеспечения такого развития должно ориентироваться на этот определяющий принцип социалистического общества.

Теоретические разработки рассматриваемой проблемы не могут вместе с тем ограничиваться общими суждениями относительно возможностей той или иной государственно-правовой формы организации национальной жизни, поскольку в условиях развитого социализма многонациональность республик стала существенным фактором национальной жизни и межнациональных отношений. Процесс интернационализации внутриреспубликанских отношений сегодня находится

на таком уровне, который порождает объективную необходимость учета не только общих, но и особых интересов проживающих в национальных республиках инонациональных групп. В области политических, государственно-правовых отношений это проявляется в требовании обеспечения соответствующего представительства.

Требование партии соблюдать должное национальное представительство в партийных и государственных органах Советских республик¹ должно воплощаться именно в конкретных организационных и правовых формах и механизмах, поиск которых - прямая функция исследователей.

Исходной точкой для теоретической разработки проблемы, по нашему мнению, должно стать определение характера и реального содержания национальных интересов, объективно предполагающих необходимость политико-правового выражения (институирования) и представительства в общей системе политически значимых общественных (общенародных) интересов, представленных в политической организации национально-республиканской общности.

В данном случае национальный интерес берется как категория социологическая, т. е. рассматривается на уровне социальной (национальной) группы, достаточно представительной для того, чтобы выступать в качестве субъекта общезначимых (политических) отношений. Что касается индивидуального уровня межнациональных отношений, то они регулируются в общенормативном порядке, а особую политическую определенность обретают лишь в исключительных случаях.

Дальнейшая конкретизация национальных интересов предполагает различие национальных общностей (групп), проживающих в национальных республиках и не имеющих самостоятельной национально-государственной организации в рамках Советского государства вообще и общностей (групп), имеющих такую организацию, но проживающих вне ее, т. е. в других республиках. Такое различие необходимо,

¹ См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 56; Андропов Ю.В. Шестидесять лет СССР. М., 1982, с. 14-15.

хотя политический и правовой статус этих национальных групп (общностей) на сегодняшний день одинаковый. Основанием для такого разграничения может служить различие в характере их целостности, общей численности, содержания интересов в формах и способах их обеспечения.

Наиболее существенным является определение реального содержания национальных интересов, объективно требующих особой политической формы выражения и практического осуществления через соответствующий политико-правовой механизм. Речь идет в данном случае о теоретическом определении, которое может быть осуществлено, исходя из содержания национальной общности, из образующих ее связей. В исследованиях, рассматривающих в эпоху развитого социализма содержание и развитие национальных общностей, отмечается тенденция перемещения проблем национальных отношений в сферу социально-культурного, духовного развития.¹ Такой вывод обосновывается конкретными социологическими исследованиями. Учитывается при этом и тот объективный фактор, что в условиях утвердившейся общенародной собственности и сформировавшегося единого народнохозяйственного комплекса экономическая общность выступает больше чем основанием внутринациональной консолидации. Такое положение, обусловленное самим ходом интернационализации общественной жизни и прежде всего ее экономической сферы, предполагает возможность поставить вопрос об изменяемости системообразующих связей в национальной жизни и в национальных интересах; изменяется соответственно и угол зрения на проблему их политического выражения и обеспечения. Большее значение приобретают сферы, обеспечивающие социальную мобильность, общее и высшее образование, культура и духовное творчество, управление.

¹ Арутюнян Ю.В. Этносоциологические исследования наций, с. 185-200; Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 331-333; Приходько Д. Н. Диалектика национального и интернационального в новой исторической общности людей - советский народ. Томск, 1974, с. 1-33 и др.

В качестве гипотезы можно выдвинуть положение, согласно которому свобода развития и осуществления интересов инонациональных общностей и групп, проживающих в национальных республиках, реализуется в целом через деятельность общегосударственного (национально-государственного) механизма, демократические институты и нормы политической организации национально-республиканской общности. Выступая субъектами данной политической системы и соответственно более общей политической системы советского общества, эти общности и группы в целях повышения их социально-политической, творческой активности в разрешении общесоциальных задач и задач собственного развития могут приобретать особый политико-правовой статус и соответствующую организационно-правовую форму реализации общих и специфических интересов. Учитывая специфическую определенность национальных интересов и национальных связей в условиях развитого социализма, можно предположить, что политико-правовая форма организации и представительства рассматриваемых общностей и групп не вызовет необходимости создания особой политико-территориальной организации и соответствующего ей общего автономного конституирования данных общностей и групп. Конкретные организационные формы и механизм обеспечения представительства инонациональных общностей и групп в политической организации национально-республиканской общности и в национальном государстве будут определяться характером данных общностей и особенностями их интересов, требующих политико-правового обеспечения. Очевидно, что это касается прежде всего тех национальных общностей и групп, которые не относятся к нациям и народностям, обладающим самостоятельными формами национальной государственности в рамках Союза ССР.

Выдвинутые в качестве рабочей гипотезы положения нуждаются в теоретической и социологической аргументации и обосновании. Вполне отдавая себе в этом отчет, мы все же полагаем, что проблемы развития внутриреспубликанских

национальных отношений, обусловленные усилением процесса интернационализации, нуждаются в теоретическом и практическом осмыслении.¹

Всесоюзные переписи населения 1970 и 1979 гг. показали увеличение удельного веса лиц коренной национальности в большинстве союзных и автономных республик и сокращение их за пределами своих республик. Данные социологических исследований, приведенные Л.В. Хомичем, показывают, что молодежь, рожденная в смешанных браках, при выборе национальности предпочитает коренную, связывая с этим возможность получить льготы при поступлении в вуз, продвижение по службе и т. д.² По этому поводу Г.П. Литвинова и Б.С. Урланис пишут, что «одна из причин этого заключается в том, что в республиках сохраняются преимущества для социального продвижения представителям коренных национальностей, что было оправдано в первые годы Великого Октября и что требует изменения в современных условиях».³

Мы согласны с тем, что в нынешних условиях имеются серьезные основания для усиления общенормативного регулирования тех сфер социально-культурной и социально-политической жизни республик (высшее и среднее образование, культура, управление и др.), которые влияют на уровень социальной мобильности, социальный статус представителей разных национальностей. Вместе с тем нам представляется, что современный уровень интернационализации и соответствующий ему характер национальных отношений полагают еще необходимость сохранения, а в ряде случаев и образования, наряду с общедемократическими и общенормативными институтами и формами национальной государственности, и особых политико-правовых и организационных форм регулирования национального развития и

¹ См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 56-57; Материалы заседания Президиума Верховного Совета СССР 30 мая 1982 г. Правда, 1982, 31 мая; Андропов Ю.В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 13-16.

² См.: Хомич Л.В. О сохранении понятия «этнические процессы». - Советская этнография, 1969, № 5.

³ Литвинова Г.И., Урланис Б.И. Демографическая политика Советского Союза. - Советское государство и право, 1982, № 3, с. 45.

национальных отношений. Очевидно, что полностью переключиться на действие общих политико-правовых механизмов и социальных норм сегодня еще невозможно, поскольку еще сохраняются реальные национальные различия в некоторых важных сферах общественных отношений. Причем речь идет не о различиях на уровне «уходящей специфики», а на уровне образования, социального положения, социальных ролей, разделении труда вообще. Кроме того, следует иметь в виду, что не все проблемы межнациональных отношений поддаются общерегламентирующему формализованному воздействию.

Исследование современного этапа интернационализации общественной жизни и национальных отношений позволили Ю.В. Бромлею сделать важный вывод о том, что «межэтническая интеграция представляет магистральную линию взаимодействия народов в нашей стране». При этом под межэтнической интеграцией понимаются «многосторонние процессы взаимодействия уже сложившихся этнических единиц - народностей и наций - внутри одного государства».¹ Это означает также, что и национальные отношения внутри союзных республик в определенной мере носят интеграционный характер, т. е. не сводятся к индивидуальному, межличностному процессу национального общения, а выступают и в аспекте отношения относительно целостной общности.

Таким образом, интересы интернационализации национальной жизни и межнациональных отношений на данном уровне их развития предполагают необходимость сочетания общих и специальных политико-правовых механизмов регулирования национальных отношений в политической организации национально-республиканской общности, особенно в республиках с относительно компактными инонациональными анклавами.

Определяющим политическим мотивом создания на-

¹ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии, с. 332; См. также: Советский народ - новая историческая общность людей. М., 1975, с. 65-81, 155, 332.

циональной советской государственности, содержащим программу ее перспективного развития, было и остается обеспечение единства всех наций и народностей в их свободном, самостоятельном развитии и естественном сближении. Но сегодня решение проблемы национального развития и межнациональных отношений в значительной мере осуществляется внутри национальных республик, что является объективным фактором нынешнего уровня интернационализации общественной жизни.

Как исторически определенная форма организации социального единства этноса национальная государственность ориентирована на воспроизводство национальной целостности не на «природной», а на расширяющейся социально-исторической основе, и в этом заключена противоречивость ее назначения, двойственность тенденций развития.

Несмотря на то, что вопроса о тенденциях развития и исторической судьбе национальной государственности касались многие исследователи, проблема эта по-прежнему остается открытой.¹ И дело не только в том, что в литературе не выработана единая точка зрения. В вопросах, касающихся перспектив развития, прогнозов на будущее, возможны различные подходы и различные взгляды: нерешенность проблемы, скорее всего, заключается в различном толковании тех оснований, с которыми связываются перспективы развития национальной советской государственности.

В. И. Ленин писал, что социализм Маркса ставит вопросы о национальности и государстве на историческую почву «не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению».² Именно твердая историческая почва и нужна для конкретно-исторического рассмотрения перспектив национально-государственного строительства.

¹ Киселев Д.С. Некоторые методологические проблемы национально-государственных отношений в СССР. - Известия АН Туркменской ССР, 1972, № 1.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

В целом существующие точки зрения можно объединить в несколько групп. Одни авторы полагают, что советская национальная государственность перестанет быть необходимой раньше, чем отомрет государство вообще. Обосновывается эта точка зрения по-разному.

С.А. Раджабов стоит на той точке зрения, что процесс отмирания государства вообще и процесс отмирания форм национальной советской государственности не являются одним и тем же процессом¹ и связывает судьбу национальной советской государственности со стиранием национальных различий. «Не исключено, - замечает при этом С.А. Раджабов, - что отмирание форм национальной советской государственности будет связано не со стиранием всех национальных различий, а лишь существенных различий... Для отмирания форм национальной государственности достаточно лишь соответствующих внутренних условий, т. е. стирания национальных различий, которые обуславливают существование этих форм».² Такой подход к проблеме представляется нам предпочтительным и соответствует ленинскому требованию о конкретно-исторической, экономической и классовой постановке вопроса о сближении наций,³ хотя и нуждается в более полном обосновании. Такую позицию занимает и М.Б. Садыков. Он пишет, что «полное и всестороннее интернациональное единение народов является необходимым условием отмирания государственности народов, поскольку окончательно отпадут те обстоятельства, которые обусловили ее возникновение».⁴

Другая группа исследователей стоит на позиции «одно-

¹ Раджабов С.А. Ленин и советская национальная государственность. Душанбе, 1970, с. 577.

² Там же, с. 588.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 164. Вопрос о судьбах национальной советской государственности неразрывно связан с вопросом о сближении наций, достижении их полного единства. Ленинские требования к постановке вопроса о сближении наций, естественно, относятся и к постановке вопроса о национальной государственности.

⁴ Садыков М.Б. Единство интернациональных и национальных интересов в советском многонациональном государстве. Казань, 1974, с. 64.

временности» отмирания всех форм национальной государственности и государства вообще. Их точки зрения заключаются в следующем.

Опираясь на положение В.И. Ленина о том, что национальные различия будут существовать еще долго после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе,¹ они приходят к выводу, что национальная государственность будет существовать долго, даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе.

Поскольку стирание национальных различий, в особенности языковых, значительно более длительный процесс, чем стирание классовых различий,² то процесс отмирания союзной и национальной государственности будет проходить как единовременный акт.

Исходя из того, что существуют особые национальные интересы, а национальная государственность в условиях многонациональной страны является неперменным условием демократии, строительство коммунизма, обозримое будущее предполагают сохранение и совершенствование как общесоветской, так и национальной государственности.

Национальная форма государственности остается необходимой вплоть до отмирания государственности вообще, поскольку стирание национальных различий более длительный процесс, чем стирание классовых различий и создание предпосылок к безгосударственному коммунистическому общественному самоуправлению.³

Общим в обосновании занимаемой позиции является тезис о длительном сохранении национальных различий. Методологически этот аргумент базируется на том тезисе, что национальные различия более устойчивы по сравнению с

¹ См.: Мнацаканян А.Н. Ленин и решение национального вопроса в СССР. Ереван, 1970, с. 203-204.

² Холмогоров А.И. Единый и многонациональный. Рига, 1970, с. 90; Ерешенко Н. Ф. О роли автономной национальной государственности в развитии социалистических наций и народностей. - В кн.: Демократия развитого социалистического общества. Владивосток, 1977, с. 82.

³ См.: Тадевосян Э.В. Советская национальная государственность и перспективы ее развития, с. 78.

классовыми. Этот тезис детально развил Д.С. Киселев. Говоря о различии факторов социально-экономических, политических и национальных, он пишет, что «национальные и вообще этнические факторы по сравнению с политическими действуют на протяжении более длительного периода», «социально-экономические - на всем протяжении существования наций и их государственности». Из относительной самостоятельности «национальных и вообще этнических процессов» делается вывод: «Они будут носить политический характер до тех пор, пока не созреют условия для ликвидации классовых и национально-государственных различий, для отмирания государства вообще».¹ На наш взгляд, здесь в определенной степени смещены акценты с «национального», на «этническое вообще», в результате последний фактор наделяется политическим статусом. Между тем объективное рассмотрение этих вопросов показывает, что в марксизме никогда и нигде необходимость государства не объяснялась существованием этнических различий. Социально-классовые различия и противоречия - вот основа основ государства даже там, где оно первоначально возникает из завоеваний, из покорения одних этносов другими. Нация и национальная государственность как продукт определенного способа производства и способа социально-политических, идеологических отношений имеет реальное основание именно в самом характере этого способа, характере соединения разделенного труда и его предмета разделения социальных ролей, а не в традиционных и языковых формах общения. Следовательно, и национально-политические институты и нормы не находятся в необходимой, определяющей связи с собственно этническими особенностями. Речь идет, разумеется, о необходимых системообразующих связях и их формах, а не о том, что нации свойствен общий язык, традиционные нормы общения и т. п.

В этом смысле Тадевосян Э.В. совершенно прав, когда пишет, что языковые различия останутся еще долго после отмирания государства. Если же связывать существование

¹ Киселев Д.С. Указ. раб., с. 79.

национального государства с языковыми различиями, как это делает А. И. Холмогоров и некоторые другие авторы, то невозможно объяснить тот факт, что многие языки не имеют самостоятельного государственного существования. Следовательно, национальные различия имеют политическое, государственно-правовое значение прежде всего в качестве социально-экономических различий, различий социальной деятельности, социальных ролей. Только в этом качестве они делают необходимым существование специфических форм опосредования их связи, политических форм соединения различий и придают политический оттенок собственно этническим аспектам национальной жизни. К. Маркс и Ф. Энгельс доказали это в «Немецкой идеологии» со всей определенностью. Политическая структура нации воспроизводится постоянно ее социальной структурой, а последняя - экономической. Отсюда очевиден общий вывод о путях «снятия» политической формы и политических оттенков.

Вместе с тем это не значит, что национальные различия связываются только с различиями социально-экономическими. Это означает только, что вопрос о связи национальной государственности с национальными различиями нельзя рассматривать абстрактно. Не все различия требуют политического «представительства» в особых формах, поэтому когда говорят, что национальная общность гораздо более устойчива и долговечна, чем государственная, то это следует понимать как *cum grano salis*. Национальная общность не покоится на «национальной идее» или прочих «эстетических иллюзиях» больших и малых робинзонад, как говорил К. Маркс. Она имеет вполне реальную экономическую основу, соответствующую социальную и политическую структуру - основных определителей ее устойчивости и тенденций развития.

Это не означает также отрицания возможности одновременного отмирания национальной государственности и государства вообще, а лишь показывает недостаточную основательность некоторых аргументов в пользу данной точки зрения. В отношении апелляции к национальным интересам

и демократии мы уже высказались раньше. Что же касается того, что противоположная точка зрения противоречит Программе КПСС, то это неверно по существу. Программа партии, говоря о развитии и совершенствовании федерации и форм национальной государственности, не предрешает конечного исходного их развития.

В постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» говорится: «Союз ССР - это динамичная и эффективная форма государственного объединения советских наций и народностей, рассчитанная на весь исторический период постепенного перерастания социалистической государственности в коммунистическое самоуправление».¹

Подчеркивая динамичный характер союзного государства, партия нацеливает на дальнейшее исследование национальных проблем, вытекающих из факта жизни и труда в рамках единого государства множества наций и народностей, из сохраняющихся национальных различий.²

Вопрос о судьбах и тенденциях развития национальной советской государственности, таким образом, в своей основе есть вопрос о ее назначении, решаемых ею задачах. Именно в этом сходятся все исследователи. На связь исторических перспектив национальной советской государственности с решением тех задач, которым была обязана национальная советская государственность своим возникновением и решающими успехами в сближении нации, С.З. Зиманов обратил внимание еще в 1962 г. «Национальная советская государственность, говорилось в его работе, возникла в определенных исторических условиях с определенной исторической задачей. Разумеется, по выполнению этой задачи она уступит место более совершенной организации, отвечающей новым условиям коммунистического строительства. Надо думать, что по достижении решающих успехов в сближении наций вряд ли будет особая надобность в сохранении

¹ О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Постановление ЦК КПСС от 19 февраля 1982 г. М., 1982.

² См.: Андропов Ю.В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 10.

национальной советской государственности. Этот процесс произойдет, вероятно, до того, как отомрет социалистическая государственность вообще».¹

Задачи и функции национальной советской государственности, вытекающие из ее политико-правового содержания как организации власти национальной общности и составной части системы социалистического федерализма, определяют ее место и роль в сближении социалистических наций, а также тенденции и перспективы развития.

В научных исследованиях принято подразделять эти задачи на общие и специфические. Задачи национальной советской государственности имеют две стороны: «Национальная советская государственность как органическая составная часть социалистического государства в целом имеет общегосударственную задачу, т. е. такую же задачу, какую несут обычные административно-территориальные единицы, его составляющие. Другую сторону задач национальной советской государственности составляет отражение специфически национального».²

В литературе четкого подразделения задач на общие и специфические не дается. Общее и особенное не существуют вне взаимосвязи и взаимопереходов, поэтому наиболее общие задачи национальной советской государственности рассматриваются как идентичные задачам социалистического государства вообще. Национальная государственность при этом выступает как орудие социалистического строительства и в этом усматривается ее основное назначение. Такой взгляд верно отражает общефункциональную характеристику национальной государственности как социалистической, но недостаточен для характеристики этой государственности как национальной. Задача обеспечения оптимальных социально-экономических, политических условий развития наций при таком рассмотрении исчезает из поля зрения, общее поглощает особенное, через которое оно само должно проявляться.

¹ Зиманов С.З. Некоторые вопросы теории советской национальной государственности. Алма-Ата, 1962, с. 20.

² Зиманов С.З. Указ. раб., с. 6-7.

Решение задач социалистического и коммунистического строительства и решение национального вопроса - это две стороны одной и той же проблемы. Социалистическое решение национального вопроса в основных аспектах осуществляется в процессе социально-экономических, культурных, политических преобразований, совпадающих у всех наций и народностей. Но эти преобразования осуществляются в специфических условиях национальной жизни, особенности которой заданы не только конкретным социально-экономическим разделением труда, но и характером предшествующего исторического развития.

Задачи специфические связываются с реализацией национальных интересов, причем специфическое в интересах в одних случаях отождествляется с национальным вообще, а в других - как часть национального. В соответствии с этим специфические задачи национальной государственности в одних случаях рассматриваются как задачи развития нации, ее экономики, культуры и др.,¹ задачи обеспечения нациями условий равноправного, братского и взаимопольного сотрудничества,² в других - в отражении в ее деятельности исторического прошлого, языка, культуры, традиций, психологии и т. д.,³ любви к своей национальной государственности.

Нам представляется, что специфические задачи национальной советской государственности нельзя, с одной стороны, отождествлять с решаемыми ею задачами вообще, а с другой - сводить к узкой национальной специфике и в соответствии с этим конструировать особые функции.

Определение задач национальной советской государственности, выделение общих и особенных должны стать предметом конкретно-исторического рассмотрения. История национально-государственного строительства в нашей стране свидетельствует не только о различии специфических задач национальной государственности разных народов нашей страны (как отражение условий, характера и уровня их раз-

¹ См.: Бегиян Л.Е. Указ. раб., с. 161.

² Коркмасова К. Указ. раб., с. 116.

³ Холмогоров А.И. Единый и многонациональный, с. 77.

вятия), но и о временном несовпадении решения ряда общих задач. В этом несовпадении - один из источников противоречий в национальных отношениях, в процессе сближения наций и народностей.

В исследовании конкретных задач национальной государственности точно так же, как в политике вообще, предмет должен рассматриваться в целом, в его движении за какой-то достаточно длительный период. Только так можно понять действительное значение и место, например, такой важной задачи, выполненной национальными государствами народов Средней Азии и Казахстана, как содействие формированию социалистических наций, обеспечения социально-политического единства нации в ее поступательном развитии.

Решаемые национальной советской государственностью задачи проявляются прежде всего в основных направлениях ее деятельности, в ее функциях. В них специфические задачи национальной государственности выступают как специфический момент в общих функциях.¹

Функциональная определенность национальной государственности в сближении наций проявилась прежде всего в том, что она выступила важным фактором этнической консолидации и прежде всего политической формой единства складывающейся нации. Национальная советская государственность стимулировала развитие внутринациональных процессов и направляла их, обеспечивала социалистическое развитие наций как существенный момент их интернационального единения. Эту функцию она могла выполнять только в качестве специфической формы власти трудящихся, организационно отраженной в системе Советов.

В условиях зрелого социализма деятельность национальной государственности все более наполняется интернациональным содержанием. Она выступает существенным фактором развития и укрепления государственного единства советского народа. В качестве специфического субъекта политической системы советского общества ей принадлежит особая роль в управлении процессом сближения наций.

¹ См.: Зиманов С.З. Указ. раб., с. 19.

ГЛАВА III

НАЦИОНАЛЬНАЯ СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ СБЛИЖЕНИЕМ НАЦИЙ

Управление развитием национальных отношений

Долгое время существовало мнение, что национальные отношения как таковые не могут быть объектом управления со стороны государственных органов. Считалось, что сама постановка «управление национальными отношениями» неправомерна. При этом в качестве основного довода выдвигалось то, что эти отношения по своей природе настолько своеобразны и чувствительны, что всякое властное вмешательство может принести вред. Вместо термина «управление национальными отношениями» рекомендовалось употреблять «научное руководство», «руководство» или «научное управление национальными отношениями», что почти одно и то же по содержанию.

В последние годы появились работы, в которых употреблялся термин «управление национальными отношениями».¹ Правда, и в них управление в основном сводится к руководству национальными отношениями и формированию политики КПСС в этой области. Например, в одной из указанных работ поставлена задача «обосновать и развить теорию управления национальными отношениями в период развитого социализма в СССР».² Авторы решают ее в основном в общетеоретическом плане, путем рассмотрения структу-

¹ Развитие и сближение советских наций: Проблемы управления. Алма-Ата, 1978; Холмогоров А.И. Национальные отношения в социалистическом обществе: Проблемы научного управления. Киев, 1982 и др.

² Развитие и сближение советских наций: Проблемы управления. Алма-Ата, 1978, с. 9.

ры наций и национальных отношений, их особенностей как объекта управления. Они подробно излагают основные принципы руководства и научного управления национальными отношениями, в системе которых руководящая роль принадлежит КПСС.

Вопросы же управленческой деятельности государства и его органов они не рассматривают, но признают, что «вопросы управления национальными отношениями в нашей стране относятся к числу малоисследованных проблем».¹ Жизнь подтверждает, что в национальных отношениях, в их прогрессе и развитии роль субъективного фактора в условиях развитого социализма не уменьшается, а, наоборот, всемерно возрастает. Это связано с тем, что общественная жизнь и входящая в нее национальная жизнь становятся все сложнее как по структуре и составу, так и по связям между ее составными частями. Противоречивы и условия, при которых происходят движение и развитие общественной жизни, в том числе и национальной. В системе субъективных факторов, обеспечивающих развитие национальных отношений, ведущая роль принадлежит КПСС.

Руководящая и направляющая функция КПСС в области национальных отношений учеными исследуется и разрабатывается активно и плодотворно. По мнению М.И. Куличенко, содержание научного руководства КПСС развитием национальных отношений заключается: 1) в раскрытии закономерностей развития и сближения наций и народностей; 2) в определении целей и задач в области национальной жизни народов и их взаимоотношений на современном этапе и в ближайшей перспективе; 3) в анализе сущности и форм проявления национальных и интернациональных процессов расцвета и сближения наций; 4) в выборе средств, форм и методов достижения основных целей в области национальных отношений; 5) в изучении накопленного опыта и внедрении наиболее ценного из этого опыта в практику развития и взаимоотношений наций. Руководство партии развитием

¹ Развитие и сближение советских наций: Проблемы управления. Алма-Ата, 1978, с. 8.

национальных отношений является определяющим во всей сфере управления этими отношениями, однако оно не покрывает все управление, тем более не заменяет его.

На этом фоне исследования проблем научного управления и руководства со стороны КПСС национальными отношениями и комплекса субъективных факторов, способствующих совершенствованию и развитию этих отношений, отстающим участком теоретической мысли является изучение различных аспектов государственного управления национальными отношениями вообще, управленческой деятельности органов национальной советской государственности в особенности. На серьезном отставании в разработке этих вопросов сказалось и утвердившееся представление о том, что якобы управление экономикой, социальной жизнью и культурой заменяет управление национальными отношениями.

В литературе время от времени указывалось, что научное управление национальными отношениями нельзя сводить к управлению экономическими и социально-политическими процессами, составляющими основу развития этих отношений. Об этом более настойчиво писал М.С. Джунусов. По его мнению, «научно обоснованное руководство национальными отношениями выступает как особый, важный момент во всех управленческих сферах. Управление экономикой, социально-политическими отношениями и процессами развития духовной жизни советского общества включает в себя и управление национальными отношениями... Но, с другой стороны, было бы ошибочным считать, что управлением экономическими, социально-политическими процессами снимается сама проблема управления национальными отношениями».¹

Интересный подход к проблеме дан в работе «Научное руководство национальными отношениями в развитом социалистическом обществе»: «Национальные отношения раз-

¹ Джунусов М.С. Национальные отношения в социалистическом обществе как объект социального управления. – В кн.: Теоретические проблемы социального управления. М., 1968, вып. 1, 2, 4, с. 161-163.

витого социализма рассматриваются в научной литературе как сознательно управляемый процесс, важнейшим фактором которого выступает теоретическая и организаторская деятельность КПСС. Она предполагает политическое, экономическое и идеологическое регулирование взаимосвязей социалистических наций в рамках единого Советского государства». Политическое регулирование авторы рассматривают как политику партии в области национальных отношений, реализуемую через систему партийных организаций и органов государства. Экономическое регулирование осуществляется «как в форме государственно-правовых актов (Госплан, законы, указы и директивы и др.), так и за счет использования государственных рычагов финансового воздействия (хозрасчет, цена, прибыль и др.). Идеологическое регулирование предполагает воздействие идеологии марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма на сознание широких народных масс».¹ Не со всеми этими положениями можно согласиться. Так, не оправдано деление регулирований национальных отношений на политическое, экономическое и идеологическое. Трудно принять и тезис о том, что теоретическая и организаторская деятельность КПСС в области национальных отношений выражается в «регулировании взаимосвязей социалистических наций». В данном случае охвачена только одна сторона деятельности партии – регулирующая – и не охвачена в полном объеме его руководящая деятельность в сфере национальных отношений. Вместе с тем авторы признают роль органов государства, его властно-правовых актов и рычагов государственно-го механизма в регулировании, а следовательно, в развитии национальных отношений. Правда, управленческая деятельность органов государства включается то в категорию политического регулирования, то в экономическое регулирование.

Национальные отношения, как и отношения экономические и социальные, их развитие находятся в сфере сознательного воздействия общественных групп и политических

¹ Там же, с. 11-12.

учреждений общества. Удельный вес субъективного, сознательного в каждой из областей отношений, в их содержании и движении различен, как различно их место в системе общественных отношений. Пути совершенствования и развития национальных отношений регулируются и определяются общественными силами на основе осознанных, понятых и вскрытых тенденций и объективных законов развития этих отношений.

При социализме создаются наиболее благоприятные условия для учета объективного и субъективного, нахождения оптимальной их соразмерности и зависимости в развитии национальных отношений. Эти благоприятствующие факторы становятся еще более глубокими и содержательными в условиях развитого социализма, поскольку на современном этапе развития социалистического общества принцип сознательного управления национальными отношениями еще больше укрепляется и утверждает себя как необходимость.

В реализации национальной политики партии отводится значительная роль государству и его органам, управленческим и регулятивным функциям. Установки КПСС в национальных отношениях, прежде чем воплотиться в жизнь, расчленяются и конкретизируются в соответствии с условиями и местом их реализации в рамках управленческой деятельности государства, которая в то же время выступает как средство и орудие обеспечения национальной политики. В этом плане правомерна не только постановка вопроса об управлении национальными отношениями, но и рассмотрение национальных отношений как объекта управленческой деятельности государства в целом и его составных частей – системы национальной советской государственности.

Правомерность постановки данного вопроса вытекает из функций Советов народных депутатов в области развития дружбы и сотрудничества народов СССР и интернационального воспитания трудящихся. Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов, выступая на очередном

заседании Президиума Верховного Совета СССР 12 января 1983 г., указал на необходимость в работе Советов последовательного обеспечения полного равенства советских людей всех национальностей и тщательного учета особенностей каждой союзной республики, интересов всех наций и народностей нашей страны. «Он обратил внимание на задачу Советов при решении ими вопросов государственного и социально-культурного строительства учитывать национальную специфику, проявлять больше заботы о всестороннем развитии всех наций и народностей, особенно малых народов».¹

Деятельность по управлению национальными отношениями, как и всякое управление, представляет собой социально-волевой процесс. Она придает развитию национальных отношений не только системную организованность, но и программно-целевой характер. Это значит, что организация, структура управленческой деятельности, будучи сориентированной на достижение перспективной цели, включает ряд промежуточных целей – задач и соответствующих им форм организационного и функционального обеспечения. Последние составляют собственно организационное содержание или механизм управления развивающимся процессом на конкретной стадии реализации цели.²

Управление от всех других форм деятельности отличается тем, что оно представляет функцию органов и организаций, по своему статусу обязанных принимать решения, регулировать и организовывать их исполнение, контролировать поведение управляемого объекта.

С одной стороны, управленческая деятельность – волевой, сознательный акт, с другой – она обусловлена объективными

¹ Правда, 1983, 13 января.

² Определяя механизм социального управления, Ю.А. Тихомиров вполне обоснованно утверждает, что это есть способ организации и функционирования управления, выражающийся в выдвижении обоснованных целей, создании и развитии управляющей системы, призванной осуществлять в ходе управленческого процесса достижение целей (Тихомиров Ю.А. Механизм управления в развитом социалистическом обществе. М., 1978, с. 46).

условиями и критериями, ограничивающими деятельность. Управлять можно тем или иным явлением, если оно управляемо. Объем и содержание управления должны отражать суть, движение и тенденцию управляемого объекта, только тогда оно играет положительную роль, и эффективно. Следовательно, управление имеет объективную основу, а не является сугубо субъективной деятельностью.

Национальные отношения в условиях социализма развиваются на основе целевой программы, определяемой КПСС и реализуемой при активном участии всей системы политической власти. Оно предполагает системную организованность, которая функционально обеспечивается и контролируется партийным и государственным аппаратом. В содержание и условия национальных отношений включена управленческая деятельность как необходимый момент их оптимального и успешного движения и развития.

Государственное управление имеет свои принципы, с одной стороны, отражающие общие принципы управления вообще, а с другой стороны, принципы, присущие данной системе управления.¹

Эти принципы конкретизируются, уточняются, трансформируются в зависимости от природы, характера и особенностей объекта управления. Принципы управления определяют его методы, которые выступают как способы реализации принципов в процессе управленческой деятельности.

Методы, режим, уровень управления, в том числе государственного, динамичны и разнообразны. Нельзя представлять государственное управление жестким, однозначным,

¹ Иногда принципы советского государственного управления делят на 4 группы: политические, экономические, организационно-правовые и технические. (Романов П.И. Принципы советского государственного управления и система его органов. М., 1966). В других случаях их делят на три класса: организационно-политические, организационно-технические построения аппарата управления и организационно-технические принципы его деятельности. (См.: Научные основы государственного управления в СССР, с. 67-68). Наиболее общей классификацией является деление принципов на две категории – политические и организационные. (См.: Аппарат управления социалистического государства, ч. 1, с. 104).

поскольку в нем всегда наличествуют политическая власть и атрибуты власти, или директивным, прямолинейным, поскольку оно основано на принятии решений. В государственном управлении, как в любом другом виде управления, важен результат, а методы достижения такого результата, хотя и специфичны для каждого вида управления, могут иметь различные колебания и амплитуды, зависящие от характера управляемого объекта. Сомнение некоторых исследователей о возможности управления национальными отношениями во многом базируется на представлении, что государственное управление осуществляется по схеме: «директивный орган – команды – обратные связи». По их мнению, национальные отношения несовместимы с директивами и командами, якобы довлеющими над их движением и развитием. К такому неверному выводу авторы приходят потому, что при рассмотрении проблемы исходят из некоторых формальных признаков власти, не принимая во внимание главного содержания, смысла и назначения государственного управления.

Управление объектом предполагает знание последнего. Особенно важно это при управлении таким специфическим объектом, как национальные отношения, а в них – сближением наций. Субъект управления должен располагать достаточным знанием о национальных отношениях, уметь выделить исходное в этом знании, с тем чтобы, последовательно развертывая его, получить более цельное, глубокое знание. Таким началом является национальная политика партии, вобравшая тенденцию и закономерности развития национальных отношений в данных конкретных условиях. В национальной политике обобщены общесоциальные и общеполитические условия национальных отношений, отражены тенденции и перспективы этих отношений.

Знание о национальных отношениях предполагает анализ не только существующих отношений и общеисторических тенденций, но и особенностей исторического развития каждой нации, «традиционной» деятельности, социально-психологических механизмов воспроизведения и сохранения нации. Это является необходимой предпосылкой для выбора

правильного пути, формы и методов руководства развитием и сближением наций.

В сфере руководства и управления национальными процессами как ни в одной другой сфере опасны стереотипы, взятые из прошлого и обращенные в прошлое. «Волонтеризм, субъективизм зачастую есть не что иное, как решение, принимаемое на основе стереотипа».¹ Поэтому правильное понимание, точное теоретическое и практическое отражение связи между общим и особенным в управлении являются гарантией достижения поставленных целей, эффективности управления.

Очевидно, что принципы управления сближением наций в основном совпадают с общими принципами ленинской национальной политики, поскольку национальный вопрос в его собственно социалистическом содержании есть вопрос о путях сближения наций через их свободное развитие. В основе научно обоснованной и продуманной национальной политики партии и государства лежат «принципы, завещанные нам Лениным: полное равноправие всех наций и народностей страны, свободное их развитие в рамках братского союза и неуклонный курс на их сближение».²

При управлении национальными отношениями его основой в теоретическом, мировоззренческом и концептуальном плане выступают принципы социалистического интернационализма.

В основе учения о социалистическом интернационализме находятся равноправие наций и их единение. Содержание равноправия наций в условиях развитого социализма значительно глубже, чем номинальный смысл – равные права наций. В этой связи представляется вполне резонным замечание, что формула «равноправие национальностей» неполностью отражает основу национальных отношений, сложившихся в СССР. В этом смысле интересно предложение рассматривать в качестве принципа государственного управления не «равноправие национальностей», а социалис-

¹ Шубкин В.Н. Социологические опыты. М., 1970, с. 46.

² Правда, 1983, 16 июня.

тический интернационализм.¹ В такой постановке равноправие национальностей выступает как момент общего принципа – социалистического интернационализма. Рассматривая содержание принципа равноправия национальностей в государственном управлении, А.Е. Лунев верно замечает, что он означает прежде всего проведение в управленческой деятельности интернациональной политики, обеспечивающей взаимопомощь народов СССР, их сплоченность. «Этот принцип требует также учета национальных особенностей в развитии экономики и культуры народов нашей страны. Важное условие равноправия национальностей – подготовка национальных кадров и их использование в аппарате управления при сочетании общегосударственных и местных интересов. Последовательное проведение в жизнь этого принципа исключает политические, экономические, правовые и иные привилегии какой-либо нации и ее представителей».²

Управление национальными отношениями и деятельность национальной советской государственности в этой области основаны на единых принципах, вытекающих из природы социалистического строя, социалистического характера национальных отношений.

Нецелесообразно, на наш взгляд, делить принципы социалистической федерации на национальные и интернациональные, как это делают некоторые авторы. Все принципы управления национальными процессами, будучи включенными в единую систему, в своем проявлении, как общем, так и особенном, воспроизводят всеобщий принцип – принцип социалистического интернационализма, реализация которого обеспечивает подлинное единство народов на началах их равенства, свободы, взаимопомощи в движении к общей цели.

Определяющая роль партии в руководстве национальными процессами, сближением наций проявляется в осуществлении ею основных функций – общеполитической, организационно-массовой и идеологической: партия формулирует

¹ См.: Научные основы государственного управления, с. 80-81.

² См.: Социалистическое государство: Сущность, функции и формы. М., 1978, с. 87.

принципиальную позицию в вопросе о путях развития и сближения наций, по всем вопросам национальных отношений, определяет стратегические направления интернационализации общественной жизни, осуществляет дальнейшую разработку теории национальных отношений, обеспечивает руководящую роль рабочего класса как основной социальной и политической силы в сближении наций, организует работу по подбору и расстановке кадров с учетом их национального состава, координирует деятельность и осуществляет политический контроль за работой всех звеньев политической системы в деле руководства национальными отношениями, ведет целенаправленное воспитание масс в духе социалистического интернационализма.

Специфическая задача управления национальными отношениями как задача внутригосударственная впервые возникла в социалистическом обществе, поскольку только в нем содержанием национального вопроса и соответственно предметом политико-правового регулирования национальных отношений ставится процесс достижения равенства и единства наций. Она возникает в условиях включенности наций, сохраняющих известные различия, особые интересы, специфические формы общежития, в более широкую социально-политическую общность (союз). В соответствии с целями этой общности и происходит направленное регулирование и управление национальными процессами.

Управление национальными отношениями представляет собой относительно самостоятельную отрасль, располагающую наряду с общими подходами и особенными методами. Сближение социалистических наций есть развивающийся процесс, требующий постоянного целенаправленного руководства и управления.

Национальная советская государственность как субъект управления процессом сближения наций

В содержании сближения советских наций как процесса, сознательно направляемого в соответствии с общей социально-политической ориентацией и конкретными целями социалистического общества, можно выделить две диалектически связанные между собой структурные подсистемы: объект (процесс сближения наций в целом и его различные уровни, сферы, элементы) и субъект управления. Единое союзное социалистическое государство по отношению к национальным отношениям выступает как цельная управляющая система, включающая в себя ряд политических институтов и учреждений разных уровней как субъектов управления отдельными частями и сторонами этих отношений. Национальная советская государственность есть субъект управления национальными отношениями, а в них – процессом сближения наций, включена в единое союзное государство как часть целого. Следовательно, ее значение как субъекта управления национальными отношениями производно от союзного государства и его управленческой функции.

Политическая система общества развитого социализма, ведущим звеном которой является социалистическое общенародное государство, выражающее волю всех классов, социальных слоев и трудящихся всех наций и народностей страны, олицетворяет единство советского народа и выступает наиболее общей предпосылкой, всеобъемлющей организационно-властной формой, обеспечивающей дальнейшее сближение наций на путях коммунистического строительства.

Полномочие, место и роль национальной советской государственности как субъекта управления национальными отношениями, а следовательно, и процессом сближения наций, отражают ее содержание и статус как структурной организации единого союзного государства, его полноправного члена

и носителя функции. В таком качестве национальная советская государственность утвердилась исторически.

Сближение национальностей советской России в истории в политико-государственном плане решалось, с одной стороны, как союз «всех советских республик в их борьбе с грозными силами всемирного империализма»,¹ а с другой стороны, как объединение и теснейший союз этих республик с Советской Россией как «единственной их опорой». Само по себе братское сотрудничество народов и их сближение возможны только в «едином государственном союзе».²

В первые годы Советской власти в вопросах о федерации и использовании ее для государственного устройства национальностей на основе провозглашенных прав на самоопределение было еще много неизвестного. Как сработает на деле федерация в сплочении и сближении рабочих и крестьян, трудовых масс различных национальностей в борьбе за новое общество, за социализм, как она отразится на «автономном обособлении» наций и на демократическом централизме, являющемся сердцевинной социалистической демократии, — на эти и другие вопросы ответы должна была дать практика федеративного устройства Советской России.

Наличие федерации и национальной государственности в том или ином объеме предполагает государственное обособление наций, но такое обособление, которое ведет к единству членов федерации и укреплению многонационального государства как единой политической системы. В этом состоит коренное отличие советской федерации от буржуазной.

В то же время нельзя не видеть и отдельные «недостатки», сопутствующие федеративному объединению и национальной государственности. Например, в определенных условиях могут превалировать местные интересы в ущерб интересам единого многонационального государства. Возникают и определенные трудности при регулировании использования ресурсов и их перераспределения между республиками. Это относится также и к освоению сырьевых ресурсов, общих

¹ КПСС в резолюциях..., т. 2. М., 1970, с. 124.

² Там же, с. 148, 436.

для ряда автономных и союзных республик. Создание и развитие межреспубликанских производственных комплексов и объединений и вопросы управления ими выдвигают ряд практических вопросов, решение которых порой упирается и на автономные интересы отдельных республик. Эти и другие «издержки» федерации и национальной государственности преодолеваются и разрешаются в условиях социализма своевременно, оперативно, без каких-либо осложнений. Причем такая форма деятельности партии и Советского государства не есть особая форма действия по «снятию» недостатков, а является составной частью деятельности, направленной на комплексное развитие народного хозяйства и культуры страны в целом.

При определении национальной советской государственности как субъекта управления национальными отношениями следует учитывать общее и особенное, которое так или иначе проявляется в ее функции. В практической деятельности союзных республик в этой области не исключены некоторые отклонения, характеризующиеся как правомерные и неправомерные. Анализ и самоконтроль деятельности – важнейшее условие во всех сферах социального управления и в особенности в области обеспечения и утверждения сближения наций и народностей СССР.

Политическая система развитого социализма олицетворяет политическое единство советского народа. Это единство, данное уже в структуре политической организации, постоянно воспроизводится в ее деятельности и в той или иной мере в деятельности практически всех ее институтов. Следовательно, объективно в той или иной степени субъектами управления сближением социалистических наций являются все звенья политической организации общества. КПСС как руководящее ядро политической системы общества является и основным субъектом политического руководства сближением наций. Этим политическим руководством, основанным на научном познании и сознательном использовании объективных закономерностей национального развития, достигается целенаправленное единство действий всех институтов

политической системы социалистического общества в управлении национальными отношениями, а в них – сближением наций.

Советский народ как подлинный субъект социального управления реализует свою суверенную волю через деятельность различных институтов политической системы общества: общественные организации и трудовые коллективы. Основную нагрузку по организационному обеспечению развития национальных отношений и по непосредственному управлению процессом сближения наций несет единое союзное социалистическое государство, национальные аспекты в деятельности которого проявляются на всех уровнях его организационной и функциональной структуры. Конкретным выражением осуществления союзным государством функции руководства сближением наций является то, что оно включает в свой состав систему национальной советской государственности как основную политическую структуру. Федерация и автономия являются главными орудиями управления национальными отношениями в СССР и, следовательно, главными орудиями управления процессом сближения наций.

В деятельности национальной советской государственности реализуется суверенная воля нации как момент всеобщей воли советского народа, а процесс сближения советских наций и народностей есть проявление и раскрытое движение этой суверенной воли наций. Следовательно, дружба и братство народов как развивающееся и все больше углубляющееся явление составляет имманентное свойство и содержание национальных отношений при социализме. Поскольку национальная советская государственность отражает эти национальные отношения в сфере надстройки и является их политико-организационным выражением, постольку она своими методами государственного управления служит интересам развития этих отношений, орудием которых она является.

Согласно установившемуся взгляду, целенаправленное воздействие на управляемый процесс включает три типа воз-

действия: на структуру, на поведение и на динамику.¹ Воздействие органов власти и управления на структуру национальных отношений в их институциональном выражении есть прежде всего использование и перестройка формы федеративного устройства. Оно является прерогативой высших органов власти СССР, предметом высшего конституционного регулирования. Участие советской национальной государственности в этом процессе осуществляется через систему представительства в названных органах.

Воздействие на поведение и динамику развития национальных отношений, а в них – на сближение наций входит в функцию и союзного государства, и его частей – союзных и автономных республик.

Советская национальная государственность, являясь субъектом управления сближением советских народов, не отделена от объекта, от самого процесса сближения наций. В определенной мере она представляет единство субъекта и объекта, ибо сама есть национальное и находится под контролем и воздействием носителей черт национального. В условиях развитого социализма широкие народные массы национальностей все активнее включаются в процесс социального управления во всех сферах общественного и международного воздействия.²

Говоря об известном совпадении в национальной советской государственности субъекта и объекта управления сближением наций, мы тем самым подчеркиваем, с одной стороны, что управление сближением не есть нечто внешнее по отношению к нации, нечто привнесенное, вне ее стоящее, ей навязанное, а есть функция самой нации, проявление интернационализации всех сфер национального развития, выходящего за пределы национальной формы. С другой

¹ См.: Стефанов П., Яхиел Н., Кашуров С. Управление, моделирование, прогнозирование. М., 1972, с. 15.

² В социалистическом обществе, отмечает В.Г. Афанасьев, нет «чистых» управляющих и «чистых» управляемых. Здесь каждый человек – член общества и субъект и объект управления одновременно (См.: Афанасьев В.Г. Человек в управлении обществом, с. 192).

стороны, это означает, что в условиях развитого социализма социально-политическая, гражданская активность всех классов, социальных слоев общества, всех наций и народностей, развитие форм их участия в делах государства влекут постепенное преодоление такого характера управления, при котором оно выступает специфической формой деятельности лишь специально подготовленных людей.

Национальная советская государственность в своей управленческой деятельности, таким образом, создает объективные и субъективные предпосылки диалектического снятия социально-политического разделения общества и достижения социального единства всех наций и народностей.

Национальная советская государственность выполняет интегративную функцию как через совершенствование собственной структуры (организации) и смыкание ее элементов с общесоюзной политической системой, так и через целевое управление социально-экономическими, культурными и собственно национальными процессами, оказывающими обратное влияние на совершенствование этой структуры.

Функция национальной советской государственности в сфере регулирования сближения наций, таким образом, не сводится лишь к внешнему воздействию. Она сама выступает в качестве существенного момента национального развития и сближения наций. Национальная советская государственность есть составной компонент этого процесса, а не только элемент внешней регулятивной системы уже в силу решаемых ею практических задач социально-экономического и культурного развития нации.

Организационная структура производна от задач, решаемых управляющей системой, от выполняемых ею функций. Она приспособлена именно к выполнению ее основных функций, вытекающих из характера объекта управления и поставленных целей. «Специфически политическая сторона отношений между классами, нациями и иными социально-экономическими общностями проявляется как раз в том, что эти отношения объективно требуют того или

иного опосредования их государственно-организованной властью». Но политические отношения как форма регулирования отношений национальных не выводятся из государственно-правовых, организационных форм опосредования национальных связей, в качестве которых выступают федерация, различные формы национальной советской государственности.

Функции общенародного государства, будучи проявлением его сущности, непосредственно связаны с содержанием государства – организацией власти всего народа, всех социальных слоев, всех наций страны, объединенных в едином государственном союзе.

Они реализуются прежде всего посредством организационно-правовых форм, соответствующих содержанию регулируемого общественного отношения. Советская федерация и автономия, формы национальной государственности выступают средствами реализации интернациональной сущности общенародного государства, достижения общей цели коммунистического общежития.

Средством достижения полного единства наций служит система национальной советской государственности, являющаяся основным звеном в политической организации советского общества, выполняющим задачу управления сближением наций и его регулирования. Функция сближения наций реализуется в этом случае как в процессе выполнения общих функций государства, так и в процессе выполнения специальных региональных задач. Специфическое же содержание деятельности по управлению процессом сближения наций определяется конкретным его характером, своеобразием и местом в общей системе международных отношений.

Управленческая деятельность национальной советской государственности в сфере сближения социалистических наций осуществляется в рамках общего процесса интернационализации всех сторон жизни классов и наций, общества в целом. В то же время она сама служит орудием развития этого процесса.

Магистральной линией развития сближения наций является достижение их идейно-мировоззренческого и государственно-политического единства, такого единства, при котором всякая социальная потребность каждой нации, народности рассматривалась бы с точки зрения интересов государства в целом.¹

Управление процессом становления такого единства советского народа выступает высшей интеграционной формой управления, осуществляемой КПСС, верховными органами народного представительства. Наиболее общие требования в этой сфере фиксируются в Программе КПСС, решениях партийных съездов, Конституциях СССР, союзных и автономных республик.

Установление в конституциях общих основ политической системы и организации государственных органов, подробная регламентация компетенции и структуры государственных органов национальных республик, единство норм, закрепляющих основы общественно-политической жизни всех наций и народностей служат гарантией развития многонационального советского общества по пути к коммунистическому единству.

С практической стороны строгая субординация в деятельности всех звеньев управления национальными отношениями, а в них – сближением советских народов, определенность задач и объема регулирования, ясность основных его принципов составляют необходимое условие результативности и эффективности.

Многоуровневый по структуре и сложный по составу процесс сближения наций как объект управления предопределяет соответствующую градацию и в системе управления. Дифференциация субъекта управления, построенная на на-

¹ Политическая сущность любого вопроса состоит в его отношении к государственной власти. «Это существенное требование, – писал К. Маркс, – согласно которому всякая социальная потребность, закон и т. п. должны быть рассмотрены политически, т. е. с точки зрения государства в целом...». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1. с. 360; см. также: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т. 19, с. 266; т. 21, с. 515).

чалах субординации и координации, обеспечивает необходимую целостность, структурно-функциональное единство и динамичность управления. Сближение наций как явление имеет свою логику развития, но в то же время органически вливается в единый процесс общесоциальной интеграции, достижения социальной однородности советского общества. Именно поэтому структура и функциональная характеристика субъекта управления в целом и национальной советской государственности как его специфического звена вызывают определенные трудности. Сложность заключается прежде всего в том, что невозможно однозначно вычленить конкретный субъект управления сближением наций из системы регулирования общесоциальных и национальных процессов. Указания же только на советскую федерацию и национальную государственность недостаточно, поскольку их управленческая деятельность, во-первых, не охватывает сближения наций во всей сложности и, во-вторых, не сводится к управлению только этим сближением. Кроме того, не все национальности нашей страны конституировались в самостоятельные формы государственности.

Недостаточно и указания на советское государство в целом как на орудие управления всеми социальными процессами, коль скоро его управленческая деятельность, даже взятая в более широком аспекте, чем традиционно понимаемая исполнительно-распорядительная деятельность государственного аппарата,¹ охватывает только те национальные отношения, которые фактически стали предметом властно-организационного и нормативно-регулятивного воздействия государства и, естественно, непосредственно включает далеко не все аспекты регулирования процесса сближения наций.

¹ Новая Конституция СССР, рассматривая управление с более широких (в сравнении с Конституцией 1936 г.) позиций как осуществляющееся всеми звеньями политической системы, управление государственными делами рассматривает как составную часть управления делами общества. Оно охватывает законодательство, государственное управление (в узком смысле), правосудие, прокурорский надзор и некоторые другие виды государственной деятельности. (Подробнее см.: Лазарев Б. Власть и управление. – Советские народные депутаты, 1978. № 2, с. 15-23).

Можно со всей определенностью констатировать, что политическая система общества развитого социализма все более приобретает качество целостной управляющей системы, интегрирующей все сферы социального управления. Это, естественно, не означает смешения функций различных звеньев управляющей системы, но, являясь выражением комплексности управления усиливающимися процессами социального и в том числе национального развития, выступает необходимой предпосылкой теоретического анализа конкретного места и роли всех составных элементов управляющей системы.

Сферы и уровни управленческой деятельности национальной советской государственности едины и объединены как организационно, так и функционально, служат решению основных задач коммунистического строительства. Взаимосвязаны и субординированы решаемые ею задачи, а следовательно, и функции. Решение задачи сближения наций осуществляется по ходу реализации главных задач государства: создания материально-технической базы коммунизма, совершенствования социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества.

К вопросу о том, как выражено национальное в национальной государственности следует подходить конкретно и исторически. Национальные факторы в национальной государственности в первые годы советской власти, когда проводилось в жизнь ленинское учение о праве народов на самоопределение, играли важнейшую роль.

В ходе социалистических преобразований и строительства основ социализма удельный вес национального в политической области постепенно уменьшался за счет возрастания роли общих и единых интересов интернационального. Применительно к современному этапу зрелого социализма М.И. Куличенко дает перечень сфер общественной жизни, в которых по убывающей степени воплощено национальное: национальное сознание, национальная психология, язык, национальная культура, быт, традиции и обычаи, националь-

ная государственность, экономика.¹ Эта схема, хотя и не бесспорна, представляет интерес. В ней схвачены многие черты национального в различных сферах общественной жизни. Действительно, в современных условиях в сфере экономики национальное проявляется все меньше, поскольку развитие республик в рамках собственно национальной политики завершено. Теперь оно происходит под доминирующим интересом укрепления единого народнохозяйственного комплекса.

На наш взгляд, недостаточно обоснованно мнение, что в национальной государственности национальное выступает слабее, чем в национальном сознании и психологии, в культуре, языке и быте нации. В содержании и функциях национальной государственности аккумулируются все стороны национальной жизни и отражаются в ней, если не прямо, то в преобразованном виде. Ни одна из областей национальной жизни не остается без «внимания», вне регулятивной и организационной деятельности политической власти и государственного управления. Эти и другие вопросы ждут своего более конкретного и глубокого изучения.

¹ Куличенко М.И. Указ. раб., с. 17.

Основные формы и методы управления сближением наций

Процесс управления сближением наций, разрешение противоречий, возникающих в ходе этого процесса, осуществляется в определенных организационных и правовых формах, с использованием общих методов, присущих социальному управлению вообще, и методов специфических, соответствующих особенностям объекта управления.

Формы управления, понимаемые как внешнее выражение управленческой деятельности,¹ как формы реализации управленческой компетенции того или иного субъекта управления в сфере национальных отношений, по существу, совпадают с общими формами управления – организационными и правовыми, хотя их применение имеет некоторые особенности. Однако из этого не следует, что достаточно, например, общих теоретических разработок функционирования механизма аппарата государства и правового регулирования, чтобы их можно было непосредственно применить к сфере регулирования национальных процессов. Управленческая функция государства в области национальных отношений своеобразна и слабо разработана.

Сближение социалистических наций, как и национальные отношения, – объект особенный. Формы и методы управления ими должны строго соответствовать характеру самих отношений, точнее, эти формы и методы должны выводиться из самой природы процесса сближения наций. Использование административных, императивно-властных методов и форм управления, которые в достаточной мере имеются в арсенале государственных органов по отношению к национальным отношениям, еще более – к отношениям сближения наций, применимы с существенными ограничениями, а в ряде случаев должны уступить другим методам. У социалистического государства вообще, у общенародного государства этапа зрелого социализма тем

¹ См.: Лунев А.Е. Указ. раб., с. 164.

более имеются разнообразные средства и методы динамичного, творческого управления, основанные на применении убеждения и воспитания, организации регулирования, что в сочетании с разумным планированием и контролем обеспечивает эффективность управления национальными отношениями.

При управлении национальными отношениями на первый план выдвигаются организационные методы, обеспечивающие реализацию выработанной линии и установок партии. Целенаправленная организация деятельности всех звеньев национальной советской государственности под углом зрения перспективы углубления сближения наций независимо от того, к какой конкретной области жизни общества она относится, является ведущим методом управления. Это в равной степени относится к областям экономики и социальной жизни, культуры и воспитательной работы.

Особенность национальных отношений, а в их структуре – процесса сближения наций состоит в том, что их развитие можно обеспечить не столько методами прямого, непосредственного воздействия, сколько опосредованными, косвенными. Это не исключает использования методов непосредственного регулирования, в особенности нормативно-правовых.

Экономика – важнейшая область, организуя которую, можно создать условия, определяющие и углубляющие процесс сближения наций. Организация экономической жизни не вообще, а под углом зрения наибольшей отдачи в национальных и межнациональных отношениях включает комплекс мероприятий воздействия и стимулирования, направленных на ускорение развития материальной базы, обеспечивающей прогрессирующее сближение советских наций.¹ Необходимым следствием усиления общности экономической жизни

¹ Подробнее о характере общности экономической жизни наций, ее значении для сближения наций см.: Росенко М.Н. Странительство коммунизма в СССР и законы развития социалистических наций. Л., 1968, с. 88; Сужиков М.М. Социально-экономические проблемы национальной консолидации. Алма-Ата, 1968, с. 57; Салманов С. О характере общности экономической жизни народов, строящих социализм и коммунизм. Махачкала, 1965, с. 53.

является соответствующая перестройка связей, координация и субординация элементов национальной жизни и межнациональных отношений.

Вместе с тем сами по себе изменения в области экономики не ведут к синхронному изменению национальных связей и отношений, они лишь создают объективную устойчивую предпосылку для таких изменений. Нам представляется неправомерным распространенное в литературе мнение о том, что, поскольку экономика СССР составляет единый народнохозяйственный комплекс и основана на единой общенародной собственности, можно говорить о слиянии наций в области экономики. Это положение вносит определенную путаницу в содержание проблемы сближения советских наций.

Национальные республики, будучи включенными в экономическую связь более широкой общности – Союза ССР и воспроизводя последнюю в рамках своей экономической деятельности, сохраняют и целостность собственной экономической жизни, выступающей исторически первичной по отношению к целостности союзной. Общие национальные интересы имеют своим реальным основанием общие экономические отношения, относительную целостность хозяйства республики.¹ Оптимально сочетаясь со специализацией в союзном разделении труда, комплексное хозяйство обеспечивает как воспроизводство национальной общности в различных областях социальной деятельности, социальных отношений, так и служит делу развития органической целостности более высокого союзного уровня. В последнем случае речь идет не только об экономическом вкладе национальных республик в общесоюзную экономику, но и о практическом участии республик в управлении и

¹ «Каждый экономический район (регион), союзная республика, – отмечает К.Н. Некрасов, – является самостоятельным хозяйственным организмом, производящим материальные ценности для внутренних потребностей, а также для обмена сырьем, энергией, промышленной и сельскохозяйственной продукцией с другими регионами» (Некрасов К.Н. Экономика СССР – взаимосвязанный народнохозяйственный комплекс. М., 1973, с. 17).

осуществлении полномочий Союза ССР как на собственной территории, так и в общесоюзном масштабе (ст. 77 Конституции СССР, соответствующие статьи республиканских конституций).

Суммируя сказанное, можно заключить, что общность экономической жизни наций как материальная основа их сближения состоит в осуществлении единой планомерной производственной деятельности в региональных условиях, видоизменяющих эту деятельность применительно к природным и историческим особенностям национальной жизни. Будучи в конечном итоге детерминированной уровнем развития производительных сил, общность экономической жизни советских наций развивается под решающим влиянием политической надстройки, опосредующей процесс становления экономической целостности как национального, так и союзного уровня.

Общность экономической жизни наций в условиях социализма имеет своей необходимой предпосылкой выравнивание уровней их развития. «Между понятиями «сближение наций» и «выравнивание уровней их развития», – отмечает М.Н. Росенко, – существует прямопропорциональная зависимость, а в основе обеих этих закономерностей лежит тенденция интернационализации общественной жизни, требования которой при социализме и выражаются через указанные законы».¹

Исследователи отмечают, что выравнивание уровней экономического развития выступает одним из главных факторов в развитии национальных отношений и влечет за собой сближение и слияние наций.² Такая постановка вопроса в целом не вызывает сомнения, однако требует, во-первых, уточнения действительного места и значения выравнивания для сближения наций в системе других факторов (элементов),

¹ Росенко М.Н. Сотрудничество и сближение наций СССР в условиях развитого социалистического общества, с. 143.

² См.: Тавадов Г.Т. Строительство коммунизма и развитие национальных отношений. М., 1973, с. 42; Воробьев Ю.В. Выравнивание уровней экономического развития союзных республик. М., 1965. С. 3, 185.

во-вторых, раскрытия самого содержания выравнивания, в-третьих, определения его критериев и способов осуществления.

Отмечая важность выравнивания уровней развития экономики для сближения наций, О. Рейнгольд высказал, на наш взгляд, правильную мысль о том, что быстрое экономическое развитие ранее отсталых в промышленном отношении стран само по себе еще не обеспечивает сближения социалистических наций, а требует сверх того взаимного переплетения экономик.¹ Такое переплетение, однако, возможно лишь в условиях определенного социального, экономического и политического равенства,² являющегося результатом осуществления долгосрочной социальной и прежде всего экономической программы преобразования национальных отношений. Выравнивание в данном случае выступает как функция политики сближения наций, как ее проявление.

Важное место среди методов управления национальными отношениями вообще, сближением советских наций в частности занимает правовое и неправовое нормативное регулирование. На необходимость разработки перспективной концепции о том, какими правовыми средствами, в каких правовых формах можно способствовать оптимальному решению задачи усиления социальной однородности общества и сближения наций, указывает, например, В.Н. Кудрявцев.³ Отдельные аспекты этой проблемы затрагивались в общих

¹ См.: Рейнгольд О. Социалистическая экономическая интеграция и сближение социалистических наций. – В кн.: Социализм и нации. М., 1975, с. 333.

² В этой связи М.И. Росенко отмечает, что сблизиться могут только народы, находящиеся примерно на одном уровне развития и поставленные в одинаковые условия для такого развития. (См.: Росенко М.И. Сотрудничество и сближение наций..., с. 143); С.Т. Калтахчян рассматривает период национальных отношений, когда связи носили характер односторонней помощи центра, лишь как предпосылку интернационализации производства. (См.: Калтахчян С.Т. Указ. раб., с. 300).

³ Кудрявцев В.Н. Актуальные проблемы научных исследований в свете новой Конституции СССР. – Советское государство и право, 1978, № 9, с. 137.

работах по национальному вопросу,¹ а также в исследованиях по национально-государственному строительству и по теории советского права.

Важными вопросами, требующими исследования, являются: 1) право в сближении наций; 2) возможности и пределы действия права в этой сфере, 3) специфика его функционирования.

Ответ на первый вопрос вытекает из понимания содержания сближения наций и места в нем нормативно-регулятивной системы в целом. Нормативные системы вообще призваны регулировать общественные отношения во всем их разнообразии, стимулировать их планомерное и прогрессивное развитие.² Как ведущий элемент нормативно-регулятивной системы социалистического общества, право прежде всего закрепляет достигнутый уровень межнационального единства и регулирует национальные связи, отношения в формах, соответствующих данной стадии становления межнациональной общности. Посредством правового регулирования органы управления сближением наций достигают нормативной определенности и правомерности в осуществлении своей управленческой деятельности.

Вопрос о конкретных правовых формах воздействия на процесс сближения наций, механизме действия права в этой сложной сфере социального регулирования требует специального анализа. Оптимальность правового опосредования процесса сближения наций не может быть априорно сконструирована по общей модели единого механизма правового регулирования. Концепция действия права в сближении наций должна выводиться именно из процесса сближения наций, из тенденций и закономерностей его развития. Иначе существует опасность вступить на путь его искусственного форсирования или торможения, а равно создания бездействующих правовых конструкций.

¹ См., напр.: Национальные отношения в развитом социалистическом обществе, с. 110-153; Новая историческая общность людей: сущность, формирование, развитие, с. 297-340 и др.

² См.: Марков М. Социализм и управление, с. 97.

Имеющиеся теоретические разработки действия механизма правового регулирования, а также исследования функционирования различных отраслей права в рамках союзной и республиканских систем позволяют сегодня продвинуться в решении поставленной задачи. В литературе уже предпринята попытка рассмотреть усиление влияния интернационального единства советского народа на структуру законодательства, на возрастание роли союзных начал и в управленческой деятельности. Такое усиление достигается посредством создания общесоюзных кодексов, устранения неоправданных региональных различий в правовом регулировании, установлением совместной компетенции союзных и республиканских органов и т. д.,¹ поскольку достигнутый уровень межнационального единства требует единых начал правового регулирования.²

Верный по существу этот тезис имеет несколько абстрактный характер. Так, из него нельзя понять, во всех ли сферах межнациональных отношений усиление единых начал будет эффективным, какая мера единства является наиболее рациональной в данных условиях.

Факт усиления действия общесоюзных норм (хозяйственного, колхозного и др. законодательств)³ как тенденция роста общесоюзного нормотворчества сам по себе еще недостаточен для характеристики действия права в сближении наций. Самый общий анализ показывает, что действие права в сближении наций далеко не всегда может быть непосредственно использовано в реализации намеченных целей. Обзор законодательства по вопросам регулирования национальных отношений показывает, что нормы, касающиеся непосредственно национальных взаимоотношений, представляют весьма незначительную

¹ Новая историческая общность людей: сущность, формирование, развитие, с. 332-335.

² Там же, с. 330.

³ Поленина С.В. Конституционные основы советского законодательства. – Советское государство и право, 1978, № 5, с. 15.

часть норм, направленных на общесоциальное регулирование.

Нормы, касающиеся собственно национальных отношений (равноправие граждан всех национальностей, свобода пользования национальными языками во всех сферах социально-политических отношений, национальное представительство в союзных органах и др.), при всей их важности не охватывают всех областей межнационального взаимодействия и, следовательно, не полностью отражают многогранный, сложный процесс сближения наций.

Собственно сам процесс сближения мало поддается непосредственному правовому воздействию. Единство народов декретировать нельзя, оно создается в результате их свободного развития, в обеспечении которого правовая форма играет существенную роль. Специфической особенностью сближения наций как предмета правового воздействия является то, что оно не во всем поддается формализации и однозначному правовому регламентированию.

Среди форм правового регулирования сближения наций определяющее место занимает конституционное закрепление. Конституция СССР и конституции союзных и автономных республик составляют основу регулирования национальных отношений, содержат комплекс общих и особенных норм, направленных на закрепление отношений дружбы и сотрудничества всех наций и народностей, на развитие и охрану этих отношений. Конституционное регулирование, таким образом, составляет правовую основу сближения наций. В них закрепляются не только действительные, но и возможные, желательные отношения, не только существующее, но и должное, не только то, что реализовано, но и то, что должно реализоваться.

Общие методы социального управления (государственного и общественного), понимаемые как пути достижения целей управления, решения его задач применительно к сфере управления сближением наций имеют некоторые особенности. Вместе с тем вопрос о методах управления в

этой области общественных отношений нельзя сводить к рассмотрению традиционных в юридической литературе методов – убеждения и принуждения.

Определяющее место в сфере управления процессом сближения наций принадлежит морально-политическому методу. Социальная политика КПСС и Советского государства направлена на укрепление единства всех наций и народностей, его составляющих. В условиях зрелого социализма роль социальной политики в этом плане еще больше возрастает. Морально-политическое регулирование в этих условиях все более интегрирует все остальные методы управления, придает им целостный, системный характер.

Решение национального вопроса вообще и вопроса о сближении наций в частности не замыкается в рамках национально-государственного строительства. Поэтому политические формы и методы руководства сближением наций не сводятся к установлению собственно национально-государственных отношений, форм национально-государственного развития и межнациональных связей. Разнообразие политических форм, которые, по словам В.И. Ленина, будут «основой богатой культурной жизни, залогом ускорения и процесса добровольного сближения и слияния наций», разумеется, не сводится к собственно национальным формам. Национальное государство – не единственная форма развития демократии как основы решения вопроса единения национальностей, хотя и выполняет важнейшую часть программы подготовки трудящихся масс к демократической деятельности, к управлению общими делами. В конечном итоге оно является политической формой их сближения.

Сближение советских наций обеспечивается, с одной стороны, всем ходом развития социалистического общества и политическим руководством КПСС; а с другой – целенаправленной деятельностью органов и учреждений управления. То есть это процесс не стихийный, хотя и объективно закономерный в условиях социализма. Фак-

тор сознательного управления этим процессом имеет важнейшее значение. Правильный выбор и совершенствование методов управления национальными отношениями, а в них – сближением наций во многом обуславливают эффективность всей этой деятельности.

Национальные отряды рабочего класса и их роль в интернациональном единении народов

Необходимым условием управления национальными отношениями, сближением наций в особенности, является познание состояния и уровня содержательного и структурного взаимодействия социальных и национальных отношений, учет их сложной связи и противоречий.

Национальное в своей основе есть социальное, а национальные отношения суть социальные отношения в широком смысле. Характер и содержание общества и его развития предопределяют классовая структура и отношения между классами.

Социальное олицетворяет более высокий уровень в структуре общества, чем национальное. Следовательно, воздействуя на социальные отношения, регулируя их развитие, можно существенным образом регулировать и национальные отношения.

В то же время социальное и национальное имеют определенные различия. В основе понятия «нация» лежит этносоциальная общность людей, тогда как в основе деления на классы – общность производственная – отношение к средствам и орудиям труда и к долям произведенного продукта, распределяемого в обществе. В то же время национальное неотделимо от социального: их носителями являются одни и те же члены общества. Каждый из них, являясь представителем определенного класса, является в то же время и представителем определенной национальности.

Социальный облик человека определяется его связью с производительной, трудовой деятельностью, т. е. с главной, наиболее определяющей сферой жизнедеятельности, а национальный облик определяется отношениями общения и общежития в рамках этнической общности. Это не означает, однако, что всякое этническое чуждо производственному. Скорее наоборот, поскольку национальное в главном содержании есть социальное, то национальные отношения, как

указывал К. Маркс в своих экономических работах, могут быть рассмотрены в этой их связи и как особый вид производственных отношений.¹ Но они, эти национальные отношения, «вторичные и третичные, вообще производные, перенесенные, непервичные производственные отношения».² Национальные отношения есть одна из форм отношений общесоциальных, и, следовательно, сближение наций должно рассматриваться в контексте процесса общесоциальной интеграции, т. е. как явление, связанное с проблемой усиления социального единства, однородности советского общества. В условиях зрелого социализма, с одной стороны, складывается в обществе социальное единство на более высоком уровне, а с другой стороны, создаются более широкие возможности для дальнейшего углубления и совершенствования социальных отношений.

В.И. Ленин указывал: «Социальная структура общества и власти характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности. От уяснения этих изменений зависит вопрос о перспективах».³

Ведущей силой в социальном единстве и социальной структуре нашего общества является советский рабочий класс. Ему принадлежит особая роль в углублении и развитии процесса сближения советских наций, поскольку рабочий класс по своему положению и интернациональному воспитанию, идейной подготовке и закалке в борьбе за идеалы коммунизма является самой передовой и ведущей социальной силой в социалистическом обществе. Только он, писал В.И. Ленин, «может помочь трудящимся массам объединиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить».⁴ В условиях зрелого социализма и формирования новой исторической общности – советского народа – роль рабочего класса

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 46.

² Там же, с. 173.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 186.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 310.

как воплощения идей дружбы и братства народов, как наиболее активного носителя идей интернационализма еще больше возрастает. Численность рабочего класса в нашей стране, в том числе и там, где социалистические преобразования начинались с патриархально-феодалного уклада, ныне значительна.

Рост рабочего класса в республиках, особенно в тех, где прежде он был малочислен, происходил в темпе, опережающем всесоюзный. Так, с 1940 по 1976 г. численность рабочих и служащих выросла: в РСФСР, Украинской ССР – в 2,7 раза, Белоруссии, Азербайджане, Туркмении, Грузии, Эстонии, Латвии – в 3 и более раза, Таджикистане, Литве, Казахстане и Киргизии – в 6 раз, Армянской ССР – в 8 раз, в Молдавской ССР – в 17 раз.¹

Как видно из таблицы 1, во всех союзных республиках без исключения доля рабочего класса среди занятого населения постоянно увеличивается и ныне она составляет половину и более его состава.

При определении политики и управленческой деятельности, сориентированной на углубление сближения наций посредством развития социальной структуры общества, а в ней рабочего класса, выделяются промышленные рабочие, занятые в наиболее передовых и организованных отраслях производства.

Таблица 1

Удельный вес рабочего класса среди населения союзных республик *

Союзная республика	Кол-во рабочих ко всему занятому населению, %	
	1959 г.	1970 г.
СССР	49,5	56,7
РСФСР	55,4	61,3

¹ 60 победных лет. Цифры и факты. М., 1977, с. 182; Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977, с. 467.

Украинская ССР	42,1	49,8
Белорусская ССР	35,7	52,3
Узбекская ССР	40,7	45,5
Казахская ССР	59,5	68,1
Азербайджанская ССР	36,4	52,1
Киргизская ССР	40,9	51,7
Таджикская ССР	31,1	40,4
Туркменская ССР	37,7	40,0

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1973, т. 5, с. 8-15.

Удельный вес промышленных рабочих в республиках Советского Востока в прошлом был весьма скромен. За годы советской власти он значительно вырос.

Из табл. 2 видно, что в 1926 г. к началу индустриализации страны в республиках Средней Азии и Казахстана промышленные рабочие в рабочем классе республик составляли от 7 до 19%. К началу 70-х гг. рабочий класс не только резко вырос количественно, но и качественно. Значительно увеличился удельный вес промышленных рабочих, составивших 1/3 всех рабочих в республиках. Эта тенденция сохранилась и в настоящее время.

Большой теоретический и практический интерес представляет вопрос отношения органов власти союзных и автономных республик к национальному отряду рабочего класса, о роли рабочего класса в сближении советских наций.

По этому вопросу существуют две противоположные точки зрения. Одна группа авторов считает, что национальные отряды рабочего класса не являются самостоятельной социальной силой и являются органической частью советского рабочего класса в целом, а следовательно, не имеют самостоятельного значения в национальных регионах и в процессе сближения социалистических наций. Реальной силой, по их мнению, являются многонациональный по составу весь рабочий класс и представленные в республиках его отдельные отряды, независимо от их национальной определенности. Л.А. Сурайкина, например, не усматривает прямой

зависимости между ростом удельного веса представителей коренной национальности в составе рабочего класса и его влиянием на развитие наций.¹ Другая группа исследователей исходит из признания первостепенной роли национальных групп рабочего класса в интернационализации общественной и идейной жизни, национальных отношений в особенности. «Чем больше удельный вес национального рабочего класса в той или иной республике, – считает М.И. Куличенко, – тем сильнее его интернациональное влияние во всей массе населения... И наоборот, чем меньше удельный вес рабочих из коренного населения в составе рабочего класса республики, тем меньше (несмотря на большую абсолютную численность рабочих) его влияние среди коренного населения».² Такого взгляда придерживается и А.И. Холмогоров.³

Таблица 2

Количество промышленных рабочих в республиках Средней Азии и Казахстана*

Республика	1926			1971		
	Промышленно-производственный персонал			Промышленно-производственный персонал		
	Всего			Всего		
	тыс. чел	тыс. чел	%	тыс. чел	тыс. чел	%
Узбекская ССР	117	22,0	19	1868	598	32
Казахская ССР	150	23,0	15	3502	1075	31

¹ См.: Сурайкина Л.А. Рабочий класс, формирование и развитие социалистических наций. – Проблемы научного коммунизма. Вып. 9, с. 280.

² Куличенко М.И. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972, с. 382.

³ Холмогоров А.И. Расцвет и сближение советских наций в Союзе ССР. Киев, 1982, с. 18-19.

Киргизская ССР	22	2,4	11	579	212	37
Таджикская ССР	21	1,5	7	422	135	32
Туркменская ССР	32	5,0	15	326	93	29
Всего	342	53,8	16	6697	2113	32

* Рассчитано по данным стат. сб. «Народное хозяйство СССР». 1922-1972 гг. М. 1972, с. 563.

В теоретических построениях ученых, придерживающихся первой позиции, просматривается определенная нелогичность и несогласованность с практикой социалистического и коммунистического строительства. Национальный рабочий класс действительно является органической частью рабочего класса страны.

Но толковать этот тезис слишком широко нам представляется неправомерным. В частности, нельзя согласиться с тем, что национальные группы рабочего класса, поскольку они входят в единый рабочий класс страны, не имеют вовсе самостоятельного значения в национальных и межнациональных отношениях, в процессе активного привнесения в них марксистско-ленинской идеологии и идей интернационализма.

Тезис о том, что национальные группы рабочего класса не являются самостоятельной силой, верен только в том плане, когда рассматривается их отношение к другим национальным отрядам рабочего класса и рабочему классу страны в целом. Но он неточен, если национальные группы рабочего класса брать в системе общественных отношений, в конкретных условиях которых они формировались и утверждались как составная часть социальной структуры нации. В этом плане национальные отряды рабочего класса как ведущая сила в социальной структуре наций не могут не иметь своего места, не могут иметь самостоятельного значения, имманентно присущего им в общественной жизни регионов и в развитии национальных отношений. Национальные группы рабочего класса в рамках национальных республик

и районов и даже нации, взятой в целостности, являются относительно самостоятельной социальной силой, и эту роль они будут выполнять до тех пор, пока не произойдет слияние наций на основе идеалов коммунизма.

Принять положения о том, что национальные группы рабочего класса не являются сегодня самостоятельной силой без оговорки – это значит умалить их роль в общественной структуре советских республик, а следовательно, исключить из рассмотрения этот жизненно-важный вопрос.

Сама история стремительного развития союзных и автономных республик показывает, как велика была роль в этом рабочего класса в целом и национальных групп рабочего класса в частности. КПСС и Советское государство последовательно проводят политику, направленную на укрепление и усиление национальных отрядов рабочего класса в национальных республиках и районах и их роли в коммунистическом строительстве.

Национальные отряды рабочего класса нельзя считать только частью рабочего класса страны. Будучи органической частью советского рабочего класса, достойно представляя его, они вместе с тем несут самостоятельную миссию в национальных республиках. Сочетание общего и особенно определяет роль и место национальных отрядов рабочего класса, его природу и деятельность.

Место и роль национальных отрядов рабочего класса как составной части единого рабочего класса страны и как ведущая прослойка в социальной структуре национальных территорий и наций обусловлены тем, что, как отмечает М.С. Джунусов, «эта социальная группа выступает одновременно как носитель черт и особенностей и советского рабочего класса, и советских национальных общностей».¹ В силу того, что рабочий класс в целом, его национальные отряды были и остаются основными носителями идеи интернационализма и марксистско-ленинской идеологии, они были

¹ Джунусов М.С. О некоторых методологических вопросах изучения процесса сближения наций. – В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 10.

и являются решающим условием прогресса наций и национальных отношений как в период перехода к социализму, так и на этапе зрелого социализма.

Учитывая важную роль рабочих коренных национальностей в распространении и внедрении идей марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма среди масс, советская власть создала все условия для интенсивного и форсированного роста в национальных республиках Советского Востока национальных отрядов рабочего класса.

В Туркменской ССР в 1937 г. насчитывалось всего 36 тыс. рабочих, в том числе 14 200 лиц коренной национальности. В Узбекской ССР удельный вес рабочих коренных национальностей вырос к 1940 г. до 48% от общей численности рабочих. В Таджикистане, где до революции было всего 1300 рабочих, к 1940 г. их число возросло до 140 тыс., причем более 50% всех рабочих крупных предприятий составляли таджики и узбеки.¹

В социальной структуре союзных республик произошли коренные изменения. Численный состав рабочих коренных национальностей в республиках Советского Востока не просто вырос, но в процентном отношении к населению все больше приближается к среднему уровню в других республиках и по стране в целом (табл. 3).²

По данным переписи 1959 г., процент рабочих коренной национальности, взятый по отношению к общей численности этих народов, в республиках Средней Азии и Казахстане был намного меньше общего числа рабочих в этих республиках.

Эта разница колебалась от 11 до 18%. Положение существенно изменилось к 1970 г. – разница уменьшилась до 1 – 9%. Особенно стремительно рос национальный рабочий класс в Казахстане. Если в целом с 1959 по 1970 г. он вырос

¹ Приводится по кн.: Баграмов Э.А. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы. М., 1977, с. 128.

² Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Общее и особенное в социально-культурном облике советских наций. – В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей, с. 24.

на 6%, то число рабочих коренной национальности за этот же период увеличилось на 21%. Тенденция опережающего роста национальных групп рабочих характерна и для ряда других республик. В Таджикской ССР за указанный период численность рабочих туркмен выросла на 4, а рабочих вообще – на 10%, в Узбекской ССР – соответственно на 12 и 7%. Несколько отстает рост числа рабочих коренной национальности в Киргизской и Туркменской ССР.

Таблица 3

Динамика роста национальных кадров рабочих в союзных республиках (%) *

Союзная республика	1959						1970					
	Все население			Коренная нац-сть			Все население			Коренная нац-сть		
	р.	с.	к.	р.	с.	к.	р.	с.	к.	р.	с.	к.
РСФСР	54	21	25	54	22	24	62	28	10	63	25	12
Украинская ССР	40	15	45	34	13	53	52	23	25	47	16	37
Узбекская ССР	39	15	46	27	8	65	46	23	31	39	16	45
Казахская ССР	58	20	22	44	16	40	66	28	6	65	22	13
Киргизская ССР	40	17	43	22	8	70	54	23	23	41	15	44
Азербайджанская ССР	34	18	48	24	15	61	52	27	21	50	21	39
Таджикская ССР	29	14	57	18	8	74	42	22	36	37	15	48
Туркменская ССР	37	18	45	22	9	69	41	24	35	32	17	51
СССР	48	19	33				58	27	15			

* Рассчитано нами; р. - рабочие, с. - служащие, к. - колхозники.

Успехи в области воспитания рабочих коренной национальности, достигнутые за годы Советской власти, еще не дают оснований считать эту проблему решенной. В ходе развития социалистического общества возникает немало новых проблем в этой области, в решении которых важную роль играет регулятивная и управленческая деятельность государства.

Влияние исторически сложившегося хозяйственного уклада, психологии, традиций в той или иной степени еще сказывается в жизни этих народов, в том числе в социальной и социально-профессиональной структуре общества.

По данным Э.А. Баграмова, в 1959 г. в сельском хозяйстве Казахстана трудилось 280 тыс. рабочих, из них 28% механизаторов. Среди механизаторов было только 8% казахов. В Молдавии в сельском хозяйстве было занято 27 тыс. русских, а удельный вес механизаторов среди них был более чем в 2 раза выше, чем среди молдаван.¹ Связано это было с тем, что в годы индустриализации и освоения целинных и залежных земель в Казахстан направлялись квалифицированные кадры, которые составили ядро рабочего класса республики.

Данные о занятости представителей коренных национальностей в некоторых специальностях говорят о том, что еще не все рабочие профессии освоены ими в широких масштабах. По переписи 1970 г. в составе работающего населения страны металлурги составляют 0,2%: среди русских – 0,6, украинцев – 0,4, белоруссов – 0,3%. В СССР инженерно-технические работники составляют 7,3, а среди русских – 9,1, узбеков – 2,1, казахов – 3,0, молдаван – 1,1, таджиков и киргизов – 1,6, туркменов – 2,2%. Сельскохозяйственная производственная интеллигенция среди занятого населения страны составляла 0,5%, а среди украинцев – 0,7, белоруссов – 0,6, грузин – 0,9, азербайджанцев – 0,8, литовцев – 0,9, латышей – 1,6, киргизов – 0,9%.² Рабочих, имеющих высшее

¹ Баграмов Э.А. Ленинская национальная политика: достижения и перспективы, с. 129.

² Там же, с. 19.

и среднее специальное образование, среди городского населения, занятого физическим трудом, меньше всего в Литве, Казахстане, Таджикистане.¹

В отдельных автономных республиках, национальных областях и округах в формировании и развитии национальных отрядов рабочего класса все еще имеется существенное отставание. Так, незначителен удельный вес рабочих ингушей и чеченцев в основных сферах производства*:

	Чеченцы		Ингуши	
	1963	1973	1963	1975
Промышленность	14,7	23,6	3,0	6,2
Строительство	19,9	52,4	2,8	6,0
Совхозы	57,9	75,0	5,0	7,0

* Веревкин Л.П. Социальные источники пополнения национальных отрядов рабочего класса (по материалам Чечено-Ингушской АССР). – В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 109.

На необходимость усиления целенаправленной работы в некоторых союзных и автономных республиках по обеспечению более полного представления коренных и других национальностей в составе рабочего класса указал Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов: «Партия всегда уделяла огромное внимание росту национальных отрядов советского рабочего класса – ведущей силы нашего общества. И результаты – налицо. Ныне рабочие составляют самую крупную социальную группу во всех союзных республиках. Однако в некоторых из них в составе рабочего класса должна быть более полно представлена коренная национальность. Отсюда и задача, поставленная XXVI съездом КПСС, – расширять и улучшать подготовку квалифицированных рабочих из всех проживающих в республиках наций и народностей».²

¹ Там же, с. 20.

² Правда, 1982, 22 декабря.

Мы затронули лишь некоторые вопросы совершенствования и развития социальной структуры союзных республик в связи с проблемой сближения советских народов, его укрепления и углубления в период развитого социализма. Научно-обоснованная управленческая деятельность органов советской национальной государственности играла и будет играть важную роль в реализации национальной политики партии. «Партия и впредь будет уделять постоянное внимание подготовке кадров квалифицированных рабочих коренной национальности, — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик». — Все это способствует расширению влияния рабочего класса на развитие общества, укрепляет социальную основу единства всех классов и групп наций и народностей».¹

¹ Там же, 21 февраля.

Трудовой коллектив и сближение советских наций

В управлении национальными отношениями, а в них – процессом сближения советских наций, ведущая роль принадлежит трудовому коллективу, который является основной ячейкой социалистического общества и осуществляет «широкие полномочия в политической, экономической и социальной жизни страны».¹ Эта его управленческая роль проявляется двояко: во-первых, в системе «государственные органы – сближение наций» трудовые коллективы выступают как мощные и эффективные преобразователи государственной воли в волю наций, идей интернационализации национальной жизни в материальную силу. Во-вторых, сами трудовые коллективы представляют собой структурную ячейку со своей внутренней организацией управления.

Трудовой коллектив создает материальные и духовные ценности, на которых покоится общество и которые определяют прогресс общества. Трудовой коллектив есть ассоциация производителей благ, объединенных с целью их производства в рамках определенной организационной структуры. Только в трудовом коллективе люди производят средства для жизни и вместе с тем производят самих себя как личностей и граждан, как носителей черт социально-политической системы, в которой они живут. Социализм создает такие условия, при которых интересы производства и производителей совпадают, и на этой основе формируется система личных и общественных, моральных и материальных стимулов, превращающих производителей в распорядителей собственной судьбы и судьбы производства.

В условиях развитого социализма расширяются и углубляются контакты национальностей во всех областях жизни, усиливается их непосредственное общение. Трудовые коллективы как основные ячейки советского общества высту-

¹ Закон Союза Советских Социалистических Республик о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями – Правда, 1983, 19 июня.

пают наиболее устойчивой сферой такого общения, важнейшим фактором сближения народов СССР.

Место трудовых коллективов в развитии процесса сближения наций не ограничено внутриколлективными интернациональными процессами. Можно назвать, по крайней мере, два основных аспекта в интегративной функции трудовых коллективов. В качестве субъекта политических отношений, элемента политической системы трудовые коллективы составляют существенное звено в организации политического единства советского народа, в функционировании политической системы общества как единого целого. В качестве хозяйственно-организационного звена социально-экономической системы трудовые коллективы выступают специфической формой опосредования прямого членства в общенародном социалистическом коллективе и в своей деятельности воспроизводят социально-экономическую целостность советского народа.

Всесилие трудового коллектива состоит и в том, что в нем воспитывается и формируется сам человек, изменяет и преобразует свой облик и природу. В условиях социализма его деятельность направлена на удовлетворение интересов самих людей, на гармоническое развитие личности. Созданные социализмом объективные условия, однако, не действуют автоматически. Они должны быть приведены в действие, и это действие затем должно регулироваться, корректироваться и управляться по ходу его развития. Поэтому развитой социализм не снимает необходимость руководства и управления жизнью трудовых коллективов. Более того, с возрастанием значения трудового коллектива в экономической и социально-политической жизни общества, когда коллектив еще больше укрепляется как субъект народовластия и политики, возникает необходимость усиления внимания со стороны партии и органов Советского государства как выразителей воли всего народа и страны.

В нашей стране утвердилось подлинное братство людей труда независимо от их национальности, братство, в основе которого лежат общность коренных интересов и

марксистско-ленинская идеология. Важнейшая задача органов управления и Союза ССР и союзных и автономных республик – закрепить достигнутые успехи в области развития национальных отношений, в частности в сближении советских наций и народов, вовремя улавливать новые тенденции и проблемы, возникающие в процессе дальнейшего развития национальных отношений, разрабатывать научно обоснованные мероприятия, способствующие созданию самых благоприятных условий для углубления дружбы народов и сближения наций.

Для научно обоснованного руководства и управления делами трудовых коллективов в плане интернационального воспитания трудящихся и сближения наций и народов, кроме знания общей политики и установок, требуются дифференцированное и конкретное знание особенностей коллективов, каждого из них, разработка и проведение мер, направленных на использование наличных их возможностей и ресурсов в общих – профессионально-производственных интересах и в интересах социально-целевого назначения – в дальнейшем углублении дружбы и отношений братства между представителями разных национальностей, в сближении советских наций.

Трудовые коллективы по составу в большинстве своем многонациональны. В то же время учет только факта многонациональности еще недостаточен для оптимизации деятельности трудовых коллективов в развитии отношений дружбы между представителями разных национальностей и их дальнейшего сближения на основе идей социалистического интернационализма. Существует система факторов, влияющих на внутреннюю жизнь коллектива, которые должны учитываться при постановке управления независимо от того, какой орган его осуществляет. К ним относятся: доля и соотношение этнических групп; особенности их профессиональной подготовки и склонности к общению; этнические установки и предубеждения, языковые различия и средства проникновенного контакта и др. Исследования, проведенные в ряде трудовых коллективов различно-

го производственного профиля г. Алма-Аты и некоторых областных центров республики, показали, что в установлении атмосферы подлинной дружбы в многонациональных трудовых коллективах первостепенное значение имеет, кроме условий производственных, создание морального и интернационального климата, при котором каждый как носитель определенных этнических черт имел простор и свободу для самопроявления и чувствовал внимательное отношение, поддержку, понимание и участие в его личных заботах других и руководства. При такой атмосфере без усилий устанавливаются отношения взаимопомощи, взаимной выручки, товарищества и братства среди членов коллектива разных национальностей.

Национальное чувство до тех пор, пока оно не слилось с ритмом трудового коллектива и не вылилось в общее его чувство, остается весьма уязвимым и ранимым. На этом этапе важно организовать все дело так, чтобы оно не оставалось самим собой, тем более не раздулось под действием каких-либо непредвиденных факторов, а наоборот, чтобы оно превратилось в составной элемент подлинной интернациональной дружбы членов коллектива.

Важным фактором управления сближением наций в трудовых коллективах является критерий представления национальностей в социально-профессиональных группах. Правда, в оценке этого критерия нет единого подхода. Так, группа ученых, изучив положение татар и русских в системе общественных отношений вообще, в трудовых коллективах в частности, пришли к выводу о почти пропорциональном их представлении в социально-профессиональных группах и подразделениях. Это оценивается ими как положительный и целесообразный вариант, способствующий развитию интернациональной дружбы.¹ В последние годы более или менее активно в литературе проводится идея о пропорциональном представлении национальных групп в союзных и автономных республиках, в хозяйственных и административных органах.

¹ См.: Социальное и национальное. М., 1973, с. 24-25.

В первые годы Советской власти пропорциональное представление (а иногда говорят и о представительстве) основных этнических общностей в органах власти и управления в центре республики и на местах было официальной политикой. Это было продиктовано интересами широкого вовлечения представителей коренных национальностей в новые революционные органы власти. Такая политика дала в свое время положительные результаты. В наше время установка на пропорциональное представительство национальных групп в органах союзных и автономных республик имеет свои особенности, без учета и изучения которых нельзя решить этой большой и сложной проблемы. Нам представляется, что пропорциональное представление является неудачным термином, хотя сама идея жизненна. Пропорциональность выражает часто количественное отношение (скажем, что та или иная национальность в союзной республике или даже в союзе составляет определенный процент). Если следовать пропорциональному представительству, то из этой национальности столько же процентов должно быть представлено как в руководящих, так и в хозяйственных органах, а также в социально-профессиональных группах, включая и руководящие посты. Так сложный социально-политический и национальный вопрос получает простое арифметическое решение.

Вопрос о представительстве трудящихся национальностей в партийных и государственных органах союзных, автономных республик, а также и Союза в целом является очень важным. Как указывал Ю.В. Андропов, «речь, конечно, идет не о каких-то формальных нормах представительства. Арифметический подход к решению таких проблем неуместен. Но нужно последовательно добиваться, чтобы все национальности, которые есть в той или иной республике, были должным образом представлены в различных звеньях партийных и советских органов».¹

Если взять в целом советские республики, то проблема обеспечения представительства коренных национальностей

¹ Андропов Ю.В. Шестьдесят лет СССР.

в системе органов власти и управления решена, но еще не снята из сферы политики. В отдельных регионах в некоторых звеньях партийных и советских органов, административного и хозяйственного аппарата, а также в социально-профессиональных группах участие представителей коренных национальностей еще недостаточно, что объясняется объективными причинами, условия для устранения которых кое-где еще не созрели.

Вместе с тем следует отметить, что в результате проведения ленинской национальной политики, одним из условий которой была реализация идеи о «неравенстве» прежде угнетающей, «большой» нации с целью возмещения фактического неравенства, сложившегося для малых наций,¹ коренные национальности в союзных и автономных республиках в своем развитии поднялись до такого уровня, что другие национальности оказались несколько в тени в плане их участия в системе органов управления и социально-профессиональных групп, что, однако, может быть учтено и разрешено в ходе коммунистического строительства.

Совместная производственная деятельность людей разных национальностей в условиях социализма ведет к созданию монолитного трудового коллектива, члены которого объединены общественными идеалами, общими целями и интересами, и, следовательно, к установлению отношений дружбы и братства между ними и дальнейшему их сближению как носителей интернациональных идей. Однако нельзя думать, что эти объективные условия, порожденные и создаваемые в социалистическом обществе, сами по себе приведут к желаемым результатам. Когда созданы объективные условия для развития наций, первостепенными становятся субъективные факторы, посредством которых ускоряется реализация возможного в реальность. Одним из действенных субъективных факторов является разносторонняя деятельность союзных и автономных республик, сети их органов и учреждений, облеченных статусами руководства и управления.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 359.

В аспекте интернационального сплочения и сближения наций через трудовые коллективы, как было указано, исключительное значение имеет создание морального и интернационального климата в них в самом широком смысле. Среди факторов, способствующих созданию такой обстановки, важнейшую роль играет стиль руководства коллективами. Большинство пробелов и недостатков как в производственной, так и идеологической работе в трудовых коллективах связано с организаторской деятельностью.

Материалы этносоциологических исследований, проведенных в производственных коллективах Киргизской ССР и Казахской ССР, позволяют выдвинуть ряд вопросов. В Киргизской ССР было опрошено 2500 чел. по методу выборочного изучения из разных компактных трудовых групп. Опрашиваемым был поставлен ряд вопросов: по каким каналам складывается их личная дружба с представителями других народов и какую роль играют в этом трудовые коллективы. 72,1% рабочих, 70,1 – колхозников, 72,3 – служащих, 79,3 – инженерно-технических работников, 67,3% специалистов сельского хозяйства указали, что личной дружбе с представителями различных национальностей способствует совместная производственная деятельность.¹ Как видим, производственные коллективы являются главными общественными ячейками, в рамках которых формируются и утверждаются отношения товарищества и дружбы между представителями разных этнических групп. Однако эти же данные выявляют и недостатки. Дело в том, что от 1/5 до 1/3 части опрошенных не дали определенного ответа о роли трудовых коллективов в отношениях их личной дружбы. Аналогичные данные получили и казахстанские социологи. 31% из опрошенных ими рабочих и инженерно-технических работников Балхашского горно-металлургического комбината не могли дать ясного ответа на вопрос о роли трудово-

¹ Тишин А.И. О некоторых вопросах организации социологических исследований процесса сближения наций (на материалах Киргизской ССР). – В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народов. М., 1977, с. 146-147.

го коллектива в интернациональном воспитании.¹ Одной из причин этого является ослабление внимания руководителей предприятий к вопросам интернационального воспитания трудовых коллективов.

В век технического прогресса к руководителям всех звеньев производства, начиная от бригад, отделов и цехов и кончая фирмами, учреждениями и объединениями, предъявляются повышенные требования как к специалистам, но вместе с тем они несут ответственность за подчиненных им людей, за их нравственное и идейное состояние и воспитание. На этой почве возникают определенные противоречия между задачами управления производством, техническими средствами и управления людьми. Причем по мере осложнения производства управление людьми, занятыми в производстве, приобретает все большее значение. Одностороннее увлечение производственными делами ослабляет работу с людьми, с членами трудового коллектива, что так или иначе, в свою очередь, отражается отрицательно на производстве. Политика и стиль руководства делами трудового коллектива становятся одним из решающих факторов в прогрессе современного общества.

Таким образом, в союзных и автономных республиках управление сближением наций, национальными отношениями вообще, в трудовых коллективах в частности, является неотъемлемой частью функций руководящих органов и должностных лиц, выступающих от имени этих органов. Специфика национальных отношений в выполнении задач по углублению и развитию процесса сближения наций обуславливает и особенности методов и форм организаторской и регулирующей деятельности в этой сфере отношений. В социалистическом производственном коллективе народы проходят подлинную школу дружбы, братства, интернационального сплочения и сближения.

¹ Сужиков М., Демаков Г. Влияние подвижности населения на сближение наций. Алма-Ата, 1974, с. 180.

Национальная культура и традиции как объекты управленческой деятельности

В области культуры и образования успехи всех советских республик грандиозны. По данным переписи 1926 г., в Татарской республике работало всего 3 инженера - татарина.¹ В Узбекистане среди дипломированных специалистов – узбеков значились 1 инженер, 7 агрономов и ветеринарных врачей, 18 техников. На 100 женщин - узбечек приходилась одна грамотная.² Такая же картина была и в других республиках Средней Азии и в Казахстане.

За годы Советской власти все республики стали высоко-развитыми индустриально-аграрными комплексами, крупными очагами культуры, науки и образования.

Борьба с безграмотностью и ее полная ликвидация была предпосылкой и одним из важнейших участков культурной революции, осуществленной в СССР. Одновременно процесс просвещения народных масс развивался вглубь в плане овладения ими знаний, выработанных цивилизацией.

Как видно из таблицы 4, за 1939 – 1970 гг. число лиц с высшим образованием по союзным республикам Советского Востока увеличивалось в 6 – 12 раз. Наблюдается определенная закономерность, заключающаяся в том, что, чем ниже начальный уровень образования в национальных республиках, тем выше темпы его распространения. Так, за указанный период развитие высшего образования в Киргизской и Таджикской ССР было в 2 раза выше, чем в СССР в целом. По данным переписи 1979 г., более 3/5 населения имеют высшее и среднее (полное и неполное) образование. К концу 1982 г. в Украинской, Белорусской ССР и в ряде других республик 4/5 занятого населения уже имели высшее и среднее образование. Эта тенденция является стабильной. Можно предвидеть, что в недалеком будущем все члены общества будут иметь высшее и среднее образование.

¹ Социальное и национальное. М., 1973, с. 20.

² Правда, 1982, 8 октября.

Динамика образовательного уровня населения Советского Востока (на 1000 чел.)

Республика	Имеет						
	высшее образование			среднее образование (полное и неполное)			высшее и среднее
	1939	1959	1970	1939	1959	1970	
СССР	8	23	42	100	338	441	638
Узбекская ССР	4	18	36	51	336	422	639
Казахская ССР	6	17	35	77	330	433	633
Азербай- джанская ССР	10	30	44	103	370	427	652
Киргиз- ская ССР	3	19	35	43	323	417	614
Таджик- ская ССР	3	15	29	37	310	391	578
Туркмен- ская ССР	4	19	33	61	368	442	620

* Итоги Всесоюзной переписи населения. М., 1972, т. 3, с. 364-407; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980, с. 20.

Образование – основа культуры. В СССР образование, как и культура, едины по структуре, направленности и интеллектуально-идейным основам. Развитие образования и культуры, таким образом, обладает объединяющей, сплачивающей силой всех слоев населения, наций и народов.

В основе развития экономики, культуры и образования в СССР и союзных республиках лежит развитая система

взаимопомощи, активный обмен ценностями и опытом, интернациональное чувство долга и ответственности за судьбы всей страны, всех народов, ее населяющих. Все это в совокупности объединяет и сближает нации и народы, сплачивает их и, в свою очередь, оказывает обратное воздействие на все стороны жизни общества, обеспечивает его прогресс на путях коммунистического созидания.

Успехи в области культуры и образования, однако, не могут заслонить существующие проблемы и нерешенные задачи. Видеть и сознавать их, наметить пути решения – важнейшая задача всех звеньев органов руководства и управления обществом. Немалую в этом нагрузку, в том числе управленческую, несут союзные республики.

Управление культурой и образованием в союзных республиках предполагает, с одной стороны, обеспечение их общего развития и дальнейшего прогресса, а с другой – специально-целевую ориентацию, оптимизацию культурно-образовательных форм сближения советских наций и народов. Эти две формы деятельности должны сочетаться в рамках общей и единой функции. Ослабление внимания к одной стороне деятельности в ущерб другой или умаление интересов другой стороны снижает общий результат.

Союзные республики решают общие и местные задачи. В их функциях сочетаются интернациональное и национальное. Интернациональное национально в смысле обеспечения интересов национальностей. Национальное сориентировано на общее, не повернуто вовнутрь, служит решению общих задач средствами национально-местной специфики. Это в полной мере относится и к области культуры и образования.

Обмен культурными ценностями между народами СССР тем активнее и глубже, чем больше развиты субъекты такого обмена. Следовательно, глубокий и постоянный анализ всего реального с позиции интересов укрепления и углубления взаимосвязей и взаимовлияния культур советских народов, разработка научно обоснованных мер по устранению имеющихся различий в уровнях развития, в сфере культуры и

их реализация составляют интернациональную функцию союзных республик, их органов управления и обеспечения руководства.

По данным переписи 1970 г. (данные переписи 1979 г. еще не опубликованы), среди таджиков, узбеков и туркмен с высшим образованием было почти в 2 раза меньше, чем среди русских и в 1-1,5 раза меньше, чем среди украинцев.¹ К концу 70-х гг. образовательный и культурный уровень республик в основном выровнялся, но известное отставание ряда из них еще наблюдается. Если рассматривать распределение высшего и специального среднего образования по специальностям и регионам, национальной и социальной структуре, то яснее выступают возможности организации и целевого направления управленческой деятельности союзных республик.

До конца нерешенной проблемой для ряда союзных республик, особенно восточных, является женское образование. Оно еще не снято с повестки дня национальной политики, несмотря на огромные успехи Советской власти в этой области.

Так, за 30 лет, с 1939 по 1970 г., женщин с высшим и средним образованием (полным и неполным) подготовлено среди туркмен – в 94, киргизов – в 85, казахов, узбеков – в 40 и более раз больше, чем это было до революции. И все же женское образование еще отстает у ряда национальностей.

Интересны и разнообразны опыты союзных республик по развитию образования среди женщин там, где еще имеется заметное отставание, и по вовлечению их в народное хозяйство. В Казахстане, например, уже три десятилетия функционирует Женский педагогический институт для казашек, в

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973, т. 4, с. 393-403. Женщины занимают важное место во всех отраслях народного хозяйства. В то же время уровень участия женщин-специалистов в народном хозяйстве в восточных республиках в целом намного ниже, чем по стране. Об этом свидетельствуют данные о национальном составе женщин-специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве в процентах к общей численности специалистов данной национальности: Женщины в СССР. Статистический сборник. М., 1975, с. 76-77.

Узбекистане – для девушек - узбечек создаются льготные условия при поступлении в высшие учебные заведения и специальные и профессиональные средние учебные заведения, в Киргизии в ряде вузов открыты подготовительные отделения для киргизок при вузах и средних специальных учебных заведениях.

Таблица 5

	1960 г.	1970 г.	1973 г.
Русские	63,0	62,4	62,4
Украинцы	57,0	56,6	57,0
Белорусы	59,6	58,2	58,6
Узбеки	24,6	32,5	35,6
Казахи	31,7	42,1	47,8
Азербайджанцы	35,3	37,0	32,8
Киргизы	30,1	38,9	41,8
Таджики	18,6	23,8	26,3
Туркмены	14,9	23,4	24,5
Татары	61,4	60,0	59,8

Разнообразны функции союзных республик в области культуры. Все они направлены на развитие советской интернациональной культуры. Взаимосвязь культур советских республик имеет широкий диапазон и богатую традицию.

Культура – это та область жизнедеятельности людей, которая, с одной стороны, достаточно выпукло отражает экономическую и социально-политическую систему, а с другой – активно формирует идеологию населения. При планировании союзными республиками большого и разнообразного спектра мероприятий по усилению взаимосвязей и обмена культурными ценностями между советскими народами основным критерием является умножение интернациональных

черт в национальной культуре и превращение его в органическую часть единой общечеловеческой культуры.

Объектами управления должны стать национальные обычаи и традиции, нравы и другие правила, составляющие в широком смысле национальные различия и особенности.

Национальные различия, которые должны стираться в процессе сближения наций, следует рассматривать в связи с одной из основных закономерностей перехода от социализма к коммунизму, заключающейся в стирании социально-классовых различий в социалистическом обществе и становлении полной социальной однородности в нем. Такие изменения, т. е. полная социальная однородность общества, произойдут в рамках зрелого социализма. Однако различия наций могут сохраняться некоторое время и после исчезновения классовых различий, что объясняется консервативностью национальных отношений. Национальные различия и особенности нельзя сводить только к различиям, связанным с социальной структурой нации. Не все из них исчезнут с установлением социального единства наций, а только те, которые являются продуктами социального их различия.

Национальные особенности проявляются на всех этапах жизненного цикла нации и ее субъектов. К ним относятся обычаи и традиции, особенности культуры и мироощущения, формы общения и общежития. Каждый из этих компонентов имеет сложную структуру, формируется, как правило, в течение многих веков под воздействием хозяйственных, социально-политических, исторических, географических и климатических условий развития народа. Они состоят из разных временных пластов и в определенной мере отражают тот длительный путь, который прошел народ. Следовательно, в них всегда имеются старое и новое: в старом – прошлое и архаичное, в новом – новое и новейшее. С точки зрения качественного содержания в них имеются элементы общечеловеческой и местной культуры, положительное и негативное. Диалектика развития национальных особенностей состоит в том, что положительное и отрицательное в них могут

входить в структуру старого и нового образований. Среди национальных черт, возникших в далеком прошлом, могут быть положительные и даже общечеловеческие мотивы. Наоборот, среди тех обычаев, традиций и нравов, которые по времени сложились в новое и новейшее время, могут быть негативные и косные.

Схема, предложенная М.С. Джунусовым, характеризует связи и отношения между сближением наций и этническими особенностями народов. По его мнению, в формировании национальной специфики народов участвуют две группы явлений: 1) уровень и особенности социально-классовой структуры нации; 2) исторически сложившиеся особенности быта, нравов, культуры и языка народов. Первая группа явлений воспроизводит влияние и воздействие общественных условий непосредственно, а явления, входящие во вторую группу, – опосредованно. Процесс сближения наций, как указывает М.С. Джунусов, складывается «из изменений, происходящих как в социальных параметрах наций (соотношение социальных групп в составе населения: работников умственного и физического труда, тружеников города и деревни), так и в структуре ее этнических особенностей». Такой подход дает возможность в структуре сближения наций вычленить «по крайней мере, две группы явлений: сближение наций по социально-классовой структуре и по их этническим признакам (язык, быт, культура)».¹

Ущербной, на наш взгляд, является точка зрения, по которой эта сфера национальной жизни объявлялась нерегулируемой и неуправляемой. В результате такого подхода в системе национальных традиций, обычаев, нравов и ритуалов оказалось немало «нового», «привнесенного», по своей природе чуждого и негативного для нормального развития национальной жизни. Нередки случаи и восстановления в

¹ Джунусов М.С. О некоторых методологических вопросах изучения процесса сближения социально-классовой структуры советских наций. – В кн.: Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М., 1977, с. 11, 12.

правах вредных и реакционных обрядов и даже старых институтов, в свое время отмененных декретами Советской власти.

В печати не раз отмечались случаи грандиозных свадеб, на которых в роли «свадебных генералов» выступали руководящие работники, гремел оркестр, динамики транслировали тосты и скрупулезно подсчитывались подарки.

В ряде районов, в особенности Южного Казахстана, культивируется видоизмененный «калым» – уплата выкупа за невесту. Правда, в отличие от средневековья, молодые женятся по обоюдному согласию.

Подобные «обычаи» не являются ни национальными, ни народными и противоречат нормам нравственности, разума и социалистического общежития. Оживление старых, негативных обычаев в известной степени связано с ослаблением управленческой деятельности государственных органов в этой сфере общественной жизни.

Общее и особенное в деятельности советской национальной государственности по сближению наций

Необходимым следствием возрастания роли научного руководства и управления процессом сближения наций стало усиление теоретического и практического интереса к проблеме общего и особенного в национальном развитии вообще и в сфере организации и деятельности советской национальной государственности в частности. Соотношение общего и особенного в социальных отношениях проявляется сложно и противоречиво. Социологи считают актуальным и в то же время сложным раскрытие того «как, каким образом всеобщее (относительность единства противоположностей) проявляется в особенном (укрепляющемся социальном единстве социалистического общества) и как это особенное (укрепляющее социальное единство советского общества) конкретизирует, развивает всеобщий принцип развития, выраженный ленинской формулой об относительности единства и абсолютности борьбы противоположностей».¹ В сфере политических, национально-государственных отношений встает вопрос: как общенародное советское социалистическое государство в своей деятельности воспроизводит социально-политическое единство всех классов и социальных слоев общества, всех наций, народностей нашей страны, каковы их общие и специфические интересы, как советская национальная государственность соотносится с союзным государством и реализует в организационном и функциональном отношении общие и национальные задачи?

Диалектика общего, особенного и единичного в сфере управления процессом сближения наций проявляется как в познании объективных закономерностей национального развития, так и в практической деятельности, основанной на знании его конкретно-исторических условий. Раскрытие общего и особенного в деятельности национальной советской

¹ История марксистской диалектики: Ленинский этап. М., 1973, с.289-290.

государственности по сближению наций предполагает уяснение, во-первых, диалектики общего и особенного в самом процессе развития и сближения различных наций и, во-вторых, особенностей государственно-политического развития в деятельности каждой нации в контексте функционирования единого общенародного государства.

В исследовании проблем развития национальных отношений в СССР, национально-государственного строительства, многосторонней деятельности советской национальной государственности категории «общее» и «особенное» являются основными как при теоретическом воспроизведении истории национально-государственного развития, так и в рассмотрении задач и функций, выполняемых национальной советской государственностью на сегодняшнем этапе ее развития.

Ознакомление с общей литературой по национальному вопросу, а в равной мере с литературой специальной, касающейся непосредственно проблем национально-государственного строительства, показывает, что категории «всеобщее» и «особенное», «единичное», их движение, противоречия во взаимопереходах часто понимаются и применяются по-разному, что влечет различные, порой противоположные выводы при исследовании одного и того же материала.¹

Проблема общего и сведения его к простейшему отношению, воспроизведение его в особенных проявлениях разработана пока что только в философии на материалах экономических трудов К. Маркса и В.И. Ленина.² Применительно к национальным отношениям, к их государственно-политическому аспекту эти вопросы в методологическом отношении только начинают разрабатываться, хотя названные категории постоянно фигурируют в научных исследованиях.

¹ В.И. Ленин отмечал: «Путается человек именно в диалектике общего и отдельного» (Полн. собр. соч., т. 29, с. 327).

² См.: Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки теории и истории. М., 1974, с. 149-169; Касенов Б. Диалектика всеобщего, особенного и единичного в экономических трудах К. Маркса и В.И. Ленина. Алма-Ата. 1971; Шептулин А.П. Диалектика единичного, особенного и общего. М., 1973.

Общее и особенное в национальном развитии и в движении ко всеобщему межнациональному единству проявляется как на уровне целостных национальных систем, так и в каждой отдельной области национальных отношений, в каждой сфере межнационального взаимодействия. Изучая особенное, нельзя упускать целое, ибо первое существует во втором. Особенности, не включенные в воспроизводство целостной системы, в деятельную взаимосвязь частей, элементов целого, должны быть оставлены вне теоретического рассмотрения как несущественные уже в силу того, что особенное, которое не есть в то же время и общее, не может выступать и в качестве особенного. Следовательно, рассматривая особенное в национальном развитии, в сближении наций и управлении этим процессом, необходимо исходить из общего, прежде всего из объективных всеобщих условий протекания названных процессов.

Общим объективным (материальным) условием развития и сближения наций в нашей стране выступает социалистический способ производства. Но в развитии этого способа производства следует выделить специфические объективные условия, в которых развивается и которыми определяется в конечном итоге жизнедеятельность той или иной нации. Как пишет М.Д. Сергеев, «к ним относятся природная среда и природные ресурсы вообще, степень технической вооруженности труда – наличие рабочей силы, система подготовки кадров, уровень развития науки и др.»¹ Этим задается определенная специализация в межнациональном труде, определяется ее место в межнациональных связях, отношениях. Специфические условия определяют и своеобразие национального развития в целом и конкретные пути их сближения, а следовательно, и особенности руководства этим процессом.

Для теории и практики научного управления сближением наций деление объективных условий сближения наций на

¹ Сергеев М.Д. Соотношение объективных условий и субъективного фактора в управлении социалистическим обществом. – Научное управление обществом. М., 1968, вып. 2, с. 149.

общие и специфические имеет важное значение. Как справедливо отмечает М.Д. Сергеев, «диалектика общих и специфических условий такова, что первые определяют главные, стратегические линии социального прогресса, а от вторых зависит успешное решение оперативных задач. Чтобы существенно повлиять на развитие того или иного процесса, надо в первую очередь изменить в нужную сторону общие условия. Специфические условия модифицируют проявление общих закономерностей».¹

При совпадении общих политических, социальных, экономических и прочих условий развития и сближения наций, характерных для всех советских республик, имеются и различия в рамках отдельных республик или их групп. Эти различия отражены уже в самом делении страны на экономические районы. Республики Средней Азии и Казахстана в этом делении составляют два различных по структуре экономических района. Однако в силу исторической общности развития традиционных связей, этнической, языковой близости в рассмотрении особенностей условий сближения и деятельности по управлению этим процессом их можно объединить в одну группу, такое объединение стало являться уже традиционным в исследованиях национально-государственного строительства этого региона.

Особенности среднеазиатского региона, в частности Казахстана, в первые годы Советской власти были рассмотрены в ряде работ.

В них прослеживались особенности и формы решения национального вопроса в регионе, вскрывались ускоренные темпы развития социальных процессов, идейно-политического развития, формирования прогрессивных сил общества, претворение задачи минимум и задачи максимум в вопросе самоопределения, устанавливалась применимость Советов как формы политической власти в среде отсталых в экономическом развитии национальностей, состоящих преимущественно из крестьян, обосновывалась необходимость проведения ряда промежуточных мероприятий как подготовки

¹ Научное управление обществом. М., 1968, вып. 2.

к социальным преобразованиям среди народов Советского Востока, изучались специфические моменты в функциях советской национальной государственности и др.

Значение этих исследований применительно к задаче воспроизведения общего и особенного в деятельности национальной советской государственности заключается в том, что в них не только теоретически осмыслена специфика предметной области регулирования, но и намечены меры по их регулированию. Правда, речь здесь идет в основном о национально-государственном развитии региона вообще, и тем не менее общие контуры проблемы уже намечены. Нам представляется рациональным мнение С.А. Раджабова о необходимости различать особенности, обусловленные историческим прошлым, и особенности, являющиеся отражением национальных различий вообще.¹ При всей условности такого разграничения оно имеет практический смысл.

Прошлое имеет значение, если оно влияет на настоящее или может стать будущим. В первом случае оно воспроизводится в реальных отношениях и подлежит направленному регулированию. Во втором случае присутствует лишь идеально, как образ, модель способа жизнедеятельности, принимаемого или отвергаемого с позиций существующего. В этом качестве оно имеет немаловажное значение для духовного развития нации и, следовательно, является особым предметом опосредованного регулирования. Особенности, обусловленные историческим прошлым, и особенности нынешнего развития неотделимы друг от друга, между ними существует историческая преемственность.

Сближение наций и культур – процесс сложный и неоднозначный. В этой связи особенно важно наладить управление развитием национальной культуры, искусства, учитывающее национальные традиции.

Осмысление национальной культуры составляет необходимый элемент современной интеграции культуры единого

¹ См.: Раджабов С.Н. Ленин и советская национальная государственность. Душанбе, 1970, с. 13.

советского народа. Важно понять и определить действительное место, характер национальных культурных процессов и направить их развитие по пути, ведущему к подлинному единству.

Не менее важно учитывать исторические и современные особенности при управлении сферой социальных и национальных отношений, направленном изменении их структуры, руководстве социальной мобильностью нации. Это наглядно прослеживается на проблеме урбанизации коренного населения республик Средней Азии и Казахстана. В этом регионе переплетены аспекты исторические (привязанность к традиционной культуре и быту, сельскохозяйственной деятельности), экономические (специфика разделения труда в семье и между кишлаками), социально-психологические (трудность адаптации к новой социальной и этнической среде городов, интегрированной культуре и т. п.), языковые и другие. Они ставят ряд практических проблем. В.И. Козлов отмечает, что преодолеть существовавший в ряде национальных областей страны языковой «барьер», препятствующий урбанизации, можно было бы путем массового распространения двуязычия, что, естественно, требовало длительного времени, явно больше, чем, например, строительство запланированного завода или фабрики. Другой возможный путь связан с расширением функций национальных языков и постепенной заменой ими русского языка там, где он исторически стал основным «городским» языком, но это потребовало бы еще большего времени, и, кроме того, в сложившихся условиях было бы далеко не всегда рациональным. Не меньшее время требовалось и для преодоления культурно-бытового и психологического барьеров, стоявших на пути перехода от сельского образа жизни к городскому, от сельскохозяйственного труда к работе на промышленных предприятиях.¹ Речь идет в данном случае о 60-х гг. Но проблема урбанизации, проблема дальнейшего вовлечения в промышленную деятельность коренного населения республик Средней Азии и Казахстана не снята и в настоящее время.

¹ Козлов В.И. Национальности СССР. М., 1975, с. 90.

Исследователи отмечают трудоизбыточность сельского населения в республиках Средней Азии. В. Переведенцев пишет, что в 1970 г. чистый отток сельского населения Средней Азии составил всего 5 чел. на тысячу, в то время как в Западной Сибири – 35 чел. на тысячу.

В то же время в Западной Сибири ощущается острая нужда в сельскохозяйственных кадрах.¹ Автор полагает, что в деле «извлечения» из трудоизбыточного села трудовых ресурсов громадное значение могут иметь организационные меры (обеспечение рабочих мест в городах для сельской молодежи, расширение профессионального обучения в селе специально для городов, организация переселения в города).²

Однако не следует переоценивать организационные меры. Ими можно решать назревшие, но достаточно подготовленные задачи. Должны быть созданы условия для адаптации в новой обстановке, побуждающие к такой перемене. Курс партии на создание аграрно-промышленных комплексов и объединений – реальный путь постепенного вовлечения сельских тружеников в промышленное производство.

Практические изменения в характере связи промышленной и сельскохозяйственной деятельности с необходимостью влекут изменения во всех сферах социальной жизни. Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали аграрно-промышленные объединения как реальный путь преодоления разделения промышленного и сельскохозяйственного труда, преодоления противоречий между промышленными и аграрными нациями.

Естественно, что проблема управления национальными процессами, управления, направленного на сближение наций, не сводится к вопросу о путях урбанизации республик с преобладающим аграрным коренным населением, хотя в этой проблеме и аккумулярован ряд аспектов национального развития и сближения наций. Наиболее явственно обнару-

¹ См.: Переведенцев В. Современная миграция населения. (Обзор литературы). – Вопросы экономики, 1973, № 5, с. 230.

² Там же, с. 136.

живается взаимосвязь, взаимопереходы общего и особенно в национальном развитии и управлении этим процессом в направлении межнационального единения. Специфика социальной структуры республик Средней Азии и Казахстана и проблемы, вытекающие из необходимости ее изменения, свидетельствуют и о том, что было бы неправильно представлять развитие социальной структуры нашего общества лишь как простой результат экономических изменений¹ и сводить проблему управления сближением наций к достижению их фактического равенства, к руководству национальным развитием в этом направлении.

Национальное развитие как целостный процесс жизнедеятельности наций на общей социалистической основе, будучи включенным в более общую систему развития, рассматривается, с одной стороны, как форма проявления общего способа жизнедеятельности, а с другой – как особенное в единстве различных сторон развивающейся национальной системы. Содержание сближения при такой интерпретации включает все аспекты национального развития и межнациональных связей, иначе говоря, в качестве ведущей тенденции социализма в национальных отношениях оно с необходимостью выступает формой всеобщего, включающего особенности собственно национального развития.

Соответственно этому и управление процессом сближения наций, осуществляемое политической системой в целом, выступает как функция союзной общности (системы), всеобщая форма управленческой деятельности в сфере социальной и национальной интеграции, включает управленческую деятельность различных форм советской национальной государственности как собственные моменты.

Особенное в деятельности национальной советской государственности по руководству сближением наций представляет собой совокупность конкретных форм, методов и темпов осуществления общих задач в специфических условиях национальной жизнедеятельности. Уровень национального

¹ См.: Волков Ю.Е. XXV съезд КПСС и проблемы социальной политики. – Вопросы философии, 1976, № 7, с. 6.

развития порождает специфические задачи, которые в условиях включенности наций в единую союзную систему связей не могут не выступать моментом общесоюзных задач.

Отдельные формы, методы осуществления управленческой деятельности в национальных республиках могут не различаться, но это не означает, что национальные республики утратили свою специфику.¹ Особенности в деятельности национальной советской государственности должны рассматриваться применительно к сохраняющимся особенностям национального развития в целом... В этой связи нам представляется односторонним мнение, что национальная специфика уходит в прошлое,² а остаются лишь различия местные, территориальные и т. д.

В таких суждениях, как правило, национальное почти всецело подчиняется экономическому, социальному развитию республик и наций. Стирание различий в последних областях преподносится как стирание национальных особенностей. Национальная жизнь намного сложнее этой схемы.

Д.С. Киселев констатирует исчезновение особенностей советских республик, обусловленных историческим прошлым, национальными различиями или вытекающих из специфики хозяйства той или иной республики.³ В такой постановке вопроса общее существует рядом с особенным, причем последнее часто страдает. Между тем особенное столь же необходимо в жизнедеятельности, в развитии

¹ См.: Раджабов С.А. Ленин и советская национальная государственность, с. 575. Применительно к национальным интересам И.Я. Иверт верно замечает, что «специфические национальные интересы... порождаются национальными различиями» (Иверт И.Я. Некоторые проблемы сочетания интересов всего государства с интересами каждой союзной республики. – Строительство коммунизма и проблемы сближения наций. Киев, 1969, с. 64).

² См., напр.: Социалистическое государство: сущность, функции и формы. с. 101; Габайлов В.И. Управление социально-культурным строительством союзной республики. – Наука и техника, 1974, с. 50.

³ Киселев Д.С. Некоторые методологические проблемы национально-государственных отношений СССР. – Известия АН Туркменской ССР, 1972, № 1.

данной конкретности, как и общее. Вне их взаимосвязи и взаимопереходов нет ни общего, ни особенного. «Особенность цели, – отмечал Гегель, – не может быть удовлетворена без всеобщего. Точно так же могло бы казаться, что со всеобщностью обстояло бы лучше, если бы она стянула к себе силы особенности, как это, например, осуществляется в платоновском государстве. Но и это опять-таки иллюзия, так как обе существуют лишь друг для друга и друг посредством друга. Способствуя осуществлению моей цели, я способствую осуществлению всеобщего, а последнее, в свою очередь, способствует осуществлению моей цели».¹ Сама национальная советская государственность существует и развивается как особая форма советской власти, как форма опосредования единства власти трудящихся различных наций и народностей. Поэтому задача исследования должна состоять не в том, чтобы выявить особенное наряду с общим как остаточное явление, пережиток, а в том, чтобы воспроизвести общее в особенном, отразить особенности проявления общего именно в целостном национальном развитии. Разумеется, это не означает, что особенности не следует рассматривать применительно к отдельным сферам управления, формам и методам деятельности национальной государственности. Но всегда следует иметь в виду особенности целостного объекта регулирования в рассмотрении отдельных его моментов, в которых эти особенности явственно могут и не выступать.

Это особенно важно иметь в виду при системе двойного подчинения и прежде всего в деятельности союзно-республиканских органов. Ориентироваться здесь нужно не только на союзное целое и «подтягивать» к нему какую-то сферу, отрасль управления, но и на республику как целостный организм, в котором эта отрасль играет специфическую роль, не всегда совпадающую с чистой ролью в союзном развитии.

В этой связи очень важно рациональное распределение компетенции между союзными и республиканскими

¹ Гегель. Сочинения. М.-Л., 1936, т. 7, с. 212-213.

органами, поскольку от субординации в организационном и функциональном механизме во многом зависит сама возможность учета особенностей национальных условий, специфических задач в национальном развитии и сближении. Сам факт существования национальной государственности, национальной по форме и интернациональной по содержанию, еще не снимает вопрос об оптимальности организационной структуры управления, распределения компетенции, о правильном сочетании национальных и союзных интересов в деятельности республиканских и союзных органов, обеспечивающих максимум для всех наций условия их развития и сближения. В этой сфере социального управления менее всего допустим общий подход.

В практической деятельности национальной советской государственности по решению задач достижения полного единства наций, в общих функциях, выполняемых национальной государственностью как составной частью единого союзного государства, важнейшим началом являются конкретные условия национальной жизнедеятельности, ее структура и содержание, проблемы и перспективы развития. Ленинское требование конкретного подхода к решению национальных проблем и сегодня столь же важное, как и на предыдущих этапах развития советского социалистического государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национальные отношения, а в них процесс сближения наций, как и всякое социальное явление, управляемы в том смысле, что являются объектом управленческой деятельности государства и его органов. В условиях зрелого социализма значение государственного управления процессом сближения наций возрастает, в связи с чем методы сознательного овладения национальными отношениями и властного воздействия на них, включая и регулирование, должны конструироваться исходя из особенностей самого предмета воздействия и в соответствии с логикой его движения. Специфика процесса сближения наций как сознательного явления обуславливает специфику методов управления им. Национальная советская государственность - союзные и автономные республики - обладает свойственным ей арсеналом средств по реализации и претворению в жизнь национальной политики КПСС и выполняет важнейшую роль в интернациональном воспитании и единении народов, в углублении и развитии процесса сближения наций.

В понятие «научное управление национальными отношениями», под которым мы до сих пор в литературе понимали теоретическую, руководящую и организаторскую деятельность КПСС в области этих отношений, необходимо включить деятельность органов государства, направляемую партией.

Сближение социалистических наций - особая социальная проблема, в решении которой политическая система и политика, союзное государство и национальная государственность играют важнейшую роль. Эта их роль особенно возрастает и приобретает решающее значение, когда возможность дальнейшего развития интернациональной дружбы народов и сближения наций обеспечена объективными, социально-экономическими, идейно-политическими условиями зрелого социализма и с необходимостью поставлена задача превращения этой новой возможности в действительность более высокого уровня и более качественной организации.

После того как определены КПСС стратегия и основные направления развития национальных отношений в СССР на перспективу, важное место в выработке конкретных форм, определении средств и инструментов реализации национальной политики, как в масштабе страны, так и республик и этнических регионов, а также в решении вопросов организационного обеспечения и регулирования отношений, возникающих при материализации этой политики, занимает разработка проблемы управления и управленческой деятельности государства и его органов. Функции национальной советской государственности - союзных и автономных республик при этом складываются из двух пластов: национальная советская государственность выполняет общую задачу как органическая часть единого союзного государства, с одной стороны, и региональную задачу как государственность определенной нации - с другой. Такое единство обеспечивает плодотворность и эффективность развития политической функции.

Соотношение общего и регионального в функциях национальной советской государственности не тождественно соотношению интернационального и национального. Каждая из этих задач, а следовательно, и деятельность в этих сферах имеет специфику. В региональном определяющим является подлинно национальное, что равнозначно интернациональному, а в общем наличествуют интернациональное и определяемое им национальное.

Распространенный среди исследователей взгляд на национальные отношения, что национальное в национальной советской государственности проявляется все меньше и меньше и сходит на нет в практическом и теоретическом отношении, является необоснованным. Такое представление во многом явилось результатом неразработанности проблем функций союзных республик в сфере национальных отношений и той концепции, по которой значение государственного управления умахалось.

Процесс сближения наций, его ход и развитие, содержание и степень зрелости настолько сложны и специфичны, что не могут быть охарактеризованы однозначно. Само позна-

ние и оценка наличных, жизненных форм сближения наций без опоры на другие обстоятельства и их учета могут оказаться неверными. Такими обстоятельствами являются: а) объективные основы, составляющие одновременно и начало (предпосылку) и результат (конечный определитель) сближения наций; б) волевые действия, основанные на осознанных и понятых тенденциях развития национальных отношений, а в них - процесса сближения наций. Они включают руководящую деятельность Коммунистической партии и управленческую деятельность Советского государства, системы его структурных институтов и органов. Эти субъективно-волевые факторы, если они являются аналогом объективного и его концентрированным выражением в сфере политических отношений, приобретают первенствующее значение в углублении процесса сближения наций. Как объективные, так и субъективно-волевые факторы сказываются и проецируются через национальные отношения на процесс сближения наций, входят в его содержание и определение.

В.И. Ленин предвидел, что в условиях социализма, по мере его развития, будет осуществляться «переход к сознательному и более тесному единству трудящихся» разных национальностей, объединенных в советской федерации.¹ Исторический опыт развития СССР служит ярким подтверждением жизненной силы этого положения вождя.

Ныне, в период зрелого социализма, единство социальных групп, классов и наций в СССР достигло такого уровня развития, когда сложилась новая социальная и интернациональная общность - советский народ. Рассмотренный в предлагаемой читателю книге процесс сближения советских наций и народностей есть процесс, обусловленный содержанием этой новой общности. Научное управление этим процессом служит общим интересам углубления интернациональной дружбы и братства советских народов.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 73.

О ЛЕГЕНДАРНОМ АМАНГЕЛЬДЫ

Вышла из печати новая книга,¹ посвященная Амангельды Иманову, легендарному вожаку национально-освободительного движения 1916 года и активному борцу за идеалы Советской власти в Казахстане. Она издана на казахском и русском языках. В нее включены воспоминания его современников, в том числе Алиби Джангильдина, сподвижника А. Иманова в годы его юности и революционной деятельности, А. Нуркасымова – одного из командиров ополчения в период народного восстания 1916 года, а также статьи Габита Мусрепова и Шарипа Иманова – сына Амангельды Иманова.

Книга интересна и в познавательном, и в научном аспектах. Материалы и сведения, имеющиеся в ней, намного обогащают образ Амангельды Иманова как личности и как общественного деятеля, вставшего на путь революционной борьбы на основе критического анализа положения казахского народа в дореволюционный период, политики царского самодержавия и его местных сатрапов в Казахстане. Достаточно сказать, что, вопреки мнению некоторых исследователей, считающих А. Иманова стихийным бунтарем с ограниченным кругозором, в материалах книги он предстает как образованный человек, уделявший серьезное внимание осмыслению происходящего с позиции интересов широких масс трудящихся казахского аула.

В новой книге большое внимание уделено поискам его рукописи, остававшейся неизвестной до последнего десятилетия. Материалы книги дают основание считать успешным первый этап проведенной работы в этом направлении. Речь идет об обнаружении так называемой «Родословной книги»,

¹ Светлый образ батыра. Алма-Ата. «Казахстан». 1986.

вначале ее первой, а потом второй частей – разных записей батыра, которые он вел время от времени в 1911 – 1916 годах. Видимо, первоначально эти записи были задуманы как «Шежіре» – генеалогия рода Бегимбет, к которому принадлежал сам А. Иманов, а затем тетрадь была использована для отражения некоторых семейных и общественно-политических событий, в том числе связанных с национально-освободительным движением 1916 года в Казахстане.

Следует выделить заслугу Габита Мусрепова, неумолимого, скрупулезного собирателя и исследователя всего, что связано с жизнью и революционной деятельностью «казахского Чапаева». Еще в 1973 году Г. Мусрепов опубликовал статью о личных дневниковых записях А. Иманова, найденных им. Впоследствии оказалось, что это одна из двух частей «Родословной книги». Шарип Иманов разыскал вторую часть записей отца и помог восстановить историю «пропажи», а затем их «обнаружения». Ценность личных записей Амангельды Иманова, несмотря на их краткость, состоит в том, что они по-новому воссоздают образ батыра как предводителя восставшего казахского народа против царского самодержавия и местных угнетателей. В книге много иллюстративного материала. Он позволяет представить картину жизни казахского народа в период восстания 1916 года.

Книга имела бы еще большую ценность, если бы в ней была помещена вся «Родословная книга» Амангельды Иманова, а не только выдержки из нее. Для читателей было бы интересно узнать, какими методами и на основании каких сравнительных документов определялись подлинность рукописи, о чем сказано в публикации мимоходом. Правомерно было бы включение статьи, содержащей анализ рукописного наследия А. Иманова. Эти пожелания можно отнести к следующему этапу изучения истории национально-освободительного движения 1916 года в Казахстане.

С. Зиманов, Т. Буранкулов

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ РАЗВИТИЯ СЕТИ ОБЩЕПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ

В современных условиях общественного развития, связанного с коренной перестройкой во всех сферах общественной жизни советского общества, заметно возросло значение методологии правовой науки, способствующей как формированию подлинно научного взгляда на явления и процессы правовой действительности, так и тому, чтобы ученые на этой основе «...делали выводы, способные верно ориентировать практику».¹

Действенность и сила правовой науки находятся в прямой связи с внутренними возможностями, которыми она обладает. Определяющим логическим критерием оценки уровня развития науки является ее понятийный аппарат, а в нем – система категорий. Как правильно отмечает А.М. Васильев, «от степени разработки категорий теории права и их системы, от умения оперировать ими... во многом зависят доказательность и практическая отдача правовых научных знаний».²

В данной статье нами рассматриваются некоторые методологические вопросы конструирования механизма формирования новых общеправовых категорий различных уровней отражения, их предметные и гносеологические предпосылки.

¹ Горбачев М.С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Алма-Ата: Казахстан. 1986. С. 108.

² Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 13.

История правовой науки – это прежде всего история выработанных ею понятий и категорий. Понятия и категории суть продукты общественно-исторического развития, и они не могли и не могут быть созданы одним единовременным актом приложения интеллектуальных сил человека. Движение познания от простых, неразвитых представлений до глубоких, строго научных знаний растянуто во времени, претерпевая в своем ходе неоднократные качественные трансформации.

По образному выражению Гегеля, «истина не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде и в таком же виде спрятана в карман».¹

Ретроспективный взгляд на диалектику правовых понятий и категорий нужен для того, чтобы в разнообразии их индивидуальных судеб усмотреть то общее, что их роднит, и которое с неизбежностью будет присутствовать при формировании новых правовых понятий в качестве необходимых компонентов. Выявить общее, существенно закономерное – значит установить типичные черты механизма образования и развития правовых категорий. Его теоретическая модель необходима в разработке методов оценки сущностного правового знания.

Внедрение в научный оборот новых правовых понятий и категорий, фиксирующих ранее непознанные черты, свойства, сущностные проявления социально-правовых образований, обогащает и углубляет теоретический образ предметов правовой науки. Однако новые правовые знания, получающие понятийное оформление, всегда нуждаются в тщательной и всесторонней проверке, поскольку процесс их приобретения подвержен влиянию ряда субъективных и объективных факторов и нередко сопряжен с существенными ошибками. Так, искаженные теоретические представления могут быть обусловлены неразвитым состоянием изучаемого объекта с недостаточно ясно выраженными признаками либо, например, нарушением методологических требований в ходе аналитической обработки эмпирических

¹ Гегель. Соч. Т. 4. М., 1959. С. 20.

данных. Нельзя исключать негативную (в определенных условиях) роль творческого воображения и фантазии, порой отстраняющих мышление от практики, объективной логики функционирования и развития правовых реалий. «Подход ума (человека) к отдельной вещи, – писал В.И. Ленин, – снятие слепка (понятия) с нее не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни...».¹

Правовые понятия категории имеют много особенного в своем формировании и развитии. Эти особенности определяются объектом отражения, бесконечным разнообразием присущих ему свойств. При данной констатации нельзя не учитывать специфику движения познания, процесс и результат которого, подчиняясь в целом законам объекта, испытывают на себе значительное влияние импровизации, целенаправленного воздействия духовного потенциала исследователей. Применяемые методы оценки общетеоретических правовых знаний вследствие объективности своего содержания призваны ограничивать в какой-то мере субъективизм и своеволие отдельных исследователей правовых проблем, выполняя роль своеобразной иммунной системы, защищающей понятийный аппарат общей теории права от засорения псевдонаучными категориями.

Проблема таких методов в правовой науке еще не получила надлежащей разработки. Между тем она возникла закономерно как естественная теоретическая реакция на возрастающий качественно-количественный рост научных знаний. Крупномасштабные и разносторонние научные изыскания, проводимые в различных направлениях, могут привести и приводят к необходимости создания правовых категорий с качественно новым смысловым содержанием. С одной стороны, этот процесс и его результаты отражают диалектику углубляющегося в правовую реальность познания, с другой – диалектику социально-правовых перемен, порождающую новые объекты, сущность которых приобретает со временем

¹ Ленин В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 330.

соответствующую абстрактно-логическую форму выражения. Возможность деформации содержательной стороны правовых знаний в результате влияния субъективного фактора резко возросла в связи с развитием указанных двух тенденций, что нежелательно в плане совершенствования правовой теории и практики. Оказать противодействие аномальным проявлениям духовного начала в познании представляется важной задачей, решение которой возможно только благодаря правильному применению принципов и методов в исследованиях, анализа и оценки добытого правового знания посредством соответствующих критериев.

Говоря о методах оценки сущностного знания, следует отметить, что их фундаментальная разработка может быть осуществлена только в условиях зрелой правовой науки, отражающей достаточно развитую предметную область правовых явлений. Аккумулировавшая богатейшие исторически сложившиеся знания о различных сторонах, свойствах и отношениях явлений правовой действительности, современная правовая наука дает возможность проследить конкретно генезис, пути и методы формирования правовых понятий и категорий, процесс обогащения качественной трансформации вложенного в них содержания и, что чрезвычайно важно для разработки критериев, обозначить типичные онтологические и гносеологические предпосылки и условия, способствующие категориальному оформлению правового знания.

Появление правовых понятий – процесс закономерный. Как справедливо отмечает А.А. Сурилов, новые правовые понятия в правовой науке возникают в связи с потребностью общественной практики, развитием объекта познания и растущей мощью научной мысли.¹ Действительно, общее, присущее процессу формирования любого правового понятия, состоит в том, что генетические истоки, движущие факторы и условия их развития содержатся в подверженной пе-

¹ См.: Сурилов А.А. О понятийных средствах советской юридической науки//Некоторые вопросы советской правовой науки. Кишинев, 1968. С. 36.

ременам социально-правовой действительности: в том, что формирующее понятия движение научного познания в глубь социально-правовой действительности осуществляется в тесном и неразрывном единстве с практикой; создание правовых понятий возможно исключительно путем абстрактной деятельности человека.

Правовые категории как особая форма мышления отличаются от частных и общеправовых юридических понятий своим местом, характером и ролью в системе правового знания. Следовательно, отсюда неоднозначен и процесс их формирования и развития. Консолидируя наиболее объемные и глубокие сущностные знания о закономерностях, основных качествах и свойствах правовой действительности, они образуют фундаментальную основу всех теоретических построений правоведения. Общетеоретические категориально оформленные знания – знания дискурсивные (опосредованные), если их брать по отношению к действительности правовых явлений и процессов. Они обобщают «профильтрованный» теоретической мыслью материал, сводящий все отражаемое многообразие правовых явлений к единому родовому основанию, благодаря чему духовная картина правовой реальности лишена жалкой участи выглядеть эклектическим набором разрозненных, произвольно скомпонованных фактов.

Учитывая особое место правовых категорий в правоведческой науке, А.М. Васильев формулирует типичные условия, при которых возможен их вход в понятийный аппарат общей теории права. По его мнению, «категориальные нововведения возможны, когда категории: а) отражают новые общие процессы, отношения и закономерности, возникающие в государственно-правовой действительности; б) обоснованы, доказаны и проверены опытом; в) по своим качественным особенностям и уровню обобщений могут быть включены в понятийный строй правовой теории».¹ Данная мысль является, по существу, правильной, поскольку исходит из предметно-практического основания, доказательственности и характера воплощенного в категориях теоре-

¹ Васильев А.М. Правовые категории... С. 95.

тического знания. Однако, будучи выраженной на высоком философском уровне, она абстрагируется от многих принципиально важных моментов, могущих обогатить представления о природе мыслительного процесса, приводящего к образованию правовых категорий. Значение ее в том, что она может сыграть роль отправной установки при разработке проблемы критериев.

Создание научно-обоснованных критериев оценки знания зависит от того, насколько достоверной является модель механизма образования правовых категорий. Построение подобной модели должно исходить из предмета как основополагающей предпосылки и условия развития правового знания, поскольку «исследование сущности и природы абстракций тесно связано с анализом предметно-практических предпосылок и объективных основ процесса абстракции».¹ Правовая форма общественной жизни содержит много разнокачественных объектов, определяющих содержательную сторону производных от их категорий. Но для решения проблемы критериев существенное значение имеет не столько разность, сколько общность определенных характеристик, причастных к природе любого субъекта научного познания.

Одной из таких важнейших характеристик является социальная проблемность объекта, функционирование которого в структурах правовой системы – не что иное, как форма участия в обеспечении и развитии потребностей и интересов общества. Более того, основные причины возникновения проблемного объекта лежат за пределами правовой надстройки, а его проблематика вытекает из коренных, в первую очередь экономических проблем. Изучение социальной первоосновы правовых явлений в ее конкретных формах – важный шаг теоретического познания. В этом плане справедливо мнение авторов, обосновывающих необходимость исследования материала трех слоев практики: а) практики законодательной; б) практики примене-

¹ Лазарев Ф.Б. Обоснование абстракции как методологическая проблема //Философские науки, 1986, № 4. С. 55.

ния норм права; в) широкой и глубокой практики жизни общества.¹ Такой многоаспектный подход значителен тем, что позволяет познать специфику проявления объективных закономерностей общества в правовой сфере, преодолеть ограниченность формально-юридического метода изучения правовых явлений, определив их функциональные зависимости, причинно-следственные связи с социальными потребностями и интересами, комплексом проблем по их удовлетворению и развитию.

Правовая наука теснейшим образом связана с динамикой и структурой потребностей и интересов общества. Она не может априорно конструировать элементы правовой формы и навязывать их социальному движению. Ее задача в том, чтобы глубоко и всесторонне осмыслить содержание назревших экономических и других социальных требований, подлежащих выражению в праве или удовлетворению через право, и переложить их на язык собственно юридических норм. Выполнение данной задачи методологическими средствами исключительно юридической науки маловероятно. Именно из этого вывода проистекает мысль о целесообразности введения в научный оборот правоведа социальных категорий, выполняющих правопознавательные функции. Правовая наука не должна ограничиваться применением сугубо правовых понятий и категорий. Поскольку проблемы исследования социальной сферы, в которой формируются право и правовые нормы и к которой обращены их функции, также являются составной частью предмета правоведа, то в определенных пределах форма участия правовой науки в разработке не юридических понятий необходима.

Правовое познание должно охватывать и социальное движение, и облекающую его правовую форму в интересах обеспечения их оптимального соответствия друг другу. Органический сплав правовых и иных социальных знаний позволит свести природу, свойства, социальную проблематику специфических объектов правовой надстройки к базисному

¹ См.: Научные основы советского правотворчества. М., 1981. С. 60-61.

основанию через опосредствующие звенья, составляющие в единстве сложный механизм правообразования.

Таким образом, в познании сущности процесса формирования правовых объектов значительная познавательная и методологическая нагрузка ложится на фундаментальную категорию правообразования. Она не является сугубо правовой, хотя в ее объем входит в качестве одного из важнейших смысловых элементов категория права как социально-нормативный феномен. Содержание этой абстракции нуждается в дальнейшем углублении и конкретизации. Основы для успешной ее разработки уже заложены в трудах философов, экономистов, юристов. В частности, обозначена связь правовых явлений с потребностями как первоначальной формой практического выражения социальной необходимости.¹

В реальной жизни механизм правообразования существует как предметная необходимость, приводящая в движение другой, не менее важный для теории и практики механизм образования и развития правовых понятий, категорий. Изолированное рассмотрение каждого из них целесообразно лишь на определенном этапе развития правовой науки. Только целостный взгляд, охватывающий как природу, так и закономерности взаимодействия обоих процессов, способен продвинуть научное познание ближе к истине. И наоборот, познание будет ограничено в возможности проникнуть в сущность процесса формирования правовых понятий и категорий, если мысль будет абстрагироваться как от явлений правовой действительности, так и от изучения глубинных факторов, предопределивших их возникновение, характер и социальное назначение. «Правовые отношения, – писал К. Маркс, – так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа,

¹ См.: Рабинович П.М. Укрепление законности – закономерность социализма. Львов, 1975. С. 55-56; Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1973. С. 119; Степанян В.В. Механизм выражения интересов в социалистическом праве//Сов. гос-во и право, 1982, № 5. С. 52-60.

что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях».¹

Другой важнейшей характеристикой правопознания является степень достаточной развитости объекта, без которой, как правильно заметил В.П. Казимирчук, невозможно применение метода восхождения от абстрактного к конкретному.² Аморфное состояние объекта, лишенное отчетливых качественных определенностей, служит в лучшем случае материалом для констатации подобного его состояния. Обращенность научного познания к нему нецелесообразна ввиду того, что оно во многом бессильно выразить языком логики его несложившуюся сущность. Интересы науки и практики правового регулирования требуют изучения и анализа в первую очередь зрелых явлений с достаточно ясно выраженными внутренними противоречиями и внешними формами. Только тогда правовая наука сможет установить основные предпосылки и условия, вызвавшие объект к жизни, его истинную природу, главные параметры его влияния на систему социальных связей, перспективы дальнейшей эволюции. Объект, достигший достаточной степени развитости, должен определиться в качестве относительно автономной системы, регулярно воспроизводящей присущие ей специфические свойства. Лишь тогда он выразит себя вовне как явление, наделенное рядом устойчивых и ясно обозначенных признаков и черт. «Правовая развитость» объекта есть не что иное, как зрелость или совершенство правовой формы социальных процессов.

Сущность, основные характеристики правовой развитости теоретически постижимы лишь через познание механизма взаимодействия правовых явлений с общественными отношениями.

Развитой правовой объект, во-первых, достаточно глубоко отражает существенные характеристики зрелых общественных отношений, основные условия их нормативно-правовой реализации; во-вторых, поскольку качество и уровень отражательной способности объекта всецело зависят от со-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6.

² См.: Казимирчук В.П. Право и методы его изучения. М., 1965. С. 75.

стояния внутренней организации его элементов, развитой правовой объект представляет собой организованное целое с определившимися структурой и содержанием; в-третьих, развитой правовой объект – это активно функционирующий, обладающий способностью оптимально полезного воздействия на содержание общественных отношений, на которых базируется его собственная жизнеспособность. Через функциональные проявления можно судить о том, насколько глубок уровень отражения объектом потребностей и интересов общества, какова его специфическая природа и заключенная в ней степень развитости. Очевидно, что для получения объективно-истинной оценки потребуется применение критерия нормативно-правовой эффективности.

Функция правовой науки и состоит в том, чтобы внешние проявления объекта свести к его внутреннему движению, через логическое обозначение сущности которого возможно прийти к познанию связей объекта с правовыми и общесоциальными закономерностями, определяющими его природу и жизнедеятельность.¹ Такое проникновение познания вглубь возможно, если предметом его является развитой объект, внешняя форма которого приобрела рельефность, характерные черты и признаки которой устойчивы и инвариантны. История правовой науки показывает, что процесс формирования правовых понятий и категорий не всегда исходит из объекта, воплощающего «классический тип» высокой степени развитости. Им может быть объект, претерпевающий этап своего становления. Для научных исследований достаточно, чтобы он определился в главной своей сущности, даже если формирование его далеко от завершения.

Предметом правового осознания является не только проблемный, развитой, но и качественно новый объект правовой реальности. Эта общая характеристика применима к

¹ Любой объект, в том числе и объект правовой действительности, проявляется как система определенных внешних признаков. К. Маркс писал: «...если бы форма проявления и сущности вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишней...». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. II. С. 235.

правовым явлениям, ранее не существовавшим в правовой сфере, или к тем, что появились сравнительно давно, но научному анализу ранее не подвергались. Через обновление нормативной части права идет процесс перестройки правовой действительности в целом.

Новые явления возникают в одном из трех блоков правовой жизни в правотворчестве, собственно в правовой системе, механизме правового регулирования. Разнообразие существующих правовых объектов отражает разнокачественность социальной сферы. Благодаря подобному соответствию правовая система находится в состоянии гомеостатического равновесия с окружающей ее социальной средой. Качество есть то, что отличает один объект от другого. И оно неотделимо от сущности. Познание сущности приводит одновременно к глубокому пониманию качества. Разнокачественная природа правовых объектов является первоосновой возникновения различных по содержанию правовых понятий и категорий.

Может быть и так, что если предлагаемая правовая категория недостаточно обоснована предметно (на реальных жизненных процессах) и логически, не соответствует императивным требованиям развитости и качественной новизны, то она не может быть введена в научный обиход, поскольку ее внутреннее строение и смысловое содержание, будучи лишены отправных предметных начал, исключают возможность опираться на какой-либо другой источник, кроме движения мысли автора.

Разработка методов оценки сущностного правового знания не должна ограничиваться общими характеристиками объекта, не учитывая особенностей проникновения познания в глубь его природы, своеобразия методов умственной деятельности над эмпирическими данными и специфики выражения ее результатов в соответствующих логических формах. Правовая категория не может возникнуть на стадии первоначальной обработки материала практики, хотя и здесь исследовательской мысли подвластно установить вплетенное в пеструю ткань индивидуальных признаков нечто об-

щее, нуждающееся в самостоятельном определении. Категория не может воплощать в своем содержании какую-либо одну частную сторону явления, поскольку она есть синтез многих определений, а значит, представляет по форме сложную, концентрированную мысль о сущности многообразного. Достигнуть подобного зрелого состояния непросто. Формирование правовой категории – процесс многотрудный, диалектически сочетающий в себе динамические и статистические моменты, отражающие сложную работу мысли по исследованию явлений правовой действительности.

Правовая категория представляет собой особую форму мышления, фиксирующую глубокий познавательный результат. Она есть узловой пункт, средоточие информационных данных о сущности, различных сторонах и свойствах изучаемого объекта. Совокупность существующих правовых категорий образует стройную информационную систему и систему накопленного знания в науке. Она находится в состоянии движения и трансформации на различных структурных уровнях правовой теории, поскольку стремится к адекватному отражению развивающейся правовой действительности.

Всесторонность, полнота, объективность результатов научных исследований, правильная интерпретация нетипичных случаев юридической практики, соответствующие обобщения, приводящие к образованию абстракций категориального порядка, возможны лишь при подключении к процессу поиска принципов, средств и приемов передовой методологии. Механизм образования и совершенствования правовых понятий должен базироваться на основных мировоззренческих позициях марксистско-ленинской философии, вобравшей в себя достижения естественных и общественных наук, обширный социальный опыт предшествующих эпох. Его действие означает, по существу, последовательное, конструктивное воплощение разработанного К. Марксом метода восхождения от абстрактного к конкретному в содержании научно-исследовательской работы и ее результатов.

Абстрактная деятельность как орудие проникновения научной мысли в глубинные механизмы и структуры правовой действительности, в процессе которой возможно формирование новой правовой категории, должна последовательно пройти в своем движении два этапа. Первый этап связан с процессом аналитической обработки исходных данных правовой реальности. Полученные выводы обобщаются и используются в уточнении и развитии, а также образовании частных и отраслевых понятий. Здесь же конструируются логические модели правовых объектов, вырабатываются варианты гипотез. Эти разносторонние разработки в большей части производятся средствами отраслевых наук на уровне частного и особенного в правовых явлениях с целью получения частного знания «среднего» уровня. Частное и особенное, отлагаясь в содержании соответствующих отраслевых понятий, приобретают отчетливое, логически оформленное выражение.

Обязательность первого этапа очевидна, и без его познавательных результатов абстрактная деятельность не сможет осуществить прохождение второго важного этапа, на котором фундаментальные обобщения приводят к образованию правовых категорий, фиксирующих содержательные компоненты общего. Содержание и структура отраслевых знаний создают тот своеобразный фон, отражающий многообразие частного и особенного, в который вкраплен «скелетный» силуэт общего. Общее выражает глубинные закономерности правовой действительности, ее главные моменты. Особенное материализует модифицированные проявления этих закономерностей, обуславливающих индивидуальную природу единичных правовых явлений. Поскольку мысленное постижение существенно-закономерного невозможно иначе, как через уяснение разницы между общим, особенным и частным в правовой действительности, правовая теория обязана опираться в своих исследованиях на основные выводы отраслевых наук и на их понятийные аппараты. Только при этом условии она сможет логически вычленить это общее, всесторонне осмыслить и возвести его в ранг правовой кате-

гории. И наоборот, предлагаемая правовая категория, лишенная развитой предметной связи с этими «строительными» основами, является псевдонаучной и вводить ее в научный оборот, следовательно, нельзя.

Рассмотрение процесса формирования правовых категорий в «вертикальном срезе» исследования способствует не только выработке упомянутого выше критерия. Выявленная взаимосвязь между общим, особенным и частным в правовой действительности фактически является основным каналом выхода существенно-закономерных знаний в сферу социально-правовой практики. Утверждение, что «выводы теории государства и права прямо служат практике», может быть принято с определенными уточнениями. При этом нужно учитывать диалектику общего, особенного и частного в строении правовой материи и в познании. На практике общетеоретические построения проверяются только через действие правовых норм, повернутых «вовне», в «социальную действительность права».¹ Конкретное изучение механизма их действия и нормативной эффективности обогащает вначале теоретический и методологический арсенал отраслевых наук, и это движение на первом этапе впоследствии позитивно отражается на содержании главных концепций правовой теории и ее понятийном аппарате.

Подчеркивая естественную направленность хода научной мысли от частного к общему через особенное, всю важность производимых отраслевыми науками кардинальных разработок, не следует забывать и о теоретико-методологическом значении самой теории права. «Чем фундаментальнее ее теоретические обобщения и формулы, тем ценнее он в теоретико-прикладном плане и тем активнее наука выполняет теоретико-методологическую роль в системе правоведения».²

Огромная масса правовых знаний, проходящая через чистилище общетеоретической мысли, обобщается в части

¹ Зиманов С.З. Правовая наука: сфера и предмет // Сов. гос-во и право, 1982, № 10. С. 44.

² Зиманов С.З. Место общей теории права в советском правоведении // Сов. гос-во и право, 1984, № 4. С. 14.

существенно закономерного, классифицируется, кристаллизуется в правовых категориях. Можно сказать, что теория права в виде концепций, классификационных схем, понятийного аппарата представляет средство, используемое для оценки привносимого научными исследованиями материала с целью его систематизации и упорядочения. Научный материал, однако, не всегда легко вписывается в сложившиеся теоретические структуры. Несовместимость познанного со сложившейся правовой теорией доказывает наличие сведений о качественно новых связях и объектах, ранее не вовлекавшихся в орбиту правовых изысканий, и о необходимости расширения рамок теоретической формулы, ее уточнения и развития.

Новые знания могут обогатить классификационный перечень определенного класса правовых явлений, родовая сущность которых познана и отражена в категории, сведениями о новой группе (разновидности) явлений. Если сущность новых правовых явлений не подпадает под содержание имеющихся категорий и выработанных на ее основе классификаций, следовательно, она нуждается в самостоятельном определении.

Более глубокая рациональная обработка данных о генезисе, условиях функционирования, связях и опосредствованиях нового класса явлений, синтез всего существенного в их содержании приведут к образованию новой правовой абстракции тождества. И на ее основе возникнут и станут развиваться не только новые классификационные ряды, но и входящие в ее объем понятия, выделяющие главные структурные элементы правовых явлений, их определяющие свойства, функциональные производные и т. п. В итоге консолидацией понятий будет образована обобщенная теоретическая модель, воспроизводящая объект на высоком существенно закономерном уровне.

Несколько иной представляется оценка теоретических знаний о выявленных типичных сторонах, свойствах и отношениях какого-либо правового объекта. Данный анализ должен производиться с позиции главной (центральной)

категории, духовно воссоздающей образ объекта как целостности, и системы понятий-сателлитов, характеризующих его основные компоненты. Итог почти равнозначен предыдущему. Конкретное правовое знание, не способное расфокусироваться по понятийным ячейкам главной категории, при соответствующих содержательных доработках и уточнениях может приобрести статус изолирующей абстракции, отражающей сущность отдельного компонента правового объекта.

Наибольшее затруднение вызывает оценка генезиса категорий-систем, отражающих природу системных образований правовой действительности. Они представляют собой сложную целостность, внутренняя организация которых включает множество разнокачественных элементов, подсистем, системообразующих связей, свойств и других компонентов. Это является основной объективной причиной того, что категории-системы претерпевают длительный путь своего становления и развития. Для образования категорий-систем нужны определенные гносеологические предпосылки. Они появляются в результате выработки комплекса зрелых правовых знаний о тех объектах, которые являются основными элементами системы. Зрелые правовые знания имеют глубокие и разносторонние отраслевые разработки, а также широкие обобщения, произведенные на существенно-закономерном уровне. К знаниям о природе внутренних элементов обязательно должны присовокупиться данные о системообразующих связях, свойствах и сущности самой системы, не сводимой к природе отдельных ее элементов. Только при этих условиях возникает понимание того, что познание уже вышло за пределы прежних научных представлений и движется в новом направлении – к выработке теоретического взгляда нового уровня и качества. Подобный диалектический скачок в правовом сознании имеет место и в наши дни, и знаменует его появление категория «правовая система». «Сегодня в правовой науке, – пишут В.Н. Кудрявцев и А.М. Васильев, – создалась ситуация, когда аналитические разработки перешагнули через наличные теории (ведь понятие, по существу,

есть развивающаяся теория). Поскольку наличный аналитический материал уже не укладывается в существующие теории, потребность синтеза необходимо ведет к новой теории (понятию), более адекватно обобщающей данные анализа». Данная мысль отражает суть общей закономерности зарождения правовых категорий-систем и потому представляет собой оценочный масштаб, который можно использовать в период перехода к новым системным образованиям в правовой теории.

Синтез, приводящий к образованию категорий-систем, не является простым, механическим суммированием истин. Как функция логического обобщения, он создает качественно новый сплав правовых знаний, в котором высокий уровень отражения правовой действительности достигается путем органического сочетания прежде сложившихся теоретических представлений с выводами, полученными в результате творческой переработки материала практики о сущности, определяющих сторонах и свойствах системного образования.

Аналогичные подходы, приводящие познание к новым правовым воззрениям, должны определиться и при необходимости образования категорий, объясняющих определенные правовые процессы. Нельзя выразить сущность процесса, не зная природы элементов и характера связей между ними, обуславливающих его протекание. Например, сущность общеизвестного механизма правового регулирования смогла приобрести адекватную теоретическую интерпретацию лишь после того, как были познаны основные качества и свойства его внутренних элементов, установлен способ их взаимодействия в процессе интеллектуально-волевого содержания правовых норм к предметной основе правоотношений и от них к социально-правовым результатам.

На фоне гносеологических трудностей формирования правовых категорий-систем, категорий-процессов несколько спорным выглядит утверждение В.М. Сырых о том, что «в правовой науке понятия создаются не только путем отражения реально существующих явлений и процессов», но и в ре-

зультате «логического развития правовых идей, принципов, лежащих в основе права в целом».¹ Не понятия выводятся из принципов, а, наоборот, принципы из понятий. Не опираясь на познанные характеристики явлений, входящих в предмет правовой науки, сформулировать объективные по содержанию принципиальные идеи представляется маловероятным. Двигаться же от обезличенных идеологических «сгущений», какими являются принципы, к созданию нового конкретного правового понятия – занятие непроизводительное. Другое дело, что абстрактное мышление, вооруженное более совершенными познавательными инструментариями, способно возводить новые логические построения, направленные на уточнение, расширение и развитие старых идей. Однако создавать при этом новые категориальные понятия крайне затруднительно, если вообще возможно. Мышление не может творить предметный мир, тем более его образ, в отрыве от него.

Вполне обоснованно отмечает А.М. Васильев, что «рождение новой категории в теории права выступает как эквивалент в содержании теоретических представлений о правовой действительности».²

В системе общей теории права функционируют и категории-законы, отражающие специфические закономерности бытия правовой действительности, взятой в целом. Они – понятия самого высокого уровня обобщения, содержат «уплотненное внутри себя» ядро целостного знания. О закономерностях правовой системы, о их роли и месте в ней Д.А. Керимов уместно отмечает, что «до тех пор, пока наши представления о политико-правовых явлениях не возвысились над их единичными проявлениями, предпринятое исследование может носить характер, выражаясь языком И. Канта, «систематического искусства или экспериментального учения», но никогда не достигнет научного уровня познания».

¹ Сырых В.М. Метод правовой науки (основные элементы, структура). М., 1980. С. 19.

² Васильев А.М. Правовые категории... С. 142.

Фиксируя многогранную сущность объектов правовой надстройки и находясь в определенных связях и отношениях друг с другом, правовые категории образуют теоретическую основу для продуктивного анализа правовых закономерностей. Действительная функционирующая закономерность существует как «отношение сущностей или между сущностями».¹ В гносеологическом аспекте это, ставшее классическим, положение характеризует связи и отношения, сложившиеся между правовыми категориями. Однако считать, что рассматриваемые в системном единстве правовые категории уже сами по себе очерчивают сущность правовых закономерностей, неправомерно. Они содержат не сам факт существования закономерностей, а методологическую потенцию для достоверного их познания. Глубокое знание сущности объектов правовой действительности является первой предпосылкой плодотворных научных закономерностей права. И такая предпосылка в виде развитого понятийного аппарата и разнообразного методологического инструментария заключена в фондах современной правовой науки.

Выявленная правовая закономерность должна быть выражена собственными, адекватными ей понятийными средствами. Необходимость подобного логико-понятийного оформления диктуется специфическими свойствами самой закономерности как устойчивой, повторяющейся, необходимой связи явлений правовой действительности. Сформулированная в виде определенного закона, познанная закономерность должна быть соответствующим образом обоснована теоретически и доказана практически. Только в этом случае она может нести самостоятельную познавательную и методологическую нагрузку в системе правовых категорий. Обоснование категорий-законов должно базироваться на узловых моментах, коренящихся в самой природе правовых закономерностей.

Совершенствование методологического инструментария всегда производилось благодаря тесному взаимодействию его элементов с «живым» процессом познания материала

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 138.

практики, формирующим правовые понятия и категории. Опыт подобного взаимодействия дает достоверные знания об условиях наиболее эффективного применения основных принципов и методов реализации правовых норм, а вместе с тем и конечных социальных результатах, оказывающих обратное воздействие на все накопленные знания.

РАЗВИТИЕ СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК НАЦИОНАЛЬНОЙ ФОРМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

70-летие Великой Октябрьской социалистической революции совпало с перестройкой, развернувшейся по всей стране и направленной на коренное обновление всех сфер жизни советского общества на путях ускорения его социально-экономического развития. Принципы, заложенные в содержание перестройки и проводимые в ее рамках, имеют громадное значение для данного и будущих этапов развития советского общества и социализма как самоутверждающейся политической системы. Этот масштабный процесс, имеющий революционный характер, осуществляется в многонациональном союзном государстве, где живут, трудятся и строят новое общество представители многих национальностей, говорящих на разных языках, отличающихся самобытной культурой и традициями, объединенных единым марксистским мировоззрением, общими целями, братскими узами и идеологией социалистического интернационализма. Национальности в СССР, составляющие в своей численности 95% населения, имеют свою государственность и автономные образования. Их сеть составляет советскую федерацию, высшей формой которой является Союз Советских Социалистических Республик, включающий 15 союзных республик. Все это является организационно-структурной основой советского национально-государственного строительства.

Сбылись ленинские идеи и предначертания о роли и месте самоопределения наций на базе Советской власти в строительстве и развитии социалистического общества и в укреплении интернациональной дружбы народов как важнейшей социально-политической его основы и одновременно как

главное условие развития и расцвета каждой нации. Каждая нация должна получить самоопределение, указывал В.И. Ленин на заре Советской власти, и это будет способствовать «самоопределению трудящихся»,¹ понимаемое как «полное освобождение труда от ига капитала» и другой угнетательской системы. Добиться этого возможно только на путях «самого полного доверия, самого тесного союза между трудящимися разных стран, разных наций».² Укрепление и углубление тесного союза между социалистическими нациями привели к образованию новой многонациональной общности – советского народа, - олицетворяющей высокий качественный этап развития межнациональных отношений в СССР.

Вместе с тем, как указывалось на XXVII съезде КПСС, «наши достижения не должны создавать представления о беспроблемности национальных процессов. Противоречия свойственны всякому развитию, неизбежны они и в этой сфере. Главное – видеть постоянно возникающие их аспекты и грани, искать и своевременно давать верные ответы на вопросы, которые выдвигает жизнь».³ Это относится к национально-государственному строительству, непосредственно связанному с национальными отношениями.

Одним из важных теоретических вопросов, выдвигаемых практикой развития советского многонационального государства на современном этапе, является вопрос о влиянии тенденции укрепления союзных и автономных республик на национальную форму государственности. Известно, что по мере продвижения общества к коммунизму еще больше возрастает экономический и духовный потенциал советских республик и их вклад в ускорение социально-экономического развития страны. Этот объективный процесс сопровождается дальнейшим упрочнением самих республик.

А как он отразится на национальной государственности, ее форме, структуре и содержании?

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 161.

² Ленин В. И. Полн. сбор. соч. Т. 40. С. 43.

³ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 53.

В подходе к этому вопросу в литературе наметилось несколько направлений. Одни исследователи говорят о «постепенном затухании» национального в национальной государственности и о возможности исчерпания ее функции в обозримом будущем.¹ Другие в своих публичных выступлениях и официальных рекомендациях ратуют, наоборот, как будто за укрепление советской федерации - Союза СССР - путем структурного ее совершенствования и предлагают сделать это, упразднив союзные республики и преобразовав их в автономные, или упразднив те и другие.² Получило распространение мнение о том, что советская национальная государственность в процессе развития уже утратила свой национальный признак и по форме превратилась в многонациональную административно-политическую структуру.³

В данной статье нами рассматривается группа вопросов, связанных с динамикой развития союзной республики как национальной формы советской государственности, о сдвигах, происшедших в ее содержании под влиянием процесса интернационализации жизни общества, в том числе его политической структуры, о значении и оценке этих изменений, а также об основных признаках, присущих союзной республике на современном этапе ее развития. Рассмотрение этих вопросов имеет значение как для более эффективного использования внутренних возможностей союзной

¹ «Взаимная ассимиляция наций, — пишет П.Г. Семенов, — по сути дела, денационализирует национально-территориальные автономии и даже союзные республики, приближая и с этой стороны советское общество к пункту, за которым государственно-правовое слияние наций станет делом обозримого будущего». (Программа КПСС о развитии советских национально-государственных отношений // Советское государство и право, 1961, № 12. С. 25).

² Такие предложения вносились в ходе обсуждения проекта Конституции СССР 1977 года. (См.: Брежнев Л.И. О проекте Конституции (Основного Закона) СССР и итогах его всенародного обсуждения. М., 1977. С. 11).

³ По мнению Г.И. Литвиновой, национальная государственность в СССР есть государственность «всего многонационального населения, проживающего на территории той или иной союзной либо автономной республики». (В кн.: Проблемы истории государства, права и политических учений. М., 1974. С. 40).

республики, так и для умножения и увеличения ее вклада в народнохозяйственное и политическое развитие страны в современный период.

Союзная республика – наиболее высокая форма советской национальной государственности. Она является высшей степенью структурного построения системы национально-государственных образований в СССР. Соответственно своей форме она обладает более широкими прерогативами и политико-правовым статусом. В форме союзной республики самоопределились наиболее значительные по компактной численности и по ресурсам нации, социально-экономическое, историко-политическое положение которых обуславливают их вхождение в состав Союза ССР в качестве составляющих его субъектов. В момент образования союзных республик в каждой из них все население насчитывало не меньше миллиона человек. По данным переписи 1979 г., с населением свыше 10 млн. было 4, от 2 до 10 млн. – 10 республик, только в одной союзной республике проживало около 1,5 млн. человек (табл. 1).

Таблица 1*

Союзная республика	Дата образования автоном. республ.	Дата образования союзн. республ.	В составе имеются		Все население, тыс. чел.			
			автономные респ.	обл. и округа	1955	1961	1970	1971
РСФСР		1917	17	16	87755	110098	117534	137551
Украинская		1917			26230	41340	41869	49755
Белорусская		1919			4330	9046	8056	9560
Узбекская		1924	1			6551	8119	15391
Казахская	1920	1936			5367	6148	9295	14684
Грузинская	1921	1936	2		2436	3612	4044	5015
Азербайджанская	1920	1936		1	1863	3274	3698	6028
Литовская		1940				2925	2711	3398

Молдавская		1940				2468	2885	3947
Латвийская		1940				1886	2093	2521
Киргизская	1926	1936				1528	2066	3529
Таджикская	1924	1929		1		1525	1981	3801
Армянская	1920	1936			782	1320	1763	3031
Туркменская		1924				1302	1516	2759
Эстонская		1940				1054	1197	1466

* Составлена по кн.: Народное хозяйство СССР в 1979 г. М., 1980. С. 10-11; Народное хозяйство СССР. 1922-1972. Юб. стат. ежегодн. М., 1972. С. 10; Численность и состав населения СССР. По данным переписи 1979 г. М., 1984; и другим источникам.

Сегодня в СССР имеется 53 национально-автономных образования разного уровня, только 15 из них являются союзными республиками. К моменту образования СССР было четыре союзные республики, за последующие годы их число выросло почти в четыре раза, что свидетельствует о динамичности этого процесса. В то же время следует сказать, что в течение почти полувека не было образовано ни одной новой союзной республики. В литературе не раз поднимались вопросы о необходимости пересмотра и переосмысления некоторых критериев, которым должны отвечать союзные республики, и о переводе в их ряды, в частности, Татарской автономной республики. Если такое произойдет, то оно будет единичным и исключительным случаем. В практическом плане образование союзных республик можно считать в целом завершенным процессом.

В контексте определения перспективы развития союзной республики как национальной формы советской государственности представляет значительный интерес история и мотивы ее образования.

На всем протяжении истории Советского государства было образовано 17 союзных республик: Закавказская Союзная Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР), созданная в 1922 г., была расформирована в 1936 г., и на ее

базе возникли три союзные республики (Грузинская ССР, Армянская ССР, Азербайджанская ССР), а Карело-Финская ССР была преобразована в 1956 г. в Карельскую автономную республику. По мотивам основания, способам и времени образования союзные республики можно подразделить на несколько групп: одни из них были провозглашены победившей в революции народной массой в 1917 – 1920 гг., другие возникли в процессе социалистического строительства путем преобразования автономных республик в союзные, а третьи – в результате добровольного вхождения в состав СССР некоторых народов со своей государственностью.

Наиболее перспективным с точки зрения пополнения рядов союзных республик является преобразование в них автономных республик. Таких случаев в истории было шесть.

Таджикская ССР была образована в 1929 г. До этого она входила в качестве автономной республики в состав Узбекской ССР. В решении Президиума ЦИК СССР от 12 июня 1929 г., обсуждавшего ходатайство партийных и советских органов Таджикской АССР о преобразовании ее в союзную республику, было записано: «Принимая во внимание, что Таджикская АССР по своему экономическому, национальному и географическому признакам является совершенно обособленной от Узбекской ССР единицей, считать своевременным в целях более успешного культурного развития Таджикистана постановку вопроса о выделении Таджикской ССР и о вхождении ее в Союз ССР как самостоятельной союзной республики».¹ В этом официальном документе обращают внимание два обстоятельства, служившие основанием для преобразования Таджикской автономной республики в союзную.

Первое – это то, что Таджикская АССР, несмотря на пятилетнее пребывание в составе Узбекской ССР, так и оставалась в экономическом, национальном и географическом планах совершенно обособленной от Узбекской ССР

¹ Приводится по кн.: История национально-государственного строительства в СССР. М., 1968. Т. 1. С. 404.

единицей. В этом отрицательную роль сыграло наследие колониальной политики царизма и местных феодальных властей в Бухарском эмирате и Туркестанском губернаторстве, жестко проводивших принцип «разделяй и властвуй». Второе – в качестве главной цели такого образования указана необходимость «успешного культурного развития Таджикистана». Эта формулировка в свое время вызвала в литературе ряд толкований. По нашему мнению, более правильное объяснение было дано в работе Г.И. Литвиновой. Она указывала, что советская национальная государственность на Востоке в тот конкретный период «была призвана сыграть историческую роль в процессе ускоренного развития ранее отсталых народов и подтягивания их до уровня передовых».¹

Преобразование автономных республик в союзные произошло в 1936 г. Оно было связано с победой социализма и качественно значительными сдвигами и достижениями в развитии советского общества и государства вообще, отдельных советских республик в частности. В центральные органы СССР поступило немало предложений и ходатайств местных организаций и отдельных лиц о преобразовании ряда автономных республик в союзные. В некоторых из них предлагалось установить правило, по которому каждая автономная республика по достижении определенного уровня социально-экономического и культурного развития могла претендовать на преобразование ее в союзную республику. Академик И.П. Трайнин, входивший в состав рабочей правительственной комиссии, писал, что эти предложения находятся вне связи с другими важными факторами, и при обсуждении они были найдены необоснованными.² На Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов, на котором была утверждена Конституция СССР 1936 г., закрепившая

¹ Литвинова Г.И. Некоторые вопросы создания и развития советской национальной государственности//Актуальные проблемы истории национально-государственного строительства. Душанбе. 1970. С. 140

² См.: Трайнин И.П. Братское содружество народов СССР. М., 1938. С. 53.

преобразование шести автономных республик в союзные, председатель Конституционной комиссии И.В. Сталин указывал на три основных признака, служивших критериями для такого преобразования. «Во-первых, – говорил он, – необходимо, чтобы республика была окраинной, не окруженной со всех сторон территорией СССР. Почему? Потому что если за союзной республикой сохраняется право выхода из Союза ССР, то необходимо, чтобы эта республика, ставшая союзной, имела возможность логически и фактически поставить вопрос о ее выходе из СССР. Во-вторых, необходимо, чтобы национальность, давшая советской республике свое имя, представляла в республике более или менее компактное большинство... В-третьих, необходимо, чтобы республика была не очень маленькой, чтобы она имела население, скажем, не меньше, а больше хотя бы миллиона».¹

Долгое время в литературе указанные выше критерии, которыми должна определяться союзная республика, считались незыблемыми. Все союзные республики в момент их образования обладали этими признаками. В свое время сам И.В. Сталин подчеркивал, что эти признаки союзной республики имеют силу в «настоящий исторический момент». На практике пока не было отступления от этой старой формулы союзной республики, хотя не было недостатка и в предложениях пересмотреть критерии определения союзной республики. Наиболее оживленную полемику среди ученых вызвал вопрос об этнической структуре союзной республики, а в ней – о месте и роли коренной национальности, давшей ей имя.

Итоги переписи населения 1959, 1970, 1979 гг. дали определенный материал для размышления над этим вопросом. Как было указано выше, в союзной республике коренная национальность должна составлять «компактное большинство». Однако в результате миграции, а также эвакуации населения со временем в некоторых союзных республиках удельный вес коренной национальности снизился и составил меньше половины населения (Казахская

¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 567.

ССР, Киргизская ССР). Возник вопрос, как определять эти республики, считать ли их утратившими главный свой признак с вытекающими отсюда последствиями. Один из видных советских ученых И. Цамерян, признавая обоснованность двух признаков союзной республики – ее окраинное положение и численность населения не менее одного миллиона, – предложил заменить формулировку третьего признака, приняв в качестве этнического определения значительный удельный вес коренной национальности в населении республики.¹ Д.Л. Златопольский несколько иначе подошел к оценке признаков союзной республики. По его мнению, «первый признак – окраинное положение республики – остается совершенно необходимым и в настоящее время, второй – численное преобладание национальности, давшей ей имя, – применяется в практике государственного строительства в подавляющем большинстве случаев., что касается третьего признака, то он в то время (т. е. в 1936 г. – С. 3.) не являлся бесспорным, а в современных условиях тем более».² В качестве аргументов он приводил образование Карело-Финской ССР в 1940 г., когда ее население составляло около 600 тыс. человек, т. е. меньше одного миллиона. К. Коркмасова идет еще дальше, отказываясь признавать жизненность в современных условиях хотя бы одного из официально принятых признаков союзной республики. По ее схеме «окраинное положение» союзной республики, как ее признак, следует заменить понятием «территориальная компактность». Она считала «теоретически и политически необоснованным устанавливать определенный минимум населения»,³ в том числе говорить о «компактном большинстве» коренной национальности в любых формах национальной государственности, включая и союзную республику. «Критериев, – писала она, – а тем

¹ Цамерян И. Советское многонациональное государство, его особенности и пути развития. М., 1958. С. 146.

² Златопольский Д.Л. Государственное устройство СССР. М., 1960. С. 152.

³ Коркмасова К. Национальная государственность в СССР. Ростов-на-Дону. 1970. С. 130.

более правовых норм, предусматривающих конкретные признаки и условия, необходимые для изменения статуса автономной республики в статус союзной, автономной области в АССР или национального округа в автономную область, не существует».¹ Имеются и другие высказывания, опровергающие или подтверждающие указанные положения.

Мы сразу хотим выразить несогласие с утверждением о том, что критериев, или признаков форм национальной государственности, и в том числе и союзной республики, – «не существует». Всякое явление, если оно представляет жизненную реальность и целостность как таковое, имеет свое бытие, отличное от других, и не может не иметь своих определений, признаков и черт, в совокупности характеризующих его как некую конкретность. Если их нет у союзной или автономной республики, то их существование, попросту говоря, является фикцией.

Советская автономия – национальная автономия, не географическое и культурное понятие. Ее генезис и бытие тесно связаны с самоопределением конкретного народа.

Этнический фактор во всех формах национальной государственности был и остается важнейшим и определяющим фактором. Вопросы об удельном весе в составе населения и численности коренной национальности, давшей имя национальной автономии, нельзя рассматривать вне связи и без учета крупных изменений, происшедших в социально-экономической жизни народов, в демографической обстановке населения в каждом отдельном национально-территориальном регионе. Однако, по нашему мнению, существует «критический минимум» в численности коренной национальности, ниже которого национальная автономия перестает быть политико-организационной формой самоопределения этой нации, если сказать точнее, становится формальной. Этот этнический «критический минимум» неодинаков для разных форм советской автономии. Он имеет одну оценку для союзной или автономной

¹ Там же. С. 133.

республики, другую – для автономных областей и округов. Но во всех случаях удельный вес и численность коренной нации, давшей имя автономии, должны быть такими, какие необходимы для эффективного осуществления действительного самоопределения независимо от доли и численности в этнической структуре населения республики. При этом «мера» и «возможность» национального самоуправления, фактическая осуществимость выступают важнейшими критериями. Самоуправление нации – не самоцель. Оно должно служить ее развитию и самовыражению, реализация которых во многом обусловлена не только социально-политическими условиями, но и внутренними возможностями самой нации. В этом плане важна не только и не столько фиксация наличия этнической группы в регионе, сколько учет ее реальной силы и возможностей самоуправления.

В литературе высказывалась мысль о том, что союзные и автономные республики как государственные формы национального самоуправления уже теряют или даже потеряли свой престиж.¹ При этом авторы ссылаются на два обстоятельства: на растущий процесс интернационализации всех сфер общественной жизни, в том числе и в области национально-государственных отношений, и на рост «отходничества» коренных национальностей из своих республик, о чем якобы свидетельствует то, что многие их представители живут за пределами республик.

Такова ли на самом деле сегодняшняя реальность? При ближайшем рассмотрении эти доводы оказываются несостоятельными. Как это видно из табл. 2, основные этнические массивы коренных национальностей союзных республик проживают в границах своих республик. Причем, по данным переписи 1979 г., они составляют не менее одного миллиона

¹ По мнению П.Г. Семенова, в результате роста интернационализации национально-государственных отношений интерес нации к своей республике «неизбежно также должен испаряться, пропадать». (Программа КПСС о развитии советских национально-государственных отношений//Советское государство и право, 1961, № 12. С. 25).

человек в 12 союзных республиках их число превышает 2 млн. чел. Действительность такова, что престиж союзных и автономных республик и других форм национальной автономии не падает, остается стабильным и прочным. Это объясняется, во-первых, исторической ролью советских автономий в строительстве социализма, в расцвете наций и укреплении национальных и межнациональных отношений; во-вторых, тем, что советская федерация и входящие в нее республики обладают еще крупными организационно-политическими внутренними возможностями, которые используются в интересах совершенствования социалистического общества и дальнейшего развития национальных отношений в нем.

Что касается «отходничества» коренных национальностей из своих республик, то такого явления, связанного с падением интереса к своей национальной государственности, не существует. Действительно, в пяти республиках за 1959 – 1979 гг. произошло совершенно незначительное уменьшение процентной доли лиц коренной национальности, проживающих в границах своих республик (табл. 3). Это объясняется не столько какими-то устойчивыми и развивающимися явлениями «отлива» или «отходничества» коренных национальностей из своих республик, сколько обычным и закономерным движением и перемещением населения, которое было во все времена. Важную роль в этом сыграло перераспределение рабочей силы, освоение новых экономических районов и ресурсов.

Характерно то, что абсолютное большинство населения коренных национальностей проживало и проживает в пределах своих республик, причем их количество постоянно растет. Есть отдельные исключения, связанные с обеспечением трудовыми ресурсами новых районов освоения. Так, в связи с расширением и развитием нефтедобывающей промышленности в Западной части Казахстана в 60 – 70-е годы часть казахских семей переселилась из соседней Туркменской ССР. Точно так же в годы освоения новых пустынных территорий под хлопок в Узбекской ССР наблюдался прилив узбекских семей из соседних республик.

**Национальности союзных республик
и их распределение, тыс. чел.***

Коренная нац-ность республики	1926		1959		1970		1979	
	Проживают		Проживают		Проживают		Проживают	
	всего в СССР	в своей респ-ке	всего в СССР	в своей респ-ке	всего в СССР	в своей респ-ке	всего в СССР	в своей респ-ке
Русские	77791	74072	114114	97864	129015	107748	137397	113522
Украинцы	31195	23219	37253	32158	40753	35284	42347	36489
Белорусы	4739	4017	7913	6532	9052	7290	9463	7668
Узбеки	3989	3475	6015	5038	9195	7725	12456	10569
Казахи	3968	3713	3622	2795	5299	4234	6556	5289
Грузины	1821		2692	2601	3245	3131	3571	3433
Азербайджанцы	1713		2940	2494	4380	3777	5477	4709
Литовцы	41		2326	2151	2665	2507	2851	2712
Молдаване	279		2214	1887	2698	2304	2698	2526
Латыши	151		1400	1298	1430	1342	1439	1344
Киргизы	763	661	969	837	1452	1285	1906	1687
Таджики	981		1397	1051	2136	1630	2898	2237
Армяне	1568		2787	1522	3559	2208	4151	2725
Туркмены	764	720	1002	924	1525	1417	2028	1892
Эстонцы	155		989	893	1007	925	1020	948

* Составлена по данным.: Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юб. стат. ежегодн. М., 1977. С. 41; Народное хозяйство СССР 1922-1972 гг. Юб. стат. ежегодн. М., 1972. С. 31, 499 – 682, 685 – 770. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XVII. М., 1929. С. 38 - 42; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1962. С. 18-187, 202-210; Всесоюзная перепись населения 1970 г.: Сб. ст. М., 1976. С. 200-201; Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1980. С. 27-30.

Территориально-этническая компактность коренных национальностей особенно характерна для союзных республик среди всех форм автономных образований. Как видно из табл. 4, в 13 союзных республиках представители коренных национальностей составляют 80% и выше от их общего числа по стране в целом. Это, безусловно, является одним из важнейших этнических признаков союзной республики на современном этапе ее развития.

При характеристике союзной республики как национальной формы советской государственности одним из определяющих критериев выступает удельный вес коренной национальности в составе всего ее населения. В течение длительного времени считалось, что он должен быть не менее половины населения. Этот критерий соблюдался при образовании союзной республики. Некоторое «отступление» от этой «нормы» наблюдалось лишь в отдельные периоды в некоторых союзных республиках в связи с их комплексным народнохозяйственным развитием, вызвавшим значительное перемещение населения. Так, только в двух союзных республиках – в Казахской ССР и Киргизской ССР – коренные национальности, по данным переписи 1979 г., составляют меньше половины населения – соответственно 36,0 и 47,9%. Но, видимо, это явление носит временный характер. В последние три десятилетия наблюдается тенденция роста процента коренной национальности. Так, в Казахской ССР, на которую в качестве примера часто ссылаются авторы, когда хотят показать отрицательный баланс в численности коренной национальности, происходит стабильный процесс увеличения их удельного

веса. В 1959 и 1979 гг. казахи составляли соответственно 30,0 и 36,0%.

По подсчетам, к концу 1987 г. удельный вес казахов в населении республики возрастет до 40%. Таким образом, нет сегодня основания прибегать к каким-то выводам о приближении «критического минимума» в численности коренной национальности, за которым вопрос о союзной республике как форме национальной государственности приобретает проблематичный характер. Что касается Киргизской ССР, то в ней численность киргизов, по новым данным, сегодня уже составляет не менее половины населения.

Правда, в шести союзных республиках за 1959 – 1979 гг. удельный вес представителей коренной национальности несколько снизился. Но это в большинстве случаев является обычным явлением, характерным для развития, и совершенно не повлияло на их «компактное большинство» в республиках. При этом, однако, нельзя не заметить падающий баланс в Литве и Эстонии – их удельный вес между переписями 1959 – 1979 гг. снизился соответственно на 8,3 и 9,9%, хотя они продолжают составлять более половины жителей.

Таблица 3

Доля представителей коренной национальности союзных республик, проживающих в пределах своих республик

Коренная национальность республики	Из общего числа в СССР проживали в своих республиках, %		Рост в 1979 г. по сравнению с 1959 г. составил, %	
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	%
Русские	85,8	83,5	82,6	-3,2
Украинцы	86,3	86,6	86,2	-0,1
Белорусы	82,5	80,5	81,0	-1,5

Узбеки	83,8	84,0	84,9	1,1
Казахи	77,2	79,9	80,7	2,5
Грузины	96,6	96,5	96,1	0,5
Азерб-цы	84,9	86,2	86,0	1,1
Литовцы	92,5	94,1	95,1	2,6
Молдаване	85,2	85,4	85,1	-0,1
Латыши	97,2	93,8	93,4	-3,8
Киргизы	86,4	88,5	88,5	2,1
Таджики	75,2	76,3	77,2	2,0
Армяне	55,7	62,0	65,6	9,9
Туркмены	92,2	92,9	93,3	1,1
Эстонцы	90,3	91,8	92,9	2,6

Таблица 4

Рост концентрации коренных национальностей союзных республик

Коренные националь- ности, проживающие в союзных республиках от общего их числа в СССР	Количество союзных республик		
	1959 г.	1970 г.	1979 г.
55-59 1			
60-69 -	1	1	
70-79 2	1	1	
80-89 7	8	8	
90% и выше	5	8	5

Удельный вес коренных национальностей в союзных республиках

Союзная республика	Удельный вес коренной национальности		Рост в 1979 г. по сравнению с 1959 г.	
	1959 г.	1970 г.	1979 г.	с 1959 г., %
РСФСР	83,3	82,8	82,6	-0,7
Украинская	76,8	74,9	73,6	-3,2
Белорусская	81,1	81,0	79,4	-1,7
Узбекская	62,2	65,5	68,7	6,5
Казахская	30,0	32,6	36,0	6,0
Грузинская	64,3	66,8	68,8	4,5
Азербайджанская	67,5	73,8	78,1	10,6
Литовская	79,3	80,1	80,0	0,7
Молдавская	65,4	64,6	63,9	-1,5
Латвийская	62,0	56,8	53,7	-8,3
Киргизская	40,5	43,8	47,9	7,4
Таджикская	53,1	56,2	58,8	5,7
Армянская	88,0	88,6	89,7	1,7
Туркменская	60,9	65,6	68,4	7,5
Эстонская	74,6	68,2	64,7	-9,9

Если рассматривать этническую структуру населения и ее изменение в союзных республиках в целостном плане, то увеличение или уменьшение удельного веса коренных национальностей в ней является вполне логичным процессом в условиях развития единого народнохозяйственного комплекса и интернационализации всех сторон жизни общества, в том числе и сферы национальных отношений. Вообще

вопрос о «компактном большинстве» коренной национальности не является главным в сути советской федерации и входящих в нее республик и других автономных образований. Он является главным лишь в плане характеристики республик как форм национальной государственности и при определении тенденций их развития. Увеличение или снижение удельного веса коренной национальности в пределах национально-территориальных регионов ни в коем случае не влияет на прогресс самих наций и процесс их всемерного сближения на основе принципов социалистического интернационализма.

В то же время анализ развития этнической структуры союзных республик не дает основания для постановки вопроса о постепенном «затухании» национальной государственности в форме союзной республики. Теоретически и методологически является неверным выхватывание какого-то узкого участка из истории союзных республик и на этом основании строить обобщения об их перспективе как формы национальной государственности вообще.

В контексте сказанного опыт преобразования Карело-Финской союзной республики в автономную имеет важное значение. Вопрос об этом был поставлен самим ходом развития этой республики, в которой удельный вес коренной национальности опустился ниже «порога», допустимого в союзной республике. Причем этот процесс оказался устойчивым и длительным. Этот фактор послужил одной из главных причин преобразования союзной республики. Решение сессии Верховного Совета СССР (1956 г.) о преобразовании Карело-Финской союзной республики в автономную гласило: «Принять во внимание пожелание трудящихся Карело-Финской ССР, и учитывая национальный состав населения, общность экономики, тесные хозяйственные и культурные связи этой союзной республики с РСФСР, постановила удовлетворить просьбу Верховного Совета Карело-Финской ССР о преобразовании ее в Карельскую АССР». Комментируя это решение Верховного Совета СССР, газета «Правда» писала, что национальный состав Карело-Финской ССР за годы ее

развития сильно изменился и удельный вес коренного населения значительно сократился: карелы, финны и вепсы составляют теперь лишь 1/4 всего населения республики, а остальную часть - в основном русские. В результате этого национальная форма республики в виде союзной республики перестала соответствовать национальному составу населения.¹

Другим важнейшим признаком союзной республики как формы советской национальной государственности принято считать ее окраинное положение. Этот критерий в свое время был обоснован конституционным правом выхода союзной республики из состава СССР. Однако в последнее время это положение все больше подвергается критике. Некоторые ученые (О.И. Чистяков, Д.Л. Златопольский и др.) выразили сомнение относительно целесообразности сохранения ее в качестве неперменного признака союзной республики и в необходимости следовать этой формуле при рассмотрении вопроса о новых союзных республиках. Они ссылаются на то, что практика советского национально-государственного развития не знает ни одного случая выхода союзной республики из состава СССР. Если даже допустить теоретически возможность такого случая, то «окраинное положение», или, наоборот, «неокраинное положение» союзной республики не может играть принципиального, решающего значения. В мировой истории были и есть примеры существования государства и в пределах, и внутри других государств. Следует признать, что эти аргументации не лишены здравого смысла.

Мы также считаем, что снятие «окраинного положения» союзной республики как одного из главных ее признаков умножило бы структурный динамизм Советского социалистического федерального союза.

Вопросы о роли и месте союзных республик в общественном разделении труда, об увеличении их вклада в народно-хозяйственное развитие страны в условиях перестройки, в укреплении Союза СССР как содружества социалистичес-

¹ Правда, 1956. 17 июня.

ких наций и интернациональной дружбы народов являются главными в содержании национально-государственного строительства в них. По мере развития Союза ССР в целом и союзных республик как его составляющих произойдут и существенные изменения в политико-правовом статусе и определении форм советской национальной государственности в сторону их интернационализации. Вместе с тем в течение довольно длительной перспективы советские республики будут оставаться организационными формами национальной государственности.

СОДЕРЖАНИЕ

Зиманов С.З.	
РОССИЯ И БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I	
БУКЕЕВСКОЕ ХАНСТВО	
НА «ВНУТРЕННЕЙ СТОРОНЕ» РОССИИ	12
Россия и Младший жуз в конце XVIII – начале XIX в.	12
Образование Букеевского ханства	20
Букеевское ханство: его место в политике русского государства и в истории Казахстана	34
ГЛАВА II	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ	
ЖИЗНЬ БУКЕЕВСКОГО ХАНСТВА	
И ВЛИЯНИЕ НА НЕЕ РОССИИ.....	41
Экономические связи России и ханства	41
Тенденция к оседанию кочевого аула.....	49
Новое в земельных отношениях.....	62
Ослабление патриархально-родовых учреждений и связей населения	75
Расширение торгово-рыночных отношений	80
Социальные отношения и их обострение.....	93
Накал освободительного движения	99
ГЛАВА III	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ХАНСТВА	104
Букеевское ханство как зависимое феодальное государственное образование.....	104
Ханская власть и царское правительство	113
Основные направления в деятельности ханской власти	122

Ханско-султанский дом.....	130
Совет двенадцати биев	133
Аппарат управления при хане	138
Местное управление	144

ГЛАВА IV

ПРОСВЕЩЕНИЕ И КУЛЬТУРА

В БУКЕЕВСКОМ ХАНСТВЕ.....	149
---------------------------	-----

Становление культурных связей России и ханства.....	149
---	-----

Мектебы.....	155
--------------	-----

Школа в Ханской ставке	161
------------------------------	-----

Казахские дети в учебных заведениях России.....	165
---	-----

Оружейная комната	172
-------------------------	-----

Русские исследователи и деятели культуры во Внутренней орде	178
--	-----

Открытие первого врачебного пункта и аптеки в казахской степи	188
--	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	191
-----------------	-----

С.З. Зиманов, И.К. Рейтор

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И СБЛИЖЕНИЕ НАЦИЙ.....	194
--	-----

ВВЕДЕНИЕ	195
----------------	-----

ГЛАВА I

СОДЕРЖАНИЕ И ПОНЯТИЕ СБЛИЖЕНИЯ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЦИЙ.....	203
-----------------------------	-----

Роль экономических, социальных и политических факторов в сближении наций	203
---	-----

Понятие сближения наций в советской литературе	214
--	-----

Некоторые вопросы подхода к понятию «сближение наций».....	228
---	-----

Идейно-политическое, мировоззренческое единство – главное в содержании и структуре сближения наций	244
ГЛАВА II	
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СБЛИЖЕНИЯ НАЦИЙ	252
Идея социалистического федерализма в развитии и сближении наций	254
Федеративная организация единства советских наций.....	288
Сближение советских наций как функция единого союзного многонационального государства	316
Национальная советская государственность и сближение наций	331
ГЛАВА III	
НАЦИОНАЛЬНАЯ СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ СБЛИЖЕНИЕМ НАЦИЙ	360
Управление развитием национальных отношений.....	360
Национальная советская государственность как субъект управления процессом сближения наций.....	371
Основные формы и методы управления сближением наций	382
Национальные отряды рабочего класса в интернациональном единении народов	392
Трудовой коллектив и сближение советских наций	404
Национальная культура и традиции как объекты управленческой деятельности	412
Общее и особенное в деятельности советской национальной государственности по сближению наций	420
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	431

О ЛЕГЕНДАРНОМ АМАНГЕЛЬДЫ	434
С. Зиманов, Т. Буранкулов	
ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ РАЗВИТИЯ СЕТИ ОБЩЕПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ	436
РАЗВИТИЕ СОЮЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК НАЦИОНАЛЬНОЙ ФОРМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	456

Салык Зиманов: Полное собрание сочинений. 10 томов.
Алматы. «Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2009. VI том. - 480 стр.

Руководитель проекта:
Сафинов К.Б., проф., д.ю.н.

Руководитель редакционной коллегии:
Майлыбаев Б.А., д.ю.н.

Члены редакционной коллегии:
Раимханов М.С.
Сембеков М.М.
Мухамбедьярова А.Т.
Толегенов К.Ж.

Корректор Байситова Б.З.

ТОО «Медиа-корпорация «ЗАҢ», г. Алматы,
ул. Х. Досмухамедова, 686, (уг. ул. Карасай батыра),
тел. 8 (727) 292-43-43, факс 8 (727) 292-79-61
e-mail: info@zanmedia.kz
www.zanmedia.kz

Подписано в печать
Формат 60x90 /16 . Гарнитура Times New Roman KZ.
Печат офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ № 047

Отпечатано в типографии ТОО «Алан-2030»
при содействии типографии ТОО «Медиа-корпорация «ЗАҢ»

